

Российская академия наук. Уральское отделение
Южно-Уральский филиал Института истории и археологии
Южно-Уральский государственный университет

Вадим Мосин

Древние охотники Урала

(археология и жизнь)

Челябинск
2010

УДК 903.12
ББК 63.4
М81

В.С. Мосин. Древние охотники Урала (археология и жизнь). – Челябинск, ЦИКР “Рифей”, 2010 – 512 с.

Эта книга о том, как и когда появился человек на Урале, каким он был, как изменялись на протяжении тысячелетий вещи, которыми он пользовался, как обживал он удивительную уральскую природу, во что верил и как понимал суть мироздания. О жизни в древности и о труде археологов, пытающихся понять эту жизнь.

Книга адресована всем читателям, интересующимся древней историей Урала и может быть рекомендована как учебное пособие для преподавателей ВУЗов, колледжей и школ, аспирантов и студентов.

Научный редактор: академик РАН В.И. Молодин
Редактор: член Союза журналистов России А.П. Моисеев

ISBN 978-5-88521-168-0

©Мосин В.С., 2011

©Чесноков В. Н., оформление, 2011

Оглавление

От научного редактора.....	5
Введение.....	9
<i>Глава 1. Откуда мы есть?.....</i>	<i>13</i>
<i>Глава 2. Потому что от камня, или экскурс в историю южно-уральского кремня и яшмы.....</i>	<i>67</i>
<i>Глава 3. От расколотой гальки до медного ножа.....</i>	<i>105</i>
<i>Глава 4. Не камнем единым.....</i>	<i>141</i>
<i>Глава 5. Под крышей дома своего.....</i>	<i>187</i>
<i>Глава 6. Чем жив был древний человек.....</i>	<i>207</i>
<i>Глава 7. Годовые кольца жизни.....</i>	<i>253</i>
<i>Глава 8. Жизнь сообща.....</i>	<i>275</i>
<i>Глава 9. Картинные галереи эпохи камня.....</i>	<i>299</i>
<i>Глава 10. Жизнь Природы и Природа жизни. Духовная жизнь древних уральцев.....</i>	<i>337</i>

<i>Глава 11. Кто они – первые уральцы: финно-угры или индоевропейцы?</i>	385
<i>Глава 12. Загадки истории или исторические параллели</i>	425
Заключение.....	457
Приложение.....	459

От научного редактора

Успехи советско-российской археологии широко известны сегодня в кругах профессионалов и, в значительной степени среди интеллигенции и любителей древностей. Немало замечательных открытий сделано и на Урале. (Следует понимать под этим термином более широкие пространства, прилегающие к собственно горному поясу). К числу достижений мирового класса несомненно относятся верхнепалеолитические изображения Каповой и Игнatieвской пещер, грандиозный комплекс меднодобывающих рудников, объединенных общим названием Каргалы, своеобразная сеть городищ с преимущественно круговой архитектурой эпохи бронзы, погребальные комплексы скифо-сарматской эпохи и многое, многое другое.

Вместе с тем, к сожалению, на голову не профессионалов часто обрушивается поток современного мифотворчества, очень далекого от подлинной науки, созданию которого потворствуют бойкие журналисты, писатели-фантасты, и, к сожалению, порой и сами археологи, выдавая за действительность не факты, а «смелые» гипотезы, порой очень слабо обоснованные и далекие от реальности.

Так возникают современные мифы о походах Александра Македонского на Новую Землю, подземных обитателях Алтая, сакральных центрах в болотах Западносибирской равнины, прародительнице алтайского народа, русских в эпоху палеолита, стране городов в эпоху бронзы и много много чего еще, что

никак не красит наше современное общество, которое как губка впитывает эти и подобные им «Мифы».

В том, что такие явления возникают, и, более того, востребованы в определенных кругах нашего общества, повинен тот глубочайший кризис, в котором оказалась наша Родина в суровые девяностые, поскольку подобные «мутные воды» всегда сопутствуют кризисам. Вместе с тем, в этом виноваты и мы, ученые, мало популяризирующие настоящую науку, подлинные научные открытия, которые каждый год (без преувеличения!) имеют место на просторах Великой России.

На самом деле труд ученого (и археолога в том числе!) дело тяжелое, если им, конечно, заниматься по-настоящему. Работа в поле – скорее рутинная, обработка материала – дело весьма пыльное, золото встречается редко, яркие предметы – тоже не так уж часто. Ученый имеет дело с горами каменных орудий, разбитыми сосудами, костями животных и так далее. Однако за этой повседневной рутинной, за этим, порой каторжным трудом (и не только в связи с физическими нагрузками!), стоят по-настоящему удивительные научные открытия, которые не требуют приукрашивания какими-то мифами о том, чего на самом деле не было; однако от этого их значимость и подлинная ценность ничуть не становится меньше. Важно лишь уметь правдиво и увлекательно рассказать об этих находках и открытиях. Увидеть романтику поиска, в казалось бы обычных археологических объектах, уметь доходчиво поведать читателю о том, что таится за сухими фактами. Иными словами, нужны хорошие, умные научно-популярные книги, и чем больше их будет, тем менее чтимы будут современные мифотворцы.

Именно по этой причине я с удовольствием представляю читателю книгу известного доктора исторических наук Вадима Мосина. Автор предлагаемой Вам книги строго придерживается научных фактов в изложении таких сложных и важных исторических проблем, как первоначальное заселение Урала древним человеком, развитие системы жизнеобеспечения,

эволюция комплексов материальной культуры от раннего палеолита до энеолита. Подробно рассмотрены не только наиболее представительные в раскопках изделия из камня и керамическая посуда, но и такие редкие в археологии артефакты как изделия из кости, дерева и остатки ткани. Вместе с тем, в настоящей работе употребление специальных археологических терминов сведено к необходимому минимуму, оставшиеся же, объясняются в приведенном в Приложении словаре, что значительно облегчает чтение и понимание текста.

Подзаголовок книги – «Археология и жизнь» реализован в нескольких главах, посвященных реконструкции системы хозяйственной деятельности и социальных отношений. Автор предлагает нам, основанные на строгих фактах, реконструкции образа жизни древнего населения Урала, его верований, космологических представлений и обрядов, что делается с полным знанием дела, и самое главное, лишено ненаучных выводов. Значительно «оживляет» текст и органичное переплетение археологических и этнографических данных.

Большой интерес представляет глава, посвященная, пожалуй, одной из труднейших проблем археологии – идентификации комплексов материальной культуры, получаемых в результате археологических раскопок с конкретными народами, говорившими на тех или иных языках. Проблема эта чрезвычайно сложна, ведь для научной реконструкции процесса этногенеза не достаточно лишь археологических данных. Здесь следует использовать наработки этнографов, лингвистов, антропологов, и даже палеогенетиков. Однако, и при таком мультидисциплинарном подходе, проблема эта редко решается однозначно.

Завершает книгу обзор своего рода феноменов, которые так и остаются загадочными для ученых. Для В. Мосина это не повод к мифотворчеству, а серьезные научные проблемы, которые рано или поздно будут решены.

Чрезвычайно важно и то, что книга дает читателю целостное научное представление об археологии каменного века на

Урале и может быть рекомендована в качестве учебного пособия для студентов и аспирантов, преподавателей вузов, колледжей и школ.

Вадим Сергеевич Мосин – активно работающий, как говорится, действующий археолог – полевик. Хотелось бы в заключении этих строк, пожелать ему удачи и новых талантливых книг, в том числе и популярных.

*Академик Российской академии наук,
Лауреат Государственной премии РФ,
В. Молодин*

Введение

*Моим коллегам-археологам, которые
за рутинной археологической
классификацией пытаются увидеть
человеческую жизнь*

Для многих южноуральцев история нашего края ассоциируется с двумя Восемнадцатыми веками. Почему с двумя возникает вопрос? Потому что именно в Восемнадцатом веке на карте России появилась новая обширная губерния, именуемая Оренбургским краем, и на ее территории, в основном, находится ныне Челябинская область, и, конечно, сам город Челябинск. Во-вторых, к Восемнадцатому веку, но уже до нашей эры или, как принято говорить на Западе, до Рождества Христова (В. С. – Before Christ – до Христа) относится ставшее широко известным в последние десятилетия, укрепленное поселение бронзового века, названное по соседней горе Аркаимом, одно из наиболее хорошо сохранившихся и изученных 20-ти подобных поселений на Южном Урале. И далеко не всем известно, что южноуральская история насчитывает не 270 лет, как история Челябинска и городов-ровесников, и даже не 4000 лет как история поселений Синташта, Аркаим и др., а около 300 тысяч лет! Чтобы понять это, нужно открыть нашу историю с первой страницы – с того времени, что мы привыкли называть каменным веком.

Конечно, называть «веком» тот огромный период истории неправильно, но такова уж сила традиций. Время, когда человек использовал камень для изготовления основных орудий труда нужно называть, как минимум эпохой, но еще правильнее было бы сказать словами одного из героев братьев Вайнеров: это даже не эпоха, это – эра в истории человечества. По-

нимание масштабов и значимости этого времени – «утра человечества» пришло относительно недавно.

Более полутора веков назад, работая с коллекциями Копенгагенского музея, датчанин Кристиан Томсен разделил экспонаты на три части по материалу, из которого они были сделаны и, тем самым, положил начало употребляемому до сих пор делению истории человечества на три века: каменный, бронзовый и железный. В 1865 году Джон Леббок предложил каменный век подразделять на древнекаменный – палеолит, когда использовался расколотый и обколотый камень и новокаменный – неолит, в котором технология изготовления орудий значительно усложнилась, вплоть до того, что орудия делали путем шлифования камня.

В дальнейшем эта первоначальная схема все более дробилась, расширялась и уточнялась. Сегодня для большинства территорий Северной Евразии принята следующая периодизация эпохи камня (от наших дней):

ранний палеолит – 2,5 млн. лет назад – 200 тыс. лет назад;

средний палеолит – 200–50 тыс. лет назад;

поздний или верхний палеолит – 50–10,3 тыс. лет назад;

мезолит – 10,3–8 тыс. лет назад;

неолит – 8–5,5 тыс. лет назад;

энеолит – 5,5–4 тыс. лет назад.

Существует еще геолого-стратиграфическая схема, которая делит самый поздний – четвертичный период истории Земли, который еще называют антропогеном, поскольку именно в это время появляется человек, на несколько этапов:

зоплейстоцен – 2,5 млн лет назад – 800 тыс. лет назад;

неоплейстоцен, который делится на:

ранний – 800–375 тыс. лет назад;

средний – 375–130 тыс. лет назад;

поздний – 130–10,3 тыс. лет назад.

Заключительный период в этой схеме – голоцен – от 10,3 тыс. лет назад – до наших дней.

С самых ранних этапов эволюции человека прослеживаются следы коллективной деятельности. На древнейших стоянках изготавливали первые орудия, сюда приносили охотничью добычу и продукты собирательства. Изначально стоянка далеких предков человека – гоминид была местом жизнедеятельности древнего социума, взаимодействия, воспроизводства себе подобных в биологическом и социальном аспектах. Это уже был коллектив, дробящийся на отдельные группы в соответствии с видами и формами взаимодействия, и его уже можно называть общиной.

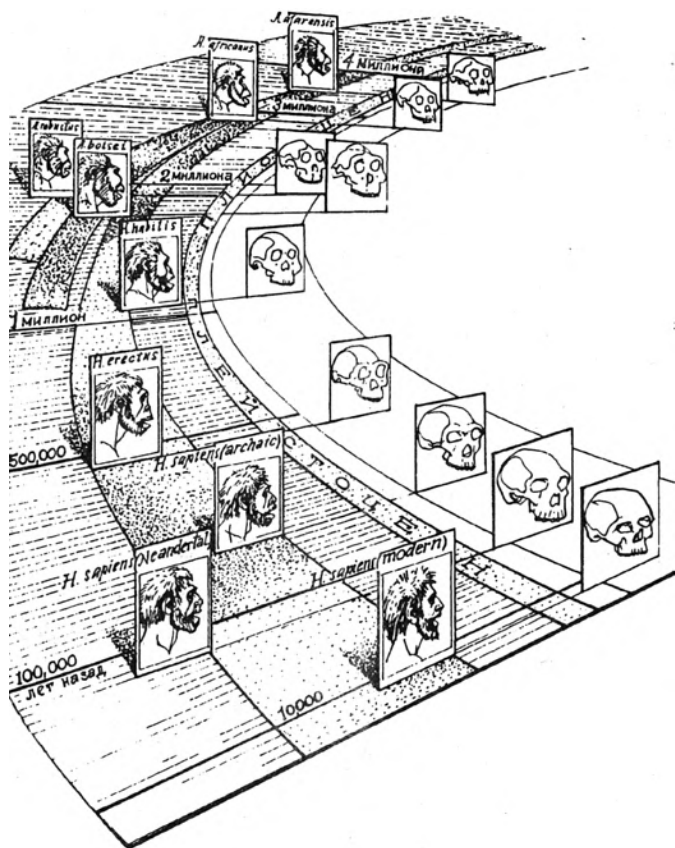
Одним из популярных заблуждений является представление о существовании на ранних этапах истории человеческого общества, такой системы как матриархат – формы общественного устройства, при которой власть в обществе принадлежит женщине. Согласно классическому эволюционизму, самыми известными представителями которого являлись Л.-Г. Морган, Ч. Дарвин и Ф. Энгельс, «матриархальные» общества предшествовали «патриархальным». А поскольку очевидным является тот факт, что присваивающие системы хозяйства, такие как охота, рыболовство и собирательство существовали раньше производящих форм хозяйства – земледелия и скотоводства, то по представлениям эволюционистов, в обществах охотников-собирателей должен был существовать матриархат. Однако, исследования этнографов показали, что среди обществ, находившихся на уровне развития эпохи камня «матриархальных» культур ничтожное меньшинство, более того, «матриархальные» общества встречаются среди более развитых и поздних земледельческих обществ чаще, чем среди охотников. То есть, «матриархата» как первичной системы организации общества вообще не существовало.

Историческая реконструкция социальной структуры обществ прошлого крайне сложна. Этнологам, чтобы понять особенности устройства традиционного общества, нужно, наверное, половину жизни провести внутри этого общества. Для археологов,

имеющих дело с артефактами – материальными остатками жизнедеятельности человеческих коллективов, отстоящих от нас на тысячи лет, это вообще иногда представляется невыполнимой задачей. Как же быть – отказаться вообще от изучения обществ прошлого? Наверно, и это тоже было бы неверно, поскольку, как историки, работающие с письменными источниками, моделируют, как бы восстанавливают исторические события недавнего прошлого, так и археологи, анализирующие данные археологии, антропологии, палеогеографии и других наук, могут моделировать исторические события древности и социумы, в них участвовавшие. Конечно, определения этих обществ будут в большей степени абстрактными, поскольку сами общества для нас недостижимы. Мы можем опираться только на разработки социологов и этнологов, изучающих социумы, находившиеся на стадии эволюции, сопоставимые, например, с верхним палеолитом, мезолитом, неолитом и другими, не такими отдаленными историческими периодами.

Так попытаемся же понять историю жизни наших предков.

Откуда мы есть

Глава 1

Откуда мы есть

Когда наш край был еще безлюдным

История появления человека сложна, запутанна и имеет много пока не заполненных пробелов. На эту тему написано множество книг, поэтому коротко обозначим путь по ветвям древа жизни этого уникального представителя животного мира нашей планеты. Сразу следует подчеркнуть, что человек произошел не от обезьяны, которая взяла в руки палку и стала трудиться в поте лица, добывая себе пропитание. Семейства человекообразных обезьян (понкид) и человеческое (гоминид – от слова Номо – человек) разделились еще около 7 млн. лет назад. Обезьяны так и остались обезьянами (многочисленные опыты некоторых современных ученых сделать из них людей были обречены на неудачу), а некоторые виды из семейства гоминид постепенно эволюционировали в человека разумного, то есть в нас с вами.

Первым в этой эволюционной цепочке антропологи обычно ставят австралопитека, хотя здесь их мнения часто расходятся. Одни считают, что австралопитеки могли быть непосредственными предками представителей рода Номо, другие говорят, что австралопитеки и древние люди – это представители разных родов семейства гоминид, имевшие общего предка. Останки австралопитеков найдены пока только в Африке, поэтому этот континент считается прародиной человечества.

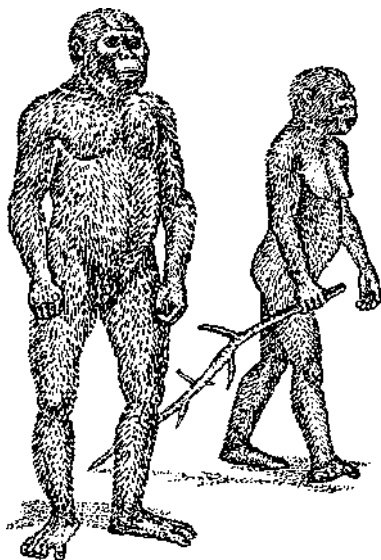
Наиболее древним является австралопитек афарский – «южная обезьяна из Афара» – первый известный нам обезьяночеловек, появившийся около 4 млн лет тому назад. Свое название

вид получил по находкам в Хадаре (Эфиопия) в 1974 году. Обнаруженный неполный скелет, принадлежал особи женского пола в возрасте примерно 25 лет, получил прозвище Люси. Миниатюрная Люси, передвигавшаяся вертикально, имела рост 1,1 или 1,2 м, вес около 30 кг, обладала сильно выступающими челюстями и мозгом, объем которого составлял треть от объема мозга современных людей. Судя по скелетным особенностям, Люси находилась на той линии развития, которая со временем привела к человеческому роду Номо.

Австралопитек африканский или «африканская южная обезьяна» моложе, этому виду примерно 2,8–1 млн лет. Представители данного вида были небольшого роста, стройными, с относительно длинными руками, обладали прямохождением.

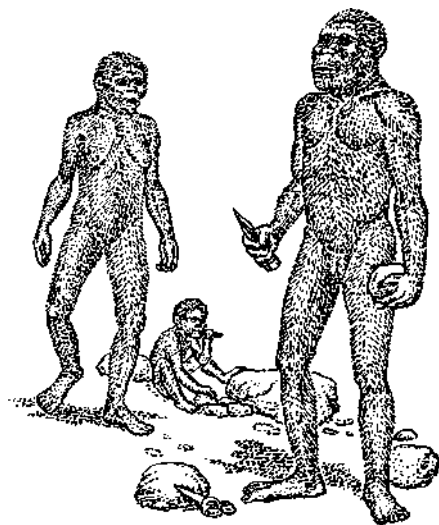
Объем черепа в среднем составлял 440 куб. см, что немного больше, чем у афарцев, но участки мозга, отвечающие за артикулированную речь, не были развиты. Нижняя часть лица у представителей данного вида выступала вперед, но не столь значительно, как у человекообразных обезьян. Специалисты оспаривают способность африкануса к изготовлению орудий. Большинство костяных «предметов», обнаруженных близ ископаемых антропологических материалов, скорее всего остатки пищи хищных животных.

Австралопитек могучий или *robustus* был более крупным и массивным, чем африканус. Его рост достигал 1,6 м, вес приближался к 50 кг. Он имел более крупный и плоский череп с объе-

Австралопитек афарский — «южная обезьяна из Афара», первый известный нам обезьяночеловек

мом мозга 530–550 куб. см, широкое лицо с выступающими надбровьями и основательно развитой нижней челюстью с мелкими передними и увеличенными коренными зубами, благодаря которым получил прозвище «жевательная машина». Питались робустусы преимущественно грубой пищей – орехами, фруктами с жесткой оболочкой, волокнистыми корнями и доживали в среднем до 17 лет. Время появления австралопитека могучего – около 2,5 млн лет, исчез этот вид примерно 1,5 млн лет назад.

Австралопитек могучий или robustus был более крупным и массивным, чем африканус

Есть еще австралопитек бойсов или зинджантроп – восточно-африканский человек, существовавший 2,5–1 млн лет назад. Он назван в честь Ч. Бойса, оказавшего финансовую поддержку супругам Лики при исследованиях. Представители этого вида по росту соответствовали современному человеку и напоминали гориллу, имели большой череп с объемом мозга до 530 куб. см, сильно выступающие надглазничные валики, развитые скуловые дуги, служившие для прикрепления мощных челюстных мышц. По размеру коренных и предкоренных зубов этот вид получил прозвище «человек-щелкунчик». По соседству с его останками уже была найдена оббитая галька, возможно, использовавшаяся в практических целях.

Среди собственно человеческого сообщества – рода Номо первым кто взял в руки камень и сделал из него орудие, был человек умелый или хомо хабилис (*Homo habilis*). Он также был

Первым кто взял в руки камень и сделал из него орудие был человек умелый или хомо хабилис (Homo habilis)

небольшого роста и достигал 1,5 м, вес – 50 кг, не атлетического телосложения, однако отличался от австралопитеков большим объемом мозга, что, вероятно, и объясняет его умение изготовлять необходимые для жизни орудия и обустроить примитивное жилище. Более того, мозг был не только крупнее, но и сложнее – обладал особенностями строения, необходимыми, в частности, для рудиментарной речи. Возросшие возможности мозга, очевидно, обусловили прогресс в производстве каменных орудий. Жил хомо хабилис около 1,8 млн лет назад. На стоянке Зиндж впервые зафиксирован самый ранний случай совместного нахождения каменных орудий и черепа древнего человека. Ближайший источник лавы и кварцита, из которого были сделаны вещи, находился в нескольких километрах от стоянки. Это свидетельствует о способности хабилиса путешествовать и переносить какое-то количество тяжелого материала. Следовательно,

*Человек прямоходящий /трудящийся, яванский человек,
пекинский синантроп*

деятельность представителей древнейшего человека подразумевала начальную социальную организацию.

Далее следуют уже наиболее близкие к нам виды – это *Homo erectus/ergaster* – человек прямоходящий/трудящийся. Впервые был обнаружен в Азии и имел названия – питекантроп (прямоходящий обезьяночеловек), яванский человек, пекинский синантроп. Сейчас все эти виды относят к виду эректус-эргастер. Древнейший и наиболее полный скелет *Homo erectus* был найден в Восточной Африке, его возраст примерно 1,6 млн лет. По сравнению с предшествующими видами человек прямоходящий / трудящийся претерпел важные изменения. Объем мозга составил уже 880–1100 куб. см, в увеличении объема мозга проявилась ведущая тенденция эволюции этого вида. Некоторые взрослые особи этого вида достигали роста 1,8 м, а веса 60–65 кг. Основное направление отбора на этой стадии эволю-

ции выражалось в приспособлении к усложнению трудовой деятельности. Несмотря на возросший объем мозга, речевой аппарат эректуса был, вероятно, слабо развит, а количество издаваемых звуков ограничено. По сравнению с предшествующими видами у человека прямоходящего/трудящегося была более выражена способность осваивать новые экологические условия, что способствовало росту численности населения. Представители этого вида изготавливали разнообразные орудия, наиболее эффективными среди них были двусторонние формы – бифасы. Получили дальнейшее развитие охотничьи навыки. Судя по наличию угля на различных стоянках, представители этого вида широко пользовались огнем и, вероятно, могли готовить на нем пищу. Развивается и структура древних поселений, включающая жилища, очаги и другие конструкции. Этот вид древнего человека существовал примерно до 200 тыс. лет назад.

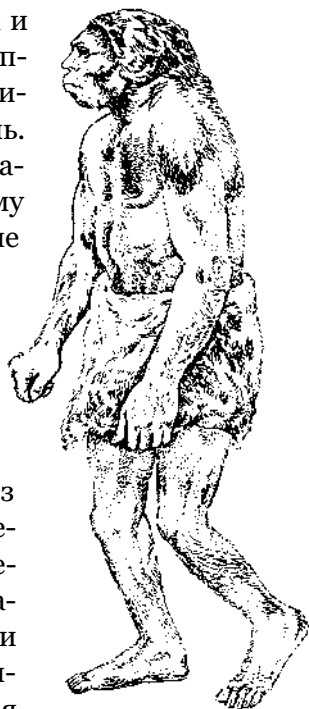
Около 500 тыс. лет назад ствол древа эволюции раздваивается, формируется магистральное направление – *Homo sapiens archaic*/человек разумный архаический и боковая тупиковая ветвь – *Homo sapiens neandertal*, так называемый неандерталец.

Объем мозга вида хомо сапиенс архаик – 1400 куб. см, уже значительно превышает показатели его предка – эректуса-эргастера. Формируется более высокий свод черепа, развиваются лобные доли мозга, отвечающие за планирование поведения, более совершенную координацию движения конечностей и за функцию речи. На лице появляется подбородок, отсутствовавший у всех предшественников. Биологическое развитие неизбежно сказывается на умениях и навыках – орудия становятся

более совершенными как по форме, так и функционально. Для защиты от неблагоприятных условий хомо сапиенс строит жилище, в быту начинает использовать огонь. Преобладающим занятием этого вида стала охота, что приводило к более высокому процентному содержанию мяса в рационе питания, что, в свою очередь, способствовало ускорению темпа эволюции.

Боковая ветвь эволюции, которая никуда не привела, – неандерталец. *Homo sapiens neandertal* был первым древним человеком, ставшим известным научной общественности. В 1856 году близ Дюссельдорфа в долине Неандера шахтеры нашли необычный человеческий скелет, включавший полный череп с выступающими надбровьями, часть тазовой кости и несколько толстых и слегка искривленных костей конечностей. С тех пор имя неандертальца стало использоваться для обозначения грубого поведения и примитивной отсталости. Это ложное представление о неандертальце укрепилось после того, как М. Буль по останкам, найденным в 1908 году близ Шапель-о-Сен во Франции, реконструировал скелет, воссоздав образ неуклюжего животного, перемещавшегося на согнутых ногах подобно обезьяне. Никто из всех древних гоминид не был так оговорен и неправильно понят, как неандерталец. Сейчас, располагая образцами более чем из сотни стоянок, можно с уверенностью констатировать, что неандертальцы не так уж сильно отличались от современных людей, хотя несомненно были более массивными.

Европейские неандертальцы имели крупную удлиненную голову, мощные надглазничные валики, покатый лоб, четко выраженный затылочный бугор. Широкая лицевая часть силь-

но выдвигалась вперед. Большой нос мог быть плоским или выступающим. Резцы мощной нижней челюсти, не имеющей подбородочного выступа, были крупнее, чем у современных людей. Лицо неандертальца все еще сохраняло примитивный облик, но мозг его таковым не был. Несмотря на покатый лоб, его мозг в среднем по размерам превосходил наш и был так же хорошо развит, хотя имел иную организацию.

Классические неандертальцы выглядели невысокими, коренастыми и мускулистыми. По пропорциям тела с довольно короткими конечностями они напоминали саами-лопарей и эскимосов, а также представителей других народов, приспособленных к проживанию в тундре – к холоду. Несомненно, что неандертальцы смогли адаптироваться к экстремальным климатическим условиям. Большинство их стоянок находится в пещерах и гротах, содержащих комплекс материальной культуры,

Неандерталец

называемый мустьерским. Как предполагают, большинство орудий, более совершенных, по сравнению с предыдущей эпохой, форм, использовались для обработки шкур животных. Любопытно, что зубы неандертальцев, как и эскимосов, демонстрируют значительную степень закругленного износа. Вероятно, во время обработки они держали шкуры передними зубами.

Погребение неандертальца

Свидетельством уровня интеллектуального развития неандертальцев являются их погребения. Фактически они были первыми людьми, хоронившими своих покойников, что объясняет наличие сравнительно большого количества останков неандертальцев. Найденные в захоронениях сопровождающие орудия, каменные подушки, подстилки из лесного хвоща и разбросанные вокруг цветы, черепа пещерных медведей, круги из камней дают основание думать об особом отношении к покойному. На некоторых останках обнаружена красная охра – символ огня. Судя по отдельным погребениям, в среде неандертальского общества существовали достаточно сложные социальные связи.

Неандертальцы, несмотря на принадлежность к тупиковой ветви эволюции человека, внесли огромный вклад в развитие человеческой истории. В отведенный им природой временной промежуток – от 300 до 30 тыс. лет назад неандертальцы достигли огромных успехов в изготовлении каменных орудий, строительстве жилищ. С ними связано появление духовной жизни, о чем свидетельствует, например, обустройство могил своих умерших родичей. Они прошли тысячи километров, осваивая новые земли, но все равно не смогли остаться частью земной природы, продлить свой век до современности.

Более многочисленны и разнообразны следы, оставленные человеком современного вида – *Homo sapiens*, который начал формироваться в промежутке от 200 до 100 тыс. лет назад. Первый общепризнанный образец ископаемого *Homo sapiens sapiens* был обнаружен в 1869 году в гроте Кро-Маньон в местечке Лез-Эзи в провинции Дордонь, во Франции. Отсюда и распространенное название хомо сапиенса – кроманьонский человек, широко бытовавшее некоторое время в научной среде, но ныне применяемое лишь к палеоантропологическому типу древнего населения. У представителей этого типа широкое, средневысокое лицо, надбровные выступы отсутствовали или слабо развиты, челюсти сравнительно небольшие, подбородоч-

Кроманьонец

ный выступ хорошо развитый, несколько меньший, чем у неандертальца, объем мозга в среднем 1400 куб. см. Увеличился удельный вес центров речи и ассоциативного мышления, что явилось одной из важнейших предпосылок развития всех прочих функций головного мозга. Из всех древних людей только сапиенс может создавать двух- и трехмерное изображение того, что видит глаз. Способность изображать вещи, воспроизводить увиденное – отличительная черта нашего подвида. В это время наблюдается необычайный расцвет технологии производства каменных орудий, оформившейся в разнообразные стили. Территориальные различия в материальной культуре могут свидетельствовать о консолидации отдельных групп населения, связанной с появлением общепонятных звуковых сигналов, то есть человеческой речи. Это зачатки праязыка, ставшего основой языков разных народов.

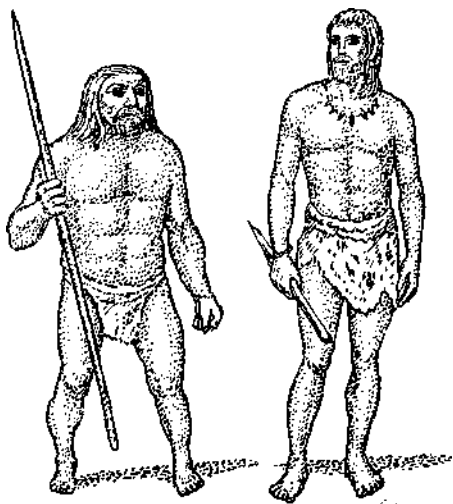
Объяснение происхождения человека современного физического типа является главной проблемой палеоантропологических исследований на протяжении как минимум ста лет. Относительно недавно, в 1980-х годах, эта тема стала вновь привлекать повышенное внимание ученых. Центральной темой дискуссии является вопрос о географической родине человека современного физического типа. Следующие по важности вопросы: когда впервые появился *Homo sapiens sapiens* и какие из архаичных гоминид были его наиболее вероятными предками.

В настоящее время сформировались две конкурирующие концепции, призванные дать ответ на эти вопросы. Первую обычно называют гипотезой об африканской прародине чело-

века разумного, вторая известна как модель мультирегионального развития.

В 1980-х годах американский исследователь А. Уилсон, совместно с коллегами из Калифорнийского университета Беркли предложил гипотезу «Африканской Евы», согласно которой все современное человечество произошло от одной женщины, жившей в Африке, южнее Сахары в промежутке 200–100 тыс. лет назад. Этот вывод базировался на анализе мирового распределения типов митохондриальной ДНК.

По мнению американских ученых, основанных на статистических расчетах, человек современного физического типа *Homo sapiens sapiens* расселился из одного африканского центра по всему миру, вытесняя все другие, ранее существовавшие группы гоминид. Кроме этого, известным журналом «National geographic» совместно с компанией IBM был запущен амбициозный проект «Genographic projet» по реконструкции «генеалогического древа» всего человечества. Были изучены генетические коды более тысячи представителей различных народов древности, а также более ста тысяч проб, направленных в Национальное географическое общество современными людьми, проживающими в разных частях света. Был сделан вывод, что все люди неафриканской расы обладают генетическими маркерами, носителями которых была группа переселенцев, состоявшая приблизительно из тысячи человек. Все человечество связано с «Африканской Евой», то есть с женщи-

*Неандерталец и человек современного вида.
Реконструкция физического типа*

ной, которая имела «хромосому X», через непрерывную цепочку матерей. Очень скоро был выявлен и «Адам с хромосомой Y», также африканец, наш общий отец. Гипотеза научнообразно оформлена, однако, имеет очень слабое звено – она подразумевает, что все существовавшее население было замещено без метисации, без какого-либо смешения, что в реальности вряд ли возможно, имеющиеся археологические данные никоим образом не подтверждают эту гипотезу.

Сторонники моноцентрической гипотезы обосновывают свои выводы на следующих археологических фактах, характерных для Западной и Восточной Европы. Технология обработки камня верхнего палеолита здесь с самого начала проявилась уже в сформированном виде. Новая технология соответствовала жизненному укладу нового населения. Из этого следует, что в Западную Европу верхнепалеолитическая ориньякская техника изготовления орудий была принесена более развитыми людьми. Существование неандертальцев в Европе отмечается до середины верхнего палеолита. Жизнь неандертальцев протекала в условиях смешения с человеком современного антропологического облика. Это значит, что человек современный сформировался за пределами Европы.

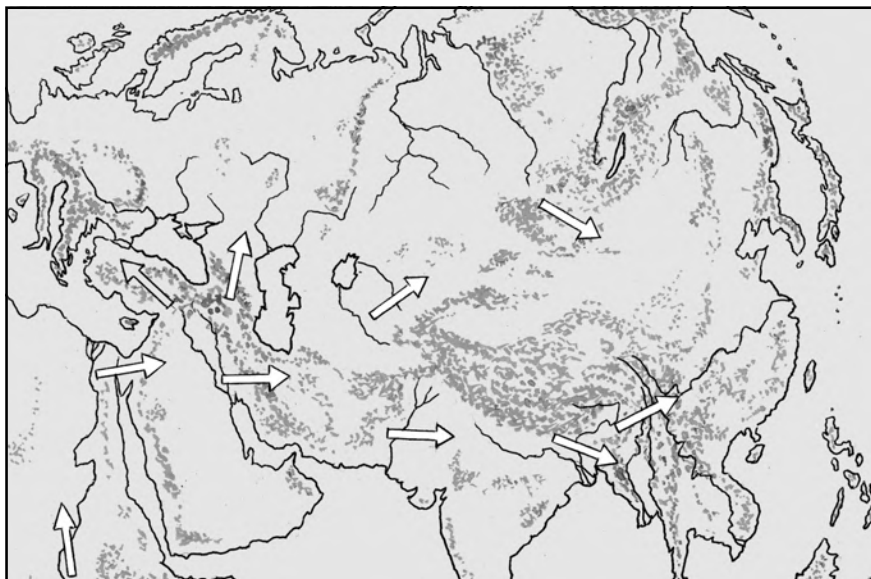
На территории Восточной Европы самые ранние, так называемые «верхнепалеолитические индустрии» появились около 40 тыс. лет назад или даже раньше, в практически готовом виде. Здесь отмечается длительное сосуществование «развитых», т. е. верхнепалеолитических и «архаичных» каменных индустрий. Можно предположить, что «архаичные» индустрии возникали на базе местных мустьерских, т. е. принадлежавших неандертальцам, под влиянием пришлых «развитых», относимых к «человеку разумному».

Ситуация не совсем простая и понятная, но главным пунктом в ней является положение о том, что в эпоху среднего палеолита (мустье) на территории Европы проживали неандертальцы, затем в начале верхнего палеолита (45–40 тыс. лет на-

зад) откуда-то с юга пришли люди современного физического типа со своей технологией изготовления каменных орудий и постепенно вытеснили неандертальцев, возможно, частично их ассимилировав. Опять же здесь есть одно «но». Изменения в материальной культуре и физическом облике населения протекали независимо друг от друга. Проще говоря, как «развитые», так и «архаичные» комплексы каменных орудий могли быть изготовлены как людьми современного физического типа, так и неандертальцами. Это подтверждается фактами нахождения скелетов неандертальцев с верхнепалеолитическим («развитым») каменным инвентарем. Кроме того, все перечисленные особенности характерны только для Европы, за Уралом ситуация выглядит совсем по-другому.

Здесь нам нужно обратиться к гипотезе мультирегиональной эволюции человека, основные положения которой сводятся к тому, что *Homo erectus*, расселившись на значительной части Евразии, стал основой для формирования здесь человека современного облика и его культуры. Мультирегиональная эволюция подразумевает генетическую непрерывность между древним и современным населением в каждом регионе. Только так можно объяснить тот факт, что материальная культура начального этапа верхнего палеолита (культура человека современного физического типа) на территориях Африки, Евразии и Австралии существенно отличается друг от друга. Если бы, согласно теории «Ноева ковчега» или «Африканской Евы», древнее население везде замещалось бы человеком современным, то и культура верхнего палеолита на всей территории Земного шара была бы одинаковой.

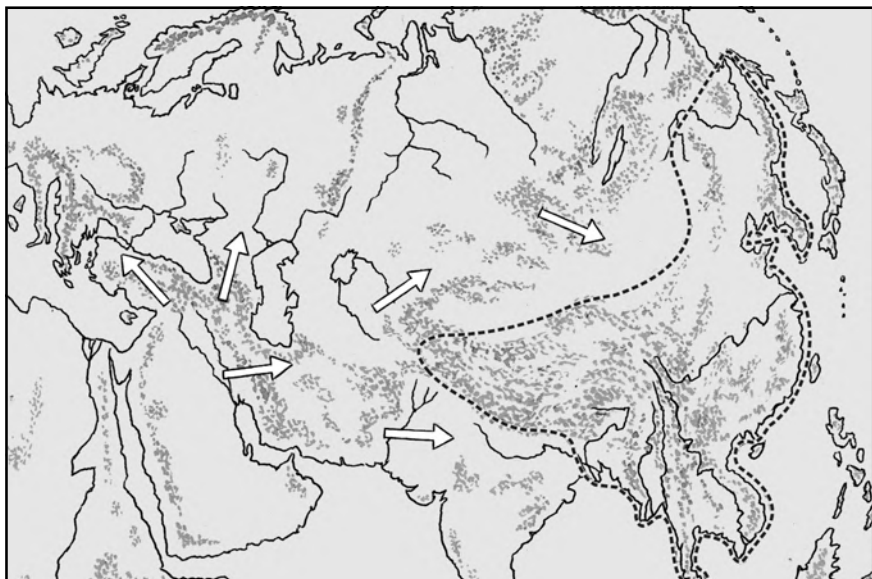
Начало заселения территории Урала относится к глубокой древности, хронологическое измерение которой пока трудно оценить. Этот процесс связан с важнейшим событием в истории человечества, которое можно назвать первым Великим переселением. Около 2–1,8 млн лет назад часть «прямоходящей – трудящейся» массы *Homo ergaster-erectus* вышла из

Первая миграционная волна

своей колыбели за пределы Африки, что положило начало заселению человеком почти всей планеты.

Распространение древнейших людей было разделено на два потока Тибетом и Гималаями. Южный через Пакистан, Индию достиг Восточной и Юго-Восточной Азии около 1 млн лет назад. Северная миграционная волна обошла Гималаи и Тибет с севера и проникла в Центральную Азию. Наиболее ранние местонахождения, относящиеся к этому периоду, зафиксированы в Таджикистане, Южном Казахстане и на Алтае. Орудийный набор первых переселенцев включал чопперы, чоппинги, орудия с носиком, галечные скребла и т. д. Типологически эта галечная индустрия в своей основе относится к олдувайской. Вся история и развитие культуры в Восточной, Юго-Восточной, Южной и Центральной Азии были связаны с близкими по своим физическим данным представителями *Homo erectus*. Серьезных

*Вторая миграционная волна. Пунктиром отмечены территории, на которых не представлена позднеашельская культура
(По материалам А. П. Деревянко)*

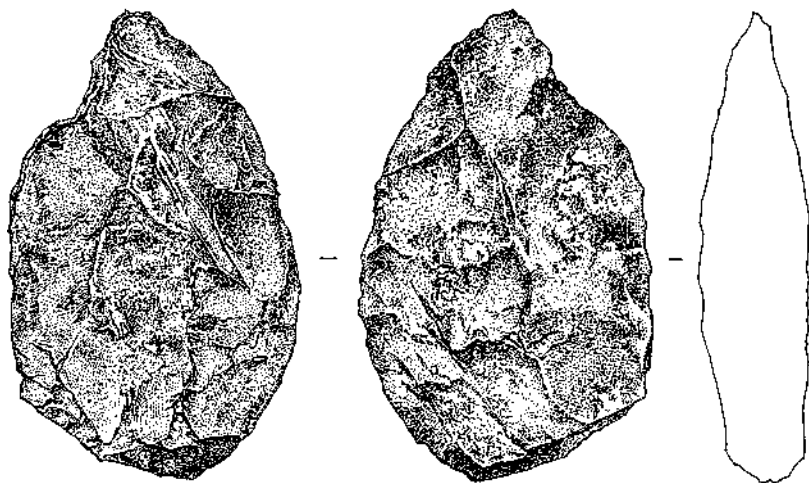
научных фактов, говорящих о том, что первая волна переселения дошла до Южного Урала, пока нет, хотя и полностью исключить такой вариант нельзя. Местонахождения этого времени зафиксированы на Алтае, возможно, что первопроходцев могли привлечь и благоприятные для охоты и проживания предгорья Урала.

Продвижение второй миграционной волны в Евразию началось уже с Ближнего Востока около 450–350 тыс. лет назад. Это было распространение древнего населения, которое использовало орудия позднеашельской индустрии с леваллуазской техникой и бифасами. Местонахождения комплексов культуры с бифасами, связанной с этой волной расселения, были найдены в Мугоджарах, которые являются южной оконечностью Уральской горной системы, и расположены относительно недалеко от Южного Урала.

Первые люди в Южноуралье

В 2004 году мы планировали продолжить раскопки стоянки Краснокаменка, которая была найдена мною еще в разведке 1981 года. Первый раскоп, давший очень интересные материалы, относящиеся сразу к двум археологическим периодам – неолиту и энеолиту, то есть к периоду 5–6 тыс. лет назад, был заложен в 1997 году. Стоянка находится на левом берегу реки Увелька, недалеко от села Краснокаменка Уйского района, почти на границе с Чебаркульским районом Челябинской области. Как обычно, перед началом раскопок я приехал на место будущих работ, чтобы осмотреть площадку, проверить ее сохранность, предварительно наметить место для раскопа, а также определиться с местом размещения экспедиции, поговорить с местным руководством и по другим, сопутствующим каждой экспедиции делам. Осмотр места раскопок и окружающей территории – это обычное для археолога дело, поскольку тальми водами, дождями, разливами рек часто разрушается верхний почвенный слой и можно еще до начала раскопок обнаружить какие-либо археологические находки и, соответствующим образом скорректировать свои планы.

И в этот раз такой осмотр не прошел впустую. В ходе медленного, метр за метром, осмотра крутого обрывистого берега, мое внимание привлек предмет, выступающий из стенки небольшого овражка на границе черного гумуса и глины. По цвету и форме он явно выглядел чужеродным в привычной картине берегового обрыва. Аккуратно достав его из земли, спустился к реке, отмыл от остатков глины. Стало понятно, что у меня в руках орудие, которое намного древнее не только возраста исследуемой нами стоянки, но и всего, что я до сих пор видел на Южном Урале. Конечно, определить сразу время существования этого орудия было сложно. Уже по окончании полевого сезона, зимой посоветовался с коллегами-археологами из Екатеринбурга, а чуть позднее показал удивительную находку академику

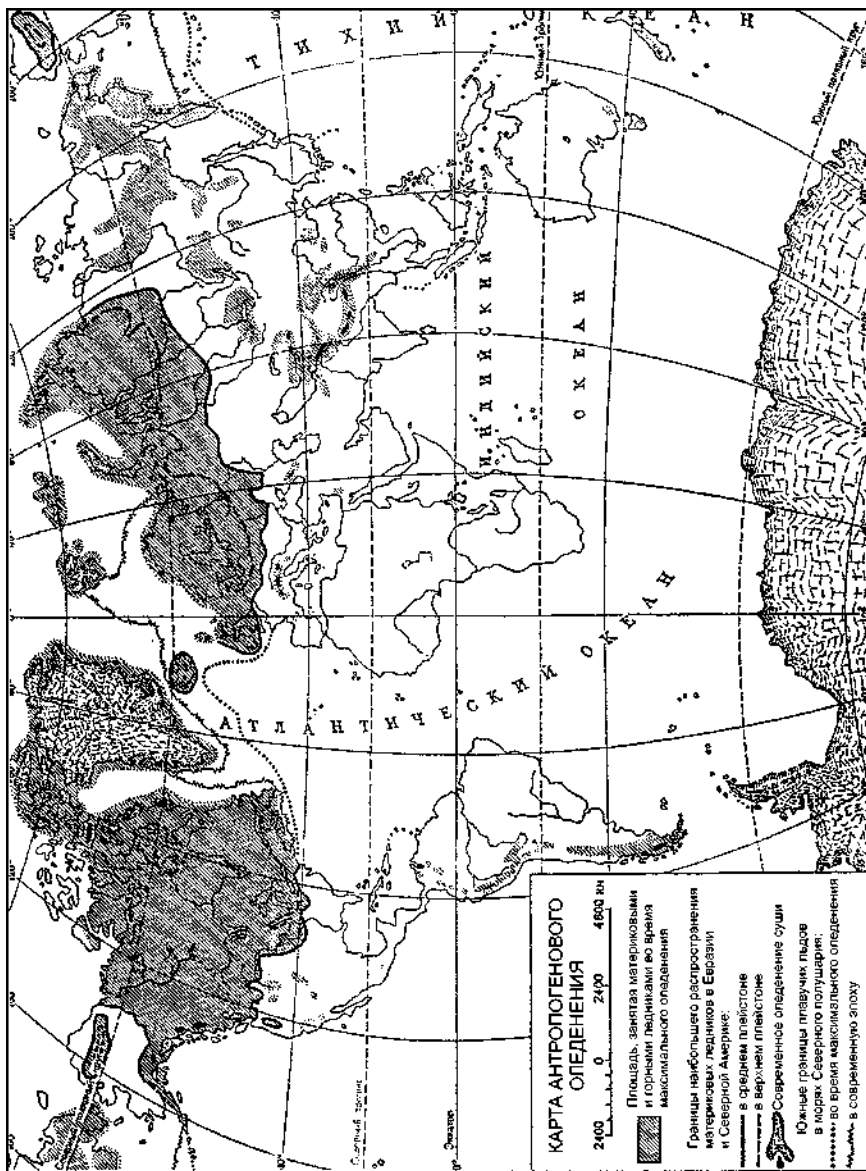

Бифас из Краснокаменки

Анатолию Пантелеевичу Деревянко, крупнейшему в России специалисту по древнейшему периоду человеческой истории, работавшему в том числе с палеолитическими находками из соседних с Южным Уралом Мугоджарских предгорий. К радости, он уверенно подтвердил древний возраст орудия, которое в археологической терминологии называется «бифас», и предложил его датировку – поздний ашель, а это значит, что на Южный Урал оно попало около 300 тыс. лет назад. Чуть позднее предполагаемый возраст поддержали коллеги-палеолитчики из Москвы и Санкт-Петербурга.

Итак, человек впервые появился на Южном Урале в конце раннего палеолита. Какой была наша южноуральская земля в это время? Начать рассказ нужно с того, чем вообще примечателен четвертичный период в истории Евразии.

Для обозначения последнего геологического периода в истории Земли используется несколько равнозначных терминов, которые являются практически синонимами: квартал, четвертичный период, плейстоцен, антропоген и, наконец, леднико-

Карта-схема плейстоценовых оледенений

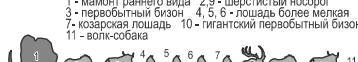

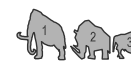

вый период. Ледниковым он называется потому, что главной его чертой было всеобщее похолодание. Причиной этого постепенно нараставшего процесса считается преобразование земной поверхности за счет тектонических поднятий и действия солнечной радиации. В общем направленном процессе похолодания фиксируются постоянные чередования похолодания и потепления климата – каждое оледенение сменялось более теплым межледниковьем. Тенденция была малопривлекательной, поскольку каждое последующее межледниковье было более холодным, чем предшествующее, а про оледенения и говорить нечего – они становились в каждой фазе все более суровыми, хотя при этом собственно ледник занимал все меньшую площадь. Это объясняется тем, что чем суровее похолодание, тем более континентальным становился климат, меньше оставалось влаги, что и не способствовало разрастанию ледника.

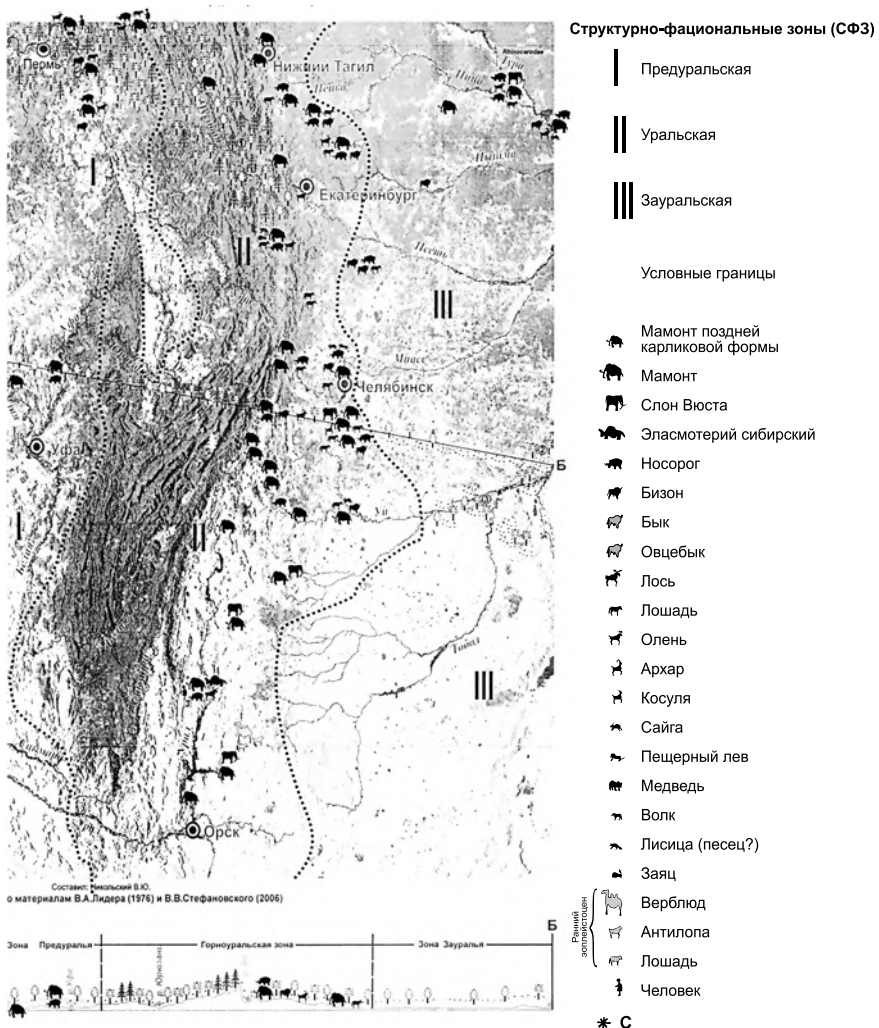
На Южном Урале начало четвертичного периода было вполне благоприятным, климат умеренный, близкий к современному. Тектоническая активность была небольшой – горы «подросли» всего (!) на 200 м и были покрыты лесной растительностью. В средних широтах, близких к долине реки Уй сохранялись лесостепные ландшафты с лугостепной растительностью, перемежавшейся с обширными колками елово-березово-сосновых лесов. Следов деятельности человека этого времени на сегодняшний день в наших краях не обнаружено.

Около 500 тыс. лет назад началось первое оледенение, которое продолжалось чуть более 120 тысяч лет. Климат стал резко континентальным, ландшафты преимущественно степными, даже в горных районах.

Затем пришло длительное потепление, продолжавшееся 145 тысяч лет. Климат был мягким и теплым. В горных районах, на территории от сегодняшних Нижнего Тагила до Магнитогорска широколиственные породы деревьев, такие как дуб, клен и граб соседствовали с сосной, березой и пихтой. В лесах бродили стада теплолюбивых травоядных живот-

Схема стратиграфии Урала (с дополнениями)					Главнейшие особенности климата	Ледниковые и межледниковые стадии	Хронологические рубежи (лет назад)	Предуралье																				
Период	Эпоха	Фаза	Пора	Хронологические рубежи (лет)					Теплее	Холоднее																		
ЧЕТВЕРТИЧНАЯ (Q) КВАРТЕР	ПЛЕЙСТОЦЕНОВАЯ Р	НЕОПЛЕЙСТОЦЕНОВАЯ Р	ПОЗДНЯЯ (III)	51000	Умеренно-теплый Умеренно-влажный		10000	Хвойно-березовый лес с незначительной примесью травянистых растений по количеству и разнообразию не встречающихся ранее																				
				10000 15000 22000					Холодный, слабо влажный																			
				24500 34070	Умеренно-теплый Умеренно-влажный		24000	Елово-сосновый лес с примесью березы и широколиственных (липа, вяз) с наличием более разнообразных травянистых растений, чем во всех более древних осадках																				
				41250	Холодный, умеренно влажный		50000																					
				80000	Наиболее теплый и влажный		70000- 90000	Три фазы развития растительности (сверху вниз): 1. Смешанный лес с преобладанием широколиственных пород 2. Еловый лес с незначительной примесью широколиственных 3. Хвойный лес с господством ели и участием сосны и пихты																				
				100000		Холодный и влажный, с потеплением в середине эпохи			120000- 170000																			
				СРЕДНЯЯ (II)	ТЕПЛЫЙ И ВЛАЖНЫЙ	ХОЛОДНЫЙ, УМЕРЕННО ВЛАЖНЫЙ	400000	Холодный, умеренно влажный		300000	Лесостепь																	
												РАННЯЯ (I)	Чередование эпох с теплым, умеренно теплым, прохладным и переменным влажным климатом	500000		Хвойных пород												
																	800000			Теплолюбивая, широколиственная, граб, бук, орешник, незначительно хвойная								
																					990000							
																									1700000			
				1200000																								
				1800000					Сосново-березовые массивы на фоне марево-полярных фитоценозов																			
Неогеновая	Плиоцен	Эоплейстоцен (E)	Ранний (E1)	Поздний (E2)	Голоцен (H)																							

Растительность		Фауна крупных млекопитающих Южного Урала
Восточный склон-пенеплен	З а у р а л ь е	
Лесостепная, реже лесная и лесостепная. Лесостепная: преобладает сосна, меньше - ель, лиственные	Споро-пыльцевые спектры суббореального и субатлантического времени, а так же всерастительные фазы (зоны) схемы Блитта Сернандера	 <p>1 - северный олень 2 - лошадь 3 - волк</p>
Бедная древесными лесостепная и степная	Лугостепи (тундростепи) с холоднолюбивой карликовой березкой, полярной ивой и др.	 <p>1 - благородный олень 2 - лошадь 3 - лось 4 - шерстистый носорог 5 - козуля 6 - лошадь ископаемая 7 - мамонт 8 - бизон коротконогий 9 Бик 10 овцебык</p>
Обедненная лесостепная и степная, значительная роль мхов; лесные: хвойные и лиственные	Лес и лесостепь	 <p>1 - благородный олень 2 - лошадь 3 - шерстистый носорог 4 - лошадь ископаемая 5 - мамонт раннего и позднего периода 6 - бизон 7- сайга 8 - волк-собака</p>
Обедненная лесостепная и степная	Степи марево-попынные перигляциальные открытых пространств	 <p>1 - благородный олень 2 - лошадь более мелкая 3 - шерстистый носорог 4 - лошадь ископаемая 5 - мамонт промежуточной формы 6 - лось</p>
	Таёжная: светлохвойные леса на Ср. Урале лесостепные на Ю. Урале и Ю. Зауралье	 <p>1 - мамонт раннего вида 2,9 - шерстистый носорог 3 - первобытный бизон 4, 5, 6 - лошадь более мелкая 7 - козья лошадь 10 - гигантский первобытный бизон 11 - волк-собака</p>
Господство обедненной степной и лесостепная	Степи марево-попынные злаковые холодные перигляциальные	
Лесостепная с хвойными и лиственными, с большим количеством мхов	Лесостепь: смешанные елово-сосново-березовые лесные массивы с пихтой, ольхой и лугостепными участками	
Резко выраженная степная и обедненная лесостепная с мхами		 <p>1 - мамонт хазарского типа 2 - шерстистый носорог 3 - первобытный бизон</p>
Лесостепная и степная		
Лесная с преобладанием сосны		
Лесостепная елово-сосновая с лиственными		
Изменяющаяся – от марево-попынных степей до смешанных мелколиственных сосново-березовых лесов, преимущественно перигляциальных	Сосново-еловые леса с пестрым мезофильным покровом	
	Степь и лесостепь (верхняя часть) с господством ксерофитов; среди древесных: береза, ольха, сосна	 <p>1 - мамонт хазарского типа 2 - шерстистый носорог 3 - первобытный бизон</p>
Березово-сосновые леса с участием ели, ольхи и ивы. Березово-сосновые леса с луго-степными участками	Лугостепь с массивами березово-сосновых лесов с участием ели, пихты и ивы	 <p>1 - лошадь 2 - медведь</p>
	Лесостепь с марево-попынными ценозами	
	Лесостепь с холоднол. кустарнич. полярн. березки и ольховника	 южный слон
		 лошадь Стенона

Схематическая карта палеофауны млекопитающих в четвертичном периоде с элементами растительного палеоландшафта последнего ледникового периода 1,8 млн. лет - 10 000 тыс лет

ных – древних лесных слонов, эласмотериев, большерогих и благородных оленей, древних быков. В горах жили крупные пещерные медведи. На широте Троицка раскинулись лесостепные ландшафты с колками из клена, дуба и липы. В это благоприятное для жизни время на Южном Урале впервые появляется древний человек. Орудие, изготовленное им, мы и обнаружили на стоянке Краснокаменка. К сожалению, на Урале пока не найдены скелетные остатки этого древнейшего человека, однако, следуя наиболее научно обоснованной теории мультирегионального развития человека, можно предполагать, что неандертальцев на нашей территории не было и первым поселенцами Южного Урала – «краснокаменцами» были представители основной линии развития человечества – *Homo erectus / ergaster* – человек прямоходящий/трудолюбивый.

Следом за этим благодатным временем наступает великое оледенение, продолжавшееся 55 тысяч лет – от 235 до 180 тыс. лет назад. Климат становится холодным с длительными и снежными зимами. Быстро меняется растительный и животный мир. В холодной и продуваемой ветрами тундростепи, в которую превратились равнинные территории Южного Урала, бродили мамонты, шерстистые носороги, бизоны, северные олени и песцы. Наиболее катастрофические изменения природы в это ледниковье произошли в Европейской части России и на Украине. В центре ледника, который располагался в районе Ботнического залива, толщина льда достигала 5 км. На месте Санкт-Петербурга ледяной покров был мощностью в 3 км, а на месте Москвы 1,5–2 км. Двумя большими языками толщиной в 0,3–0,5 км ледник по Днепру и Дону доходил до широты Днепропетровска и Калача. Граница оледенения на Урале пока точно не определена, но могла доходить до широты Пермь – Нижний Тагил, а затем резко поворачивала на север. Приледниковые районы Урала и Западной Сибири были мало пригодны для жизни. Ледник препятствовал попаданию вод Оби и Иртыша в северные моря.

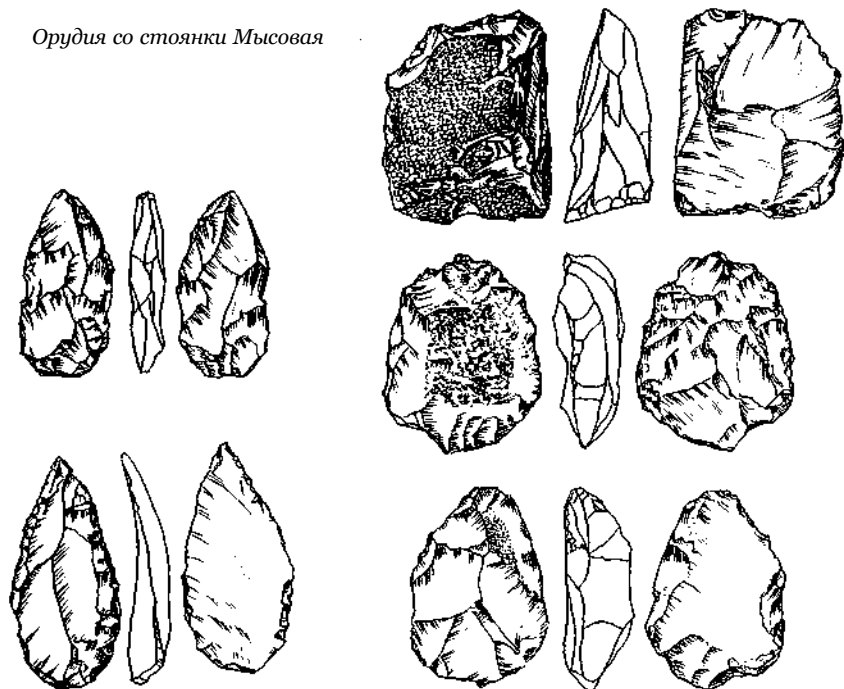
Вода задерживалась в Западно-Сибирской низменности, образуя систему громадных болотистых озер, которые по тургайскому прогибу стекали к Аралу и Каспию. Это привело к катастрофическому разливу (трансгрессии) Каспийского моря, воды которого на севере доходили до широты Саратова.

Затем опять был цикл из потепления и похолодания, которое затронуло только северную часть Урала. 120–80 тыс. лет назад пришло новое потепление с климатом теплее современного на 4–6°. На Южном Урале опять появились теплолюбивые растения, в том числе такие деревья как дуб, клен, липа, животный мир стал богаче. Это время среднего палеолита, в конце которого мы вновь фиксируем на Южном Урале присутствие человека, пока еще архаичного.

В 1960-х годах Г. Н. Матюшин, многие годы работавший на озерах Зауральской Башкирии, исследовал одну из стоянок на небольшом озере Карабалыкты, расположенном недалеко от Магнитогорска, получившую название Мысовая. Верхние культурные слои стоянки содержали уже привычные археологам многочисленные находки орудий и обломков керамической посуды, оставленные здесь человеком в неолите и энеолите. Особое внимание исследователя привлекли около 50 предметов из темного кремня, которые лежали в нижней части раскопа, на скале, слагающей берега озера. Для изучения орудий был привлечен известный археолог многие годы изучавший уральский палеолит О. Н. Бадер. Оба исследователя сошлись в мнении о возрасте находок, среди которых были двусторонне обработанные бифасы, рубила, грубые скребла, остроконечник – это конец раннего – начало среднего палеолита.

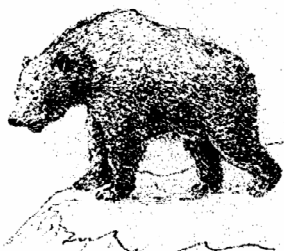
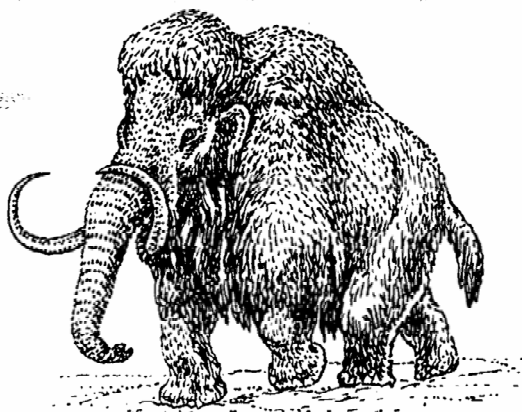
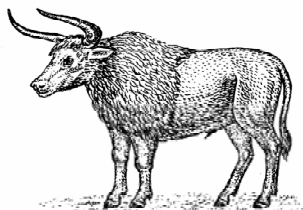
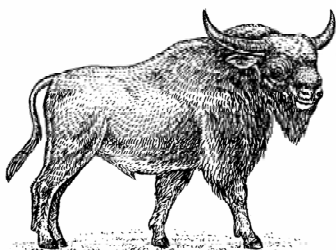
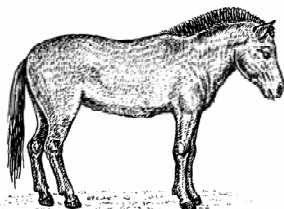
Около 80 тыс. лет назад началась последняя ледниковая эпоха в истории Земли, закончившаяся около 10 тыс. лет назад переходом в современный геологический период – голоцен. Это было самое холодное время за всю историю планеты, причем понижение температур шло по нарастающей с небольшим ослаблением морозов между 50 и 25 тыс. лет назад. Климат отли-

Орудия со стоянки Мысовая

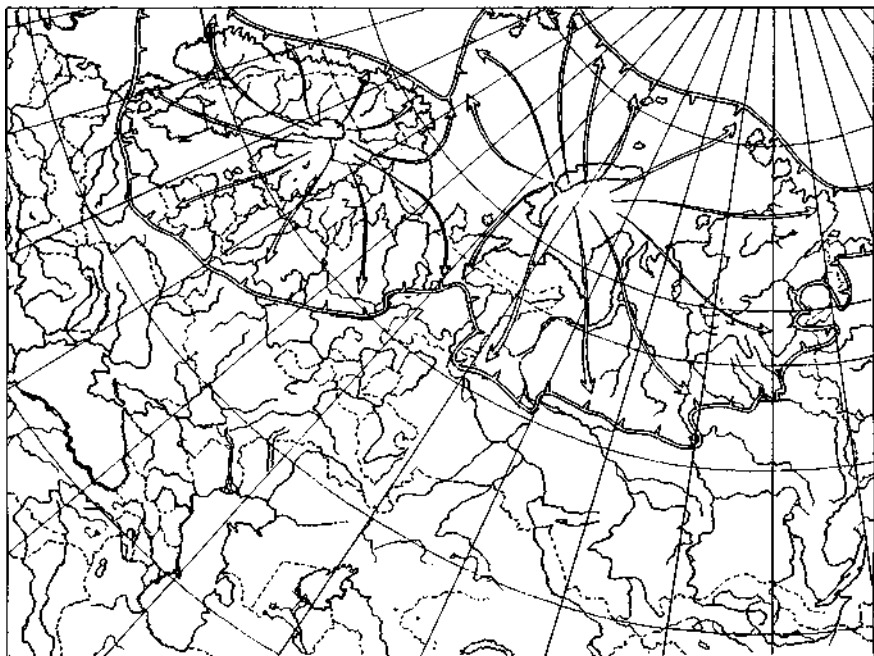

чался исключительной суровостью с длительными и малоснежными зимами. И хотя ледника на Урале снова практически не было, весь Южный Урал стал зоной вечной мерзлоты. На территории Восточной Европы, Урала и Западной Сибири не было деления на привычные для нас степь, лесостепь и лес, вообще, существовавшему тогда ландшафту нет аналогов в современном мире. Это была огромная тундро-степь со своеобразной растительностью, составлявшей очень продуктивную кормовую базу для животных так называемой мамонтовой фауны, в которую входили кроме мамонтов шерстистый носорог, северный олень, лошадь, овцебык, бизон, пещерный медведь, сайга, песец и другие.

К середине этой холодной эпохи, на которую приходится небольшое потепление, относится стоянка Богдановка, обнару-

Мамонтовая фауна

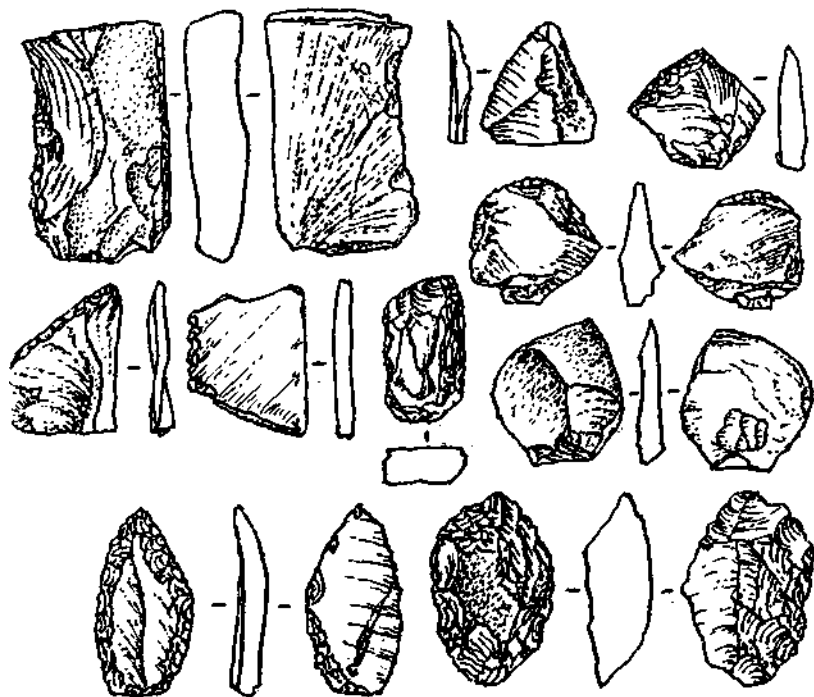

Границы последнего оледенения

женная в 1988 году екатеринбургским археологом В. Н. Широковым, проводившим разведочные археологические работы на реке Урал. Эта уникальная для Южного Урала стоянка древних людей находится недалеко от одноименного села на реке Урал южнее Магнитогорска. Сегодня сохранившийся от людей среднего палеолита культурный слой перекрыт шестиметровым слоем береговых отложений, а 50–40 тыс. лет назад это был пологий берег – «пляж», на котором жили охотники на мамонтов, носорогов, бизонов и оленей, многочисленные кости этих животных были найдены при обследовании стоянки. Для обогрева и приготовления пищи использовались костры, у которых проходила жизнь палеолитической общины. Период жизнедеятельности на стоянке Богдановка приходится на знаменательный рубеж в истории человечества. Именно на фоне «небольш-

шого» потепления, продолжавшегося от 50 до 24 тыс. лет назад, происходило формирование человека современного физического типа – *Homo sapiens sapiens*. Относились ли люди, жившие здесь, к типам «человек прямоходящий / трудящийся» или «человек разумный архаический», или уже к *Homo sapiens sapiens*, пока остается загадкой, нужны дальнейшие исследования. Это эпоха позднего (верхнего) палеолита.

Продвижение древнего человека на север не ограничилось Южным Уралом, он осваивает и более высокие широты. На берегах Камского и Сылвинского водохранилищ, известны местонахождения Ганичата, Ельники. Одна из стоянок, возраст ко-

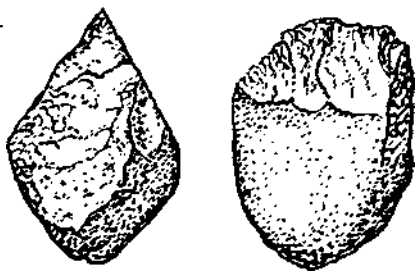
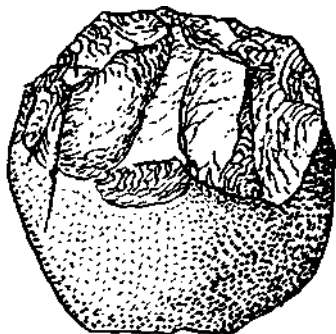

Каменные орудия со стоянки Богдановка

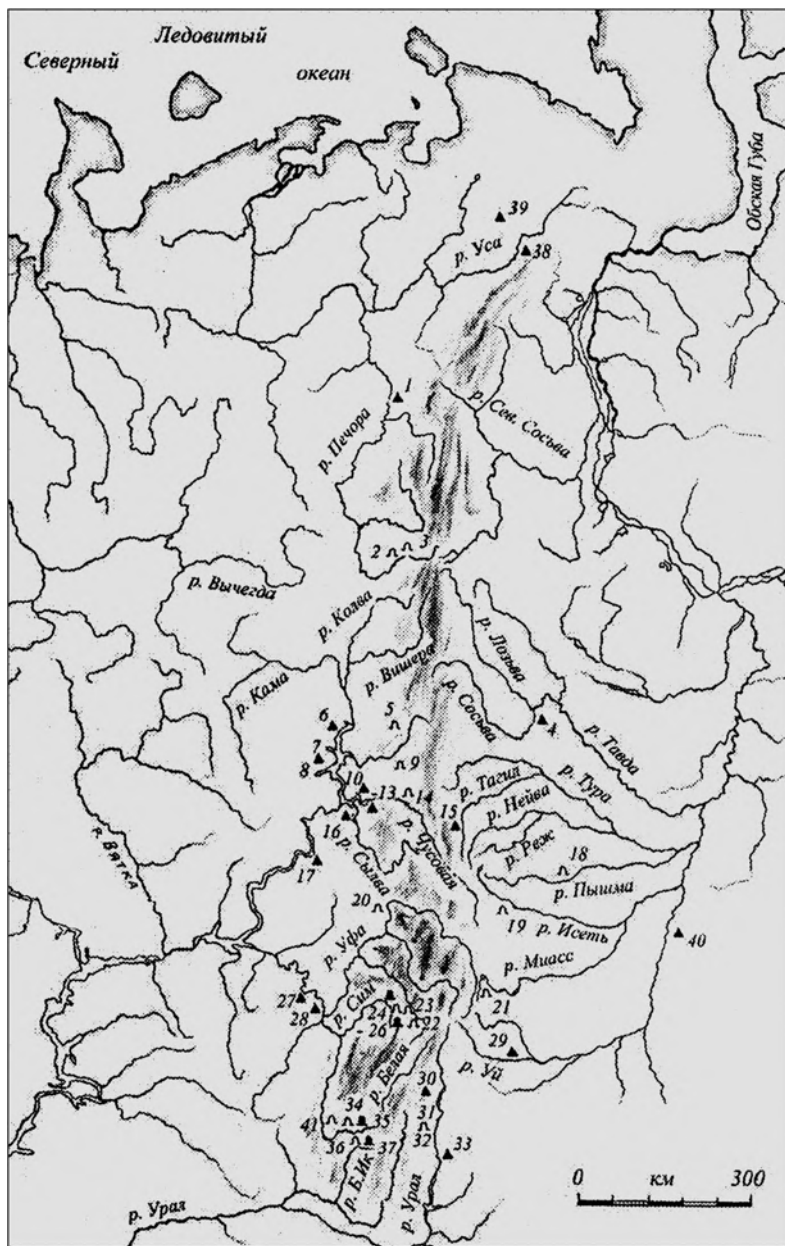
торой насчитывает около 70 тысяч лет – Гарчи I исследована в верхнем течении Камы. Другая – Пещерный лог, возрастом около 50 тысяч лет найдена в нижнем течении р. Чусовая.

На Южном Урале известны археологические памятники, относящиеся к начальному периоду верхнего палеолита. Самыми южными являются несколько местонахождений, открытых и исследованных В. Т. Петриным на левом берегу р. Урал, возле села Покровка Орского района Оренбургской области. Обследуя высокий обрывистый берег реки, высота которого и сегодня доходит до 25 м от уровня воды в современном водохранилище, он обнаружил несколько скоплений заготовок, орудий и отходов, залегающих на участках разной площади – от 800 до 2000 кв. м. Количество собранных на местонахождениях предметов – от 7 до 56 экз. Орудия лежали прямо на поверхности скального берега, древний культурный слой был полностью размыв и развеян. Судя по составу находок, стоянки Ириклинские I–V являлись недолговременными мастерскими для подготовки заготовок и орудий.

Природная обстановка степных районов Евразии такова, что почвенные слои на скальных поверхностях, подверженные размыванию дождевыми и талыми водами, часто не сохраняются. Процесс разрушения завершают солнце и ветер. Работая на степных речках юга Челябинской области, таких как Худолаз, Синташта, Берсуат и других, приходится сталкиваться с остат-

Каменные орудия со стоянки Ганичата

Карта-схема расположения основных палеолитических памятников Урала

ками палеолитических стоянок, артефакты с которых лежат прямо на современной поверхности. Можно идти по берегу речки несколько километров, встречая отдельные скопления изде-

1. Стоянка Бызовая (Бызовская)
2. Пещера Студеная
3. Пещера Медвежья
4. Стоянка Гари (Гаринская)
5. Грот Близнецова
6. Стоянка Гарчи 1
- 7, 8. Местонахождение Ганичата I, II
9. Грот Столбовой
10. Стоянка им. Талицкого (Осторовская)
11. Местонахождение Пещерный лог
12. Стоянка Заозерье
13. Стоянка Горная Талица
14. Грот Большой Глухой
15. Стоянка Гальянская
16. Местонахождение Ельники II
17. Местонахождение Драчево
18. Грот Безымянный
20. Грот Бобылек
21. Навес Устиново
22. Пещера Ключевая
23. Пещера Бурановская
24. Игнатьевская пещера (Ямазы-Таш)
25. Серпиевская 2-я пещера
26. Гроты у каменного кольца
27. Стоянка Ильмурзино
28. Местонахождение Горново
29. Стоянка Троицкая I
30. Стоянка Мысовая (Урта-Тубе)
- 31, 32. Пещеры Смеловские I, II
33. Стоянка Богдановка
34. Пещера Кульюрт-Тамак
35. Пещера Каповая (Шульган-Таш)
- 36, 37. Пещеры Мурадымовские I, II
38. Местонахождение Мамонтова Курья
39. Грот Пымва Шор
40. Стоянка Шикаевка II

лий из камня, определить возраст которых сложно, поскольку природа может так «обработать» кремль, что он становится похож на изделие, выполненное человеческой рукой. Только большой археологический опыт позволяет отделить «зерна от плевел». Такие местонахождения широко распространены не только на степном юге Урала, но и на территориях Средней Азии, Казахстана и Монголии.

В это же время человек начинает осваивать южноуральские пещеры, как кратковременные укрытия от непогоды и места ночлега. Одной из первых была открыта пещера Смеловская II в Кизильском районе. Неприметная пещерка на берегу небольшой, заросшей ивняком речки Малый Кизил исследовалась в 1950–1960-е годы К. В. Сальниковым и О. Н. Бадером. Культурный слой был обнаружен на глубине около 1,5 м и содержал более 50 изделий из камня, подвески, сделанные из

Схема стратиграфии Урала					Археологическая периодизация	Человек	Археологические памятники						
Система (период)	Надраздел (эпоха)	Раздел (фаза)	Звено (пора)	Хронологические рубежи (лет назад)									
ЧЕТВЕРТИЧНЫЙ (Q) (КВАРТЕР)	ГОЛОЦЕНОВАЯ (H)	ПЛЕЙСТОЦЕНОВАЯ (P)	НЕОПЛЕЙСТОЦЕНОВАЯ (NP)	Поздняя (III)	10 300	Энеолит Неолит Мезолит	Неандерталец Homo sapiens sapiens Homo sapiens arcticus	Игнатьевская Каповая Байсланташ Троицкая Гари Талицкого Богдановка Мысовая					
					40 000 50 000				Поздний палеолит	Верхнепалеолитические индустрии			
	130 000				Средний палеолит	Мустье			200 000	Homo erectus Homo ergaster	Ельники II Краснокаменка		
	375 000								Ранний палеолит			Ашель	
	800 000				Олдувай	Homo habilis							
	1 200 000								Ранняя (EII)	1 800 000			
	2 500 000										Ранняя (EI)		
	НЕОГЕНОВАЯ				ПЛИОЦЕНОВАЯ	ЭОПЛЕЙСТОЦЕНОВАЯ (E)			Ранняя (EI)	1 200 000	1 800 000		
									Поздняя (EII)	800 000			

талька, а также кости лошади, носорога, зубра, северного оленя, косули, пещерного медведя, волка и др. Изучение костных остатков позволило сделать вывод о том, что люди, жившие здесь 40–30 тыс. лет назад, неоднократно использовали пещеру во время охоты, причем, преимущественно в летне-осенние периоды, поскольку большинство костей принадлежало жеребяткам. О летнем времени жизни говорит и то, что в пещере не обнаружено остатков крупных долговременных очагов, а лишь отдельные небольшие угольки.

Это может показаться странным, но большинство найденных палеолитических стоянок на Урале, относится к заключительному и самому суровому ледниковью в истории, которое продолжалось от 24 до 11 тыс. лет назад. Видимо, человеческие коллективы настолько хорошо адаптировались в окружающей природе, что даже лютые морозы того времени были им нипочем. Одно слово – уральцы! Можно гордиться нашими древними земляками.

Прежде всего, это пещерные кратковременные убежища в горных районах, а также гроты и навесы в предгорьях. В самом центре южноуральской горной страны на реке Белой в Башкирии обнаружено сразу три пещеры, которые человек использовал 14–15 тыс. лет назад. Самая известная из них – Каповая пещера с палеолитической живописью. О ней речь пойдет ниже, поскольку в ней, так же как и в нашей Игнatieвской пещере на р. Сим, люди не жили, а приходили сюда проводить различные обряды, это был один из первых «храмов» нашего края.

Пещера Кульюрт-Тамак расположена на правом берегу реки Белой, в одном километре ниже по течению от Каповой пещеры. Начало исследованию пещеры положил О. Н. Бадер, который во время раскопок в 1961, 1965, 1968 и 1971 годов вскрыл площадь в 37 кв. м и обнаружил 14 кремневых отщепов. В 1987–1988 годы П. Нехорошевым в пещере были заложены новые раскопы и доисследованы раскопы О. Н. Бадера. Культурный слой залегал на глубине от 1 до 2,5 м и имел мощность до 0,6 м.

Встречались плохо сохранившиеся кости животных, в частности бизона и мамонта, и каменные изделия. В коллекции из раскопок рассчитывается 348 экземпляров каменных изделий. В качестве сырья использовался яшмовидный кремень и местные галечные породы. Среди орудий, найденных в пещере – угловые резцы, пластины с обработанным торцевым краем, микропластинки с ретушью, долотовидные орудия. Для слоя с находками по древесному углю была получена дата 14920 ± 660 лет назад.

Очень интересна пещера Байсланташ, расположенная в Мелеузовском районе республики Башкортостан, на правом берегу р. Белой, в километре к западу от хутора Актуба. В 1961–1962 годы пещера обследовалась А. П. Шокуровым и Г. Н. Матюшиным. Раскопки в 1999–2003 годах проводились уфимским археологом В. Г. Котовым. Вскрытая площадь составила 700 кв. м на глубину 6 м. Культурные остатки верхнего палеолита приурочены к слою светло-бурого суглинка со щебнем, мощностью до 1 м. По данным радиоуглеродного анализа костных остатков культурный слой датируется 13560 ± 250 лет назад. Коллекция представлена 1384 предметами из камня и кости. Большое количество орудий и заготовок, в числе которых резцы, скребки, острия, скребла, ножи и т. п., позволяет предполагать, что здесь была охотничья стоянка, которая посещалась древними людьми достаточно продолжительное время.

Мурадымовская пещера расположена на правом берегу р. Большой Ик, притока р. Белой, в 2–3 км выше по течению от деревни Алдыбаево в Башкирии. Всего в пещере было вскрыто 43 кв. м площади. На глубине от 1,62 до 2,02 м обнаружены темные очажные линзы с углем, красной пережженной глиной, костями животных. Найдены две хорошо ограненные пластинки из яшмы.

Несколько пещер, гротов и навесов со следами жизни в верхнем палеолите были исследованы на северо-западе Челябинской области и в соседних районах Свердловской области. Утес-

навес Устиново расположен на реке Миасс на высоте 5,5 м от уреза воды в Миасском городском округе Челябинской области. На площадке под навесом была заложена траншея площадью 7,65 кв. м. В слое бурого суглинка на глубине 0,3–0,6 м были обнаружены костные остатки плейстоценовой фауны, в частности лошади уральской, шерстистого носорога, северного оленя и др. Вместе с костями найдено пять каменных изделий из сургучно-зеленой яшмы и светло-серой кремнистой породы: конический нуклеус, пластинка и три отщепы. По костям из слоя получена радиоуглеродная дата стоянки – 15981 ± 705 лет назад.

Грот Зотинский I находится на левом берегу реки Багаряк, на высоте 9,5–11 м от уреза воды в 2–2,5 км от села Зотино Каслинского района Челябинской области. В гроте и на предвходовой площадке вскрыто 18 кв. м. В слое желтой глины на глубине от 0,85 до 1,97 м найдены многочисленные кости плейстоценовой фауны (пещерный медведь, шерстистый носорог, бизон) и каменные изделия. Сырьем для изготовления орудий послужила зелено-красная яшма. Коллекция каменного инвентаря включает небольшое количество изделий: комбинированное орудие на пластинке, имеющее рабочие грани ножа, резца, скребка и, возможно, резчика, вертикальный скол с призматического нуклеуса, три пластинки и два резцовых скола.

Гроты у Каменного кольца расположены в Серпиевском карстовом участке на правом берегу реки Сим в скальном массиве на высоте 12–13 м над уровнем реки. Гроты смежные, защищены навесом: западный – глубокий и узкий, восточный – широкий и короткий. Всего в гротах было вскрыто около 30 кв. м поверхности. На глубине 0,5–0,8 м в первом гроте, а во втором гроте на глубине 1,4 м были обнаружены культурные слои с остатками очагов, большим количеством костей плейстоценовой фауны (носорог, пещерный медведь, северный олень, бизон и др.) и каменные изделия. Сырьем для изготовления орудий послужил светло-серый и черный кремний, светлая и зеленая

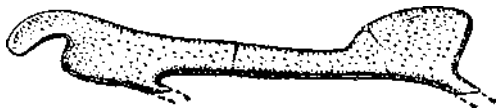
кремнистые породы. Орудия изготовлены в основном на пластинках с правильной параллельной огранкой. Среди орудий встречаются скребки, пластины с выемками, пластинки с ретушей.

В верхнем течении реки Уфы в пределах Челябинской области, Н. Р. Тихоновой, Н. Г. Смирновым и В. Н. Широковым изучался грот Бобылек. В результате проведенных раскопок было обнаружено около 450 орудий и заготовок из кремня, яшмы, кости и бивня. Среди орудий встречены ножи, резцы, скребки, проколки и т. д. Очень интересны изделия из кости и бивня мамонта, украшенные гравированными линиями – это обломки вкладышевых орудий и тонкие пластинки из бивня с просверленными отверстиями, которые могли служить заготовками для бус. Остатки охотничьей добычи представлены костями северного оленя, зайца, лошади.

Несколько особняком стоят находки из грота Безымянного на левом берегу р. Пышмы, исследованного В. Т. Петриным и Н. Г. Смирновым. На глубине около 2 м вместе с немногочисленными изделиями из камня и костями северного оленя, лошади, бизона, зайца, сайги и др., был найден оригинальный комплекс вещей из кости: обломок браслета, три обломка овального стержня из бивня, крупная бусина цилиндрической формы, проковка. Самой интересной находкой является фигурка животного, похоже, из семейства кошачьих, выполненная из тонкой пластинки мамонтового бивня. Неординарность находок навела В. Т. Петрина на мысль, что здесь могло быть погребение человека эпохи палеолита, в дальнейшем разрушенное.

Следы стоянок палеолитического человека были обнаружены при изучении пещер на реке

Юрюзань. Так, в пещере Бурановской на глубине 2,5 м находился очаг округлой формы, диаметром около 1 м, сложенный из сильно обожженных и растрескавшихся камней. Возле него со-

хранились кости животных и 3 отщепа из кремня. Немного ниже по течению реки находится пещера Ключевая, в которой на глубине более 1 м был обнаружен культурный слой, насыщенный угольками, пережженной костью и обугленными камнями. Здесь же найдено несколько орудий из камня и кости со следами обработки. Следы жизнедеятельности этого времени обнаружены и на реке Ай, в 26 км от города Сатка, в пещерном комплексе Сикияз-Тамак, исследованном В. И. Юриным. Расположенные на полуторакилометровом береговом участке 42 пещеры, грота и навеса включают в себя и объекты палеолитического возраста.

Из приведенного выше краткого обзора археологических объектов завершающего этапа палеолита видно, что подавляющее большинство из них по характеру и количеству находок можно считать временными охотничьими лагерями. В суровых условиях позднеледниковья уральцы использовали пещеры, гроты и навесы для того, чтобы укрыться от непогоды, обогреться и обсушиться, переночевать, подремонтировать охотничий инвентарь и с наступлением утра двигаться дальше. Естественно возникает вопрос – если это все места кратковременных остановок, то где же жили древние охотники? Где были их постоянные поселения?

Конечно же были и долговременные поселения, просто они пока не найдены и этому есть веские причины. Окружающая нас природа, включая рельеф местности, русла и берега рек, которые мы сегодня видим, 12–15 тысяч лет назад была совсем другой. Многое поменялось с того времени, поэтому найти стоянку ледникового периода очень сложно, поскольку иной раз невозможно предугадать – где же была река, а где был берег. Как правило, долговременные поселения, располагавшиеся на ровных площадках речных берегов, находят по воле случая. С чем же были связаны столь существенные изменения в природе?

После Ледниковья

Время окончания последнего оледенения, отступления ледника, глобального изменения климата 10–11 тысяч лет назад было труднейшим для населения Урала. Упрощая ситуацию, можно сказать, что человеческие коллективы, пережившие эти события, получили «опыт», в значительной мере обеспечивший их выживание в последующие тысячелетия. Начиналась эпоха голоцена. Голоцен – это современный геологический период, который начался после отступления ледника, примерно 10 тыс. лет назад и продолжается до настоящего времени. На периоды раннего и среднего голоцена приходятся заключительные этапы эпохи камня: мезолит – 10–9 тыс. лет назад, неолит – 8–7 тыс. лет назад и энеолит – 6–5 тыс. лет назад. Последний из них – энеолит (медно-каменный век) уже является переходным к бронзовому веку. На Урале в этот период еще полностью господствуют каменные орудия, изделия из металла единичны, и не играют большой роли в материальной культуре, поэтому мы относим энеолит к заключительному этапу эпохи камня.

Резкое повышение влажности и температуры в начале голоцена, таяние вечной мерзлоты привели к полному разрушению, нарушению старых миграционных путей животных, утрате мест стоянок, изменению флоры и фауны. Стремительность этих трансформаций, безусловно, была катастрофичной для обитателей многих территорий. Если в предшествующие эпохи господствовали сухой воздух и довольно низкие температуры, то в начале голоцена на самые разные стороны жизни человеческих коллективов стали влиять влажность и повышение температуры. В самом общем виде, с точки зрения экологии человека, основной задачей ранне-голоценового мезолитического населения являлось приспособление к формирующимся условиям умеренного климата. При этом были свои сложности.

Если адаптация к резко континентальному климату значительно расширяет норму биологической реакции, то переход к более мягкому климату не представляет больших трудностей для организма. Основные проблемы раннемезолитического населения были связаны с освоением новых ландшафтов и источников пищи, новых коммуникационных возможностей. Необходимость их решения обуславливала изменение материальной культуры, которую приспособляли к новой природной обстановке.

Вероятно, общее смягчение климата привело к тому, что энергетические потребности организма человека снизились. Вследствие этого не столь необходимыми стали высокая калорийность и питательность еды. Заложенные в эпоху верхнего палеолита основы принципа наиболее широкого использования пищевых ресурсов не получили своего развития. Человек на постоянной основе осваивает такой новый источник белковой пищи, как некрупная рыба и беспозвоночная фауна, добыча которой не сопряжена с опасностью для жизни. Они становятся надежным источником еды в самые тяжелые и неблагоприятные сезоны года. Большая обеспеченность легкодоступными пищевыми ресурсами значительно облегчает жизнь менее защищенным членам общества – женщинам и детям. Результатом этого становится рост численности населения, особенно заметный у неолитических охотников-рыболовов-собирателей.

Голоцен, также как и плейстоцен, делится на несколько периодов с различным климатом и растительностью. Разница только в том, что если в плейстоцене эти периоды исчислялись десятками тысячелетий и за счет влияния ледника, характеризовались кардинальными изменениями в природе, то в голоцене периоды колебаний климата стали короче – 2–3 тысячелетия, да и природные изменения не были так существенны. Позднейшие этапы эпохи камня на Южном Урале связаны с периодами голоцена, которые названы по типам господствовавшего кли-

Хронология, лет назад	Периоды	Археологическая периодизация	Урал (зона основных хребтов)	Восточные предгорья
4 100	Суббореальный	Бронзовый век	Интенсивное иссушение климата и потепление. На юге региона – сухие степи и полупустынные ландшафты с кустарниками и полянами. На севере преобладание сосновых лесов с примесью березы и широколиственных	
4 800		Энеолит	Похолодание климата и увлажнение. Кедрово-сосново-еловые леса с примесью березы, лиственницы, пихты, ели	
6 000	Атлантический	5 200	Климатический оптимум – идеальное сочетание тепла и влаги. Смешанные сосново-березовые леса с примесью ели, пихты, сибирского кедра. Увеличение участия широколиственных пород: вяз, орешник, дуб, граб	
8 000		Неолит	Нарастание тепла. Преобладание березово-соснового леса с примесью ели, лиственницы, сибирского кедра. Постепенное увеличение примеси широколиственных Установление широтной зональности ландшафтов Более сухой климат, небольшое похолодание. Сосново-еловые леса с участием березы и незначительно пихты	
9 200	Бореальный	Мезоолит	Климат теплее, чем в пребореале. Сомкнутые сосновые леса с примесью березы, ели, лиственницы, сибирского кедра. Местами присутствует пихта, ильм, реже дуб и липа	
10 300	Пробореальный		Климат холоднее современного. Березовые и сосновые леса с примесью ели и лиственницы. Остатки перигляциального травянисто-кустарного комплекса	
	Плейстоцен	Верхний палеолит	Резкий природно-климатический перелом, потепление климата, переход к лесным ландшафтам Климат резкоконтинентальный, холодный и сухой. Основной ландшафт перигляциальная тундростепь, вечная мерзлота	

Зауралье (Тоболо-Ишимье)	Археологические памятники
Теплый и наиболее сухой климат, исчезают леса, преобладают луговые степи. Смещение границ ландшафтов на север	Синташта, Аркаим, Ольгино, Аландское, Коптяки, Ташково II 4 100
Умеренное похолодание и увлажнение. Ландшафты лесостепного типа, преобладают береза с небольшой примесью других пород	Агаповка I, Бурли II, Макан, Путиловская заимка, Шатанов III, Юрюзанская II, Шувакиш, Горушки, Кочегарово I, Савин I
Умеренно-теплый климат с признаками увеличения влажности. Луговая растительность разнотравно-злаковая. В перелесках преобладает береза, сосны мало	5 200
Очень теплый климат. Расширение площади лугового разнотравья, небольшое сокращение березовых лесов с небольшой примесью ольхи и сосны	Чебаркуль II, Черников брод, Краснокаменка, Кошкино, Боборыкино II, Исетское Правобережное, Евстюниха, Полуденка, Ташково I, Кокшаровский холм, Юртобор 8 000
Климат более теплый и влажный по сравнению с современным. Обилие мелколиственных лесов: береза, осина, ольха. Луговые и лесостепные ландшафты ?	Андреевка III, Чебаркуль XVII, Юрюзанская I, Янгелька, Сухрино I, Выйка II, Серый Камень, Убаган III, Катенька 10 300
Резкий природно-климатический перелом, потепление климата, переход к лесным ландшафтам Климат резкоконтинентальный, холодный и сухой. Основной ландшафт периглянциальная тундростепь, вечная мерзлота	Андреевка III, Чебаркуль XVII, Юрюзанская I, Янгелька, Сухрино I, Выйка II, Серый Камень, Убаган III, Катенька

мата пребореалом, бореалом, атлантиком и, частично, с суббореалом. Продолжительность этих периодов и их датировка у разных исследователей не всегда совпадают.

Применительно к голоцену восточного склона Уральских гор представляется привлекательной идея, впервые высказанная П. А. Благовещенским, об индивидуальном развитии палеоландшафтов восточного склона Уральских гор, что было связано с иной выраженностью климатических изменений, чем это имело место в Европейской России. Подобная индивидуально-региональная выраженность палеоландшафтов особенно характерна для Южного Урала, который периодически находился под достаточно интенсивным воздействием субтропических воздушных масс ультрааридных областей. Сложность геологической истории Южного Урала в первую очередь связана с неоднократным периодическим преобладающим воздействием то южных, то арктических, то атлантических воздушных масс. Это вызывало значительные изменения палеоландшафтов, отражающих соответствующую климатическую ситуацию. При этом, как показали исследования, ландшафтно-событийные процессы отличались высокой динамичностью. С ними было связано возникновение как оптимальных, так и кризисных палеоэкологических обстановок, что сказывалось не только на жизненном укладе древнего человека, но и на процессах его расселения.

Для пребореала 9700–9000 лет назад по исследованиям Ю. А. Лаврушина и Е. А. Спиридоновой или 10300–9200 лет назад по исследованиям Н. А. Хотинского, В. К. Немковой и Т. Г. Суровой на Южном Урале выявляется достаточно сложная картина изменения природных условий во времени. По имеющимся материалам пребореал Южного Урала можно подразделить на три интервала. Для наиболее раннего из них были характерны островные березово-сосновые леса с господством на открытых пространствах полынных группировок с примесью разнотравья. Средний пребореал характеризовался более теплым и влажным климатом с господством сосновых лесов и уча-

стием ели и березы. Локальные степные группировки были представлены разнотравьем и злаками. По существу, именно этот интервал можно рассматривать как время становления современного типа зональных ландшафтов Южного Урала – разнотравно-ковыльных степей со степными борами и березовыми колками. В конце пребореала существенно уменьшилась облесенность и разнообразие древесных пород (исчезла ель), возросла роль полыней, большие участки стали зарастать полынью, что было обусловлено похолоданием и возросшей аридизацией климата.

В бореале 9000–8000 лет назад или 9200–8000 лет назад палеоландшафтная обстановка Южного Урала была достаточно изменчивой. В целом для этого этапа голоцена выделяются два интервала. Первый характеризовался теплыми и сухими климатическими условиями (бореальный термический максимум) с господством лесостепи. Среди древесных пород преобладала сосна, а открытые пространства были заняты маревопольными степями с незначительным разнотравьем. Второй – заключительный этап бореала связан с похолоданием и увеличением влажности климата. В лесах стало больше березы, а на открытых пространствах – разнотравья.

В целом для Урала бореальный период окончательно завершил процесс распределения растительных зон Урала: тундровой, лесной и степной. Граница между северной и южной климатическими областями проходила в бореальный период примерно по линии Соликамск – Нижняя Тура, т. е. намного севернее современной границы между Южным и Средним Уралом. Имеющиеся данные позволяют предполагать, что материальная культура и хозяйство населения Южного и Среднего Урала, а также Казахстанского и Курганского Притоболья этого времени формировались в близких природных условиях.

По археологической периодизации – это время называется мезолитом (средний каменный век). Средний в том смысле, что это время перехода от древнего каменного века – палеолита

к новому каменному веку – неолиту. Как уже говорилось выше, для человеческих коллективов – это период адаптации к новым – послеледниковым, уже близким к современным географическим и климатическим условиям.

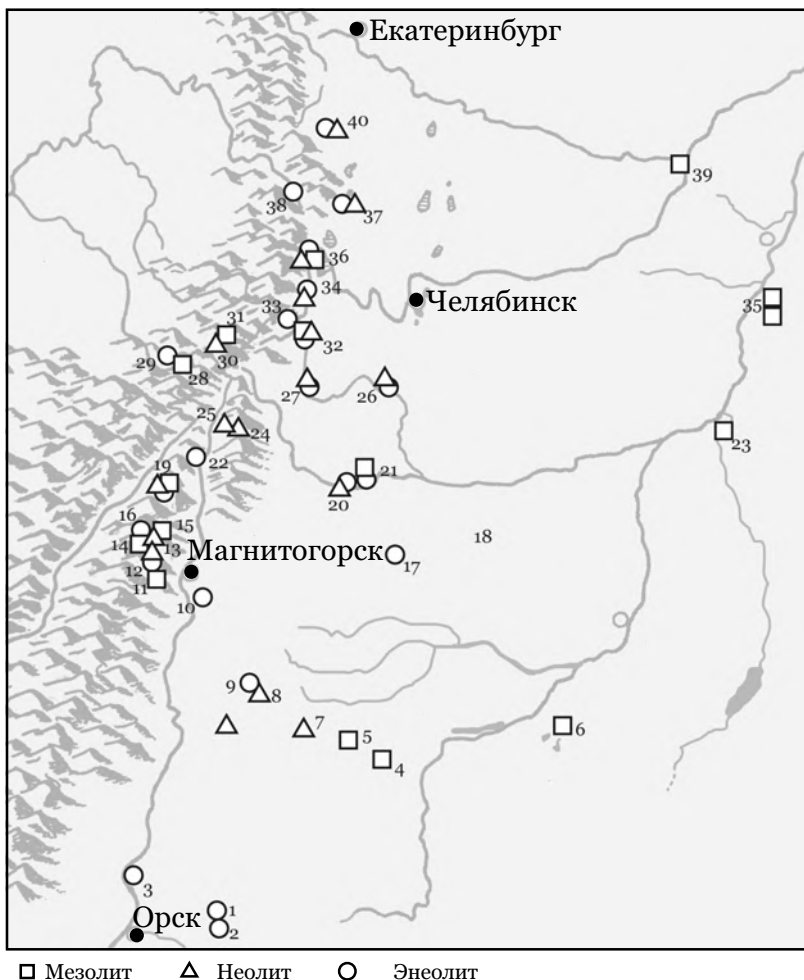
Места проживания охотников этого времени можно обнаружить уже во всех природно-ландшафтных зонах Южного Урала – от холмистых и равнинных степных районов до горной тайги. Наиболее известными стоянками мезолита, исследованными в разное время различными археологами, являются: Янгелька на озере Чеваркуль в зауральской части современной Башкирии, недалеко от Магнитогорска, Андреевка III на реке Синташта в Брединском районе Челябинской области, Чебаркуль XVII на озере Чебаркуль, Юрюзанская I на реке Юрюзань в Катав-Ивановском районе. Как правило, стоянки мезолита имеют небольшие по толщине культурные слои и, отражают, видимо, очень подвижный образ жизни охотничьих коллективов. Основными объектами охоты в это время были лось, косуля, лошадь, заяц и многие другие, включая пушных зверьков – куницу, соболя, песца.

Атлантический период 8000–4800 лет назад отмечен наибольшей дифференциацией растительных зон Урала и максимальным расцветом темнохвойных (ель, пихта) и широколиственных лесов (липа, вяз, клен, дуб). Отмечается интенсивная миграция на север широколиственных пород из южных районов Урала. К концу периода вяз, дуб и орешник достигли примерно широты Нижнего Тагила, а в Предуралье – еще более северных районов. Радиоуглеродные данные свидетельствуют, что процесс продвижения на север широколиственных лесов на Урале и Русской равнине достиг кульминации в конце атлантического периода – около 4700–4800 лет назад. На Южном Урале лесостепь – граница (пограничье) между лесом и степью, перемещавшаяся в предшествовавшие этапы послеледниковья к югу, достигла в атлантическом периоде положения, близкого к современному, и в дальнейшем оставалась более или менее стабильной. В самом

конец атлантического периода отмечается некоторое расширение степных пространств в лесостепных районах и незначительное остепнение самой южной окраины лесной зоны. Основные памятники этого времени: Чебаркуль I, II, Абселямовская, Краснокаменка, Путиловская Заимка, Ташбулатово I и многие, многие другие расположены во всех природно-ландшафтных зонах Южного Урала – от степной до горно-таежной. Основой хозяйства являлась сезонная охота и рыболовство.

Аналогичные данные получены в Западной Сибири: пыльцеспектры Барабинской лесостепи показывают, что здесь около 5000 лет назад происходило обезлесивание лесостепи, почти не затронувшее южного края лесной зоны. Более позднее, суббореальное продвижение степей на север здесь не отмечается. Изменения в растительности Урала в атлантическом периоде определялись всеобщим потеплением климата и изменением циркуляционных атмосферных процессов над Северной Евразией. Окончательное исчезновение остаточных ледников в Скандинавии и разрушение северо-европейского антициклона привели к установлению господства западного переноса влажных воздушных масс из Атлантики на восток, причем более интенсивного, чем в предшествовавшее и последующее времена. Оптимальное для живой природы соотношение тепла и влаги определило наивысший расцвет растительного и животного мира Урала, как и других районов Северной Евразии.

Суббореальный период 4500–2500 лет назад или 4600–2500 лет назад на Южном Урале характеризуется наиболее сложными, скоротечными и контрастными изменениями в ландшафтах. Отчетливо выделяются три продолжительных этапа, а также несколько более мелких интервалов, когда происходили коренные перестройки в ландшафтной зональности территории. Начальный этап суббореального времени – период глобального похолодания климата продолжительностью около 500 лет, вызвал серьезные изменения в структуре палеоландшафтов, сформировавшихся в атлантический период.

Основные памятники мезолита, неолита, энеолита Южного Урала

1 - Новокумское I; 2 - Ударник; 3 - Ишкиновка I; 4 - Маринская I; 5 - Андреевка III; 6 - Евгеньевка I; 7 - Синташта XIX-XXI; 8 - Усть-Утяганская; 9 - Александровский IV; 10 - Агаповка I; 11 - Янгелька; 12 - Суртанды III, VIII и др.; 13 - Сабакты VI, Ташбулатово I, Карабалыкты I, V, Villa; 14 - Якты-Куль; 15 - Мысовая; 16 - Карабалыкты IX, Березки, Мысовая; 17 - Дружный; 18 - Бурли II; 19 - Мурат; 20 - Путиловская Заимка; 21 - Стрелецкое II-IV; 22 - Ново-Байрамгулово; 23 - Убаган III, V; 24 - Каргайлы I; 25 - Учалинская; 26 - Красносельская; 27 - Краснокаменка; 28 - Юрюзанская I; 29 - Юрюзанская Пб, Пв; 30 - Долгий Ельник I; 31 - Мыс Безьямный; 32 - Чибаркуль I, II, IV, Ха, Хб, XV, XVI, XVII; 33 - Кысы-Куль; 34 - Латочка, Кораблик, Няшевка II, IV; 35 - Верхняя Алабуга, Камышное I; 36 - Аргазинские стоянки; 37 - стоянки на оз. Большая Нанюга; 38 - Уфа IV; 39 - Ташково IV, Па; 40 - Абселямовская, Иткульские I, II;

В районе реки Большая Караганка в Кизильском районе Челябинской области в ландшафтах выявлены леса с сосной и елью, а также луговое разнотравье и злаки. Данный интервал можно охарактеризовать как первое, самое значительное проникновение к югу темнохвойных лесов комплекса в голоцене, обусловленное усилением влияния воздушных масс сибирского антициклона. Средний этап суббореального времени связан с экстремумом ксеротермической фазы голоцена (4100–3800 лет назад). Это – этап интенсивной аридизации и потепления климата, которые способствовали расширению в южных районах зоны пустынь. На Южном Урале рассматриваемая ксеротермическая фаза оказалась хорошо представленной как палинологическими, так и геологическими материалами. В целом в растительных сообществах стали преобладать полупустынные кустарничковые сообщества, образованные полынными и маревыми. По естественным разрезам, а также по погребенным почвам удалось изучить весь отрезок времени среднего суббореала. Так, в начале и в конце этого интервала преобладали полынно-злаковые сообщества с небольшим участием маревых растений, а сам оптимум характеризовался только господством пустынной растительности.

Подобная очень быстрая смена лесостепных ландшафтов на полупустынные, несомненно, может рассматриваться как катастрофическое природное явление. Существовавшие перед этим кризисом обширные подпруженные водоемы в долине Большой Караганки превратились в солончаковые соры. Аридизация была столь значительной, что это способствовало возникновению на выровненном пространстве днища долины мощных трещин усыхания и соответствующего микрорельефа. Немаловажным фактом является также нахождение среди костных остатков животных фрагмента челюсти верблюда, существование которого, по-видимому, можно связать во временном плане с рассматриваемым этапом суббореала. В этот период происходило формирование каштановой погребенной

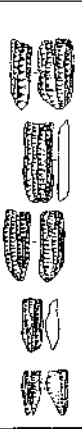

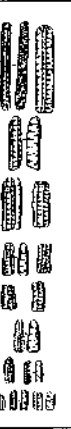
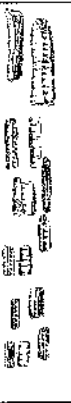
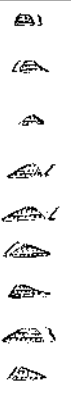

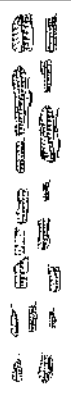
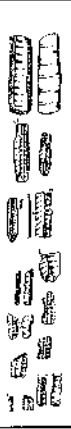

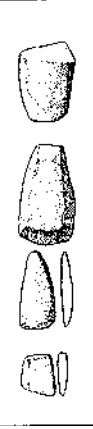

МЕЗОЛИТ	НЕОЛИТ	ЭНЕОЛИТ
		
		
		
		
		
		
		
		

Схема развития
в мезолите-энеолите
Южного Зауралья

почвы, являющейся ярким свидетельством аридной обстановки.

Увеличение сухости климата привело к обмелению и заболачиванию водоемов, ставшему для многих из них необратимым процессом, в результате которого они превратились в торфяные болота, что привело к коренной перестройке состава растительности. В конечном счете, эти процессы обусловили завершение каменного века на Южном Урале.

Что же было главным в рассмотренных нами периодах голоцена? Около 8 тысяч лет назад наступает период, который называется атлантическим или атлантиком, в археологической периодизации – эпоха неолита, самый благоприятный период в истории человечества. Климат становится теплым и влажным, реки наиболее полноводными. Современные степные районы Южного Урала были тогда настоящей плодородной лесостепью, перемежающейся с сосновыми борами. Необычайно богатым был и животный мир того времени.

Помимо всех известных сегодня на Урале животных, на открытых пространствах паслись стада диких быков-туров и табуны диких лошадей, на которых, в основном, охотилось неолитическое и энеолитическое население Южного Урала. В полноводных реках горных районов было много хариуса и форели, в спокойные течения равнинных рек бассейна Урала заходили на нерест осетровые. Все благоприятствовало развитию стабильного охотничье-рыболовческо-собирающего хозяйства. От 9 до 5 тыс. лет назад общество охотников и рыболовов благополучно развивалось, не испытывая внутренних и внешних потрясений, постепенно совершенствуя технику изготовления орудий из кремня и яшмы и заселяя всю территорию Южного Урала и Зауралья от западных хребтов до реки Тобол на востоке; от реки Урал в районе современного Орска на юге до Нижнего Тагила на севере.

Читатель может удивиться, почему до Нижнего Тагила, это ведь уже чуть ли не север Среднего Урала? Психологическим

препятствием к целостному рассмотрению историко-культурного развития региона, как единого вмещающего ландшафта, служит современное деление на Южный и Средний Урал. Начало этому положило административное деление территорий, сложившееся в первой трети XVIII века и зафиксированное на картах того времени. Современный Южный Урал полностью входил в состав Уфимского уезда, северная граница которого отделяла его от Кунгурского уезда и Екатеринбургского ведомства. В частности, это деление зафиксировано на «Ландкарте.., составленной в 1734 г.» и «Ландкарте с показанием тракту полковника Тевкелева от Красногорской крепости к Чебаркулю». В 1770-х годах один из отрядов Академической экспедиции под руководством профессора И. П. Фалька разделил Уральские горы на три части: Екатеринбургский, Богословский и Башкирский Урал. Впоследствии они получили географические названия: Северный, Средний и Южный. Такое деление изначально было предложено для удобства географического описания, а затем закреплено административной границей между Челябинской и Свердловской областями (географическая граница проходит южнее – севернее Таганайского горного комплекса – ред.), и сегодня воспринимается как нечто реально существующее, хотя вряд ли кто-то сможет сформулировать физико-географические критерии расположения такой границы.

В эпоху камня, разумеется, не было деления на Средний и Южный Урал, как и не было границ Башкирии, Челябинской и Свердловской областей, все это придумано намного позже. А тогда были просто горы, предгорья, озера, реки, леса и лесо-степи – вмещающие общее природное окружение, в котором людям было привычно и комфортно жить на протяжении тысячелетий. Да и сегодня природа где-нибудь возле Невьянска, не отличается от природы между Чебаркулем и Миассом, а озера Аятское и Исетское очень похожи на озера Увильды и Кисегач. Немного отличаются такие озера как Чебаркуль, Банное или Бугодак, но это только сегодня, когда один берег у них лес-

ной, а другой почти степной, но не нужно забывать, что раньше степи на юге практически не было, она появилась значительно позже. Районы восточнее полосы Екатеринбург – Нижний Тагил, по сути, являются лесостепными, хотя и много севернее границы лесной зоны, что отчетливо фиксируется, например, в бассейне реки Реж. И эта лесостепь очень близка лесостепным районам широты Челябинска. Заранее можно предвидеть возражения по поводу того, что лесостепь Среднего Зауралья сильно отличается от районов южнее реки Уй на Южном Урале. Однако, эти территории, которые сегодня географически относятся к степным, в реальности являются холмисто-увалистой лесостепью, что характерно для Урало-Тобольского водораздела. Современные данные по истории формирования этих ландшафтов позволяют говорить о том, что еще даже тысячу лет назад весь юг Челябинской области представлял собой лесостепь, где широко были представлены сосновые, лиственно-сосновые и смешанные с участием березы значительные участки леса. Об этом говорят нам специальные исследования ученых-палинологов, изучающих пыльцу древних растений и восстанавливающих древний ландшафт.

Люди жили в своем, привычном за многие века природном окружении, которое сейчас в науке называется вмещающим ландшафтом. Каждый народ, как и отдельный человек, рождается и растет в определенной конкретной природной среде, именно она создает его характер и даже внешний облик – это его отчина, малая родина, родной край. Еще древнегреческий ученый Геродот замечал, что народы ведут такой образ жизни, какой указала им природа данной местности.

Для того чтобы социум развивался динамично и плодотворно в течение многих веков, необходимо, чтобы на территории его проживания сочетались хотя бы два ландшафта. На Южном Урале это горно-лесные районы и зауральская холмисто-увалистая лесостепь. Именно это сочетание – от западных предгорий Урала до реки Тобол и было тем вмещающим ландшафтом, в

котором на протяжении семи тысячелетий благополучно жило население с одной, общей плавно развивавшейся культурой, говорившее на языке – одной из ветвей уральской языковой семьи, являвшееся предками современных угорских народов. Сегодня к угорским народам относятся ханты и манси, также как и частично сохранившие древние угорские черты башкиры и венгры. Уральское население конца эпохи камня имели характерные особенности материальной культуры, отличавшие их от соседей Предуралья и Западной Сибири.

Потому что от камня,

*или экскурс в историю
южноуральского кремня
и яшмы*

Потому что от камня, или экскурс в историю южноуральского кремня и яшмы

Древние люди, тысячелетиями населявшие Урал, для изготовления орудий использовали одни и те же породы камня, которые воспринимались ими вместе с окружающими реками, лесами и полями как «свой», т. е. как часть вмещающего ландшафта. Они знали их и умели находить. Можно сказать, они были первыми геологоразведчиками. Конечно, в эпоху камня использовали для изготовления орудий и другие материалы, например, дерево и кость, но они долго не сохраняются и археологи имеют дело преимущественно с орудиями из камня. Кроме того, по своим физическим свойствам именно камень был главным в выборе сырья для древнего человека. Среди разнообразия камней наиболее подходящими для изготовления орудий оказались кремнистые породы – они твердые, хорошо раскалываются и дают прочные и очень острые края. Этот набор признаков стал определяющим при выборе именно кремня. Орудия из кремня долго не ломаются и не изнашиваются.

Яшма как поделочный камень

На одном из первых мест среди кремнистых пород, использовавшихся для изготовления орудий, наряду с разновидностями кремня, стоит яшма. Интересные исследования по истории уральской яшмы провели В. Б. Семенов и Г. Н. Матюшин. По десятибалльной «шкале твердости», предложенной немецким минералогом Ф. Моосом в начале прошлого века, ее твердость

равна 7 (алмаз – 10, корунд – 9, топаз – 8). Правда, надо иметь в виду, что эта шкала не дает представления об истинной твердости минералов и горных пород. Твердость алмаза в действительности в 140 раз превосходит твердость корунда, а яшма по твердости уступает алмазу не в три, а в 3500 раз.

Очень интересно происхождение и самого названия этого камня – яшма. В привычном для нас «яшма» можно предполагать греко-латинские «яспис», «иаспис». Одни исследователи прошлого века производили наименование непосредственно от греческого «ятро» – исцеляю: суеверия приписывали яшме лекарственную силу. Другие связывали с близкими по звучанию еврейскими, арабскими, персидскими и афганскими терминами. В наши дни утвердилось предположение, что все они берут начало от ассирийского «ашпу», а корни последнего, как предполагают, лежат в языке финикийцев. С легкой руки римских минералогов вошло в правило награждать яшму самыми невероятными именами. Вплоть до XVIII века названия различных видов яшм отражали скорее эмоции и отношение к камню. Суммируя опыт своих предшественников, один из наиболее выдающихся деятелей минералогической науки XVIII – начала XIX века, В. М. Севергин в «Подробном словаре минералогическом, содержащем в себе подробное объяснение всех в минералогии употребляемых слов и названий» привел пятьдесят три названия, относящиеся к яшме. Латинские, немецкие, французские, шведские. В России они не прижились. Уже в середине XIX века латинское «яспис» было вытеснено простонародным «яшма».

Различные виды яшмы по мере их открытия получали русские названия по месту нахождения; кроме того, по окраске – палевая, празеленая, печёночная; по рисунку – ленточная, крапчатая; по именам первооткрывателей – шалимовская и т. п. Изредка бытовали народные названия. Например, уральское название «коломенковая яшма» производят от слова «коломянка» – так называли материю палевого цвета для летних рубаш. Латинская терминология, даже торжественное «саксум иаспис

сибирикус», предложенное В. М. Севергиным для уральской яшмы, была предана забвению.

История яшмы в России начинается с XVIII века. К 1717 году относится первое свидетельство о российской яшме, добытой близ Нерчинского завода в «Яшмовой горе» на реке Аргуни в Забайкалье. Уральские яшмы проникали в Петербург также в начале XVIII века. Первые «ясписовые камни», которые стали шлифоваться на Петергофской гранильной мельнице, были из Башкирии. Уже к 1750 году в расцветавшем тогда как «столица Уральского Хребта» Екатеринбурге утвердился кустарный промысел, для которого с огромными трудностями через казачьи поселения Южного Урала добывали яшмовый камень с «башкирских земель». Первые вазы и чаши из яшмы в описях Государственного Эрмитажа значатся как подарки императору Александру I от «камергера и кавалера разных орденов графа Строганова Павла Александровича». Каждая такая ваза – уникальное произведение камнерезного искусства, а сделано их немало. Только мастера Колывани (Алтай – ред.) за сто лет (1802–1902) высекали около 250 крупных ваз. Они создали 74 колонны, многие из которых более четырех метров; несколько десятков каминов, канделябров-торшеров, столешниц, пьедесталов к вазам, а также великое множество более мелких изделий.

В постановлении жюри Лондонской выставки 1851 года говорилось по поводу русских яшмовых ваз: «Мы не думаем, чтобы столь грандиозные и так хорошо сделанные произведения были когда-либо исполнены со времен греков и римлян». Поистине чудеса камнерезного искусства создавали русские умельцы XVIII–XIX веков. По описи 1895 года, в Государственном Эрмитаже хранилось 117 крупных ваз, чаш и столешниц из яшмы. Большая часть их была изготовлена из «полосатой сибирской» – кушкульдинской, южноуральской аушкульской и из зелено-серой калканской яшм с берегов одноименных озер.

В 1751 году оренбуржец Семен Черемисинов отыскал в старых чудских копиях близ озера Иртяш «камня крапчатого наподобие ясписа». В ноябре этого же года башкирский старшина Агилды Сатангулов объявил о найденной им «в полуденную сторону от Чебаркульской крепости, при речке Санарке, зеленой яшме».

Ранней весной следующего года башкиры Умер (Юмер) Юмышев и Янгилды Биеклдишев обнаружили светло-зеленые яшмы на реках Бешеляк, Кандабулак и «камень подобной агату видом красной с белыми прожилками подобен мелкому глянду» на окруженной топкими болотами небольшой возвышенности в окрестностях деревни Уразово. Это была та самая уразовская яшма, что более известна под именем «великолепного мясного агата». Из этой яшмы изготовлялись крупные вазы и чаши не только на Екатеринбургской, но и на Колыванской гранильной фабрике. В Эрмитаже находится полусферическая ваза из уразовой яшмы. Ваза сделана в 1804 году.

В октябре 1756 года каменотесец Иван Красавин заложил пробный шурф на юго-западном берегу озера Калкан у подножия пологого склона горы Сабинды в поисках объявленного башкирским старшиной Алтебаном Степановым «голубова яшмового камня с синими прожилками». Так началась история знаменитой калканской яшмы, получившей имя от озера. По своей природе калканская яшма – туф, совершенно не имеет в своем составе кварца и обрабатывается значительно легче, чем классические яшмы, содержащие до восьмидесяти процентов кварца. Более двухсот лет назад бывшие императорские гранильные фабрики Петергофа и Екатеринбурга начали делать из калканской яшмы вазы и чаши. Материал по качеству был особенно привлекателен и допускал выделку тонких деталей. Мастера прошлой эпохи оставили нам несравненные по красоте и ценности произведения камнерезного искусства, изготовленные из этого камня.

В 1930-е годы техника потребовала от камнеобрабатывающей промышленности химических ступок, валков для обработ-

ки кожи, и для этого, вместо импортного агата, была широко использована калканская яшма, отличающаяся однородностью материала, вязкостью и достаточной сопротивляемостью истиранию и давлению. Академик А. Ферсман писал, что если яшма во все времена была любимым материалом для русских камнерезов, то избранной среди нее является калканская яшма. На изделиях из калканской яшмы можно проследить почти всю историю русского камнерезного искусства – от простых и строгих форм XVIII века до сверх вычурных и помпезных изделий начала XX века. Мастера XVIII–XIX веков любили калканскую яшму за то, что она была не такой твердой, как кушкульдинская или орская, а рисунок ее был тоже волнистым, хотя и почти одноцветным, серовато-зеленым с более светлыми и более темными полосами. При гладкой полировке яшма давала красивый рисунок то серо-стального волнистого «моря», то нежно-зеленого «колышущегося поля», и, право, жаль, что иногда рисунок природного камня скрывается под богатым орнаментом и вычурной резьбой.

Библиотеку Зимнего дворца – Эрмитажа украшает ваза цилиндрической формы, в верхней части украшенная поясом из акантовых листьев и цепочкой «жемчуга». Среди ваз Эрмитажа из калканской яшмы можно найти прямо-таки античные по форме. В Георгиевском зале Зимнего дворца, там, где когда-то стоял трон русских императоров, между колоннами стоят наиболее выдающиеся произведения русских гранильщиков. Правый ряд их начинают и замыкают вазы из калканской яшмы. Калканская яшма была настолько популярной в XIX веке, что из нее делали вазы и чаши не только на Петергофской и Екатеринбургской фабриках. Далекая Колыванская фабрика на Алтае, построенная для того, чтобы делать различные вещи из местного материала, частенько выписывала с Урала калканскую яшму для своих изделий. В Эрмитаже хранятся далеко не все изделия из калканской яшмы, многие крупные вазы и чаши дарились зарубежным королям, принцам и другим лицам.

В Государственном архиве СССР много дел с названиями вроде такого: «О подарке королю прусскому вазы из орлеца, и принцу Карлу Прусскому чаши из серой ленточной яшмы», «О выбранных Великой Княгиней двух ваз из калканской яшмы» и тому подобных. Очень много шедевров русского камнерезного искусства ушло за границу.

В ноябре 1756 года каменотесец Василий Волков начал разработку по реке Яику (Урал) близ деревни Кошкульды знаменитой позднее ленточной яшмы. Необычайная насыщенность малиново-красных, буро-красных, зеленых, палевых, черных тонов, тончайшие нюансы зеленого цвета выделяют эту яшму от общего пестроцветья. В XVIII веке эту «лучшую яшму» называли «сибирской», «сибирской ленточной яшмой», «ушкульдинской» и, как сейчас, – «кушкульдинской». Название «Кушкульда» не найдешь ни на современных, ни на старинных картах. Нельзя сказать, что до нас никто не пытался разыскать месторождения кушкульдинской яшмы. Искали многие. Еще в первой половине XIX века на Южный Урал снаряжали специальные государственные экспедиции для ее поисков. Например, в 1846 году по особому указу императора была снаряжена такая экспедиция под началом полковника И. Вейца. Экспедиция обнаружила два месторождения калканской яшмы: и месторождение красной полосчатой кушкульдинской яшмы, однако от последней, писал Вейц, «трудно ожидать большие куски. Можно рассчитывать лишь на мозаичные работы». Такое примечание говорило о том, что экспедиции не удалось напасть на коренные месторождения кушкульдинской яшмы. Что же касается мелких кусочков, которые собрала экспедиция, то они обычно рассеиваются далеко за пределами коренного месторождения. Кроме того, экспедиция добыла 4000 пудов калканской и 200 пудов орской яшмы. 26 образцов яшм в виде отшлифованных плиточек было отправлено в Петербург. Те яшмы, которые не смогли вывезти, опустили обратно в копи, а ямы засыпали, чтобы «никто не мог похитить яшмы». Позднейшие

поиски кушкульдинской (ушкульской) яшмы были также малоуспешными. Это породило целую легенду о том, что якобы башкиры, чтобы скрыть месторождение любимого камня, соорудили на ее выходах огромную мечеть.

Тайну кушкульдинской яшмы в 1930-е годы пытался разрешить известный академик А. Ферсман. По его предположению, деревня Кушкульда находилась на месте современной деревни Наурузово, где к тому времени нашли выходы подобной яшмы. Однако когда он снарядил специальную экспедицию в Наурузово и стал расспрашивать местных жителей, не помнят ли они, что их деревня раньше называлась Большой Кушкульдой, никто не мог подтвердить этого. Конечно, можно предполагать, что старое название совершенно забылось, но можно думать, что Кушкульдой называли не деревню, а что-то иное: озеро, гору и т. п.

Любопытно, что в источниках-описях XVIII и начала XIX века эта яшма называется «шкульдинской» или еще чаще «ушкульской». Разглядывая карту, мы обратили внимание на маленькое озеро Ушкуль (Ускуль). А может быть, именно отсюда пошло название ушкульская? Ушкул (эщ'кулы) в переводе означает «руки». Недалеко от деревни Наурузово имеется еще одно сходное название – Узункуль – это имя более крупного озера. Видимо, это русифицированное «озон'куллы», то есть – «длиннорукий». Надо иметь в виду, что у башкир – ды, окончание, означающего прилагательность, тогда Кушкульды-Озонкульды означает озеро Длиннорукого. Так могли звать патриарха рода, на чьих вотчинных землях оно находилось. Возможно, именно от этих слов и происходит название ушкульская, переделанное позднее в «ушкульдинскую» яшму. Все эти названия встречаются в делах XVIII–XIX веков применительно к одному и тому же материалу. Возможно, что писари, переписывая описи и деловые бумаги, часто путали эти названия, и потому потребовалось изменить слово «ушкульская» в «кушкульдинская». Полоса кушкульдинской яшмы тянется от озера

Узункуль в сторону деревни Наурузово, где, по преданию, и была построена мечеть на выходах яшмы, которые были настолько обширными, что закрыть их мечетью было невозможно.

Одно из богатейших месторождений получило имя от таежного болотистого озера Аушкуль (Ушкуль) на Южном Урале. Прямо от озера поднимается гора Ауш, возвышающаяся над окружающей местностью более чем на четыреста метров. На склоне горы – деревня Старобайрамгулово. За озером виднеется скалистая вершина горы Уй-тош. Поднимаясь по склону горы Ауш, можно увидеть выходы знаменитой «аушкульской яшмы». Цвета яшмы светлые – палевый и песочный, красоту ей придают марганцевые дендриты, создающие рисунок, иногда напоминающий веточки растений. Аушкульская яшма несколько мягче обычных, к тому же изобилует пустотками, мякотинами, образующими на полированной поверхности чуть заметные матовые пятна. Разработка аушкульской яшмы началась еще в XVII веке. В XVIII веке она использовалась уже в качестве одного из основных видов сырья для изготовления ваз и чаш для Кабинета Его Величества. Кабинет поставляет изделия из аушкульской яшмы ко двору и преподносит по случаю разных праздников от имени императора различным сановникам, иностранным дворам и посольствам. В описи имущества Государственного Эрмитажа 1859 года, изделия из аушкульской и ушкульдинской яшмы составляют довольно значительную долю художественных ценностей Императорского музея, изготовленных из твердого камня. Цвет аушкульской яшмы – старая слоновая кость с нежным рисунком тонких черных дендритов – привлекал камнерезов. Хороша была аушкульская яшма и своей относительной мягкостью. Она прекрасно принимает полировку, хотя и содержит небольшие пустоты. Петрографически аушкульская яшма является настоящей кристаллической породой. Она широко использовалась не только для больших ваз и чаш, но и шла на выделку табакерок, рукояток для ножей,

печатей и т. п., но славу ей создали все-таки крупные изделия. Парадную лестницу Государственного Эрмитажа (Теребеневскую – как ее еще называли по имени архитектора) украшают две вазы из аушкульской яшмы.

Севернее Аушкуля – Мулдакаевский район больших золотосодержащих площадей. Помимо золота здесь имеются и разнообразные выходы яшм и особенно знаменитой мулдакаевской, или шалимовской, как ее иногда называют по имени мастера Екатеринбургской фабрики Шалимова, открывшего месторождение этой яшмы в 1896 году. Это немного мрачная, серо-синяя яшма удивительной мягкости тона с мелкими и тонкими черными прожилочками или серо-зеленоватая со струйчатыми волнами синевато-серого или сплошного пепельного цвета. Иногда она приобретает дивный зеленовато-синий цвет и в этом случае не имеет себе равных по красоте. Долгое время ее коренные месторождения были не известны. На склоне горы у деревни Мулдакаево была обнаружена типичная каменная россыпь. Только в советское время, в 1929 году, здесь был заложен карьер, вскрывший на глубине большие залежи этого камня. Яшма встречается здесь на полянке по склону холма, у березового леса в виде валунов, лежащих на поверхности почвы в густой траве.

Наибольшая достопримечательность яшмового пояса Урала – восемь яшм: пестроцветные орские и уразовская; однотонная серо-зеленоватая калканская; ленточная кошкульдинская, не имеющая себе подобных красивыми контрастными сочетаниями тонких зеленых, темно- и ярко-красных и густо-малиновых полос; струйчатая ямская палевого и темно-вишневого цвета, называемая «союзною»; ленточная маломуйнаковская с красивым струйчатым рисунком широких палевых и нежно-зеленых лент, прозванная «коломенчатую»; дендритовая, или ландшафтная аушкульская яшма палевого тона с черными или коричневыми древовидными изображениями; и багряноцветная беркутинская. Ко второй половине XIX века были известны

почти все основные месторождения русских яшм. Наряду с уральскими известны и яшмы Алтая.

С третьей четверти XIX века добыча яшмы резко сократилась и ее «перевели» в разряд полудрагоценных камней. Через четверть века она значилась в Европе драгоценным камнем второго порядка вровень с опалом, малахитом, хризопразом. Русское горное законодательство, считаясь с огромными запасами яшмы в России, ценило ее менее высоко. «Горный устав» признавал яшму как «ценный» камень. Среди таковых по Уставу значились камни, «способные принимать высокую полировку, камни для построек и украшений».

Происхождение

Несмотря на богатую историю и красоту самого камня, ради справедливости все же следует признать, что в эпоху камня на Урале использовались преимущественно такие кремнистые породы, как фтаниты и фтанитоиды, и только потом сургучная и сургучно-зеленая полосчатая яшмы. Вероятно, только они более всего по своим свойствам подходили человеку для изготовления орудий. Остальные яшмы встречаются в коллекциях стоянок очень редко.

Фтанит – это кремнь черного цвета с шелковистым блеском или матовый, при раскалывании дающий раковистый излом. Фтанитоиды – внешне похожие на фтаниты, но менее темные, обычно с синеватым, голубоватым и зеленоватым оттенками. Традиционно эти породы называют серой, серо-зеленой, синеватой яшмой, хотя это и не совсем правильно. Цвета кремня зависят, прежде всего, от того, какой химический элемент преобладает в составе: углерод, фосфор, марганец или какой-то другой.

На Южном Урале кремни (фтаниты и фтанитоиды) и яшмы распространены полосой, тянущейся от района города Орска до города Миасса, и приурочены к территории, называемой геологами Магнитогорской структурно-формационной зоной или

Магнитогорским прогибом. Из кремня и яшмы сложены небольшие хребты, тянущиеся меридианально вдоль восточного склона Южного Урала. В этих районах кремнистые разноцветные породы в буквальном смысле лежат под ногами уже сотни тысяч лет.

Как-то сама собой среди археологов сложилась традиция: если при раскопках стоянки, расположенной в Предуралье или Зауралье (например, на притоках Тобола), встречаются орудия, изготовленные из южноуральского кремня (фтанитов и фтанитоидов) или яшмы, чаще всего сургучно-зеленой полосчатой, то объяснение этого факта как-то уже заранее сформулировано: этот материал попал сюда или в результате обмена или же его принесли сюда древние люди в результате специально организованной экспедиции за кремнем к горам Южного Урала. Проводимые нами исследования дают совсем другие объяснения этому интересному факту.

Чтобы разобраться в проблеме, начинать нужно, прежде всего, с процессов формирования Уральских гор. То мелководное, то более глубокое море с отдельными островами покрывало те места, где сейчас высятся горные хребты Южного Урала. Не было еще следов горообразующей деятельности, но подводные извержения лавы нарушали спокойную картину девонского моря; подобно современным излияниям лав в Тихом океане, целые потоки пузыристой лавы расстилались по дну моря, перекрывая мелководные осадки.

Так же как и сейчас, на морских глубинах, переслаивались порфириновые лавы, вулканические пеплы и продукты их переработки морем. Обильная фауна обитала на морском дне, заливаемом лавами, в виде разнообразных живых организмов с кремнистым скелетом – губок и радиолярий. Их остатки накапливались на дне, образуя мощные слои кремнистого ила – будущего кремня и яшмы.

В пестрой смене шли образования и переработка этих разнородных осадков на дне моря; вслед за отложением тонких

прослоек туфов, лав, скоплений кремнистых элементов и глинистых остатков подводные извержения вновь покрывали пузыристой лавой все эти образования и своим горячим дыханием спаивали и преобразовывали их. Около трех миллиардов лет назад часть суши, которую сейчас называют Уралом, становится тектонически активной зоной. В глубине земной коры образуются огромные трещины, по которым на поверхность изливаются лавы базальтов. В окружающем море постепенно начинают накапливаться обломочные осадочные породы.

После периода относительного покоя, около двух млрд лет назад тектонические движения возобновляются с новой силой. Вдоль разломов образуются цепи вулканов. Затем участки суши Палеоурала прогибаются и становятся дном океана, на котором накапливаются огромные толщи до 10–12 км осадочных пород: известняков, сланцев и т. д. Около 900 млн лет назад под действием гигантских сил земли дно океана сминается в складки, поднимается вверх, и образуются первые горные вершины Урала. В палеозойскую эру 600–400 млн лет назад в обширном уральском палеоокеане, который разливался к востоку до 1500 км на территории современной Западной Сибири, возобновляется вулканическая деятельность. В Уральском регионе образуются вулканические острова. Около 350–245 млн лет назад вновь начинается подъем Урала. Океанические породы поднимаются над водой и оформляются высокими Уральскими горами, постепенно становясь тектонически спокойной устойчивой платформой.

Вот с этого времени и начинается история распространения кремня и яшмы по Южному Уралу и Зауралью. Южный Урал тогда представлял собой что-то вроде плоскогорья или плато с выровненной поверхностью. В мезозойскую эру 250–70 млн лет назад был теплый и жаркий климат, преимущественно влажный, временами засушливый. Породы, которые оказались на поверхности Палеоуральского плоскогорья под действием при-

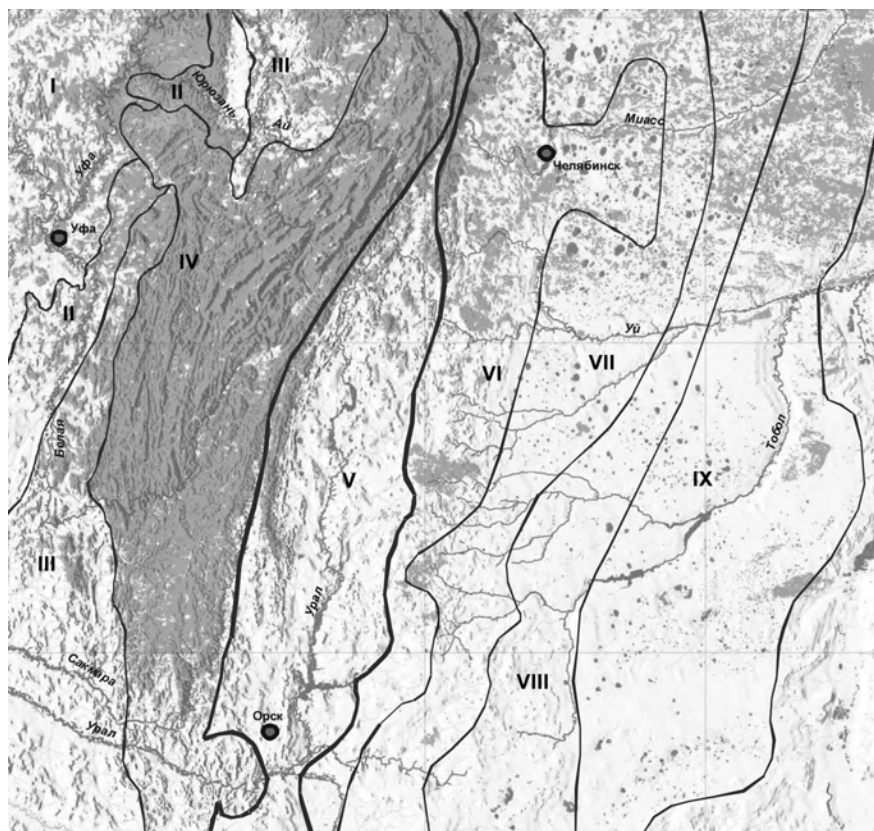
родных факторов начали разрушаться, образуя так называемую кору выветривания. Кремнистые породы, очень устойчивые к такому выветриванию, почти не разрушались. Менее твердые породы растворялись, размывались, образовывали каньоны, которые представляли собой русла древних рек. Из кремня оставались небольшие хребты, обломки с которых начали разноситься водными потоками на запад и на восток, оседали в руслах. Последний геологический этап 10–1,7 млн лет назад характеризовался небольшим оживлением тектонического движения. На восточном склоне Южного Урала произошла перестройка речной сети, принявшей, в основном, современные очертания.

Таким образом, за прошедшие десятки миллионов лет рельеф Южного Урала значительно изменился – от выровненной поверхности палеоурала до современного чередования хребтов, сложенных твердыми породами, в том числе и кремнистыми, и широких долин, промытых древними водными потоками в более мягких отложениях. Кремень и яшма, которые в обломках отлагались на склонах хребтов, разносились водой, и в Предуралье, и в Зауралье, по пути проходя в реках абразивную обработку и превращаясь из остроугольных обломков в гладкие гальки. Такой галечник древние люди находили как на речных и озерных отмелях, так и на поверхности древних речных террас. И сегодня мы находим кремень и яшму от реки Белой до реки Тобол в виде плиток и галек различной окатанности вместе с орудиями, которые изготавливало их них население эпохи камня.

Кремневая страна

Наибольшая концентрация кремня наблюдается в эвгеосинклинальной – то есть высокоподвижной, когда-то усыпанной множеством вулканов, области Урала в пределах Магнитогорского прогиба. На севере – до города Нижний Тагил эта зона не

так заметна, и выразительна, как на юге. Например, к северу от города Миасс ее ширина составляет всего 5–8 км, и ее трудно заметить. Зато к югу Магнитогорский прогиб резко расширяется и в районе городов Магнитогорска и Баймака его ширина достигает 105–110 км. Южнее города Орск он вновь сужается до 30–35 км, продолжаясь на юге в западных Мугоджарах, погружаясь вместе с Уральской горной системой под покров древних рыхлых отложений Прикаспийской низменности. Общая

Магитогорский прогиб

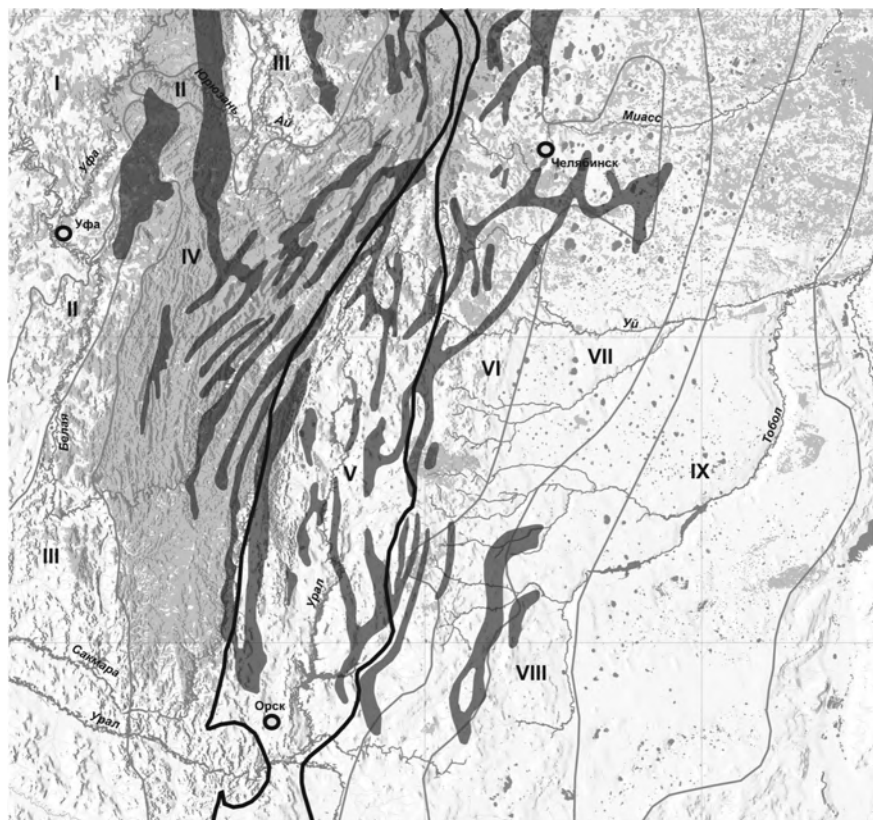
длина Магнитогорского прогиба в пределах южной части Урала составляет около 900 км.

Коренные выходы кремнистых пород, которые мы видим на поверхности как скалы, не наблюдаются на вершинах основных хребтов, а в основном, на невысоких хребтах, холмах и увалах, расположенных ниже, чаще с восточной стороны от основных, и приуроченных к базальтам, которые были когда-то вулканической лавой. Кремни из Магнитогорского прогиба очень легко узнаваемы – они обладают характерными признаками по цвету, структуре, текстуре, блеску, излому, отличающими их от других кремнистых пород. Здесь представлен кремень всех разновидностей: черные фтаниты; серые, голубые и зеленые фтанитоиды; сургучные, красные, сургучно-зеленые, пестрые и другие красивые яшмы, белые новакулиты.

Естественное распространение кремня по поверхности земли может иметь две формы: площадную и линейную. Разрушение выходящих на поверхность кремневых скал в Магнитогорском прогибе, которое происходило 200 млн лет назад и позднее, приводило к перемещению обломков с вершин к подножиям. Затем в результате деятельности водных потоков, которые образовывали древние реки, обломки кремнистых пород различной степени окатанности отложились практически во всех формах рельефа Магнитогорского прогиба. При таком площадном распространении кремень встречается и на вершинах холмов, и на террасах рек, и в русловом галечнике.

В результате более поздней тектонической деятельности движение обломков кремнистых пород за пределы Магнитогорского прогиба приобрело линейный характер. Начало этому положили древние реки – мезозойские и палеогеновые – 245–65 млн лет назад. Они брали начало в Магнитогорском прогибе, затем кремнистый материал перемывался и дополнялся по палеогеновым долинам, которые частично повторяли мезозойские на западе, частично пересекали их в широтном

направлении на востоке. Затем стала формироваться современная речная сеть, которая опять же или повторяла древние русла, или пересекала их, или формировалась отдельно, все так же перемещая обломки и гальки кремня. В результате таких сложных, длительных и взаимодополняющих процессов кремнистые породы различной степени окатанности распространились на холмисто-увалистой равнине Зауральяского плато в отложениях речных террас, поймах, русловом галечнике, а также в виде многочисленных высыпок на древних поверх-

Мезозойские реки

ностях водоразделов, особенно вблизи речных долин и логов, по берегам озер и т. д.

Только изредка можно наблюдать коренные выходы кремня в крутых берегах рек, где врезание русла произошло на большую глубину. Нашими наблюдениями установлено распространение галечного кремня до Западно-Сибирской равнины на востоке. Еще дальше на восток, в связи с общим понижением рельефа, уральские горные структуры перекрыты десятками метров морских осадков, и уже под ними продолжаютс

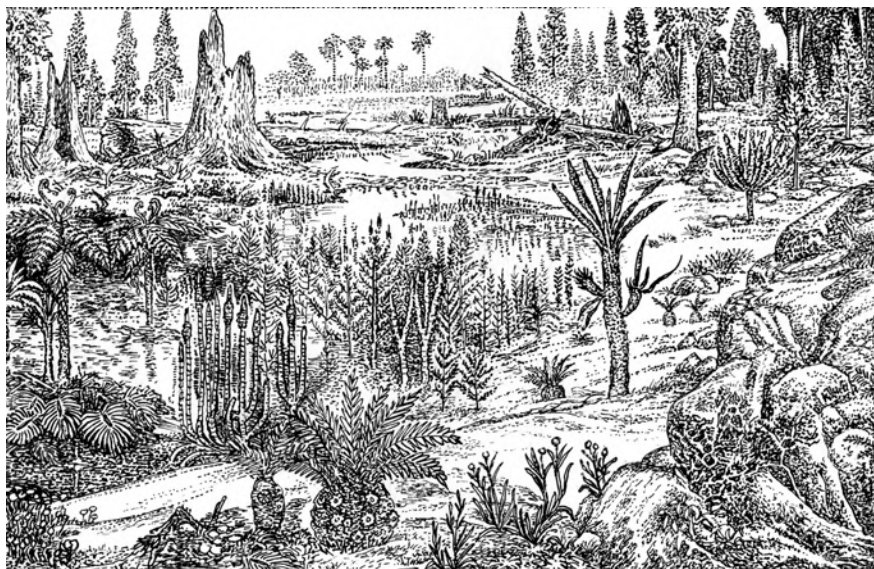
Палеогеновые реки

мерно до линии Тюмень – Курган. В результате полевых исследований обнаружить следы кремнистых пород в долинах рек Исети, Миасса, Тобола и Уя за границей Зауральского плато, за редким исключением, не удалось. Зато, двигаясь с востока на запад, стоит попасть на границу, отделяющую Зауральский пенепплен от Западно-Сибирской низменности, так тут же на размытой береговой поверхности можно увидеть галечки кремнистых пород.

Кроме того, что кремень и яшмы распространялись из Магнитогорского прогиба по всему Зауралью далеко на восток и, в дальнейшем, были частично перекрыты морскими отложениями, на зауральском пенепплене распространены и собственные кремнистые породы. Они не такие мощные, как в Магнитогорской зоне, не так четко выражены, имеют другое происхождение. Такие выходы кремнистых пород встречаются на всем протяжении Зауралья с севера на юг – от реки Нейва до реки Орь в Восточном Оренбуржье на границе с Казахстаном. Например, на реке Реж, в районе села Глинское в Свердловской области были зафиксированы яшмоиды коричневого цвета; фтаниты (черный кремень), происходящие из известняков, встречены на реке Тогузак и на реке Синташта между Бредами и пос. Комсомольский; сургучно-красные яшмы зафиксированы на реке Орь у пос. Ащибутак в Домбаровском районе Оренбургской области. Удивительной была находка нами кремня очень близкого южноуральскому по цвету и структуре на восточном побережье озера Балхаш в Казахстане.

Основными магистралями, по которым происходит постоянное линейное перемещение кремня и яшмы, и сегодня являются главные реки Южного Урала: Белая, Сакмара, Урал, Уй и Миасс. В древности в этом процессе могли быть частично задействованы долины рек Ай, Юрюзань, Сим и Уфа. В зоне основных горных хребтов Южного Урала кремнистые породы представлены как материалом из западного крыла Магнитогорского прогиба, так и кремнем из известняков. Фтаниты

и фтанитоиды из карбонатных пород, известные по археологической коллекции палеолитической стоянки Байсланташ, расположенной на реке Белая, недалеко от Каповой пещеры, также представлены в галечниках реки Белая. Они более низкого качества, чем Магнитогорские, трещиноватые, редко дают качественные сколы, необходимые для изготовления орудий. В культурных слоях эпохи палеолита, в пещерах Каповая, Байсланташ, Игнatieвская (Серпиевская) найдены также кремь и яшма из Магнитогорского прогиба. Такую картину можно наблюдать по всей горной зоне до границы с Предуральем, которое начинается от поворота реки Белой на север. Галечники, зафиксированные на отмелях реки Большой Ик – притока реки Сакмары, еще южноуральские по составу и структуре. Отмеченная нами при полевых исследованиях граница распространения южноуральского кремня и яшмы полностью совпала с восточной границей Русской равнины,

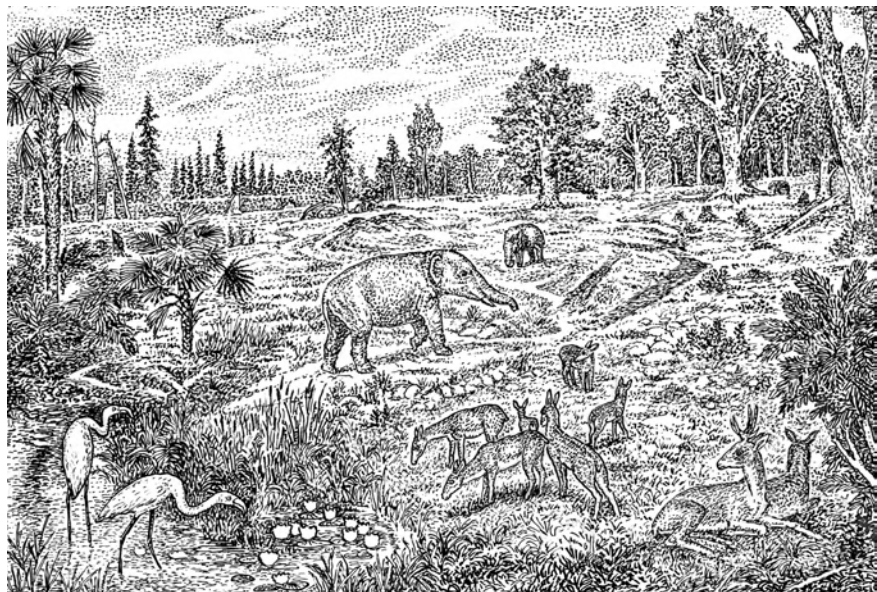

Мезозойский пейзаж

то есть с границей между Южным Уралом и Предуральем.

Кремнистые породы Предуралья встречаются чаще всего в виде конкреций и желваков, находящихся среди известняков, а также в виде высыпок на древних мезозойских размывших поверхностях. В Камском Предуралье использовался в древности и плитчатый кремль, но в основном, галечники рек Вишеры и Камы. В Южном Предуралье среди находок преобладают серый, светло-серый кремль, который называют субновакулитом и белый кремль – новакулит. Изредка встречаются и чисто уральские кремни, но их присутствие в Предуралье требует специального рассмотрения каждого конкретного случая. Предуральский светло-серый кремль вполне пригоден для изготовления орудий и отличается от южноуральского кремня и яшмы не качеством, а цветовой гаммой – от светло-серого до белого.

Основными реками, протекающими через Магнитогорский прогиб, являются реки Урал и Сакмара со всеми притоками.

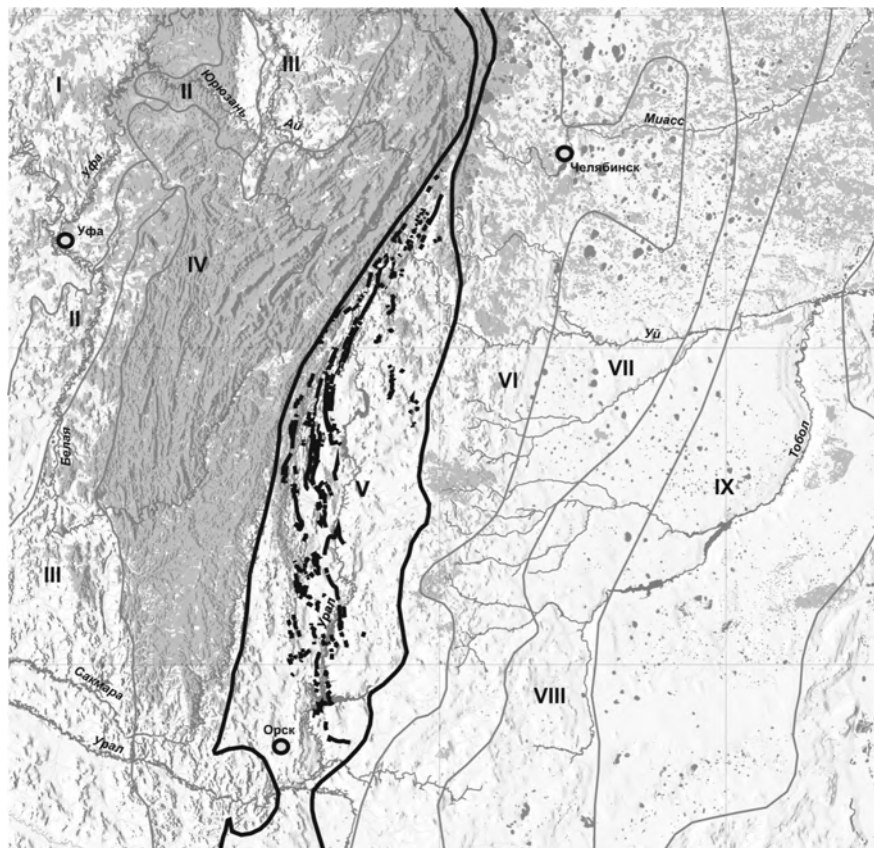

Палеогеновый пейзаж

В самых верховьях Урала галечников кремня и яшмы не было найдено, но в правобережье самых верховий на поверхность выходят глыбы кремнистой породы, иногда с человеческий рост, серо-зеленоватого и серо-голубоватого оттенков, которые простираются меридианально на юг до озера Калкан и поэтому получили название «калканская яшма». А вот в районе поселка Кизильский можно наблюдать обширные разноцветные галечники, характерные для магнитогорской зоны. Очень интересным было обнаружение магнитогорского кремня и яшмы в районе поселка Новоуральск Оренбургской области в широтном течении реки Урал. На береговых плесах обнаружен высококачественный галечник, содержащий фтаниты, фтанитоиды и яшмы практически всех южноуральских расцветок. Примерно такая же картина наблюдается и на реке Сакмаре – в широтном течении реки зафиксированы и галечные горизонты в основании первой надпойменной террасы и плесы с галечником кремнистых пород Магнитогорского прогиба.

В центральной части Южного Урала, с запада на восток, от горных хребтов до Западно-Сибирской низменности, протекает река Уй. Истоки реки образуют несколько небольших речушек между хребтами Малый Ирндык и Кумач. Здесь же на восточном склоне Ирндыка находятся коренные выходы кремня. Ширина русла Уя здесь всего 6–8 м, течение спокойное. Современное русло реки наследует древнюю долину, окруженную невысокими горами. О древности долины свидетельствует и тот факт, что, несмотря на то, что рядом расположен кремень в коренном залегании, в русловых отложениях встречаются сильно окатанные гальки кварцита и менее окатанные гальки кремня – фтаниты, фтанитоиды, красная яшма, зеленые туфоалевролиты, новакулиты, то есть весь набор кремнистых пород Магнитогорского прогиба. Преобладают гальки крупного размера, и этот галечник, вероятно, результат перемыывания в руслах древних рек, одну из которых наследует современная долина реки Уй. По древней долине реки кремень и яшмы распро-

странены до села Скалистого Троицкого района, где долина сужается и зажата между скалами. В этом месте кремнистого галечника на плесах нет. Ниже по течению реки за Троицком уральские горные структуры по берегам реки Уй уже перекрыты мощными древними морскими отложениями, и зафиксировать их не удалось. Далее на восток кремень, очень похожий на магнитогорский, найден только при раскопках стоянок в Северном Казахстане, в месте впадения реки Убаган в реку Тобол, на границе с Курганской областью.

Карта распространения кремня

С северной стороны хребта Кумач, противоположной от истоков р. Уй, берет начало река Миасс. У подножия хребта, в самых истоках реки можно наблюдать небольшие галечники кремня Магнитогорского прогиба. Распространения кремня и яшмы по реке Миасс удалось проследить только до Аргазинского водохранилища. Ниже по течению ни русловых галечников, ни россыпей на поверхности террас не зафиксировано. Известные здесь по археологическим разведочным работам стоянки содержат в коллекциях изделия из халцедона, который проявляется в гранитоидах, слагающих берега реки.

Более сложна для изучения ситуация на левых притоках Тобола: речках Тогузак, Аят и Синташта, которые берут начало на Восточно-Уральском поднятии – водоразделе бассейнов рек Урала и Тобола. В отдельные районы этой территории кремень из Магнитогорского прогиба доносился водой по древним долинам рек, вместе с тем, есть и местные проявления кремнистых пород – фтанитов и яшмоидов, что часто наблюдается при раскопках стоянок каменного века. На реке Верхний Тогузак в районе села Бородиновка, левый берег реки, высотой 5 м, сложен коренными выходами известняков. На размытой поверхности береговой площадки можно увидеть высыпки щебня и гальки красной яшмы и черного кремня – фтанита. Ниже по течению реки в районе села Лейпциг на уровне поймы правого берега в коренном выходе базальтов обнаружены линзы и прослойки красно-вишневых яшмоидов. На поверхности эти яшмоиды находятся глыбами до 50 см в поперечнике. Рядом на Среднем Тогузаке кремень вообще не удалось обнаружить. На Нижнем Тогузаке в районе села Кызыл-Маяк среди базальтов зафиксированы прослойки черного кремня, которые выходят на поверхность и в виде щебнистых обломков наблюдаются на речном плесе. Таким образом, в районе рек Верхний, Средний и Нижний Тогузак кремня из Магнитогорского прогиба не обнаружено, вероятно, ни одна из древних рек сюда не доходила. В этом районе можно ориентироваться

только на местные маломощные проявления кремнистых пород невысокого качества.

Южнее расположено несколько рек, сливающихся в реку Аят. На реке Караталы-Аят, на первой надпойменной террасе между селами Катенино и Кулевчи встречаются кремнистые галечки и щебень размером до 10 см. Они как из местного кремня черного цвета, так и с примесью галечного материала красного, серого и зеленоватого цветов из Магнитогорского прогиба. На расположенной южнее реке Карагайлы-Аят, на береговой отмели в районе села Елизаветпольское наблюдается крупный галечник кремня черного, серого и красного цветов, принесенный сюда водой по древней долине. На реке Камысты-Аят в районе села Новогеоргиевское кремня не обнаружено. На реке Синташта также встречается местный кремень черного цвета, но уже более качественный – в виде галек на отмелях. На высоком берегу найдены отдельные выходы халцедона коричневых тонов.

Далее к югу уже в Оренбургской области на реке Суундук кремнистых пород не обнаружено. Первые небольшие редкие галечки кремня появляются у села Тасбулак в самых верховьях реки Мусогатки, правом притоке реки Большой Кумак, которая ближе к Орску протекает в пределах Магнитогорского прогиба, и поэтому уже на реке Губерле возле поселка Губерля на береговом плесе наблюдается россыпь крупных от остроугольных до хорошо окатанных обломков кремня и яшмы всех цветов. Кремнистые породы, характерные для Магнитогорского прогиба, простираются далее на юг по реке Орь и к западу от нее. На территориях к юго-востоку, на реке Ушката в стоянках неолитического времени найдены изделия из кремня от светло-розовых до черных оттенков и из местного халцедона низкого качества.

Намного сложнее для понимания процессов распространения кремня и яшмы ситуация на озерах Южного Урала. Не вызывают затруднений исследования только на озерах южной

части региона: Чеваркуль, Суртанды, Банное, Сабакты, Карабалыкты и других, расположенных цепочкой вдоль восточного склона Южного Урала на современной территории Зауральской Башкирии, в 15–20 км к западу от города Магнитогорска. Эти водоемы находятся в Магнитогорском прогибе среди возвышенностей, сложенных базальтами с прослоями различных видов кремня и яшм, выходящих на поверхность. И сегодня высококачественные кремнистые породы представлены здесь во всех возможных вариантах – в коренном залегании, в обломках – по склонам и берегам, в галечниках прибрежных вод. Они были легко доступны и в древности, о чем свидетельствуют коллекции стоянок различных периодов каменного века – от раннего палеолита на стоянке Мысовая, до энеолита на стоянках озера Суртанды и многих других. Разница в процентном соотношении орудий из различных кремнистых пород на этих стоянках зависит только от того, какие конкретно породы расположены ближе к стоянке, а не от того, что в палеолите предпочитали один вид кремня, а в неолите – другой. Так, на стоянке Янгелька, исследованной на озере Чеваркуль, преобладают серо-зелено-голубые фтанитоиды, меньше черных фтанитов и совсем мало красной и двухцветной яшмы. А вот на стоянке Ташбулатово I, которая находится на восточном берегу озера Карабалыкты, при таком же преобладании черных фтанитов и серых фтанитоидов, существенно больше красноцветной яшмы, поскольку вблизи озера расположен небольшой хребет, который сложен преимущественно именно красноцветной яшмой, выходящей на поверхность, и люди больше брали ее для изготовления орудий. На стоянках Карабалыкты VIII и IX, Мысовая и других, которые были обнаружены на юго-западном и западном берегах озера преобладают фтаниты и фтанитоиды, поскольку этот берег близок к склонам, сложенным именно этими породами и выходов яшмы здесь нет. Люди селились в этих местах в разное время, и это абсолютно не влияло на выбор определенного сырья для изготовления орудий.

Озера северной части Южного Урала находятся в других геологических и геоморфологических условиях, за пределами основной кремненесущей зоны – Магнитогорского прогиба, и поэтому материалы из археологических раскопок стоянок здесь необходимо рассматривать под другим углом зрения и разбирать каждый конкретный случай. Начнем с озера Зюраткуль, расположенного в зоне Центрально-Уральского поднятия, в самом центре хребтов Южного Урала. По берегам озера открыто и исследовано 10 стоянок, относящихся к мезолиту и неолиту. Чаша озера расположена среди таких горных пород, в которых не может быть кремнистых образований, что и подтвердило проведенное нами обследование. В проанализированных коллекциях подъемных сборов с размытых стоянок на Каменном мысу и мысе Долгий Ельник преобладает кремнь темных тонов, в меньшем количестве встречены изделия из яшмы, серого кремня и халцедонов. Кремнистое сырье, безусловно, было принесено сюда с территории Магнитогорского прогиба охотниками мезолита и неолита в процессе сезонного цикла освоения территории. Наиболее вероятным маршрутом представляется движение от верховьев реки Уй, богатых кремнистыми породами, вдоль мелких речек, соединяющихся с речкой Большой Кыл, впадающей в Зюраткуль с юга. Общая протяженность такого маршрута могла составлять около 30 км, что вполне приемлемо для пешего перехода.

Озеро Тургояк расположено среди гранитоидов. Из местных кремней здесь можно найти только халцедон, однако, в известных стоянках западного берега озера преобладают разноцветный кремнь и яшмы, при значительном содержании изделий из халцедона. Ситуация с появлением здесь кремнистых пород проще и понятней, чем на Зюраткуле, поскольку на юго-западе почти вплотную к озеру подходит древняя Атлянская долина, по которой сегодня протекает река Атлян. По Атлянской долине распространены все основные кремнистые породы Магнитогорского прогиба, крайней северной оконечностью которо-

го она и является. Традиционное кремнистое сырье было легко доступно охотничьим коллективам, осваивавшим берега Турго-яка, его без затруднений можно найти и сейчас.

Цепочкой с юга на север тянутся южноуральские озера, в совокупности они именующиеся Голубым ожерельем Урала. От озера Кундравы на юге чередой к северу расположены Чебаркуль, Кисегач, озеро-водохранилище Аргази, Увильды, Иртяш и т. д. Чаши всех озер расположены, в основном, среди гранитов, поэтому местным кремнем здесь является только халцедон. Все эти озера находятся вне зоны Магнитогорского прогиба, в связи с чем ситуация с присутствием кремнистых пород на всех стоянках этих озер примерно одинакова. Исследования многочисленных стоянок на озере Чебаркуль, таких как Чебаркуль II, IV, Ха, Ха, XV, XVI, XVII, проведенные в разные годы Л. Я. Крижевской, Е. М. Беспрозванными и В. С. Мосиным, а также известные по разведочным работам стоянки Чебаркуль XVIII, XIX, XX, и стоянки на всех островах озера показали, что в большинстве случаев они были сезонными в период мезолита, неолита и энеолита, то есть от 10 до 5 тысяч лет назад. Подтверждением такого вывода может служить неупорядоченное расположение на стоянках разнотипных очагов и различных по составу «точков» – так называемых «рабочих мест мастера», представленных скоплениями заготовок и отходов из одного типа сырья.

Наличие различных кремнистых пород на озерных стоянках можно объяснить следующим образом. Община охотников и рыболовов, периодически посещая озеро, приносила с собой необходимые орудия и заготовки из кремня и яшмы, которых нет в окрестностях озер. Вместе с орудиями брали с собой запас галек и плиток, которого должно было хватить на сезон, например, на лето. Если принесенного с собой сырья не хватало, то подбирали местные породы, прежде всего халцедон, отсюда и отдельные скопления находок, образовавшиеся в результате обработки этого вида кремня. Именно с тем, что большинство орудий и заготовки приносили сюда только на сезон и связан

тот факт, что на озерных стоянках отходов часто бывает меньше, чем пластин-заготовок и орудий.

На берега Аргазинского озера-водохранилища кремь и яшмы могли быть принесены охотниками из районов верхнего течения реки Миасс, впадающей в Аргазу, и дополнены местными халцедонами. На озере Иртяш использовались серосиние халцедоны, выходы которых на поверхность есть на южном берегу озера Большая Нанюга, примыкающего к Иртяшу. На месте выходов халцедона обнаружены мастерские по начальной обработке, представленные огромным количеством отходов – сколов и обломков. На северных озерах Голубого озерного пояса, таких как Иртяш, Аракуль и других, часто встречаются изделия и отходы из светло-серого кремня – субновакулита, происходящего из известняков, в археологической терминологии известного как «боборыкинская яшма».

Кремень и человек

Для неискушенного в проблемах изучения эпохи камня читателя, наверняка непонятно, зачем так подробно описывать процессы распространения кремня и яшмы? Имеют ли какое-то отношение эти процессы к жизни древних людей? Чтобы ответить на эти вопросы, давайте рассмотрим использование древними людьми тех или иных кремнистых пород, на примере исследованных раскопками стоянок Южного Урала разных исторических периодов. Для мезолита (10–8 тысяч лет назад) сравним находки со стоянок Янгелька, Андреевка и Юрюзанская I.

Стоянка Янгелька расположена в центре Магнитогорского прогиба и поэтому неудивительно, что основная масса найденных орудий изготовлена из темного кремня, небольшое количество – из яшмы. Все остальные породы и минералы представлены совсем незначительно. Коллекция стоянки содержит весь набор орудий, при большом количестве нуклеусов, с которых скалывали пластинки и продуктов их подготовки. Вряд ли

такое количество ядрищ и заготовок было необходимо для одной общины охотников. Большая часть изделий наверняка была приготовлена впрок, на будущее, к следующему охотничьему сезону на месте или для того, чтобы взять с собой, уходя на охоту и рыбалку в другие места. Лежащее близко и доступно сырье позволяло неограниченно его использовать – при раскопках найдены десятки тысяч отщепов – отходов.

А вот стоянка Андреевка III далеко к востоку на берегу реки Синташта, в степном Брединском районе Челябинской области была практически изолирована от распространения кремня из Магнитогорского прогиба, что неизбежно отразилось на составе коллекции каменных изделий. Среди изделий и отходов стоянки абсолютно отсутствуют яшмы, совсем немного зеленых и голубых фтанитоидов, вероятно, была принесена и часть черных фтанитов, другая же часть происходит из местных небольших галек, встречающихся в русле реки и не такого высокого качества, как магнитогорские. Большинство изделий представлено местными опалами, халцедонами, желтовато-бурыми яшмоидами и белыми новакулитами, которые и сегодня лежат на поверхности склона левого берега Синташты. Все это и обусловило состав охотничьих орудий, которые на 80% состоят из микропластин, поскольку сырье нужно было экономить. Сырье и изделия, приносимые сюда коллективами охотников издалека, предельно обрабатывались, и при необходимости начинали использоваться местные породы.

Еще одним вариантом использования кремня являются находки со стоянки Юрюзанская I, исследованной в Катав-Ивановском районе уже среди западных горных массивов Южного Урала. Здесь удалось обнаружить всего 175 предметов, оставленных на единовременной охотничьей стоянке. Большинство предельно мелких микропластин изготовлено из серо-зеленых фтанитоидов и яшм Магнитогорского прогиба и принесено сюда охотниками вместе с одним нуклеусом. Второй нуклеус и часть пластинок и отщепов изготовлены из субновакулитов, встреча-

ющихся в этом горном районе. Абсолютно нет халцедона, поскольку окружающие горные возвышенности сложены кварцитами, в которых халцедона не может быть.

Находки из неолитических озерных стоянок Карабалыкты 8а и Черников Брод I содержат почти одинаковый набор сырья, рассчитанный на получение микропластин для изготовления вкладышевых орудий. Вместе с тем, на Карабалыкты 8а в качестве сырья использовались обломки и крупные куски кремня, осыпавшиеся с ближайших возвышенностей и, в значительно меньшей степени, гальки из тех же пород, но уже из прибрежной части озера. На стоянке Черников Брод I использовались окатанные куски кремня, принесенные на место стоянки водными потоками по древней долине, где в настоящее время протекает река Малый Кизил, приток реки Урал. Эти галечники рассеяны по древней поверхности, на которой расположены стоянки каменного века, в том числе и Черников Брод I. Такому расположению стоянок Карабалыкты 8а и Черников Брод I относительно источников кремня соответствует и характер отходов и заготовок в находках.

Стоянка Ташбулатово I расположена на берегу озера Карабалыкты между хребтами, сложенными кремнем и яшмой. Наличие неистощимых запасов сырья не ограничивало неолитическое население, как в его выборе, так и в его использовании. Здесь обнаружено большое количество заготовок, обломков, отщепов и т. п.

Стоянка Краснокаменка находится в принципиально других геологических и географических условиях. Она расположена на реке Увелька, которая протекает по холмисто-увалистой равнине Зауральского пенеблена, ее берега сложены гранитоидами и кристаллическими сланцами. Современное русло берет свое начало за пределами Магнитогорского прогиба. Кремень и яшмы не встречены здесь ни в современном русле реки, ни на древней береговой поверхности. Ближайшее местонахождение кремнистых пород находится в 30–40 км на запад по прямой,

в верхнем течении реки Уй, по долине которой кремь из Магнитогорского прогиба выносился водными потоками на восток еще с мезозоя. Отсюда отдельные коллективы охотников и рыболовов неолита приносили с собой небольшое количество кремня в виде галек и плиток, а также нуклеусы и заготовки, и затем на месте охоты использовали их для изготовления орудий. Когда не хватало принесенных запасов, использовали халцедон, который можно найти среди гранитов, из которых сложены берега Увельки и другие, менее качественные местные породы. Именно такая обстановка с наличием камня вынуждала живших на стоянке Краснокаменка людей применять при изготовлении орудий экономичную технологию изготовления микропластин и использовать преимущественно вкладышевые, а не двусторонне обработанные, орудия. Имеющееся сырье использовалось с минимальным количеством отходов, однако набор орудий из пластин оставался таким же, как на любой стоянке неолита Южного Урала.

На примере стоянок Ташбулатово I и Краснокаменка мы фиксируем не отличия культурно-хронологического порядка, а наличие разных вариантов приспособления неолитического населения к распространению кремнистого сырья. Таких вариантов для каждой эпохи существовало, скорее всего, несколько, поскольку охотники и рыболовы должны были приспосабливаться к конкретным географическим условиям в рамках вмещающего ландшафта Южного Урала. Проведенный анализ коллекций основных неолитических и энеолитических памятников Южного Урала с точки зрения состава сырья и технико-типологических показателей позволяет предполагать сезонную систему хозяйства, во всяком случае, для нео-энеолитического времени. Базовые стоянки вдоль восточного склона в пределах Магнитогорского прогиба могли использоваться в зимне-весенний период.

С этих стоянок зимой осуществлялись выходы охотничьих групп в горные районы для добычи лесных животных, в том числе пушного зверя. Стоянки горных районов, как открытого

типа, так и в гротах и пещерах, содержат очень немногочисленный инвентарь. Коллекции не содержат полного типологического набора, часто только отдельные орудия, пластинки, отщепы и чешуйки, которые, вероятно, отражают процессы ремонта охотничьего снаряжения, высекания огня и т. д. В качестве сырья использовались как кремнистые породы, происходящие из Магнитогорского прогиба, так и местное сырье более низкого качества, в частности, галечный кремль (фтанит) из известняков, например, на реке Белой в ее верхнем течении. Весной на стоянках предгорной зоны осуществлялся полный цикл жизнедеятельности, в основном, вероятно, основанный на озерном рыболовстве. Прежде всего, это касается цепочки озер на территории современной Башкирии. Обилие сырья в этом районе предполагало изготовление большого количества нуклеусов и заготовок, двусторонне обработанных и крупных рубящих орудий, что отражено в коллекциях стоянок.

При переходе на летне-осенние стоянки, расположенные на холмисто-увалистом Зауральском пенеппене, часть нуклеусов и заготовок забирали с собой. Если этого не хватало, использовали местное сырье, например, халцедон. В той части Зауральского пенеппена, куда доходили русла древних рек, стекающих из зоны яшмы пояса Урала, использовался кремневый и яшмовый галечник, вынесенный водами из Магнитогорского прогиба. Стоянки пенеппена практически не содержат мастерских, за редким исключением, когда на ее месте оказываются выходы местных кремнистых пород, например, стоянки Стрелецкие на реке Уй. На стоянках холмисто-увалистой лесостепи велась преимущественно охота на копытных – лошадь и тура, кости этих животных находят в стоянках неолита и энеолита. Чем дальше на восток к Западно-Сибирской низменности и Тургайскому плато, тем меньше южноуральских фтанитов, фтанитоидов и яшмы, и тем выше процент местных пород типа кварцито-песчаников и халцедонов. Такая картина наблюдается на левых притоках Тобола – речках Тогузак, Аятах, и Синташте.

Южноуральские озера к северу от озера Кундравы расположены за пределами Магнитогорского прогиба, выходов фтани-тов, фтанитоидов и яшмы здесь нет, галечники по древним долинам сюда не поступали. Берега озер обживались сезонно, и культурный слой формировался за счет наложения кратковременных стоянок друг на друга на протяжении мезолита-энеолита. В качестве сырья здесь использовались кремь и яшмы, происходящие из Магнитогорского прогиба и принесенные сюда во время сезонных посещений, а также кремнистые породы местного происхождения, преимущественно халцедон. По этим причинам здесь также использовались экономичные технологии использования сырья – в коллекциях пластины количественно преобладают над мелкими отщепами и чешуйками, использовалась микропластинчатая техника расщепления, нуклеусы немногочисленны и часто почти полностью сработаны.

Конечно нарисованная нами картина еще требует дальнейшей тщательной проработки, но тем не менее можно констатировать, что освоение кремнистого сырья древним человеком имело различные варианты при использовании преимущественно кремня и яшмы из Магнитогорского прогиба и древних долин рек, текущих из этих мест, с дополнением других пород местного происхождения в местах сезонной охоты и рыбалки. Никаких «специальных экспедиций» за южноуральским кремнем и яшмой не существовало, никуда он специально не доставлялся для обмена, вряд ли использовался в торгово-обменных операциях. Если кремь и яшмы и переносились человеком преднамеренно, то только в границах хозяйственной деятельности конкретной общины. По принципу «все свое ношу с собой».

Чудодейственный кремь

Но только ли чисто практическое, утилитарное значение имел камень для древнего человека? Мир камня многообразен, его свойства подчас неожиданны. Во все времена человек видел

в камне и символ прочности, и символ красоты, и символ постоянства и многое, многое другое. Казалось бы, что необычного может быть в простом черном кремне – фтаните, который широко распространен на Южном Урале, встречается на всех стоянках каменного века, из него изготовлены десятки тысяч орудий. Оказывается, наличие в этой кремнистой породе органики делает камень феноменальным биокатализатором, способным перерабатывать энергию света и ускорять окислительно-восстановительные реакции в воде, придавая ей даже целебные свойства. Этот кремнь, соединяясь с водой, подавляет бактерии гниения и брожения, выводит в осадок погибшую болезнетворную микрофлору и соединения растворенных в воде тяжелых металлов: цинка, свинца, кадмия, железа, ртути. Вода, взятая из любого источника, через три дня взаимодействия с кремнем становится пригодной для питья. О целебных свойствах кремня упоминалось в древних трактатах, кремневое огниво применялось людьми для исцеления от болезней, выкладывали кремнем ямы для хранения мяса. Сегодня свойства кремня активно исследуются в медицинских учреждениях для современного лечебного использования.

Популярным в каменном веке был и такой минерал как халцедон. Халцедоном греки называли различные сорта камней, обычно голубого цвета, по имени города Халкидона (от *chalkos*, «медь») на берегу Босфора, где этот камень в то время добывался в большом количестве. Теперь так называют разновидности кварца разных оттенков (белые, желтые, зеленые, сероватые). Халцедонов в зависимости от окраски, рисунка и строения камня насчитывается свыше сотни разновидностей, и каждый из них носит свое наименование. Сам же по себе халцедон синеватый, желтоватый или серый минерал. Сюда же относится и сердолик – однородный халцедон, окрашенный в красный или буро-красный цвет, где красный сердолик носит название карнеол, а хорошо просвечивающий бурый или красно-бурый – сардер. Сердолик – русское слово, буквально означающее лик сердца.

Халцедоны в связи со своими предполагаемыми магическими свойствами считались талисманами любви, привлекающими к женщине сердца мужчин. Знатоки различают мужские (темные) и женские (светлые) камни, так как считается, что они способствуют зачатию. Считалось, что амулеты из халцедона охраняют от душевных расстройств и меланхолии. Также их носили, чтобы избавиться от вспышек гнева. Человек, который носит халцедон, имеет больше шансов выиграть судебный процесс. На время этот камень можно положить под язык – это поможет поразить окружающих красноречием. Ношение белого халцедона будто бы хорошо сказывается на остроте зрения. Догадывались ли древние люди о таких магических свойствах халцедона, мы не знаем. Достоверно то, что в каменном веке минерал широко использовался для изготовления различных орудий.

В традиционных культурах различных народов часто в роли «чудодейственного камня» выступает горный хрусталь. Это прозрачная разновидность такого минерала как кварц, и по цвету разделяется на прозрачный бесцветный – горный хрусталь, фиолетовый – аметист, дымчато-бурый – раухтопаз и т. д. На южноуральских стоянках мы находим изделия из горного хрусталя. Как правило, их немного или вообще единицы, но они в силу своей необычности сразу обращают на себя внимание. Среди орудий из хрусталя были найдены нуклеусы, пластинки, долотовидные орудия, скребки, наконечники стрел. Известный уральский археолог доктор исторических наук Ю. Б. Сериков считает, что изделия из горного хрусталя, встречаемые в археологических памятниках очень часто, а может и всегда, использовались в культовых целях. Чистота хрусталя и производимый им оптический эффект могли воздействовать на эмоции древнего человека и применяться в практике шаманов. Возможно, что большинство находимых предметов использовались как кресала для высекания ритуального огня.

Огромный интерес вызывает уникальный археологический памятник, исследованный В. Т. Петриным на озере Большие

Аллаки. На юго-восточном берегу озера находятся так называемые «Каменные палатки» – скальные выходы высотой до 8 м, расположенные на вершине холма и резко выделяющиеся в окружающем ландшафте. На скалах еще в 1914 году В. Я. Толмачевым были обнаружены писаницы. Более всего археологов поразили материалы из небольшого раскопа, заложенного у подножия скал. Верхний культурный слой содержал артефакты – от мезолита до раннего железного века, их набор был оригинальным, но как говорится, в рамках обычного. Удивили материалы нижнего слоя, которому почти 25 тысяч лет. Вместе с сильно минерализованными костями лошади и очень мелкими угольками был обнаружен комплекс изделий из горного хрусталя. Такие находки археологи встретили впервые. Вместе с друзьями и гальками хрусталя были найдены заготовки нуклеусов, пластины, сколы, отщепы. Среди орудий выделяются скребки, пластины и обломки с ретушью. Своеобразие материала, использованного человеком – хрусталь, необычная топография – удаленность от воды и возвышенность, почитание «каменных палаток» в различные исторические периоды позволили ученому сделать вывод о существовании здесь святилища с эпохи палеолита. Похожий хрустальный комплекс палеолитического времени был обнаружен также при раскопках стоянки Троицкая I. Правда, авторы исследований В. Н. Широков и Р. Б. Волков предполагают исключительно бытовой характер этого памятника. Хрусталь находят и в захоронениях бронзового века.

Считался ли хрусталь магическим кристаллом еще в эпоху камня сейчас сказать, конечно, сложно, но то, что древний человек явно выделял его из окружающего мира, безусловно, заставляет задуматься.

Заканчивая это небольшое исследование, посвященное кремню, отметим главное. Исследования, проведенные нами совместно с опытным геологом-практиком Вячеславом Юрьевичем Никольским, отчетливо показали, что основным сырьем для изготовления орудий в эпоху камня на Урале были такие кремни-

стые породы как фтанит (черный кремень), фтанитоиды (кремень темных тонов – серый, серо-зеленый, серо-голубой, голубовато-зеленый и т. п., часто принимаемый за яшму), яшма сургучная и сургучно-зеленая полосчатая, новакулиты белого цвета и такие минералы, как халцедон, хрусталь, агат. Именно из этого материала в различных количественных комбинациях, зависящих от местоположения стоянки, человек эпохи камня изготавливал свои орудия на всем пространстве Урала и Зауралья от реки Белой до реки Тобол.

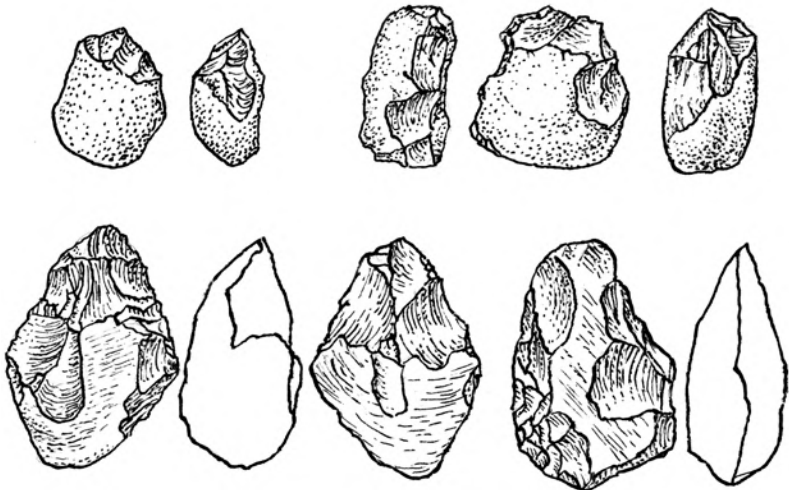
От расколотой гальки до медного ножа

Глава 3

От расколотой гальки до медного ножа

Первые каменные орудия были найдены в Африке, как и древнейшие ископаемые останки прямых предков человека. Они представляют собой гальки и куски горной породы, расколотые таким образом, чтобы получились острые края. Самые древние нижнепалеолитические артефакты составляют олдувайский комплекс орудий, названный так по всемирно известной стоянке в ущелье Олдувай в Танзании. Наиболее вероятным изготовителем олдувайских орудий является *Homo habilis* – древнейший представитель человеческого рода. На сегодняш-

Орудия Олдувайской культуры

ний день надежно датированные древнейшие орудия олдувайского типа относятся ко времени около 3 млн лет назад. Сходные артефакты, возраст которых составляет примерно 2 млн лет, были найдены и в других регионах Африки. Ввиду простоты и незатейливости их форм олдувайские орудия трудно разделить на определенные «типы». К тому же они поразительно однообразны во времени и пространстве. Создается впечатление, что различия между артефактами, найденными в разных местах, определяются в большей степени особенностями материала, из которого они изготовлены, чем какими-то иными причинами. Наиболее древние орудия из камня в форме чопперов, режуще-скребущих отщепов и так называемых проколок, резцов, скребков, остроконечников дошли до нас из олдувайской археологической эпохи. Технические формы всех этих изделий кажутся нам чрезвычайно примитивными.

Чопперы – это...

Однако, изготовление галечных орудий с технологической точки зрения весьма сложный, многоплановый и динамичный процесс. И было бы неправильно относить данные орудия к разряду примитивных, грубых, простых. Отбор исходных заготовок, оценка их морфологии, а также результатов ударов играют здесь наиважнейшую роль. Да и сам технологический процесс требует большого опыта и значительных усилий.

Не исключено, что некоторые формы древнейших чопперов возникли произвольно при использовании дефектной или слабоокатанной гальки в

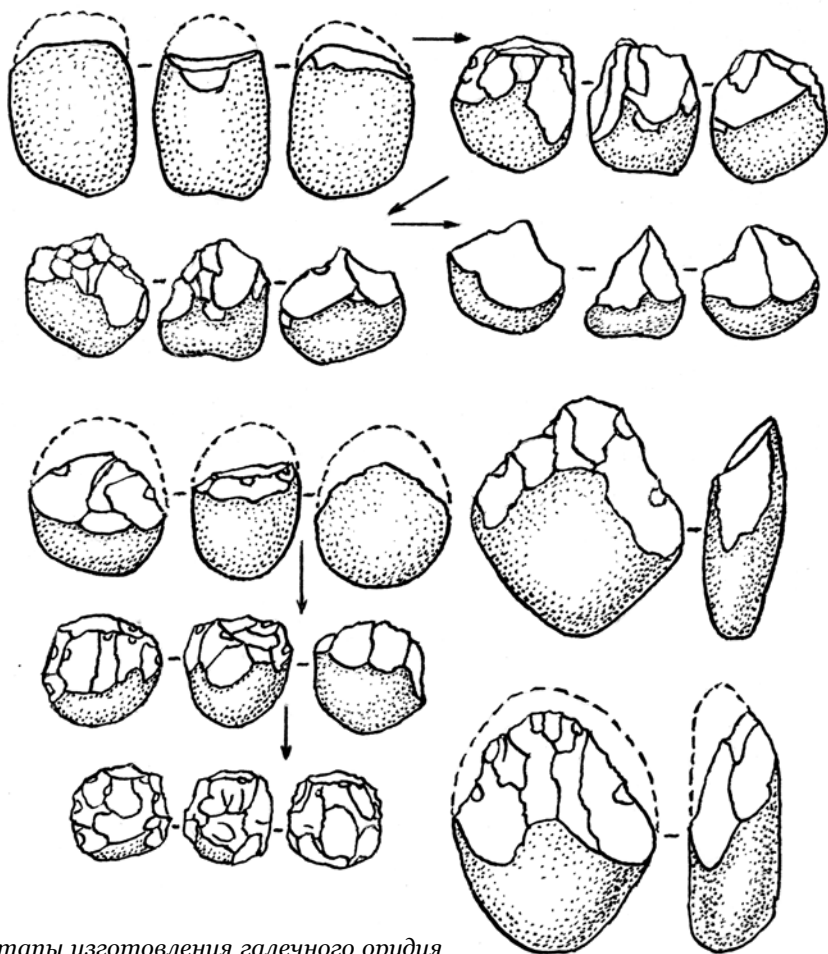

Чоппер

функции отбойника (возможно, при дроблении костей на каменной подставке). Большинство крупных галек и блоков имеют или уплощенную форму или, чаще, неправильную, угловатую, что позволяло сравнительно легко производить первичную обработку. Если попытаться классифицировать уплощенные галечные орудия по способу изготовления, то мы увидим, что в основе этих приемов лежит удар, который может быть произведен в одной позиции; меняется только положение обрабатываемой гальки. Сколы располагаются поперек уплощения гальки (по короткой или длинной оси) и вдоль по толщине. Если этот предельно простой прием перенесем в качестве подправки на четко угловатые куски породы, осколки и отщепы, то получим аналогичные формы: сколы, как у чоппера с прямым или полукруглым краем, дадут скребкообразные лезвия, сколы вдоль по толщине дадут подобие резцов и т. д. Повторно отметим, что сам процесс, как праДревнейшие орудия из Одулваяило, не бывает простым.

Многие исследователи, исходя из данных типологии и этнографии, в той или иной мере касались вопроса о функции макроорудий. Так, принято считать, что галечные орудия могли использоваться для разделки туш животных, разбивания трубчатых костей, твердых плодов, выкапывания корней, нанесения зарубок на деревьях, дробления, прокалывания, метания и т. п. Особой достоверностью отличаются выводы С. А. Семенова и Л. Лики, исследователей, проводивших опыты по использованию орудий. Так С. А. Семенов придерживался мнения, что галечные орудия применялись главным образом для перерубания молодых деревьев, удаления сучьев, очистки от коры стволов, затесывания кольев, грубого строгания древесины, раскалывания трубчатых костей, раковин и твердой оболочки плодов. По мнению Л. Лики, обитатели Одувая использовали чопперы и чоппинги прежде всего для кромсания и разрезания мяса.

Одувайские орудия из камня и кости, появившись в «готовом» виде в начале четвертичного периода, относятся к перво-

Этапы изготовления галечного орудия

му уровню образования технических форм, когда только-только начал выделяться естественно вычлняющийся в функциональном процессе рабочий участок, причем орудие в целом оставалось необработанным. Все предметы, с помощью которых охотились первые люди, расчлняли добычу и обрабатывали другие предметы, определялись ими по признаку, данному

непосредственно в действии, – по конечному «эффекту остроты», который использовался вполне естественно в слабо разделенных функциональных процессах, связанных с дроблением – пробиванием – рубкой – рассечением или строганием – скоблением – резанием. Для человека того времени предметы, которые мы квалифицируем как чопперы, грубо рубящие орудия или скребла, остроконечники и т. п., в совокупности предметы с близкими суммарными признаками действия.

Очень интересную точку зрения на возникновение древнейших орудий и возможности использования речи древнейшими людьми в процессе производства предложил известный в стране исследователь палеолита Г. П. Григорьев. По его мнению, в конце прошлого века наше знание, как возник труд, как возникли древнейшие каменные орудия, претерпело существенные изменения. При всем том, что каменные орудия известны с конца XIX века, и они тщательно изучались, тем не менее, гипотезы относительно их возникновения основывались на умозрительных допущениях. Умозрительные заключения выглядят у разных авторов по-разному, но все они сводятся к выделению некоторого числа ступеней, через которые прошел человек в процессе антропогенеза. Другими словами, процесс появления орудий был определен как процесс постепенный. Это и понятно – в условиях XIX века возникновение нового представлялось по преимуществу как процесс эволюционный, когда новое появляется по частям, а не сразу: сначала появляется нечто очень примитивное и простое, а затем оно постепенно приобретает облик совершенный. Отсюда понятны ступени, проходя по которым человек наконец-то научился изготавливать совершенные орудия. Первой ступенью естественно было то, что еще не человек, но уже и не обезьяна использует естественные предметы в качестве орудий, по одним авторам это кости животных, по другим – это камни. Это особая первоначальная ступень, всем понятная, существование которой авторам гипотез представлялось необходимым. Естественно, что не требовалось ни-

каких доказательств существования такой ступени. На следующей ступени более разумное существо пришло к мысли приострить край камня. И тут же это существо обнаружило, что камень с приостренным краем гораздо лучше служит в качестве орудия, чем просто камень. Наконец, наступает время для третьего этапа: из галек или из иных отдельностей породы изготавливаются орудия. Если раньше подправляли немного край камня, приостряя его, то теперь приострение становится более систематичным. И тут просматривается картина постепенного усовершенствования, исходя из предшествующего этапа. Картина, изложенная выше, была целиком умозрительной, теперь есть совершенно иное представление, прежде всего потому, что оно основано на новых наблюдениях, сделанных археологами. Суть заключается в том, что происходит изобретение техники раскалывания камня, а не предполагаемое ранее изобретение орудия.

Соотношение между изобретением / изготовлением орудия и изобретением техники обработки камня представляется как соотношение части и целого. Эта гипотеза основана на анализе древнейших каменных изделий, происходящих из древнейших африканских памятников. Они относятся к олдувайской эпохе, что в абсолютных цифрах означает от трех до полутора миллионов лет. Особенностью ранних представлений о каменных орудиях и их производстве было убеждение археологов первой половины XX века, что первые, древнейшие орудия делались из кусков породы, из галек или желваков кремня.

Есть другой, более распространенный и, считавшийся более поздним способ изготовления орудий, который предполагает сначала получение заготовки, а затем уже изготовление орудия из заготовки. Собранные на древнейших памятниках африканского материка материалы говорят о том, что памятников без орудий на заготовках не существует. Понятие «заготовка» предполагает еще одно понятие, с ним связанное – ядрище или нуклеус, изделие рук человеческих, которое существует только для

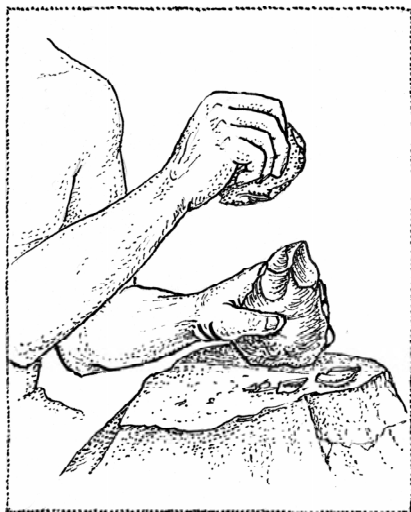
того, чтобы скалывать заготовки, ни с чего другого заготовку сколоть нельзя. Около ста лет подряд все или почти все полагали, что нуклеус – сравнительно позднее изобретение, появившееся во времена неандертальца, или самое раннее в пределах той же ашельской эпохи. Первые ядрища были везде и всегда примитивны, как были примитивны и заготовки, которые с них скалывали. Одним словом, и здесь принцип от простого к сложному как будто реализовался.

Тут наступает время великих открытий в Африке – примерно 1960–1970-е годы прошлого века. Изучение набора форм каменных изделий со стоянок олдувайской эпохи показало, что ядрища и скалываемые с них заготовки существуют с самого начала древнекаменного века. Точно также на олдувайских стоянках присутствуют некоторые формы каменных орудий, изготавливавшиеся уже на основании заготовок. Это все вместе означает, что первый человек изобрел одновременно и ядрища, заготовки, и орудия.

«Лицеи» палеолита

Именно это знание и должен был передавать один человек другому. Знание это было непростым и слагалось из знания отдельных операций. Операции в сумме и в нужной последовательности давали результат. Эту последовательность теперь называют технологией. Другими словами, это было нечто, на чем построено все современное производство. И сама эта схема оказалась вечной и неизменной на все времена. Сначала сырье, потом – заготовка, которая затем обрабатывается так, чтобы из нее получилась нужная вещь. Все, что производила и производит промышленность – все сделано по этой схеме.

Однажды эта последовательность была изобретена древнейшим человеком. Чему же должны были научить молодого интеллектуала-подростка 2 млн лет тому назад? Это довольно сложная наука и для подростка нашего времени. Сотрудники

Изготовление орудия оббивкой

Института археологии в Петербурге пробовали раскалывать кремь, и это им удавалось далеко не сразу, а по истечении долгого времени обучения – нескольких лет. И надо думать, что аспирантура и университет подготовил их в большей степени, чем окружение личностей вроде австралопитеков. Главной сложностью для людей каменного века было создание программы раскалывания камня и изготовления каменных орудий. Экспериментаторы, изучающие приматов, утверж-

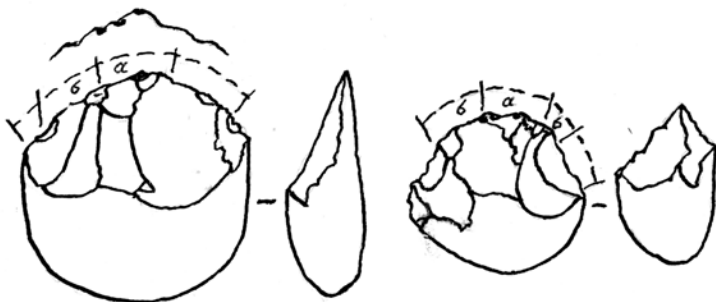
дают, что обезьяну нетрудно научить раскалывать камень и получать нужные заготовки. Главная трудность, для обезьяны непреодолимая – это создание программы. Программа – цепь последовательных действий, поставленных в нужном порядке. Для обезьяны программу создает человек. Но первые люди должны были сами, без помощи высшего существа создать программу. Например, сейчас всякое изобретение приобретает форму чертежей, описаний и затем реализуется в производстве. Очень маловероятно, чтобы можно было передать фигуру ядрища без минимального словесного аппарата от одного участника процесса к другому. Конечно, можно думать, что главное было – показ, или личный пример. Следуя за показывающим наставником, человек смог повторить опыт того, кто им уже обладал. Можно показать материал, из которого готовится ядрище, можно показать, из чего сделан так называемый отбойник, которым пользуется мастер, приготавливая ядрище, а затем отделяя от ядрища заготовки. Но показать нужно было постоянно меняющуюся форму, которая в наше время описывается

Ретуширование отбойниками

как трехгранная или четырехгранная призма – нуклеус. Конечно, человек олдувайской эпохи не объяснял подростку процесс раскалывания с помощью терминов вроде прямой угол и продольная ось изделия. Но в бессловесной форме, как кажется, все это трудно передать. А вся процедура приготовления заготовок только предварительная стадия по отношению к следующей стадии: приготовления орудий из заготовок. В свою очередь, вся сложная техника раскалывания камня должна лишь подводить к процессу использования орудий в труде. Существенно, что вся работа с камнем не имеет зримого результата, она приобретает смысл лишь для того, кто сумел заглянуть в конец процесса, увидеть результат мысленным взором.

Раньше археологи полагали, что развитие орудийного набора шло от одного, универсального орудия, к множеству орудий. В качестве универсального орудия предполагалось ручное рубило, древнейшее из орудий. Теперь оказалось, что стадии универсального орудия не было. Олдувайская эпоха знает множество форм орудий из камня, и эти формы вполне устойчивы. Ручное рубило отмечает собой ашельскую эпоху, следующую за олдуваем, оно древнейшее орудие на европейском материке. Для нашей темы существенно, что мгновенно возникающая совокупность каменных орудий разной формы потребовала, надо полагать, закрепления в сознании древнего человека. Это закрепление должно было проходить как в поведении человека,

Галечное орудие для разделки туш животных

так и в его сознании. Закрепление в сознании могло проходить успешнее всего в словесной форме. Если это предположение справедливо, то древнейшее преподавание должно быть связываемо с началом производства каменных орудий, как оно представлено в археологических источниках – в олдувайскую эпоху, около двух с половиной миллионов лет тому назад. Это было основанием для передачи информации от поколения к поколению.

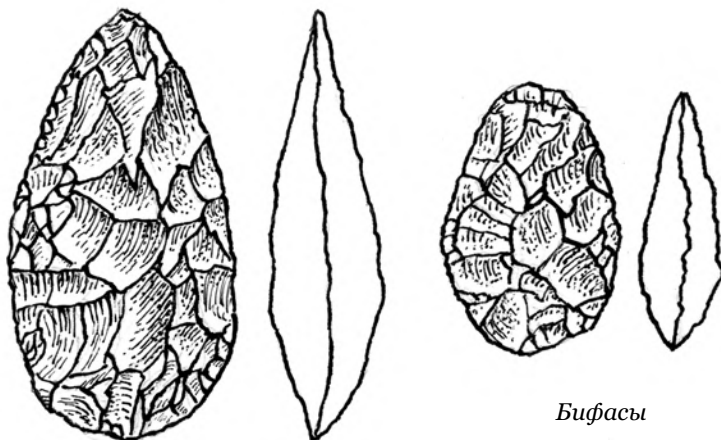
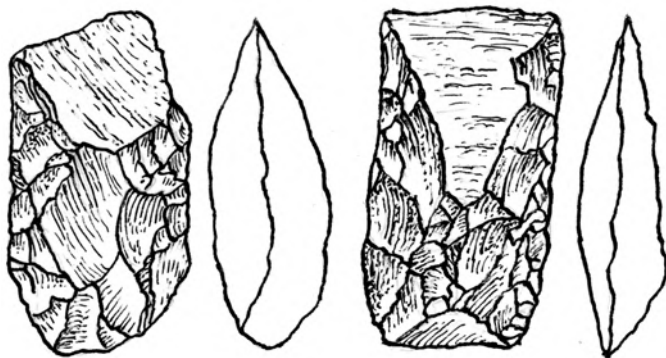
Гипотеза Г. П. Григорьева очень интересна и своеобразна, как и многие из его гипотез, но вместе с тем трудно представить себе, что архантропы уже владели связанной человеческой речью и пользовались какими-либо абстрактными понятиями.

Бифасы и кливеры-колуны

Более распространенной по территориям Африки и Евразии является культура-индустрия раннего палеолита, названная ашельской по эпонимному археологическому памятнику во Франции. Среди орудий ашельского времени наиболее известными и распознаваемыми, безусловно, являются бифасы. Колуны и пики, характерные для ашеля Африки и Юго-Восточной Азии, в местонахождениях раннего палеолита Европы встречаются редко. Монофасы в количественном отношении уступают перечисленным формам. Самыми древними обычно называют

бифасы с необработанным основанием, характерные для раннего ашеля Африки и Европы. Эти бифасы, как принято считать, как бы продолжают непосредственно галечные орудия. Наиболее архаичные формы колунов встречены в некоторых раннеашельских памятниках Африки и Передней Азии. Макроорудия, обнаруженные на стоянках Европы, изготовлены преимущественно из кремня. Иное сырье использовали ашельские люди, жившие на территории Кавказа: песчаник, известняк, обсидиан и андезит. Для орудий, найденных на стоянках Африки, выбирались такие породы, как кварцит, базальт, трахиандезит и обсидиан. В качестве исходного материала древними обитателями Юго-Восточной Азии использовался кварцит, а Передней Азии – кремень, кремнистые породы и базальт. Ашельские и мустьерские мастера придавали большое значение отбору и оценке исходного материала. Широко практиковалось опробование материала. Об этом, в частности, свидетельствует множество не-законченных бифасов на стоянках Англии и Франции.

Характерными орудиями ашеля были ручные рубила и кливеры («колуны»). Ручные рубила – бифасы – орудия универсального назначения, сделанные из ядрища-заготовки путем двусторонней обработки. Они довольно массивны, достигая длины 35 см, имеют овально-миндалевидную форму, два продольных лезвия и один заостренный конец. Кливеры характеризуются поперечным лезвием и симметрично оббитыми краями. Самое существенное отличие бифасов от галечных орудий заключается в увеличении у первых зоны обработки, сложности и разнообразия технологии изготовления, протяженности рабочих лезвий, усложнении роли отделки при выделении основных и вспомогательных элементов и т. д. Уже раннеашельские материалы свидетельствуют о явной способности палеолитических людей мысленно моделировать некоторые формы бифасов, способы, варианты и приемы их изготовления. Конкретное воплощение формы осуществлялось в ходе нередко пол-

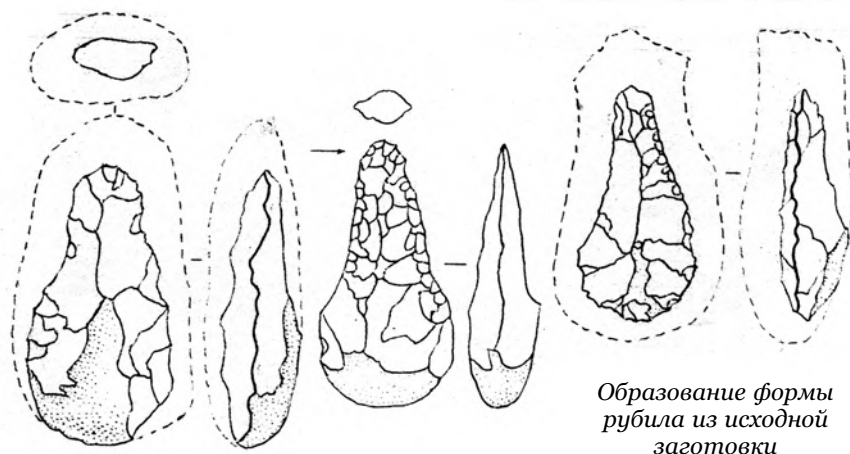
*Бифасы**Кливеры – «Колуны»*

ного изменения очертаний исходных заготовок любых типов. В то же время изготовление чопперов и чоппингов сводилось к выделению лезвий в рамках заданной естественной формы галек или валунов, хотя, как мы знаем, некоторые раннеашельские бифасы имеют необработанное основание. Однако абстрактные модели в сознании древних людей следует, по-видимому, рассматривать как представление об обобщенных типах бифасов – заостренных, овальных и бифасов с поперечным лезвием.

Формирование же конкретного образа бифаса (миндалевидного, сердцевидного, треугольного и т. д.) происходило только в процессе его изготовления.

Вполне возможно, что технология обработки бифасов оказывала в раннем и среднем ашеле влияние на формирование орудий из отщепов и, в частности, технику вторичной обработки. Изготовление ашельских бифасов из крупных заготовок означает не только оформление самого орудия, но одновременно и реализацию способов и приемов технологии расщепления. Хотя технология изготовления бифасов, с одной стороны, и получения отщепов с нуклеусов – с другой, имели свои самостоятельные линии развития, тем не менее, в общем смысле резонно говорить об их реальном перекрещивании в первой половине ашельского времени. На деле это означает, что многие бифасы одновременно были и нуклеусами. И лишь переход к изготовлению бифасов из отщепов, появление различных приемов скалывания отщепов с нуклеусов свидетельствуют о разъединении указанных линий. Именно на данном этапе прерывается в целом эволюционно-прогрессивная роль бифасов, что, по-видимому, произошло в позднем ашеле. Быть может, к этому времени они исчерпали и свой первоначально прогрессивный функциональный потенциал, который почти полностью переняли различные орудия из отщепов. Тщательно обработанные бифасы использовались для разделки туш животных, а также скобления и строгания наряду со скреблами, остроконечниками и необработанными отщепами.

Изящные формы бифасов свидетельствуют, как неоднократно подчеркивалось различными авторами, о становлении эстетического чувства у древних людей, а точнее, элементарных эстетических категорий – пропорции, симметрии, гармонии и т. п. Вероятно, отдельные группы бифасов-орудий трансформировались в верхнем палеолите в бифасы-оружие – наконечники копий и дротиков. Орудия из отщепов и особенно такие, как резцы, скребки, проколки, сверла и долотовидные изделия, это,

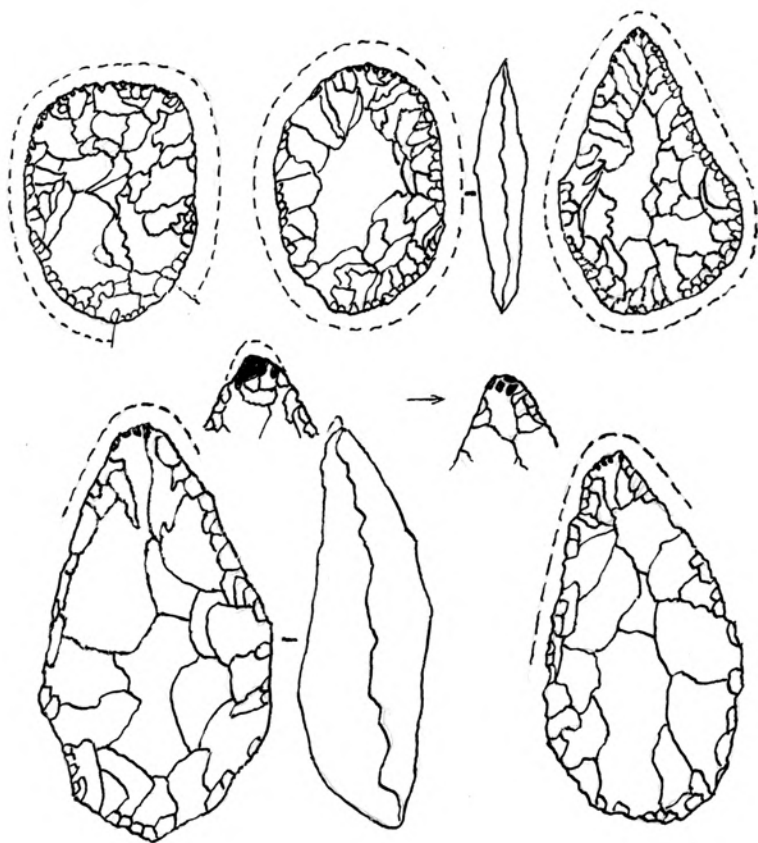
прежде всего специализированные орудия, и они свидетельствуют о кардинальных изменениях в развитии интеллекта, физического облика, производства и хозяйства древнейших людей, другими словами, о непрерывном процессе эволюции человека и общества вообще.

Опыты по разделке туш животных орудиями раннего палеолита проводились сотрудниками Института истории материальной культуры РАН в Санкт-Петербурге. Из зоопарка в Зоологический музей были доставлены умершие слон и три жирафы, а учеными в процессе эксперимента использовались изготовленные экспериментальным путем бифасы разнообразных форм, остроконечники, скребла, выемчатые и зубчатые орудия. Опыты убеждают в том, что разделку туши слона можно проводить исключительно бифасами (5–6 экз.), но при непрерывной их подправке. Бифасы, имеющие большую протяженность рабочей зоны лезвий, которые постоянно подправляются, могут быть в работе 20–40 часов.

Хорошими режущими орудиями показали себя также остроконечники и скребла. У зубчатых орудий основная нагрузка во время резания приходится на зубчики, которые быстро истира-

ются. Эти орудия пригодны для успешного рассечения мягких тканей лишь в течение первых нескольких минут.

Таковыми же орудиями производилась работа по дереву. Каменными орудиями раннего палеолита ствол молодой березы диаметром 2,8–3,2 см можно сравнительно легко перерезать за 6–13 минут, диаметром 3,3–3,8 см – за 9–20 минут и диаметром 3,9–4,3 см – за 13–20 минут. При этом остроконечники и скребла обнаруживали при работе весьма близкую эффектив-

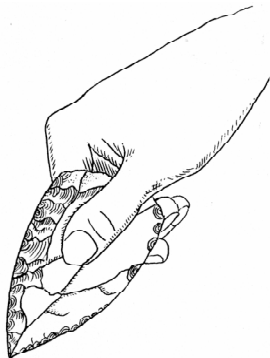

*Бифасы использованные для разделки жирафы и слона.
Пунктиром показан рабочий край*

ность. Вместе с тем необходимо отметить, что орудия, изготовленные из обсидиана, изнашивались значительно быстрее кремневых.

На Южном Урале орудия раннего палеолита представлены бифасом позднего ашеля, найденным у села Краснокаменка. В Пермском Предуралье на берегах Камского и Сылвинского водохранилищ, на таких местонахождениях как Ганичата, Ельники и других, были найдены галечные орудия типа чопперов и чопингов, изготовленных из галек кварцитопесчаника.

Около 300 тыс. лет назад начался новый этап древнейшей истории – эпоха среднего палеолита, которую еще называют мустье, по археологическому памятнику – гроту Ле Мустье во Франции. В среднем палеолите значительно усовершенствовалось производство каменных орудий, прежде всего самих нуклеусов, т. е. ядрищ для скалывания отщепов, и крупных пластин. Орудия мустье изготавливались в основном из отщепов. Они отличаются устойчивостью форм. Двусторонне обработанные орудия сохраняются, но существенно изменяясь, и в среднем палеолите. Ручные рубила уменьшаются в размерах, часто изготавливаются из отщепов. Появляются листовидные наконечники и острия различных типов, которые использовались

*Нож-скреоло
леваллуазско-
мустьерского типа*

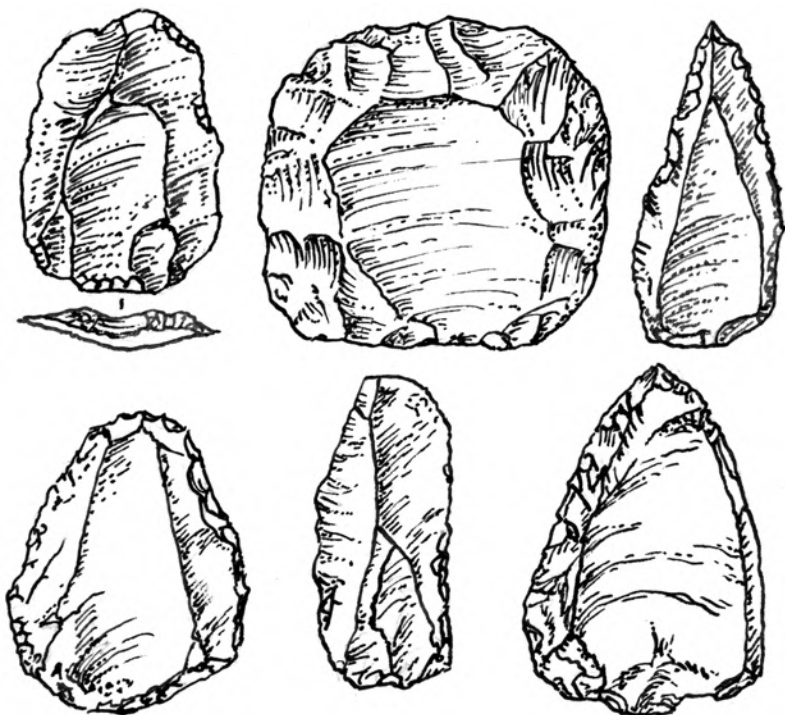
*Рубка ольхи ручным рубилом –
после 5 минут работы*

в составных орудиях и оружии, например в метательных копьях. Типичное орудие мустье – скребло – имеет многолезвийные формы. Мустьерские орудия многофункциональны: они служили для обработки дерева и шкур, для строгания, резания и даже сверления.

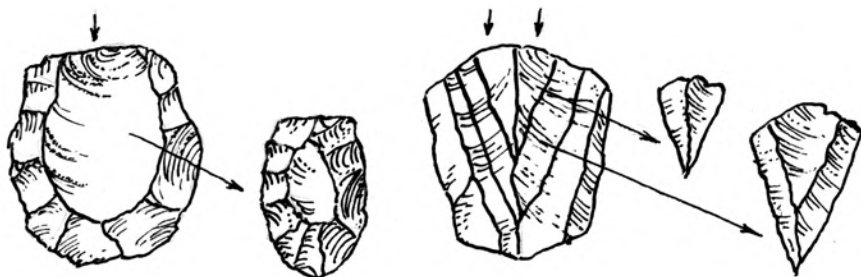
Главным технологическим завоеванием человека среднего палеолита стали особые приемы обработки камня, названные техникой леваллуа. Они заключались в откалывании крупных сколов от специально подготовленного обломка исходного каменного сырья – нуклеуса. В результате получались крупные пластины и острия с симметричными острыми краями, почти не требующие дополнительной обработки – тонкие в сечении и очень удобные в работе. Технические достижения в расщеплении камня позволили значительно усовершенствовать форму двух основных типов орудий – остроконечника и скребла.

Так, на стоянке среднего палеолита Богдановка, расположенной на реке Урал в Кизильском районе Челябинской области, из известных пока 40 орудий – 11 экземпляров представлены скреблами. Рабочие лезвия этих орудий прямые или выпуклые. Следы, обнаруженные на них при помощи микроскопа, позволяют говорить, что ими скоблили шкуры, подрезали мездру, разрезали шкуры. Другой функцией скребел была обработка дерева – скобление и строгание. Ножи использовались для строгания дерева и разрезания мяса. Единственным обнаруженным на стоянке остроконечником разделявали мясо и разрезали шкуры. Набор орудий говорит об охотничьей деятельности коллектива людей, жившего на стоянке.

Около 50–40 тыс. лет назад во время перехода от среднего палеолита к позднему (верхнему), наряду с неуклонным развитием техники обработки камня, происходит изобретение новых принципов раскалывания кремня и получение заготовок для изготовления орудий. Эволюция технологии прослеживается, прежде всего, в переходе от леваллуазской техники откалывания от нуклеуса крупных одиночных, часто подтреуголь-

Орудия мустье – скребла и остроконечники

«Черпаховидный» мустьерский нуклеус и отщеп с него

Леваллуазский нуклеус и леваллуазские пластины

ных пластин, из которых делали остроконечники и скребла, к серийному отщеплению от нуклеусов призматической формы пластин и микропластин правильной формы с параллельными гранями. Возникновение новой технологии позволило в дальнейшем прийти к получению стандартных пластинчатых заготовок, которые использовались для совершенных вкладышевых орудий – наконечников, ножей, кинжалов.

Отжимная техника

В чем же заключаются основные технические достижения этого времени? В течение всей предыдущей истории человечества для получения заготовок и изготовления орудий использовалась ударная техника раскалывания камня. Для того чтобы отделить заготовку – пластину или отщеп – от нуклеуса требуется довольно мощный удар, направленный в определенную точку. Для этого использовался удар отбойником. Но в процессе раскалывания камня отбойником, очень трудно нанести достаточно прицельный удар. Точка приложения импульса силы в реальности редко совпадает с технологически необходимым местом. При работе отбойником сколы всегда получаются нерегулярного характера – пластины и отщепы неодинаковые по объему и конфигурации. Главным изобретением в это время было использование отжима, как основного способа создания импульса расщепляющий камень силы. При отжимной технике можно очень точно выбрать место приложения силы. Если при ударе импульс прикладываемой энергии очень короткий и он изгибает снимаемый скол на коротком участке, то при отжиме,

Скалывание пластины с призматического нуклеида при помощи отбойника

предполагающем плавное увеличение давления, импульс длиннее, следовательно с помощью отжима можно снять более длинный и тонкий скол, чем при ударной технике, а это в свою очередь означает возможность получения пластин с параллельными тонкими краями – практически уже готовых режущих орудий.

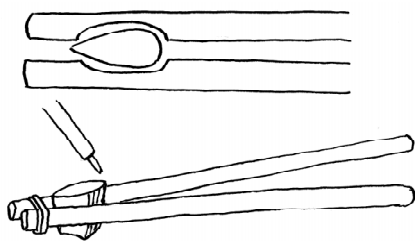
Сама по себе отжимная техника также эволюционировала. Сначала был «простой» отжимник, использовавшийся только в руках. Затем появляется «Т-образный», при котором задействован вес человеческого тела, вершиной было изобретение «усиленного» отжима с использованием искусственного рычага, то есть, по сути – изобретение первого станка. Для того чтобы такой станок работал, прежде всего, специально подготовленный нуклеус для микропластин должен быть закреплен в специальном зажиме, поскольку в руках его не удержать. Закрепить нуклеус можно было в трещине расколотой древесины – такой зажим с одной стороны удобен, поскольку не требуется особых трудов на его изготовление, с другой стороны очень трудно потом извлечь нуклеус из трещины. Более эффективным и также легко конструируемым может быть зажим нуклеуса в «щемилке». Затем к устроенному зажиму крепится отжимник, установленный на край нуклеуса и соединяется с рычагом для приложения силы давления – первый станок готов к работе.

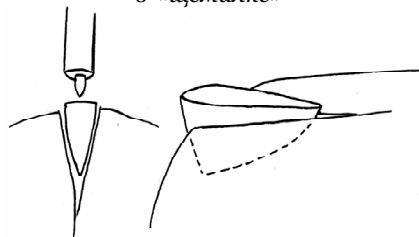
Получение пластин при «простом» отжиме

Дальнейшая история отжимной техники, существовавшей до конца эпохи камня, развивалась по двум направлениям: «простого» отжима и получения крупных и средних по размерам пластин и «усиленного» отжима и производства микропластинок, длиной 2–3 см, шириной 0,5–0,9 см и толщиной до 0,2 см. Из крупных и средних пластин делали отдельные самостоятельные орудия – ножи, концевые скребки, резцы, и т. п., микропластины использовались как детали составного лезвия во вкладышевых орудиях.

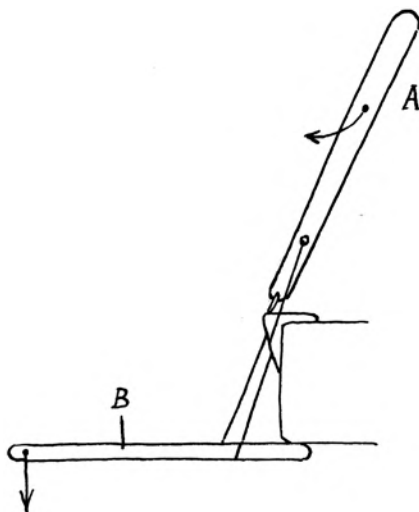
В это же время параллельно с развитием техники получения пластин-заготовок, совершенствуются и способы непосредственного изготовления рабочих лезвий индивидуальных орудий путем ретуширования. Вначале ретушь наносилась отбойником, при этом рабочий край на заготовке получался не всегда ровным, поскольку очень трудно наносить последовательные удары одной и той же силы. Стала применяться «наковаленка», на которую давили краем заготовки. Рабо-

Зажим призматического нуклеуса в «щемилке»

Крепление микронуклеуса в «трещине» при отжимном расцеплении

Экспериментальное устройство для усиления отжима

та с «наковаленкой» почти всегда оставляет ретушь со стандартными, единообразными фасетками и ровный рабочий край, но здесь нет возможности учесть всю индивидуальность формы заготовки. Ретуширование отжимником дает наиболее совершенный результат. Всегда можно выбрать нужную точку приложения силы, оптимальный угол наклона, учесть все детали формы, и как результат, получить необходимое рабочее лезвие.

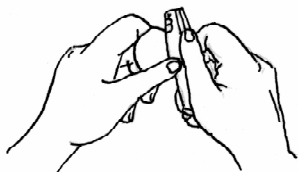
Таким образом, при переходе от среднего к верхнему палеолиту вместе с процессом становления человека современного вида усовершенствовалась техника обработки камня, основные

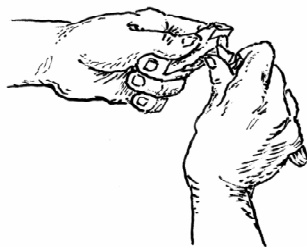
Ретуширование о «наковаленку»

Ретуширование отбойником,

Давление артефактом

Ретуширование отжимником

Ретуширование отжимником

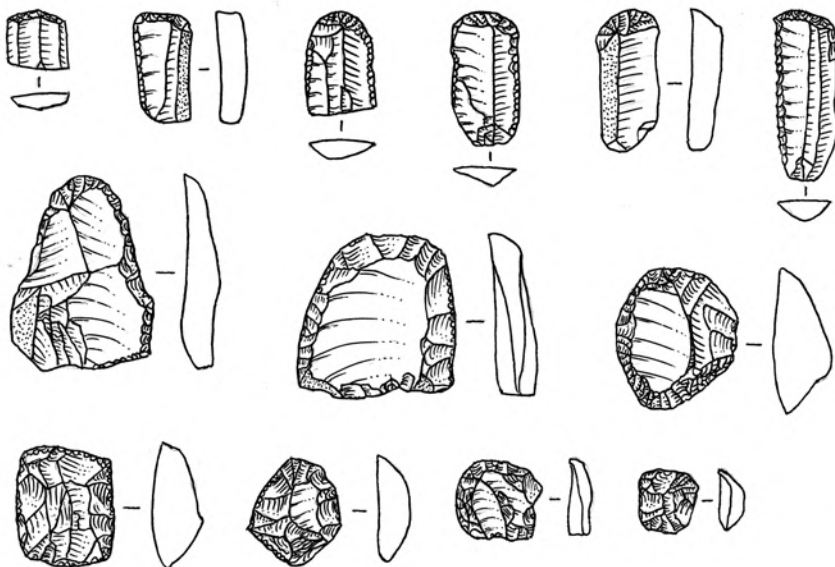
Ретуширование «ручным отбойником»

принципы которой затем существовали до конца эпохи камня.

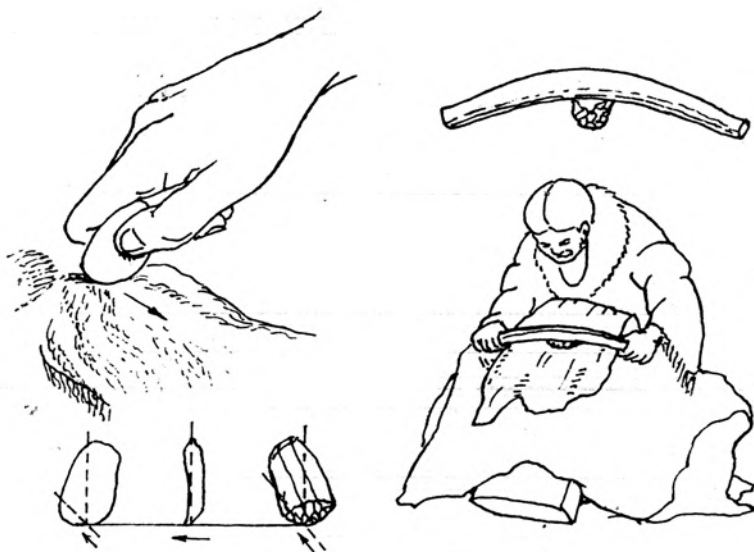
На Урале в позднем палеолите для получения пластин-заготовок использовались призматические и торцевые нуклеусы, редко – плоские. Орудийный набор охотников конца палеолита состоял из концевых скребков на пластинах, скребков округлой формы из отщепов, пластин с выемками и шипами, пластинок с обработанными ретушью краями, резцов, и долотовидных орудий. Вместе с ними встречаются скребла и рубящие орудия крупных форм. Так, на стоянке Троицкая I скребками и резцами обрабатывали, в основном, дерево и кость и только на трех орудиях сохранились следы обработки мяса и шкур. Найденные на стоянке Шикаевка II орудия на пластинах напротив, служили разделочными ножами. В Каповой пещере среди орудий преобладают пластинки с ретушью, острия, скребки, пластины с выемками и притупленным краем.

В развитии техники в эпоху камня существуют как общеисторические закономерности, так и местные особенности каждого отдельного региона в тот или иной исторический период. Эти особенности определялись многими факторами, например, качеством и количеством местного кремнистого сырья, типом существовавшего хозяйства и т. д., но основным определяющим показателем является все же традиция, которая у каждого народа неповторимо своя. И в рамках этой традиции формируется оригинальный набор орудий. Такой набор характерен только для этого населения, только для этого времени и, только как единый набор он характеризует часть материальной культуры конкретного народа.

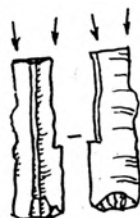
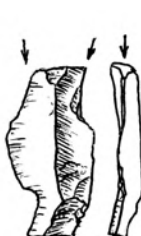
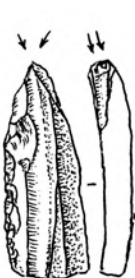
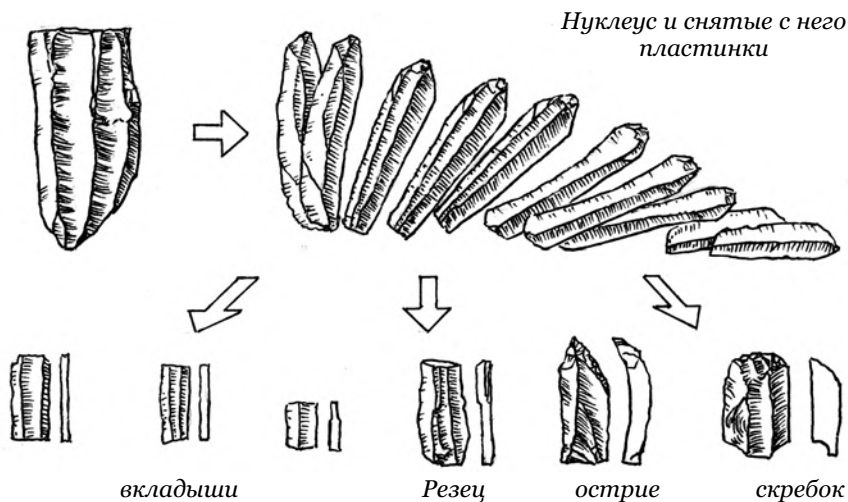
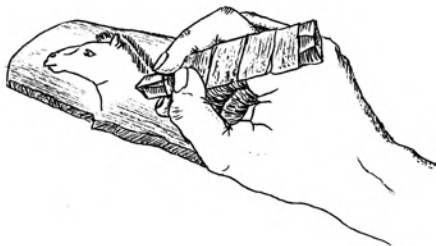
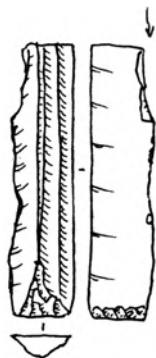
Нуклеусы призматической формы известны в неолитическое время и на Урале, и в Западной Европе, и в Африке, а вот уплощенные нуклеусы на плитках, со скошенной ударной площадкой и широким поперечным сколом на тыльной стороне – только в неолите Южного Урала. Микропластинки шириной до 1 см в мезолите распространены по всему миру, а в сочетании с торцевыми нуклеусами и геометрическими микролитами в форме

Скребки

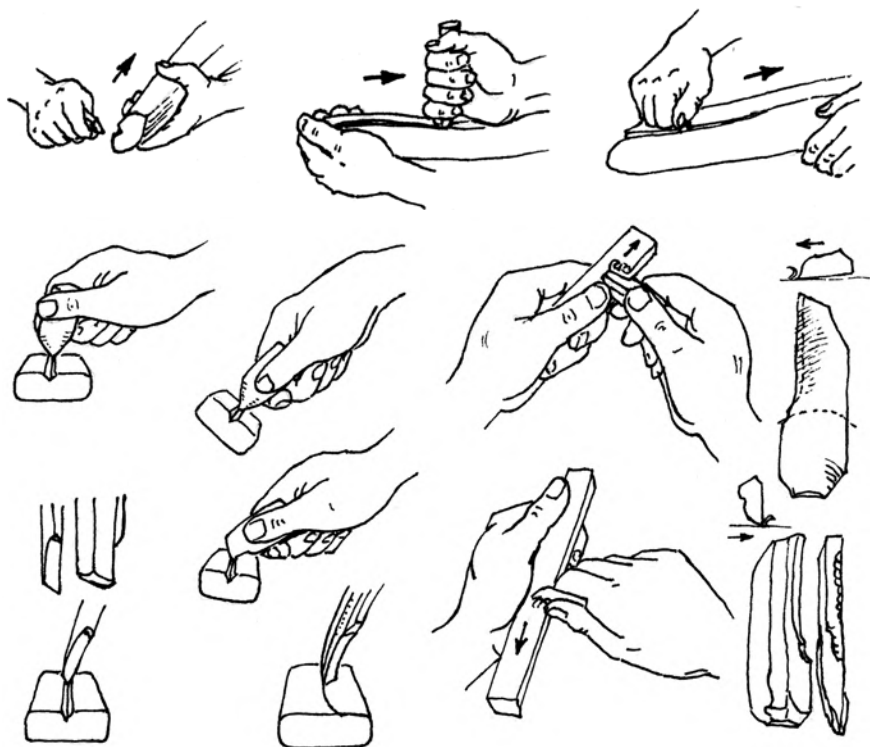
Обработка шкур скребком

*Резцы**Работа резцом по рогу*

асимметричной трапеции – только на Южном Урале. И такие примеры можно продолжать и продолжать.

Традиционный набор орудий южноуральских охотников и рыболовов начал формироваться в конце палеолита и в соответствии с историческими тенденциями эволюционно видоизменялся до конца эпохи камня, сохраняя свой неповторимый облик. Для мезолита Южного Урала характерны нуклеусы для получения пластинок-заготовок, пластинки-вкладыши для составных вкладышевых орудий, пластинки с ретушью и без ретуши – ножи, пластинки с выемкой – скобели для обработки древков стрел. Резцы – для прорезания пазов, скребки – для выделки шкур, острия-проколки – для шитья меха и кожи. Именно такой набор орудий из кремня всегда встречается при раскопках мезолитических стоянок на Южном Урале. Еще один тип находок, характерных для Южного Урала – это геометрические микролиты – орудия, сделанные из пластинок в форме асимметричных трапеций и треугольников. Они появляются в конце палеолита и встречаются на стоянках разного времени до конца эпохи камня. Трапеции и треугольники – это одна из ярких и своеобразных черт, присущих только населению Южного Урала и, отличающая наборы орудий южноуральских охотников от населения сопредельных территорий. Существуют разные предположения их применения: одни считают, что их использовали в качестве вкладышей, другие – что они служили наконечниками стрел и т. д., но чем они были на самом деле для археологов пока остается загадкой.

В неолите полностью сохраняется набор орудий, который мы уже рассмотрели, но эта эпоха характеризуется значительным расширением ассортимента орудий. Прежде всего, это наконечники стрел. Наряду с составными – вкладышевыми появляются наконечники полностью изготовленные из кремня и яшмы. В качестве заготовок использовались пластинки и отщепы. Пластинчатые наконечники немногочисленны. В основном, ретушью с одного конца пластинки оформлялось острие – жало

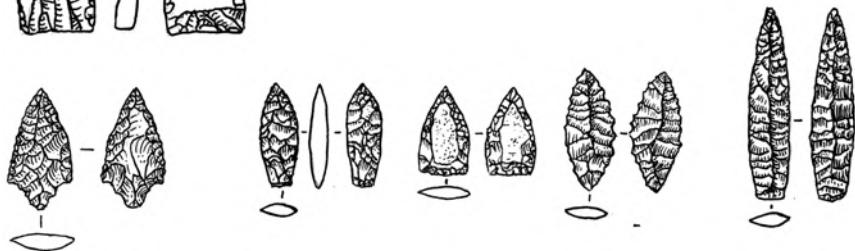
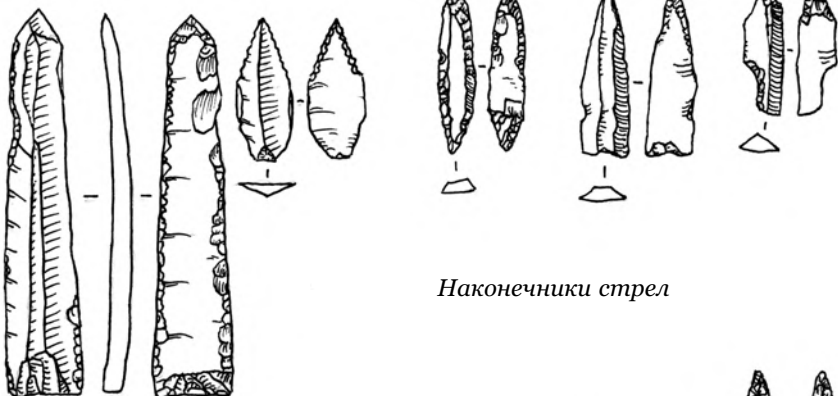
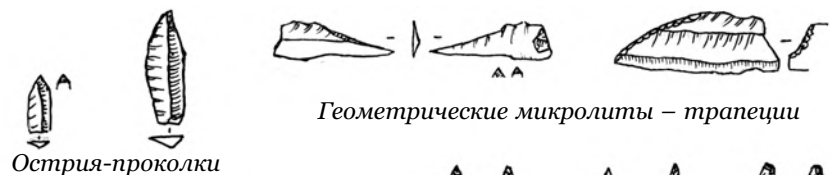
Работа резцами по рогу, кости и дереву

наконечника, а с другой – насад для удобства крепления в дереве. Очень оригинальными являются миниатюрные наконечники на пластинках, края которых обработаны ювелирной ретушью, создающей пильчатый край. Поражает удивительное мастерство, с которым оформлен каждый зубчик размером в миллиметр.

Более разнообразными являются наконечники, выполненные из отщепов путем сплошной обработки с двух сторон, так называемые двусторонне обработанные наконечники. Как правило, им придавалась форма листка какого-либо дерева – и в археологии они так и называются – иволистные, лавролистные или просто листовидные. Можно встретить также наконечни-

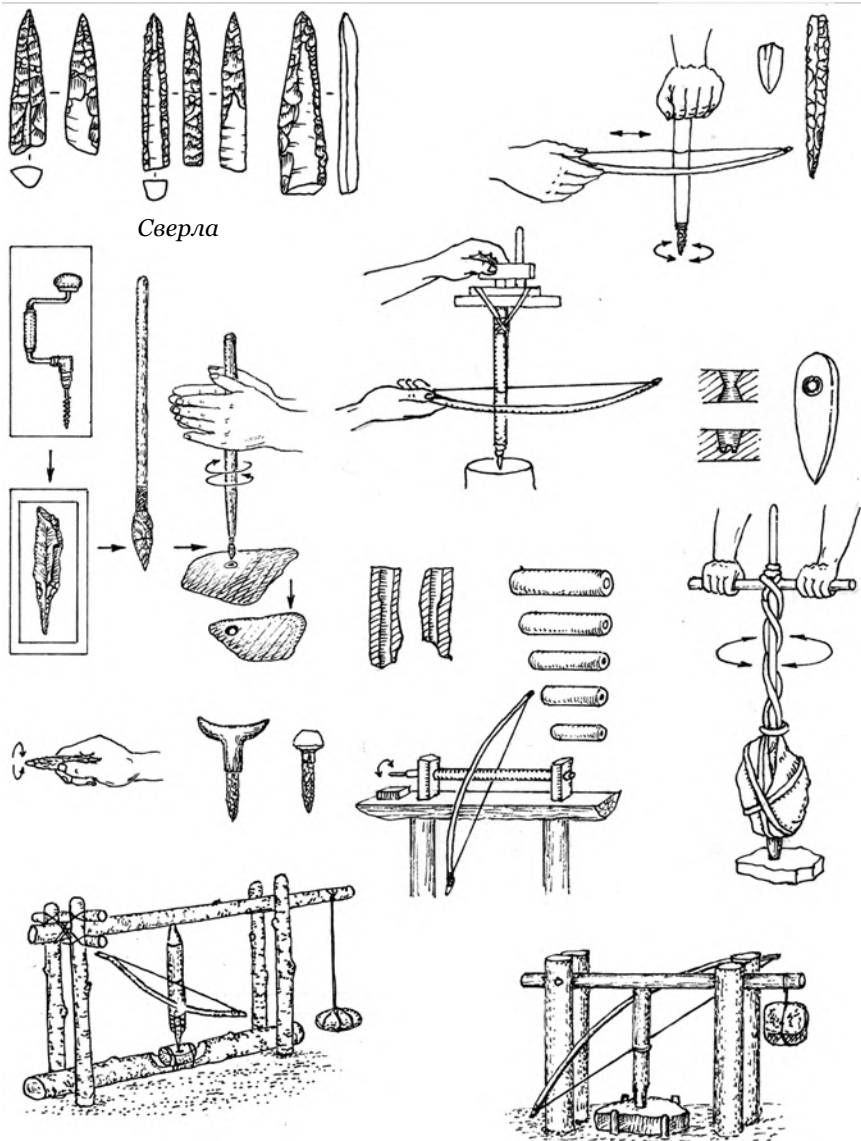
ки удлиненной формы с прямыми или вогнутыми насадами, в форме вытянутого треугольника, иногда со специально оформленным черешком. Такое разнообразие наконечников для стрел можно объяснить расширением сферы охоты и повышением ее качества. Действительно, вряд ли одной и той же стрелой можно охотиться и на лося, и на утку или белку. Здесь важно было учитывать и размеры, и вес, и форму наконечника, что свидетельствует об очень высоком уровне развития техники каменного производства.

Еще одним типом орудий, хорошо нам известным и получившим распространение в неолите и энеолите Урала, были свер-

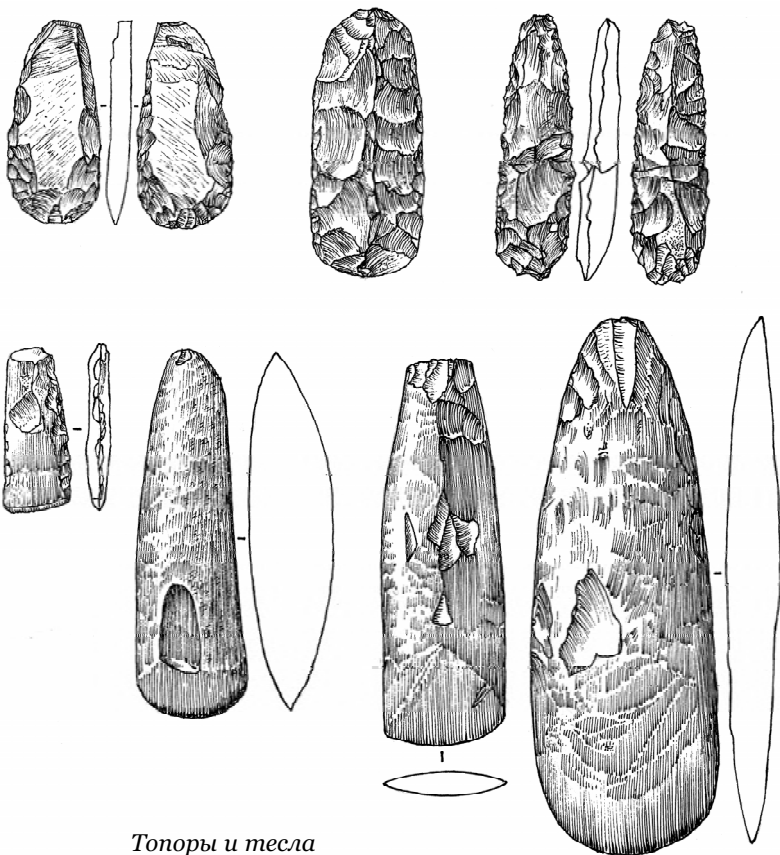

ла. Их изготавливали из пластинок, причем лезвие оформлялось таким образом, что разворот рабочей плоскости удивительно соответствует современным сверлам. Вообще, сверление появилось еще в палеолите, но сверло, как рабочий инструмент, окончательно оформилось к неолиту. Диаметр уральских сверл – от 3 до 7 мм. Наблюдая рабочий край в микроскоп можно увидеть, что сработанность характеризуется заглаженностью боковых граней и закругленностью рабочего конца. Иногда такие следы видно даже невооруженным глазом. Далее при небольшом увеличении видны четкие линейные следы, идущие по периметру острия кругами, перпендикулярными оси орудия. По четкости линейных следов можно предположить, что сверлили материал средней твердости – камень (известняк, сланец и т. п.), кость, керамику. Типов сверления несколько: одноручное, двуручное и лучковое. При одноручном сверлении орудие зажималось в пальцах, и вращение производилось вполюборота влево и вправо. При двуручном способе кремневое сверло закреплялось в деревянном стержне, который вращался между ладонями обеих рук. Наиболее прогрессивен лучковый способ, при котором вращение сверла достигалось за счет использования небольшого лука. Одной рукой мастер двигал лук, другой придерживал сверху сверло. Экспериментальные работы показали, что при сверлении сухого оленьего рога двуручным способом за 2 часа 15 минут было просверлено отверстие диаметром около 1 см и глубиной 1,5 см.

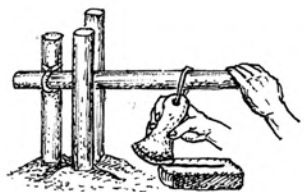
Дальнейшее развитие охоты и, как результат, большее разнообразие добываемых животных и птиц, потребовало значительного расширения ассортимента скребков. Немногочисленные в мезолите скребки теперь образуют целые серии разных форм – подчетыреугольные, подтреугольные, округлые, стрельчатые и др. Больше становится и скребел, более массивных, чем скребки. Кроме ножей на пластинках появляются ножи на отщепах с двусторонней обработкой и выпуклым рабочим лезвием.

Станки для лучкового сверления.
Каменные сверла и способы их использования

Топоры и тесла

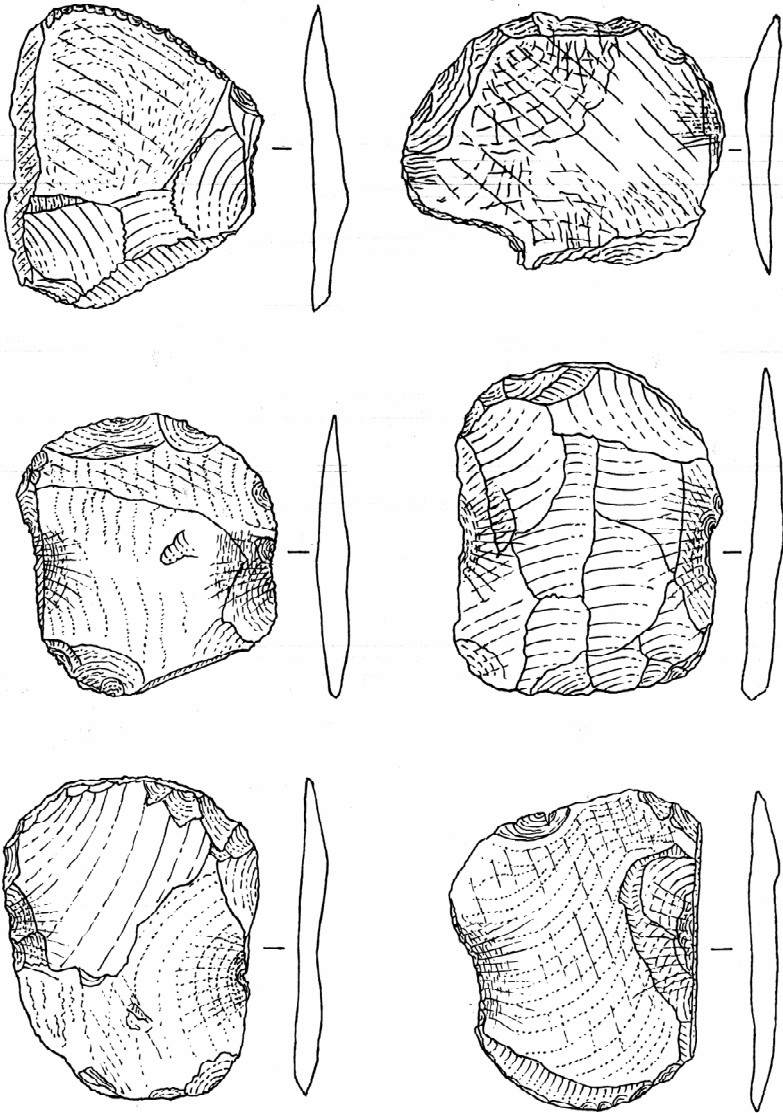
Шлифование орудий

Работа теслом

Еще одной отраслью хозяйства, получившей широкое распространение в неолите и энеолите, является деревообработка. В археологических раскопах часто фиксируются шлифованные топоры и тесла. Изготавливались они чаще всего из более мягких, чем кремль и яшмы пород камня – сланцев, песчаников, известняков и т. п., поскольку шлифовать кремнистую породу очень тяжело. На первый взгляд топор и тесло очень похожи, но между ними есть принципиальные отличия. У топора клинок скрепляется с рукоятью таким образом, что рабочее лезвие расположено в одной плоскости с осью рукояти, а у тесла рабочее лезвие крепилось перпендикулярно оси рукояти. Это связано с тем, что топоры предназначались для рубки леса, обрубания веток, зарубки пазов в бревнах и других операций. Тесла использовались в более сложном производстве, таком как выдалбливание различных углублений, обтесывание стволов до гладких бревен и других. Применение топоров и тесел чаще всего связывается со строительством жилищ, различных бытовых деревянных предметов, а также в связи с развитием рыболовства в неолите и энеолите – изготовлением плотов и лодок-долбленок.

О том, что в неолите и энеолите человек легко передвигался по воде, говорит тот факт, что практически на всех, даже самых маленьких островах южноуральских озер мы встречаем следы стоянок эпохи камня. Если в мезолите рыбу били острогой, то в неолите и энеолите рыболовство становится стабильным занятием – появляются сети. Конечно, сами сети сохраняться не могут, но очень часто мы находим важную деталь от них – это грузила. Они изготавливались из тонких плиток сланца и, чтобы укрепить их при привязывании по двум противоположным краям делались небольшие углубления. Такие грузила встречаются практически на всех стоянках, так на стоянке Краснокаменка был обнаружен целый клад из девяти грузил на обработанных плитках, которые лежали немного под углом одна на другой. Расположение плиток позволяет предполагать, что здесь, вероятно, хранилась сеть, от которой остались только грузила.

Грузила с Краснокаменки

В целом, кремневая пластинчатая индустрия на Урале от мезолита до энеолита характеризуется единой линией развития, как в технологии изготовления, так и в типологических рядах орудий.

Начало энеолита

Появившиеся в энеолите зачатки металлургии и металлообработки меди не нарушали процесс эволюции каменного инвентаря и полностью вписываются в общую картину развития материальной культуры. На многих стоянках и поселениях встречены единичные предметы из меди и следы металлургического производства. Ножи найдены на стоянках Кысы-Куль, Няшевка II, Чебаркуль IV, Карагайлы I, Янышка, Малый Липовый X, Разбойничий остров. Изделия выполнены с помощьюковки. Стандартизация ножей отсутствует, они различаются по размерам, форме рабочей и рукояточной части. Медные шилья встречены на стоянках Чебаркуль Ха и Карабалыкты IX. В погребении у поселка Дружный были найдены два медных колечка с несомкнутыми концами, диаметром 11 мм. Кроме готовых изделий, на стоянках Суртанды VI–VIII, Латочка, Мурат, Малый Липовый X, Путиловская Заимка и других обнаружены остатки металлургического производства: медные пластинки, слиточки, сплески и капли меди. На стоянке Бурли II найдены кусочки медной руды. Кроме этого, встречаются фрагменты энеолитической керамики со следами металлургии в виде капелек меди или ошлакованности на внутренней поверхности. Как правило, это обломки небольших сосудов, поверхность их от воздействия высокой температуры видоизменена и имеет белесый цвет и шероховатость. Спектральный анализ образцов показывает, что медная основа составляет в подавляющем большинстве случаев 99 % и 1 % распределяется между естественными примесями. Эти данные отчетливо характеризуют начальный этап металлургического

производства на Южном Урале, который, вероятно, начался в середине IV тыс. до н. э.

По очень точному определению М. Саллинза с точки зрения предельно широкой перспективы культурной эволюции, технические усовершенствования накопили не так много в плане творческой изобретательности, как в разных аспектах отношения человек – орудие. Это вопрос распределения энергии, мастерства и разума между ними. В древних обществах маятник во взаимоотношениях между человеком и орудием склонялся в сторону человека, с началом же «века машин» маятник отклонился в сторону орудий.

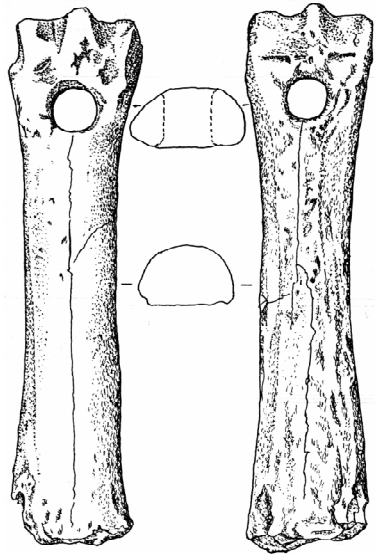
Наличие простейших форм отношений между человеком и орудием является условием присваивающего способа производства эпохи камня. Характерно, что инструмент служит как бы искусственным продолжением человека вовне, он не просто сконструирован для индивидуального использования, но представляет собой некое приложение к человеку, увеличивающее механические возможности его тела (например, лук или копье-металка), или выполняющее операции, например, вырезание, копание, для которых тело человека от природы не слишком хорошо приспособлено. Орудие, таким образом, несет в себе больше энергии и мастерства человека, чем собственно мастерство и энергия человека. Но последующая технология перевернет отношения между человеком и орудием. В машинной индустрии обычно роль работника – это роль обслуживающего или ассистирующего, чья обязанность поддерживать ход механического процесса и помогать заменяющим рабочие руки манипуляциям, когда механические действия являются недостаточными. Его работа скорее дополняет механический процесс, нежели использует его. Напротив, механический процесс использует рабочего.

Не камнем единым...

Не камнем единым...

Уралец эпохи камня умел обрабатывать и использовать в своей жизни не только камень, но и органические материалы, которые давала окружающая флора и фауна. На Урале изделия из кости, рога и бивня мамонта найдены на 22-х стоянках и местонахождениях позднего палеолита. Самыми многочисленными и разнообразными являются орудия из кости. Некоторые изделия из кости мамонта Ю. Б. Сериков определяет как части конструкций жилищ или хозяйственных сооружений. Например, у бедренной и двух берцовых костей с торца проделаны отверстия диаметром около 5 см и длиной 13–15 см. Они могли использоваться как части вертельной перекладки. Из костей делали скребла, скребки и скребели, проколки и шилья, такие орудия известны на стоянке Байс-ланташ на р. Белой. Нож из кости найден в Каповой пещере, а на стоянке Троицкая I на р. Уй было обнаружено орудие, которое называют выпрямителем древков – на одном из концов кости лошади

*Выпрямитель древков
со стоянки Троицкая I*

было проделано отверстие диаметром около 2 см. Также крупные кости мамонта могли использоваться как различного рода подставки, рабочие столики, наковальни, абразивы. Из более мелких костей северного оленя, шерстистого носорога, лошади и других представителей мамонтовой фауны изготавливали землекопные орудия, лопатки, струги и т. п. Из бивня мамонта делали острия и наконечники, рубящие орудия и украшения. Для обработки кости, рога и бивней употребляли кремневые резцы, скобели и другие специально подготовленные орудия, а также и просто отщепы с острым краем.

Вкладышевые орудия

В позднем палеолите вместе с микропластинчатой техникой, о которой мы говорили выше, возникает традиция изготовления вкладышевых орудий. Что они собой представляли и как изготавливались? Для того чтобы получить вкладышевое изделие необходимо иметь основу из кости, рога или дерева и придать ей строганием, резанием и шлифовкой определенную форму и размеры. Понятно, что для кинжала параметры будут одни, для наконечника стрелы другие, гарпуна третьи и т. д. Затем нужно взять резец и прорезать по краю заготовки пазы. Для получения вкладышей с нуклеуса отщепляли пластинки стандартного размера, у которых отсекались верхние и нижние части. Оставшаяся средняя, наиболее ровная часть пластинки, т. н. медиальное сечение, использовалась в качестве вкладыша, размеры которого обычно составляли 2,5 см в длину, 0,7–0,8 см в ширину и 0,2 см в толщину. Затем готовые вкладыши вставляли в паз, аккуратно подгоняя один к другому, и закрепляли каким-либо органическим клеем. Получался очень острый режущий край. Если в процессе использования одна или несколько пластинок-вкладышей ломались, их легко и быстро заменяли.

Прекрасным образцом вкладышевого орудия является костяной кинжал со стоянки позднего палеолита Черноозерье II.

Кинжал изготовлен из трубчатой кости быка длиной почти 40 см, шириной 4 см и толщиной и чуть больше 1 см. Клинок обоюдоострый, имеет правильную сильно вытянутую форму. Поверхность очень тщательно заполирована. Лезвие кинжала, длиной 20,3 см и шириной 0,6–0,3 см, составлено из пластинок-вкладышей – на одной грани сохранилось 28 вкладышей, на другой – 45. Пластинки аккуратно вставлены в пазы треугольной формы, глубиной 2,5–3 мм, причем глубина паза уменьшается к острию. Пластинки-вкладыши были закреплены в пазах каким-то органическим веществом, которое за прошедшие тысячи лет превратилось в известь. Рукоять кинжала обломана по двум просверленным отверстиям, вероятно, использовавшимися для подвешивания кинжала к поясу или на шею.

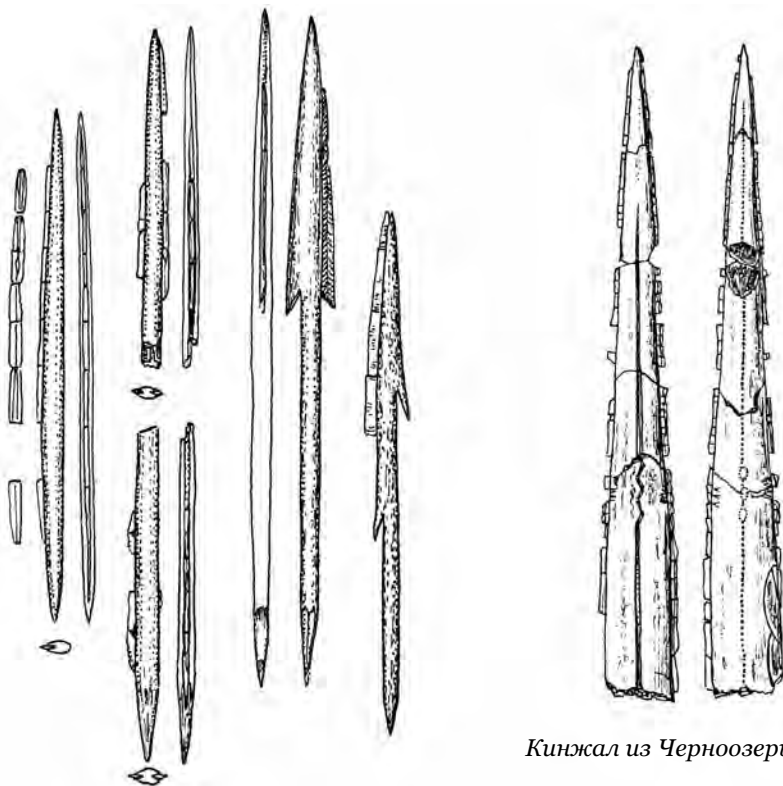
Поверхность клинка украшена орнаментом – по центральной оси расположен целый ряд высверленных точек, глубина которых 1,5 мм. Линия точек прерывается тремя примыкающими друг к другу ромбами. На обратной стороне прорезан желобок и зигзаги. Хотя кинжал и не очень хорошо сохранился, ведь ему 13 тысяч лет, понятно, какую ювелирную работу могли выполнять мастера того времени.

Многочисленные костяные и вкладышевые наконечники стрел и гарпуны были найдены при раскопках уральских торфяников, в которых они сохранились до нашего времени благодаря залеганию в торфе, поскольку обычных условиях органические основы вкладышевых изделий не сохраняются и, как правило, при раскопках стоянок мы находим только кремневые пластинки-вкладыши.

Во времена мезолита микропластинчатая техника и технология изготовления вкладышевых орудий достигают совершенства. Большое распространение получают вкладышевые наконечники стрел и дротиков, кинжалы, ножи. В одном из вариантов исторического развития населения Северной Евразии, куда входит и Урал, предполагается, что в начале голоцена и, соответственно в мезолите, т. е. 9–8 тыс. лет назад, возникла

необходимость перехода к более подвижному образу жизни. Этот процесс был обусловлен, прежде всего, исчезновением мамонтовой фауны ледникового периода – мамонта, шерстистого носорога, северного оленя, бизона и замещением их на более мелкие и быстрые виды животных. В условиях еще слабо заселенных открытых пространств основными объектами охоты становятся лошадь, на которую охотились уже в палеолите, быстроногие косули, сайга, зайцы и т. д.

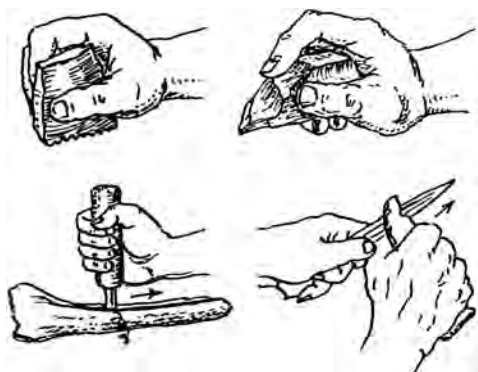
Образ жизни охотника, постоянно находящегося в движении, вынуждал иметь очень легкий, компактный, быстровосп-

Вкладышевые наконечники

Кинжал из Черноозерья II

производимый охотничий инвентарь. Вкладышевые орудия вполне соответствовали необходимым требованиям. Наконечники стрел из кости имеют несколько разновидностей: вкладышевые, биконические, игловидные, а также гарпунного типа. Очень интересные реконструкции процессов изготовления костяных

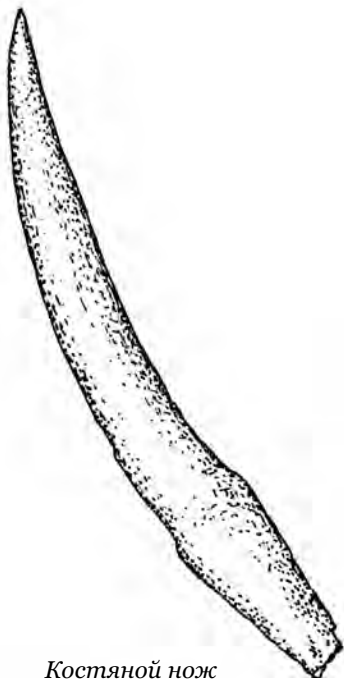
*Обработка кости
каменными орудиями*

наконечников мезолитическими охотниками Урала представляет Ю. Б. Сериков. Сравнение пазов на палеолитических и мезолитических костяных наконечниках стрел привело его к мысли о том, что для прорезания последних использовались какие-то примитивные приспособления, вследствие чего мезолитические пазы выглядят прорезанными как по линейке. Изучение орнамента на вкладышевых наконечниках показывает, что некоторые прямые линии, действительно, прочерчены на наконечниках по линейке. По всей видимости, линейками могли служить уже изготовленные наконечники.

Материалом для наконечников обычно служили кости ног крупных копытных, таких как лось. Кости в естественном виде очень твердые, поэтому прежде чем работать с ними, их необходимо сильно размягчить, иначе никаким каменным орудием их не взять. В ходе эксперимента выяснилось, что путем распаривания нужной мягкости добиться невозможно. Значит, должна была быть какая-то химическая обработка? Наиболее успешными оказались опыты польского археолога К. Журавского, который пробовал размягчать кость в щавелевой кислоте. Положенные в воду с растертыми листьями щавеля заготовки из кости и рога, через полтора месяца можно было строгать и

резать как дерево, а через четыре дня после извлечения из раствора они приобретали прежнюю твердость.

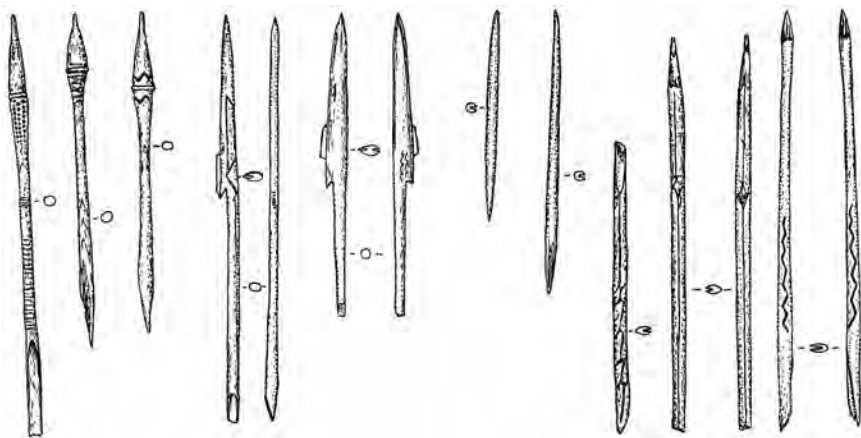
Всестороннее изучение наконечников позволило Ю. Б. Серикову сделать некоторые предположения по реконструкции технологии прорезания пазов. Из длинной кости копытного животного при помощи резца вырезалась заготовка наконечника в виде длинного костяного стержня овального сечения. Острые и насад наконечника оставались еще неоформленными, вследствие чего толщина стержня по всей его длине была одинаковой. Одинаковая толщина стержня была необходимым условием для получения прямого паза. Паз прорезался при помощи резца, вставленного в плоскую рукоятку (лучше из ребра или рога животного). Причем толщина рукоятки не должна была превышать толщину костяного стержня, в котором прорезался паз. К плоским боковым поверхностям рукоятки резца крепились костяные или деревянные ограничители, нижние концы которых на 1–2 см опускались ниже рабочей кромки резца. При работе резцом ограничители скользили по боковым поверхностям костяного стержня и, не давая ему возможности отклониться в сторону, направляли его движение строго параллельно боковым поверхностям заготовки наконечника. В результате паз по всей своей длине получался прямым и ровным, проходил по продольной оси наконечника и был параллелен его боковым поверхностям. После прорезания паза проходила окончательная отделка острия, насада, боковых

Костяной нож

перьев и прочих деталей наконечника. Готовый наконечник подвергался тщательному заглаживанию и полировке.

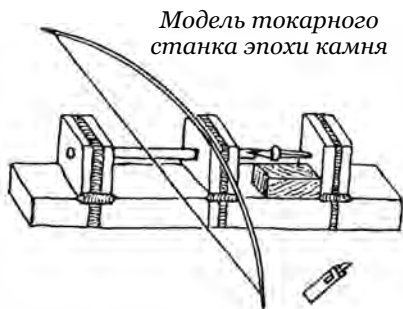
Результаты испытаний пробойных качеств вкладышевых наконечников убеждают в немалом значении основы, в которую монтировались кремневые вкладыши. Передний конец деревянной оправы необходимо заострить с учетом его основной роли, заключающейся в прокалывании пластичной и упругой шкуры животного, до момента включения в работу режущих кремневых вкладышей, которые быстро расширяли рану в теле пораженного животного. Вкладышевые наконечники имели определенные преимущества. Раны, наносимые им, были более опасными. Дротик с роговым коническим наконечником мог выпасть из раны, которая быстро заживала. В этом отношении каменные наконечники превосходили роговые и костяные тем, что чаще ломались в теле зверя, рана долго не заживала, и животное, так или иначе, становилось добычей охотника. Вкладышевая техника позволяла создавать оружие, наносящее более опасные раны, оба вкладышевых наконечника не столько прокалывали, сколько прорезали тело жертвы. Из широкой раны они чаще выпадали вместе с древком, охотник реже терял ору-

Костяные наконечники. Шигирский торфяник

жие, имел возможность наносить несколько ударов. Вкладышевые орудия являются в прямом смысле армированными изделиями, здесь производилось механическое упрочнение очень твердого, но хрупкого кремня и яшмы путем соединения с менее твердым, но более упругим и стойким деревом, костью или рогом.

Очень интересными с точки зрения древних технологий, являются наконечники стрел биконической формы. Они имеют правильную форму тел вращения, а также украшены циркульным и спиральным орнаментом. Следы обработки на них видны как очень тонкие и часто строго параллельные линии, опоясывающие биконическую головку. Такие следы могли появиться только в результате токарной обработки. А это значит, что уже в неолите, т. е. 8 тыс. лет назад уральцам был знаком первый токарный станок. И это не удивительно, поскольку к этому времени человек умел применять сверление с помощью лучковых каменных сверл. Ю. Б. Сериков и Д. Б. Данилов попробовали смоделировать токарный станок эпохи неолита и довольно успешно. Авторы смонтировали действующую модель станка из сосновых деталей и продемонстрировали ее работу на одной из археологических конференций.

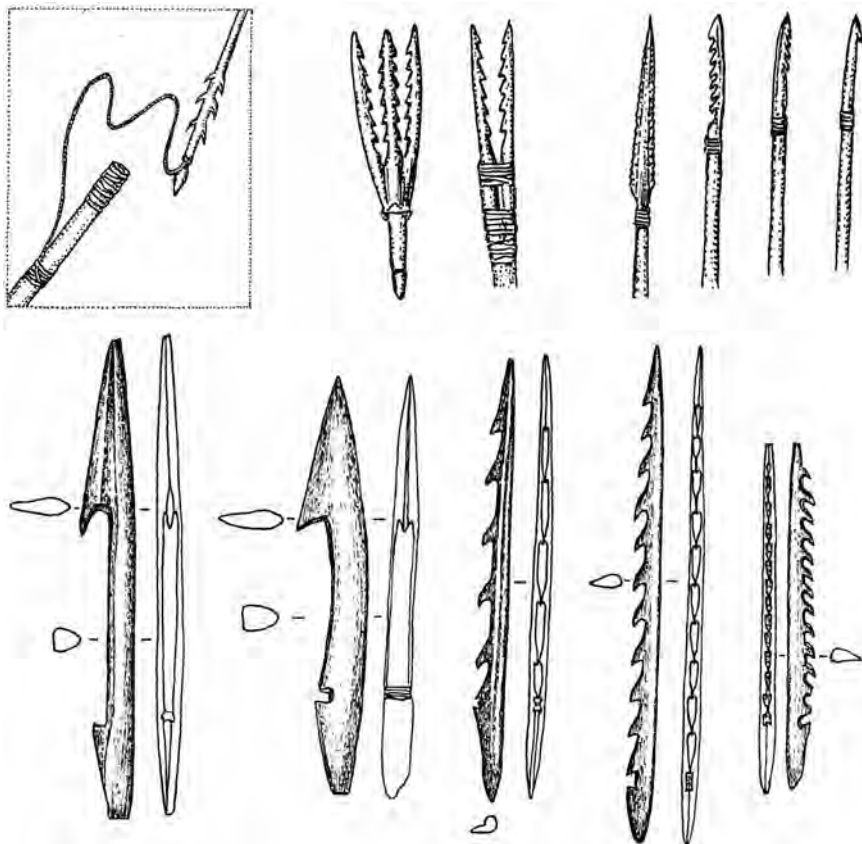

Модель токарного станка эпохи камня

Рыбная охота

Большое количество рек и озер на Урале способствовало развитию охоты не только на берегах водоемов, но и непосредственно на воде. Об этом свидетельствуют великолепные образцы костяных гарпунов, находимых в уральских торфяниках. Гарпун отличается от зубчатых наконечников дротиков под-

вижным соединением с древком при помощи линя. Для такого крепления на поверхности насада наконечника прорезали или выпиливали специальные канавки или же делали зубцы с противоположным направлением. Один конец линя, сделанного из кожи или сухожилий, крепился к наконечнику, а другой к древку. При точном попадании линь удерживал пораженную добычу. С помощью гарпунов добывали крупную рыбу и водоплавающих животных, таких как выдра и бобр. Например, на одной

Гарпуны

из стоянок лесной зоны Поволжья был найден череп бобра с застрявшим в нем обломком костяного гарпуна.

Заготовками для гарпунов служили пластины, вырезанные из трубчатых костей копытных и обработанные резцом и скобелем. Затем вырезались или выпиливались зубцы, обрамлялся насад. После этого орудие шлифовалось на мелкозернистом абразиве. Если было необходимо, мастер наносил на поверхность резной орнамент и затем окончательно полировал орудие.

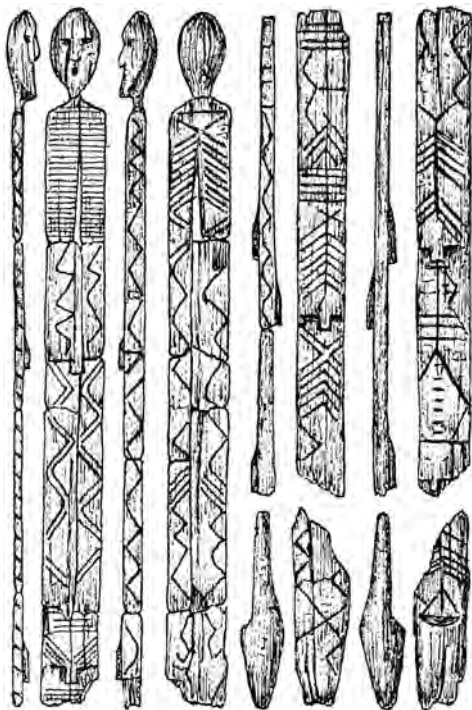
Дерево

Редчайшим свидетельством использования дерева для изготовления орудий еще в раннем палеолите являются чудом дошедшие до нас наконечники копий из стоянок в Клектоне (Англия) и Лерингене (Германия). Наиболее известно копье (еще его называют рогатиной), найденное в 1948 году в Лерингене. Копье было сделано из древесины тиса. Ствол молодого дерева сначала надрезали наполовину у основания, затем сломали. После удаления сучков заготовка была обработана скоблением, следы от которого сохранились на поверхности. Затем боевой конец был обожжен на костре и заострен строганием. Это копье длиной 2,44 м использовалось для охоты на степного слона – найдено оно было застрявшим между ребрами 45-летнего самца. После смерти животное лежало в луже известкового раствора, благодаря чему сохранились кости и дерево. Разнообразные деревянные изделия раннего палеолита – заостренные палки, палица и т. д. были также найдены в Африке на стоянке Коламбо Фоллс. На Южном Урале каменные орудия, которыми обрабатывали дерево, известны на стоянке среднего палеолита Богдановка. Основной функцией таких орудий было строгание и скобление, оставляющие характерные следы износа, которые можно разглядеть под микроскопом.

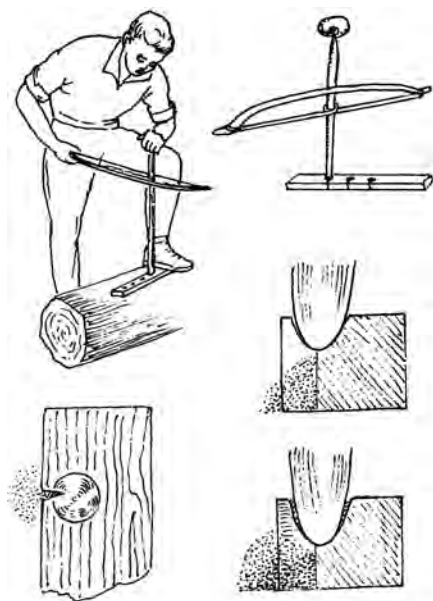
Поскольку дерево является очень неустойчивым органическим материалом, более подверженным разрушению чем, на-

пример, кость или рог, деревянные изделия эпохи камня могут сохраняться до нашего времени или в очень сухих условиях пустыни или, наоборот, в условиях избытка влаги, например, в уральских торфяниках. В рамках уральского вмещающего ландшафта, существовавшего 8–4 тыс. лет назад, крупные торфяники образовались на территориях между современными городами Екатеринбург и Нижним Тагилом. Большинство сохранившихся деревянных изделий, которыми пользовались люди в мезолите, неолите и энеолите, были извлечены археологами из наиболее известных Шигирского и Горбуновского торфяников.

Чаще всего для хозяйственных нужд брали древесину сосны, ели и березы, реже – осины или ольхи. Для того чтобы срубить дерево, использовали шлифованные каменные топоры, изготавливаемые из камня, который одновременно был и твердым и хорошо шлифовался. Обычно это порода зеленого цвета, поэтому часто используется название зеленокаменная порода. Ствол рубили чаще всего на косой клин, реже – с двух сторон. Срубленное дерево оскабливали и стругали при помощи пластинок из кремня и яшмы, более крупного размера, чем вкладыши. В археологии этот тип орудий обычно называют пластинки с ретушью. При обработке деревянных древков стрел

Шигирский деревянный идол

Добывание огня лучковым способом

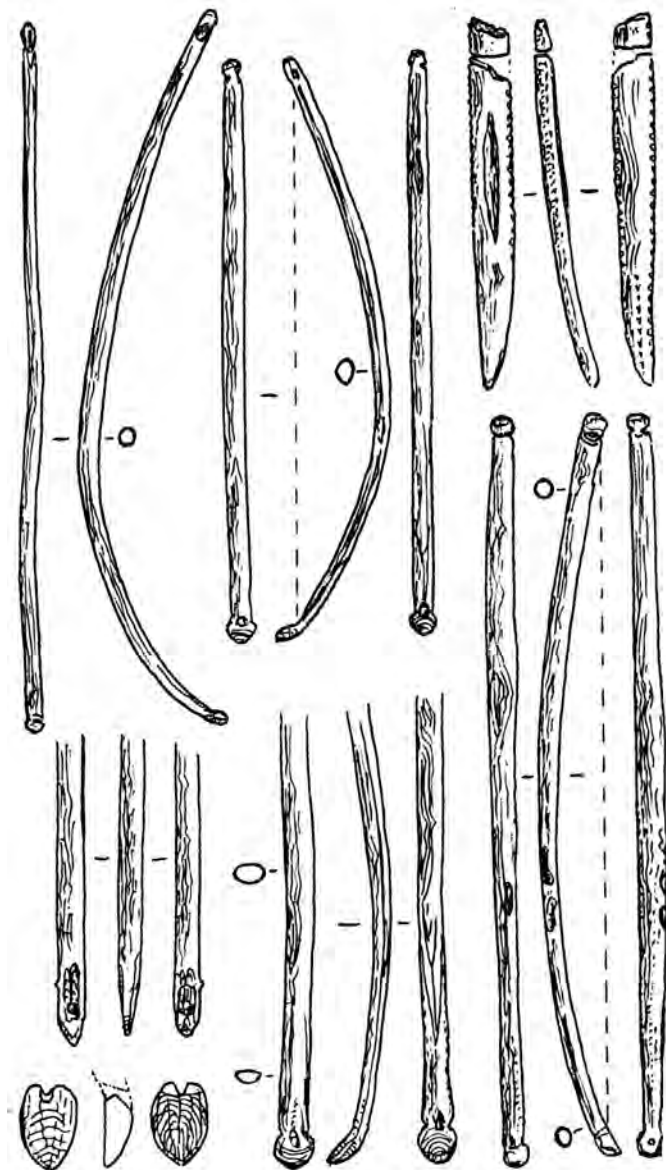
применялись скобели или как их еще называют – пластинки с выемкой, у которых на одной из граней ретушью специально делалась небольшая выемка. Для операции скобления использовались и простые пластинки с ретушью.

Из описаний этнографов нам известно, что древки для копий, дротиков и стрел охотники делали из крупных веток и стволов молодых деревьев. Прямые ветки и стволы не так легко найти, и чтобы дротики и стрелы не отклонялись в полете, их нужно было выпрямить. Древесина – упругий материал, и для того чтобы выпрямить

древко и закрепить в таком положении, его нужно было намотать, нагреть над костром, перегнуть на участке кривизны и удержать 2–3 минуты. Смачивание, нагревание и сгибание древка необходимо чередовать, повторяя столько раз, сколько нужно для придания ему прямолинейной формы. Всего для выпрямления древка на одном участке кривизны требовалось, по данным экспериментов, около 10–15 минут.

Луки

Из орудий охоты, кроме древков стрел, на Шигирском торфянике был найден и почти целый лук. Вначале луки делали из хвойных пород – ели, сосны, длина доходила до 3,5 м (!), а самые маленькие луки были около 1,5 м. Кроме ручных, использовали и настороженные луки – самострелы. Такие орудия охо-

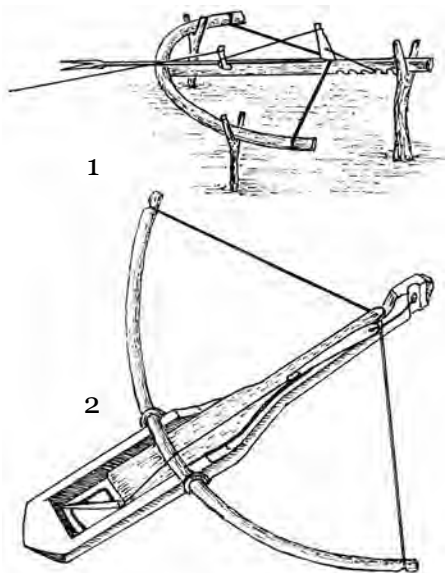

Деревянные луки эпохи камня из Висского торфяника

ты известны нам по этнографии уральских угорских народов – манси и ханты.

Лук строгаются из полуденной половины красной от солнца кремлистой, облитой смолой ели. Лук из кремлистой ели не слабеет от долгого употребления и одинаково бьет в разную погоду. Кремлина, из которой делают луки, отличается исключительной твердостью древесины, поэтому нужно много труда, чтобы вытесать сторожевой самострел длиной около 2 м и почти в руку толщиной в средней его части. Сторожевой лук – одно из самых распространенных орудий пассивной охоты. Стрелу делали из сосны. Оперение отсутствовало, поскольку стрела не была рассчитана для полета на большое расстояние. Древко стрелы до половины его толщины надрезалось, чтобы стрела, попав в зверя, ломалась и оставалась в теле зверя. Поскольку тетива со временем ослабевает, охотник, периодически обходя самострелы, подтягивал ее. Самострелы ставили около тропинок, поперек которых протягивали нитку. Чтобы от самострелов случайно не пострадали люди, неподалеку втыкали небольшой шест с отметкой.

Стрела ставилась обычно на уровне сердца, поэтому раны от самострела, как правило, были смертельными. Стрела бьет так сильно, что или кладет лося на месте или смертельно ранит. В сильную летнюю жару, и зимой при глубоком снеге луки надо убирать. Летом мясо убитого зверя очень быстро испор-

1. Самострел на лося
2. Самострел на мелкого пушного зверя

тится, а в глубоком снегу стрела пролетает у него под брюхом, не ранив его. Помимо луков также применяли подрезь, которая представляет собой ствола дерева длиной от 3 до 4 м, толщиной около 20 см в концевой части. Этот ствол неравномерно опирается на столбик с развилкой. В короткую легкую часть его укрепляется нож или наконечник копья. Длинная часть ствола служит противовесом. При настороженном положении острие скрыто в траве или во мху. Ствол удерживается системой сторожков, жилка от которых с небольшим провесом тянется поперек прохода. Лук-самострел и подрезь важно не только правильно установить, но и натереть пихтовыми ветвями, чтобы отбить запах человека и не отпугнуть зверя от лозушек.

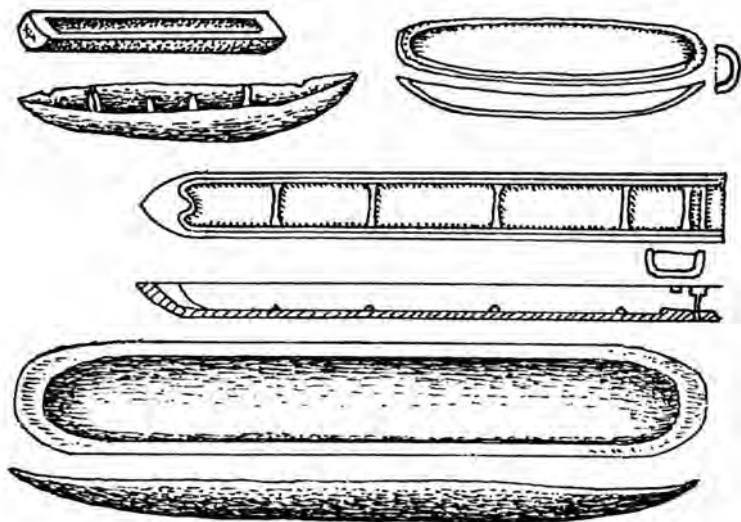
Лодки-обласы

Поскольку в эпоху камня колесо еще не было изобретено, все средства передвижения основывались на принципе скольжения: по воде – лодки и плоты; по снегу – лыжи и сани, и по земле – волокуши. В начале прошлого века на Шигирском торфянике была найдена долбленая лодка, изготовленная в эпоху камня, но она, к огромному сожалению, не сохранилась до наших дней. Зато мы знаем, как по древней традиции делают лодки уральские угры и сегодня.

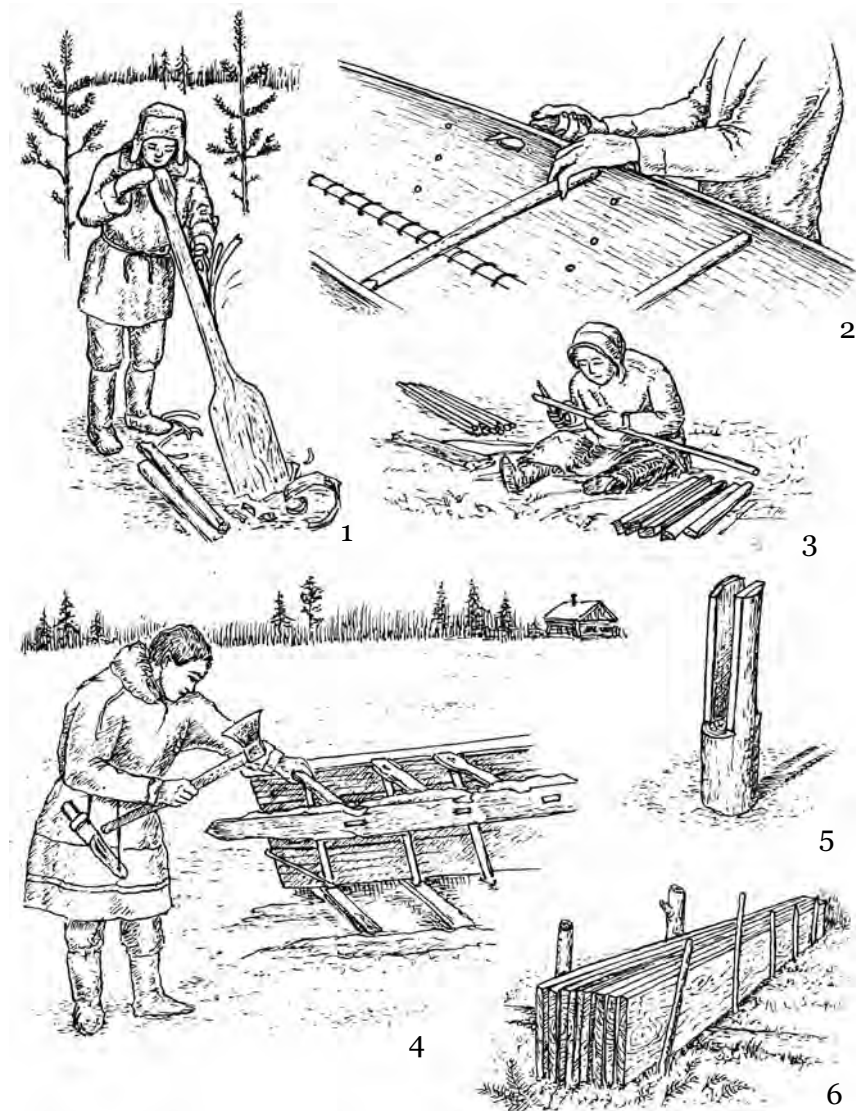
Долбленая лодка у хантов и манси называется облас или обласок. На изготовление обласка идет осина, нередко делают обласок из кедра. Для обласка нужно было дерево размером «в обхват» или несколько меньше. Его искали весной, определяя пригодность по цвету древесины: если она красноватая, то лодка быстро расколется, что и было необходимо. Срубленное дерево очищали от сучков и коры, придавая ему форму цилиндра. Лодки начинали делать в мае и продолжали до начала июня – времени, когда можно было разводить борта лодки на жарком солнце.

Работа делалась в таком порядке. Сначала шлифованным топором обрабатывали концы бревна, придавая им форму носа и кормы, затем, строго перпендикулярно их линии, делали по всей длине бревна плоскость, срубая примерно половину. После этого в заготовку вставляли указатели толщины – «маяки» – в виде маленьких палочек из предварительно высушенного кедра. Маяки вбивали в отверстия днища, расположенные через равные промежутки, просверленные лучковым сверлом. В воде кедровые палочки разбухали и не пропускали влагу.

Размеченную заготовку ставили на сошки (2–3 бревна) и начинали вытесывать изнутри, используя для центральной части большое шлифованное тесло, а для носовой и кормовой – маленькое. Вытесывали до появления маяков, затем поверхность зачищали скобелем и начинали разводить борта, поставив на нос и корму по 3–4 шаблона из толстых кедровых или сосновых досок с конусообразным отверстием. Шаблоны фиксировали

Лодки эпохи камня

Виды и орудия труда обских угров:

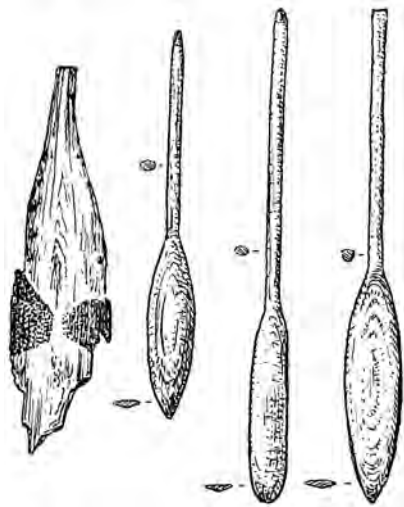
- 1 – Вытесывание весла, 2 – изготовление долбленки, 3 – выстругивание планок-«карандашей», 4 – очистка нарты от наледи, 5 – гибало для полоза нарты, 6 – хранение досок

форму кормы и носа и не позволяли заготовке лопнуть при разведении бортов.

Перед разведением в заготовку вбивали распорки. Мастера наливали в заготовку 10–12 литров горячей, но не кипящей воды, чтобы дерево размякло и стало более пластичным, или же клали заготовку на некоторое время в воду. По мере того, как борта расходились, короткие распорки меняли на более длинные. Если погода была пасмурной, то под заготовкой, стоящей на сошках, разводили костер, время от времени ее поворачивали с боку на бок, чтобы борта расходились равномерно. Всю операцию старались выполнить в безветренную погоду, так как ветер раздувал костер и мешал равномерному распределению огня. После разведения бортов лодку оставляли сушиться. На изготовление короткого (немногим более двух метров) облака у опытного мастера уходило обычно три дня, большого (около 7 м длиной) – четыре.

Для изготовления лодок требовалась смола. Ее получали путем перегонки смолы хвойных деревьев. Складывали в яму, обмазанную глиной сосновые корни, разводили сверху огонь, а затем вычерпывали смолу. Иногда использовали берестяную бочку с отводом к другой емкости, под которой разводили костер. В бочку клали щепки смолистого дерева – они тлели, выделяющаяся при этом смола стекала по отводу, затем ею обрабатывали лодку.

Чтобы плавать на лодке, прежде всего, нужны весла. Они были найдены на уральских торфяниках. Обычно древнее весло имело длину 1,20–1,30 м

Деревянные весла со стоянки
Шувакиш I

с рукояткой длиной от 40 до 90 см, край которой или был просто закруглен, или же на нем было вырезано изображение головы животного или водоплавающей птицы. Гребная лопасть была овальной удлиненной формы, шириной до 20 см и длиной до 50 см.

Помимо весел, изготовленных из одного куска дерева, найдены и части составных. Они собирались из двух частей: лопасти с короткой ручкой и рукоятки. Соединяющиеся концы были срезаны на косой клин с желобками или насечками, чтобы крепление было более прочным. Сверху место среза, вероятно, затягивалось кожаным ремешком. Никаких уключин, как на современных лодках, тогда не было, рыболов эпохи камня управлялся одним веслом, как это делают на каное.

Нарты, лыжи

Для того чтобы перетаскивать грузы по снегу зимой и по траве летом использовали приспособления, известные нам как сани или нарты. Так на Шигирском торфянике были найдены обломки большого деревянного бруса длиной 83 см, шириной 10 см и высотой около 6 см, очень похожего на полоз саней. Брус имел треугольное поперечное сечение с гладким нижним основанием и загнутым краем.

Обские угры-ханты нарты делают из березы и сосны. Березовыми были полозья, копылья, нащепы, вязки, сосновым – настил. Крепление деталей – пазовое, но дополнительно они еще связывались черемуховой саргой, а передние детали – кедровым корнем. Из толстой черемуховой ветки, поскольку это был самый гибкий материал, делался также баран (передняя дуга нарт). Срезанную ветку сгибали дугой, не снимая коры, чтобы ветка не лопнула, затем сушили, после чего ножом удаляли кору. Предпочтение березе для ряда деталей нарт определялось ее древесиной: она прочная и особенно подходит для полозьев. Конструкция настила, состоящего из тонких планок,

объясняет использование сосны: в отличие от березы из нее можно сделать тонкую дранку, для облегчения настила.

Березу для полозьев подбирали весной, но срубали дерево летом, когда древесина становилась суше. Сначала ствол обтесывали топором, затем выравнивали стругом. После этого полозья связывали попарно, в самом верху вставляли клин (сначала небольшой, а после того как изгиб концов зафиксируется, – несколько большего размера). Чтобы загнуть концы полозьев, их помещали между двумя растущими рядом деревьями и загибали, привязав другие концы к двум вбитым рядом кольям. Перемещая кольца, регулировали величину изгиба, при этом полозья хорошо высыхали. Затем в них делали пазы (несквозные), в которые на клею вставляли копылья и подвязывали их саргой. После этого принимались за верхнюю часть нарты. Чтобы копылья были прочнее, их покрывали смолой. Смолили и полозья. Нарты были прочными и легкими при достаточно большой грузоподъемности, самые древние были только ручными, да и потом делались такие, грузоподъемностью более 400 кг.

Незаменимым средством передвижения по снегу были лыжи. Ханты и манси используют до сих пор два типа лыж – подволоки и голицы. Первые – принадлежность охотника: подбитые мехом, они удобны для ходьбы по холмистой местности, мех на расположенных определенным образом шкурках препятствует обратному скольжению на подъемах. Подволоки годились и в тех случаях, когда нужно было тащить груженные нарты, больше площадь опоры, скользкие голицы в данном случае неудобны. Выбор тех или иных лыж был связан также с состоянием снежного покрова. На подволоках тяжело ходить осенью по мелкому снегу и весной по насту, поэтому, начиная с апреля, пользовались голицами. Голицы удобны в морозную погоду, для перемещения на небольшие расстояния, при работе около жилища. Чаще всего голицами пользуются женщины.

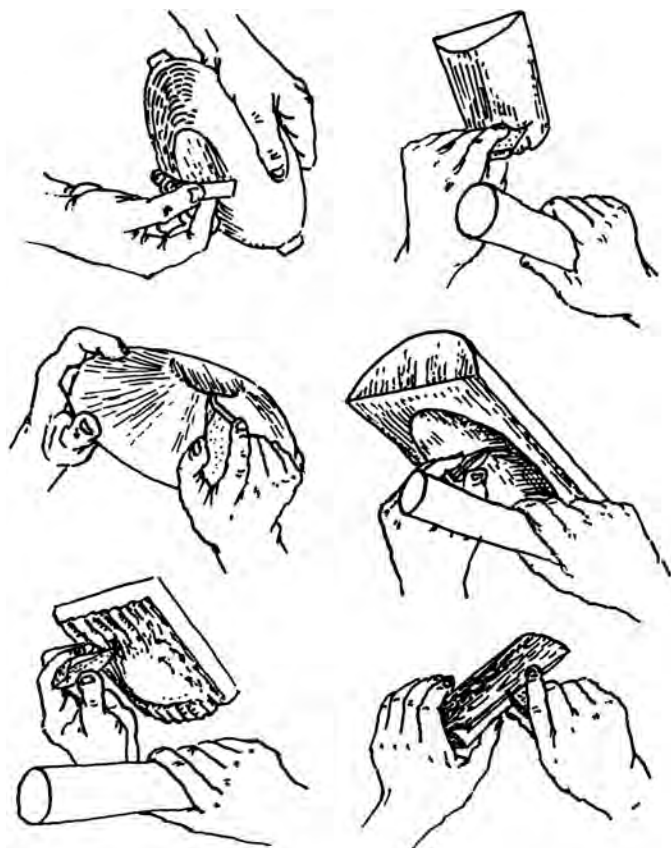
Лыжи-подволоки были длиной в 170–180 см (9 четвертей), сужались к переднему концу, а на заднем конце имели широ-

кий выступ. Делали их из ели или осины. Пригодность дерева определяли по тонкой пластинке, которую выдирали, сделав затес: подходящая древесина должна быть прямослойной. Затем тесали топором заготовку, которую хорошо просушивали (изготовлением лыж занимались летом) и обрабатывали скобелем. Потом заготовку помещали в станок для загибания носка, состоящий из двух длинных жердей и трех коротких перекладин, разогревали на костре и высушивали в течение 2–3 часов. Меховую подшивку делали из лосиных камусов (специальных подкладок на скользящую поверхность лыж для того, чтобы лыжа не проскальзывала при подъёме), которые сшивали в одну полосу, и клеем из щучьей икры наклеивали на доску.

Лыжи-голицы по форме совпадали с подволоками, но были более толстыми, грубыми и тяжелыми, поскольку их делали из ели или смолистой сосны. При ходьбе на лыжах использовали специальный посох, делали его из черемухи, один конец раскалывали на четыре части и обводили их кольцом из черемуховой же ветки (пробораз колец на лыжных палках).

Посуда

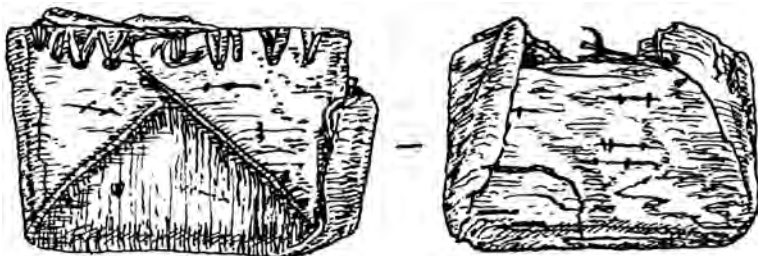
Большое распространение, судя по находкам в торфяниках, в конце эпохи камня на Урале имела деревянная посуда и кухонная утварь. Для изготовления деревянной посуды брали сосну, реже ольху или осину, причем выбиралась определенная часть дерева – ближе к сердцевине. Заготовку делали с учетом расположения годовых колец, затем строганием, скоблением и прорезанием доводили ее до нужной формы. Поверхность шлифовали, возможно, пропитывали водоотталкивающим средством или даже красили. Посуда и утварь были очень разнообразны. Например, большие сосуды высотой до 30 см, длиной – 10–30 см и емкостью, глубиной до 12 см, с рукояткой в верхней части; подносы длиной до 50 см, и шириной до 20 см, глуби-

Изготовление деревянной посуды эпохи камня

ной – 3 см. Встречаются сосуды в виде фигур лосих – длиной до 40 см с полостью длиной до 20 см и глубиной до 6 см, расположенной на «спине». Чаще посуды встречаются ложки длиной 5–7 см; ковшики-черпаки, у которых рукоятки вырезаны в виде головы лебедя, гуся или медведя, черпаки-дуршлаг и т. д. Из бересты делали туески, сумки, кузовки, которые или прошивали или скрепляли деревянными гвоздями.

Современные угорские народы для изготовления утвари, различного рода покрывшек используют кору березы или пих-

Берестяной кузовок эпохи камня со стоянки Разбойничий остров

ты. Находят молодую прямую березу без сучков в нижней части. По длине поперечных полосок на коре («глаза») определяют степень ломкости бересты: если полоски длинные – она ломкая. Проверяют кору и на ощупь, по первому снятому куску. Заготавливают бересту преимущественно весной – в это время она лучше всего отделяется от ствола. Ножом делают продольный разрез и отделяют пласты коры, которые сворачивают и хранят в рулонах. Наружную сторону очищали ножом, а затем бересту вываривали для придания мягкости и эластичности. При этом сосуд изнутри обкладывали пихтовой корой, ставили в него рулоны бересты вплотную друг к другу, заливали водой, сверху закрывали слоем мха. Подготовленную таким образом бересту кипятили в течение целого дня.

При обработке рыбы и мяса использовались низкие плоскодонные сосуды, известные на Урале под названием «куженька». Их делали из прямоугольного куска бересты, который по углам загибали «конвертом». С наружной стороны на некотором расстоянии от кромки сосуда пришивали гибкую планку, позволяющую сохранять форму устья – округлую при квадратном или прямоугольном дне. Стенки, на которые завернуты углы, а иногда – и все четыре, дополнительно укреплялись наложенными на них снаружи полосками бересты. Куженька использовалась чрезвычайно широко. В нее складывали рыбу или мясо при обработке и хранении, использовали под ягоды, рыбий жир. Куженьки маленьких размеров использовались в качестве ков-

пиков и т. д. Широкое использование объяснялось удобством формы и простотой изготовления, а также высокими качествами материала бересты.

Для измельчения продуктов служили деревянные ступы, в которых с помощью песта толкли черемуху, сушеное мясо и рыбу, а также размягчали стебли крапивы для изготовления ниток. Ступы выдалбливали из ствола пихты. Они при значительной высоте имели сравнительно небольшой диаметр. Для помешивания пищи в котле, доставания из него мяса, снятия жира при вытапливании служили черпаки, которые вырезали из березы. Они имели глубокую овальную или подпрямоугольную черпальную часть и длинную, изогнутую к концу ручку, завершающуюся выступом, украшенным резьбой или зооморфной скульптурой, либо подвеской – цепочкой, вырезанной из одного с ручкой куска дерева. Резьба имела не украшательское, а ритуальное значение.

Деревянная, берестяная посуда и кухонная утварь на Урале практически не изменилась с эпохи камня до современности, такой манси пользуются и сегодня.

Глина, посуда

Одним из крупнейших событий в созидательной деятельности человека эпохи камня было изобретение в неолите посуды из обожженной глины – керамики. На Урале керамика появляется в VI тыс. до н. э., то есть около 8 тыс. лет назад. Людями был найден способ превращать рыхлую породу – глину, практически всегда имеющуюся рядом, рассыпающуюся в руках или становящуюся от воды вязкой и пластичной, в твердую как камень, причем любой заданной формы.

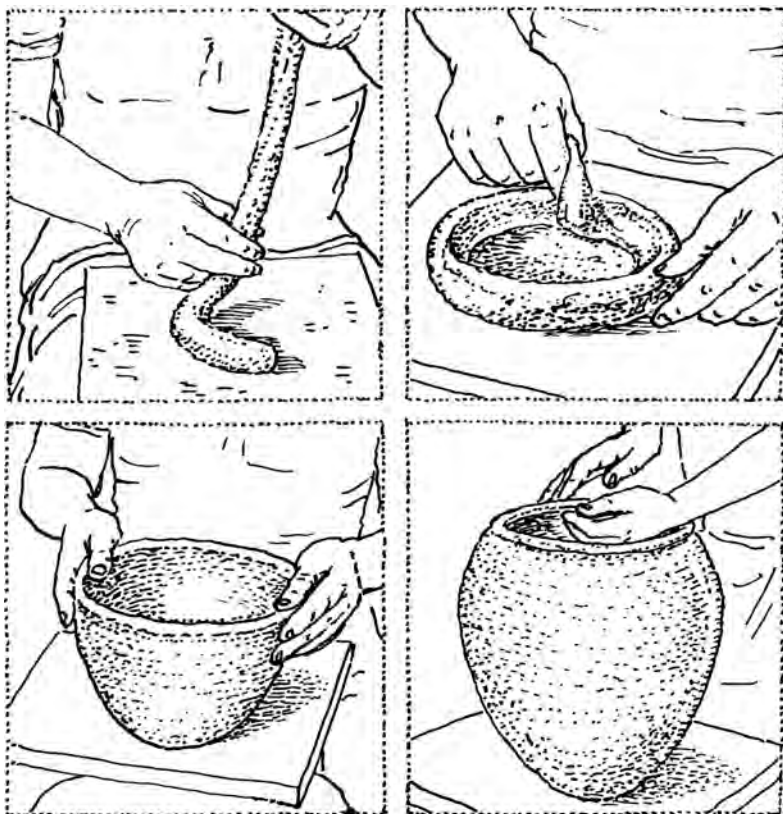
Первая и основная функция посуды в жизни древнего общества заключалась в приготовлении и хранении пищи. Роль простейшей посуды, начиная с раннего палеолита, играли ямки, вырытые в полу пещерного жилища. Позднее появилась посу-

да из кожи, дерева и камня, плетеная из прутьев, соломы и тростника и т. д. Однако у всех докерамических разновидностей посуды были крупные недостатки. Большинство из них не имело достаточной емкости, необходимой формы, нужной прочности, не годилось для варки пищи. Изготовление деревянной и каменной посуды отличалось большой трудоемкостью. Глиняная обожженная посуда – керамика лучше всего сберегала продукты питания и поэтому решала важнейшие хозяйственные потребности. Немаловажно и то, что материал находился в безлесных местах.

Экспериментальное изучение техники простейшего производства керамики и наблюдения этнографов показывают, что люди раннего неолита должны были обходиться без длительной предварительной подготовки глиняного теста для лепки сосудов. Первые горшки они начинали лепить из той глины, которую находили вблизи жилья, пользуясь ею без добавления искусственного отощителя. Любая глина, размятая руками при добавлении воды, уже может служить исходным материалом для лепки. Однако стоило влить воды чуть больше, чем следовало, глина сильно прилипала к рукам, затрудняла лепку, стенки сосудов оседали и расползались. Если воды было недостаточно, стенки сосудов отвердевали, трескались и крошились раньше, чем их успевали вылепить. Вероятно, древние мастера очень рано на своем опыте убедились, что без отощителя для нормальной усадки сосудов во время их сушки и обжига не обойтись. На Урале в качестве такого материала в глину добавляли толченый тальк и слюду. Причем эти примеси использовали в течение нескольких тысяч лет от неолита до бронзового века. Можно сразу отличить керамику с Южного Урала от поволжской или казахстанской – от примеси талька и слюды она имеет красивый отблеск на поверхности, а глина придает ей своеобразный красноватый цвет.

Изготовление керамической посуды в древности было чисто женским занятием, и только с появлением гончарного круга

мужчина становится гончаром. На протяжении эпохи камня и бронзового века на Урале керамические сосуды лепили исключительно вручную. Что же нужно сделать, чтобы изготовить прочный, удобный и красивый сосуд? Прежде всего, надо приготовить «тесто» для изготовления сосуда – глину, замешанную с тальком или слюдой. Следующий этап – формовка, то есть придание глине необходимой формы – собственно изготовление посуды. Наиболее ранними способами формовки глиняных сосудов считается выдавливание из комка влажного теста большими пальцами обеих рук необходимой полости.

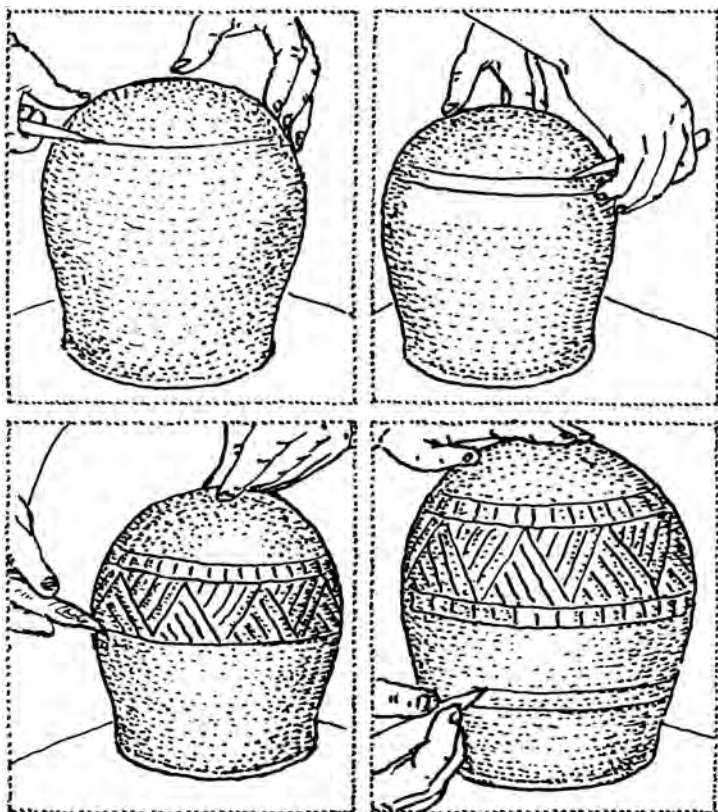

Изготовление керамики ленточным способом

Более поздний и совершенный способ – это наращивание глиняных лент или жгутов по окружности, спирально или замкнутыми кольцами. Такой способ позволял создавать любые формы и не ограничивал размеры изделия. Ленточный способ позволял лепить один сосуд в две, четыре и даже шесть рук, т. е. позволял работать одновременно трем женщинам одной семьи или общины.

При лепке крупного сосуда двое, сидя один против другого, накладывали спирали глиняных лент и соединяли их края щипками, выглаживали швы, подравнивали поверхность, разгибали и загибали края стенок в соответствии с заданной формой. Третья мастерица играла вспомогательную роль: раскатывая комки глины руками, она изготовляла жгуты и расплющивала их в ленты. Круглодонные и остродонные сосуды, бытовавшие в эпоху камня на Урале, можно было лепить снизу на какой-либо форме, либо в обратном порядке – начиная с верхнего края и кончая дном. Первоначально лепка таких сосудов, вероятно, производилась в ямках, вырытых в земле, или, начиная с верхнего края – венчика, лепилось тулово сосуда, а затем соединялись тулово и круглое или острое дно. В ходе лепки сосудов необходимо было тщательное заглаживание швов соединения глиняных лент, иначе на стадии сушки сосуд распадется по линиям спая лент. Орудия из кости или дерева, которыми заглаживались стыки между лентами, служили и для выравнивания стенок сосудов. После окончания формовки и более или менее длительного просушивания стенки сосудов ложились и орнаментировались. Многие уральские сосуды залощены до блеска. Часто сосуды ложились и после нанесения орнамента. В результате проводимых экспериментов И. В. Калининой и Е. А. Гаджиевой было установлено, что лучше всего удавалось полировка поверхности сосудов порошком талька. При этом частицы талька равномерно заполняют шероховатости, углубления, делают поверхность гладкой, придают ей матовый блеск и при этом не нарушают орнамент.

Все уральские сосуды неолита – энеолита украшены орнаментом. Орнамент (от латинского слова «ornamentum» – украшение) – это узор, состоящий из ритмически упорядоченных элементов. Он предназначался для украшения различных предметов, архитектурных сооружений, произведений пластических искусств, а у древних народов также человеческого тела – раскраска и татуировка. По мотивам, используемым в орнаменте, его делят на несколько типов. Геометрический орнамент состоит из сетчато-пересекающихся линий, треугольников, ромбов, многогранников – шевронов и меандров.

Орнаментация сосудов

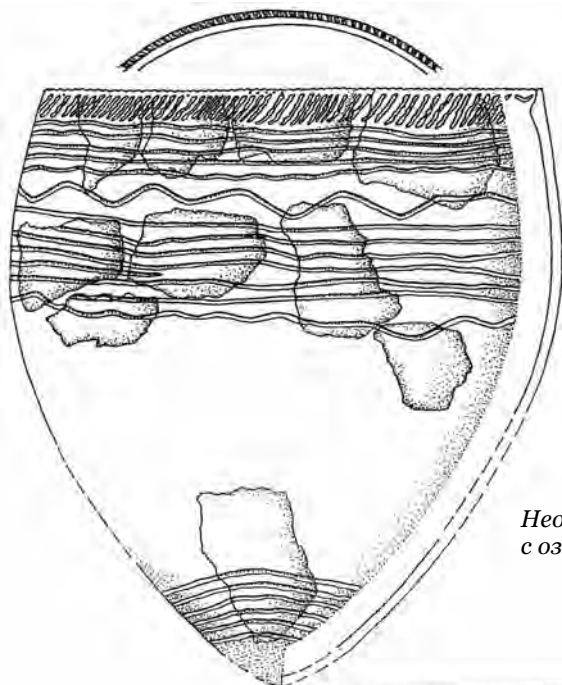

Обжиг керамики в костре

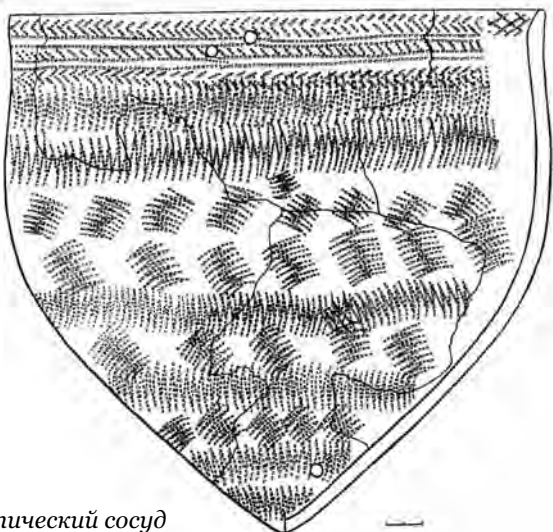

Неолитический сосуд со стоянки Евстюниха

Растительный орнамент содержит стилизованные изображения листьев, цветов, плодов; зооморфный, или животный – фигур или частей фигур реальных или фантастических животных.

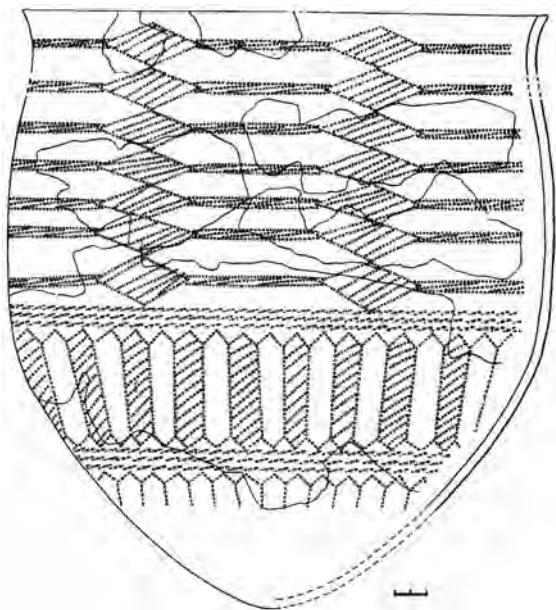
Неолитический сосуд
с озера Б. Нанога

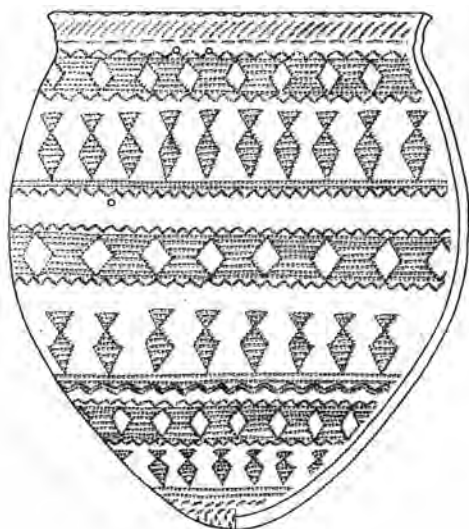
Неолитический сосуд
со стоянки Чебаркуль I

Южноуральские мастерицы украшали свою посуду прочерченными волнистыми линиями, различными лентами и геометрическими фигурами. Орнамент наносился на поверхность посуды прочерчиванием, оттисками зубчатого (еще его называют гребенчатым) штампа, наколами острых предметов. В изучении неолитической и энеолитической керамики очень важен вопрос определения орнамента – инструмента, которым на поверхность глиняного сосуда наносится орнамент. Большую исследовательскую и экспериментальную работу по изучению древних орнаментов проводили И. В. Калинина из Санкт-Петербурга и Е. А. Гаджиева из Нижнего Тагила. Их совместная плодотворная творческая работа дала очень интересные и важные для науки результаты.

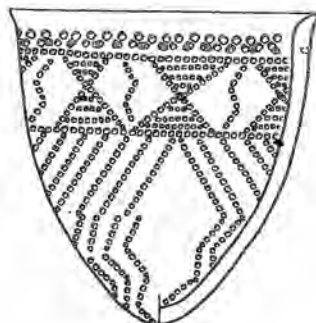
Все многообразие уральской керамики сводится к трем основным типам орнаментации – прочерченная, гребенчатая и

Энеолитический сосуд со стоянки Чебаркуль IV

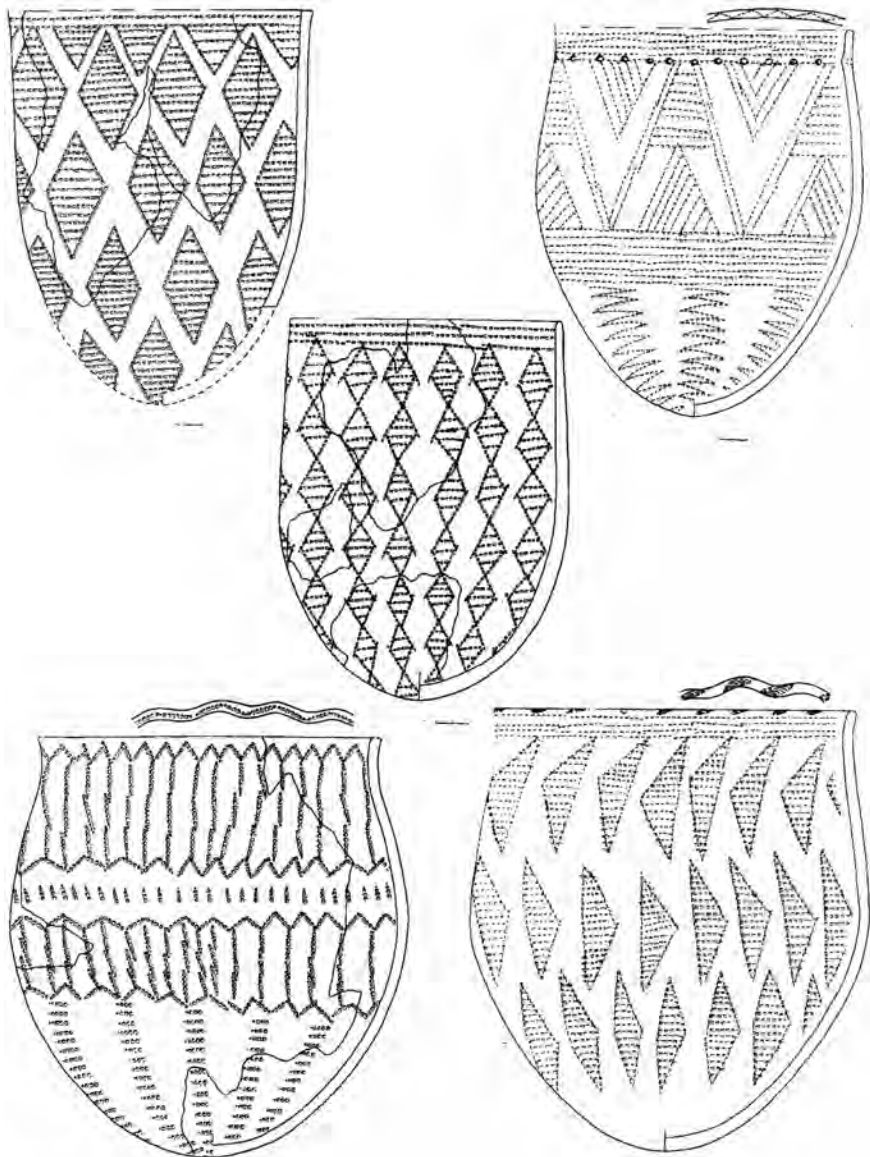

Энеолитический сосуды
с геометрическим
рисунком

отступающе-накольчатая. В зависимости от используемого орнамента и способа нанесения получают орнаменты разных типов. Проведенные эксперименты показали жесткую взаимосвязь орнамента с орнаментиром, опровергающую мнение, что орудиями для нанесения орнамента мог служить любой, находящийся под рукой предмет. Часто в археологической литературе можно встретить такие названия способов орнаментации как «прочерчивание палочкой», «отступающая палочка», «отступающая лопаточка» и т. п., хотя на самом деле, рисовать по подсушенной глине деревянной палочкой практически невозможно – она очень быстро приходит в негодность. Есть и более экстравагантные обозначения, например сосуд орнаментирован «жучками» и «гусеничками». Непосвященный читатель может представить себе, как ловят жука или гусеницу и на поверхности сосуда делают ими отпечаток.

В действительности, для украшения первой глиняной посуды служили челюсти куницы, лисы, бобра, зайца, а также осколки трубчатых костей или грани ребер определенных животных. Использовались и специально вырезанные из кости или

Сосуды поселения Ботай с геометрической орнаментацией

камня штампы с нарезками-зубчиками, отсюда и название – зубчатый или гребенчатый штамп. Согласно одной из гипотез, первыми орнаментами могли служить известные еще с палеолита амулеты и «обереги» с нарезками, которые изготавливались из рога, кости и мягких пород камня. В качестве амулетов-украшений использовались также предметы естественного происхождения – диафизы мелких трубчатых костей, зубы животных, позвонки рыб, раковины и т. д. В истории человечества каменные и костяные подвески – обереги предшествуют появлению керамики. Не исключено, что первоначально для охраны украшали амулетами не только человека, но и докерамические сосуды, например, у индийских племен известны плетеные сосуды, украшенные подвесками из раковин, перьями и т. п. Прослеживается такая историческая преемственность от подвесок-«оберегов» и украшений – к орудиям для нанесения орнамента на глиняную посуду и для татуировки.

К челюсти животного по происхождению восходят и гребень для расчесывания волос и гребенчатый штамп для украшения керамики. Некоторые народы расчесывали волосы гребнями из челюстей рыб и животных. У разных народов этнографы наблюдали обычай носить на поясе челюсти животных, зубы, раковины и т. п. Такие вещи встречаются и в погребениях эпохи камня. Эксперименты по орнаментации керамики показали, что челюстями животных зубчатые (гребенчатые) и незубчатые (прочерченные и накольчатые) орнаменты могут быть получены одновременно, просто разными частями челюсти или зубами. Таким образом, древние орнаменты выполняли функции не только инструмента для украшения посуды, но и одновременно «оберегов» – родовых амулетов, фирменных знаков. Изучая древнюю керамическую посуду, нужно иметь в виду, что она являлась не просто посудой в домашнем хозяйстве, но и отражала в орнаменте родовые мифологические сюжеты, которые были нанесены на поверхность орнаментиром – оберегом-амулетом.

Шкурные дела

Важной жизненной процедурой была обработка шкур, которые шли на одежду, и на покрытие жилищ, и для создания интерьера жилища. Для мездрения шкур использовались скребки из пластин, один торцовый край которых обрабатывался специальной скребковой ретушью, создавая рабочее лезвие и скребки из отщепов. Шкуру рано научились выделывать. Свежую шкуру можно обрабатывать сразу, высушенную же сначала вымачивали. Следующая операция – обезжиривание; с внутренней поверхности снимали мездру с помощью острых ножей, в качестве которых использовались пластинки или подходящие по размерам и форме отщепы. Затем шкуру растягивали на земле, в тени, растягивали при помощи деревянных или костяных колышков. Далее снимали мездру при помощи скребков с острыми лезвиями для получения ровной,

Обработка шкур. Палеолитическое жилище, покрытое шкурами

однородной, мягкой, эластичной внутренней поверхности. Чтобы придать шкуре особую мягкость, необходимую для мехового изделия, проводилось пушение бахтармы (это нижняя поверхность выдубленной кожи). Бахтарма готовых шкур должна быть гладкой, чистой, с нее удаляют остатки мездры и подкожной клетчатки. Здесь использовали скребки с высоким или изношенным ранее лезвием, чтобы случайно не поцарапать и не порезать шкуру.

Если же необходимо получить из шкуры кожу, то необходимо провести ее волососгонку и мягчение. Наиболее эффективным способом является золение, т. е. вымачивание в зольном растворе, с последующим удалением волос скребками или выщипыванием. После этого кожу смазывают жиром, скатывают в рулон и через некоторое время разминают руками, что занимает два-три часа. После этого кожа считается готовой к употреблению. Как свидетельствуют данные этнографии, обработкой шкур и выделкой кожи занимались женщины. Проведение различных экспериментов показало, что на обработку шкуры, например, козла или косули, при работе двух женщин каменными орудиями, уходит примерно 5–6 часов.

Осуществив все рассмотренные нами операции, человек получал качественный мех и кожу. Теперь ему нужно было сшить себе одежду. Кроме меха и кожи долгое время, по крайней мере, в палеолите и мезолите, других материалов не имелось. При шитье использовались острия-проколки. Они были двух типов – симметричные, когда оба края сводились ретушью на острие, и скошенные, когда ретушью один край срезался под острым углом. Кремневая или костяная проколка могла служить шилом, концом которого нитка из сухожилий проталкивалась сквозь кожу. Экспериментальные работы показали, что кремневые проколки очень эффективны, ими можно было делать до 3000 вращательных движений при протыкании кожи, и они практически не изнашивались. При пошиве одежды и других вещей из меха и кожи использовались сухожилия, как прави-

ло, оленей и лосей. Свидетельством высокого мастерства человека эпохи камня при сшивании кожи, может служить кожаный мешочек, найденный в неолитическом погребении на Ангаре. Мешочек был сшит из шкурки мелкого животного. Толщина сухожильной нитки оказалась 0,2 мм, причем очень искусно переплетенной.

Из этнографии угорских народов мы знаем, что сухожилия сначала высушивали, потом разминали на чем-либо твердом

Удаление мездры и размягчение шкурки у современных угорских народов

специальной колотушкой, пока сухожилие не распалось на более тонкие волокна. Их выравнивали и соединяли в одну длинную «нить». Концы волокон смачивали слюной и скручивали пальцами. Затем из двух, подготовленных таким образом волокон, сучили нитку – на бедре, щеке или колене. Длина готовой нитки не превышала 1 м. Сухожильные нитки привязывали к косточкам птицы, соболя, лося (челюстную) и закрепляли свободные концы в косичку, иногда завязывали тряпочкой, а затем укладывали ее в коробку для рукоделия.

Хорошо выделанную кожу можно было использовать, чтобы сделать емкости не только под сухие продукты, но даже для воды. Опыт по изготовлению кожаного сосуда для воды был проведен археологом из Санкт-Петербурга В. Е. Щелинским. Из дважды размоченной и высушенной кожи была изготовлена сумка, вмещающая 6–7 литров воды. Заготовка для нее была вырезана из кожи кремневым ножом по кругу диаметром 86 см. Мягко размоченной кожей была обтянута деревянная колодка. Верхние края ее, с отверстиями, обвязывались ремнем, вырезанным из той же кожи, и затягивались. Через двое суток сумку сняли с колодок и наполнили водой. За пять суток ни одна капля воды из такой кожаной емкости не просочилась.

В палеолите шкуры толстокожих животных, таких как слон или мамонт (толщина кожи достигала 2 см) использовались для покрытия жилищ. Шкуры крупных животных после свежевания и просушки служили хорошими подстилками и постелями в пещерах и наземных жилищах.

Ткани

Одежда и головные уборы в эпоху камня чаще всего выделывались из меха и кожи мелких и средних животных, шкуры которых становились наиболее пластичными после обработки. Их можно было легко кроить и сшивать, одежда из таких шкур не затрудняла движения. В раннем палеолите люди,

вероятно, ограничивали свой гардероб накидками из целых шкур или сшитыми из нескольких кусков набедренными поясами или юбками. В позднем палеолите шитая одежда уже имела широкое распространение, поскольку среди археологических находок часто встречаются каменные и костяные проколки, даже иголки с ушком, прототип современных иголок. Костяные фигурки женщин с сибирских стоянок Мальта и Буреть, покрытые сплошным орнаментом, возможно, передают нам наличие меховой одежды типа комбинезона, существовавшего во все времена на севере и так популярного в наше время. Кожаная обувь представляла собой что-то вроде чувяков.

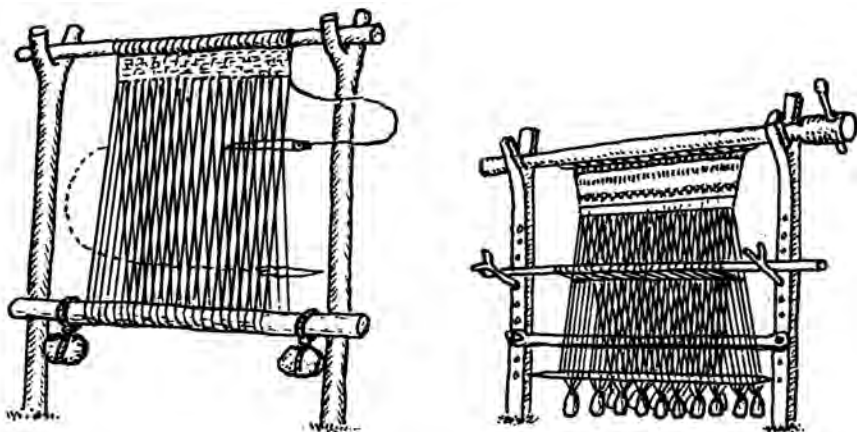
Одежда из ткани, то есть, собственно, из ткацкого полотна появляется на Урале только в конце эпохи камня – начале бронзового века, что зафиксировано в отпечатках ткани на керамической посуде. Но это уже полотно, изготовленное при помощи хотя и примитивного, но все-таки ткацкого станка. Этому предшествовала долгая история познания человеком свойств волокон различного происхождения. Волокнистое вещество является четвертым после камня, кости и дерева веществом, без которого человечество не обходилось во все последующие периоды своей истории. Самое первое предназначение такого материала, не важно чем он был представлен (гибкими веточками, стеблями растений или обрывками шкур) – скреплять между собой различные предметы. Необходимость закрепить наконечник в древке, кремневое орудие в рукоятке, соединить куски шкур, чтобы получить полог для жилища или одежду, подразумевала использование волокнистых гибких и прочих

*Костяная
фигурка
эпохи
палеолита
в меховом
комбинезоне*

веществ растительного и животного происхождения. Уже в палеолите начинают использоваться различные шнурки, веревки, грубые нитки из растений, прежде всего, таких как крапива и конопля или сухожилий животных и тонких полосок кожи. Для того, чтобы они были прочнее, их нужно было скручивать и сплести. Параллельно совершенствуются процессы изготовления веревок и ниток, с одной стороны, и плетение корзин и различных емкостей из гибких веток, бересты и т. п. с другой. В конце концов (на Урале это время заключительного этапа эпохи камня), скручивание, прядение и плетение соединились в едином результате – появились ткани. Сначала они были не ткацкого производства, т. е. переплетенные вручную, затем полуткацкого, и только в начале бронзового века человек изобретает ткацкий станок.

В археологической литературе общепризнано, что материальные свидетельства ткачества – это глиняные или каменные пряслица и грузики со следами специфической стертости, кочедыкообразные орудия, предметы в виде кружков с отверстиями, изготовленные из стенок сосудов, «текстильная» керамика

Устройство для выработки древнего текстиля:

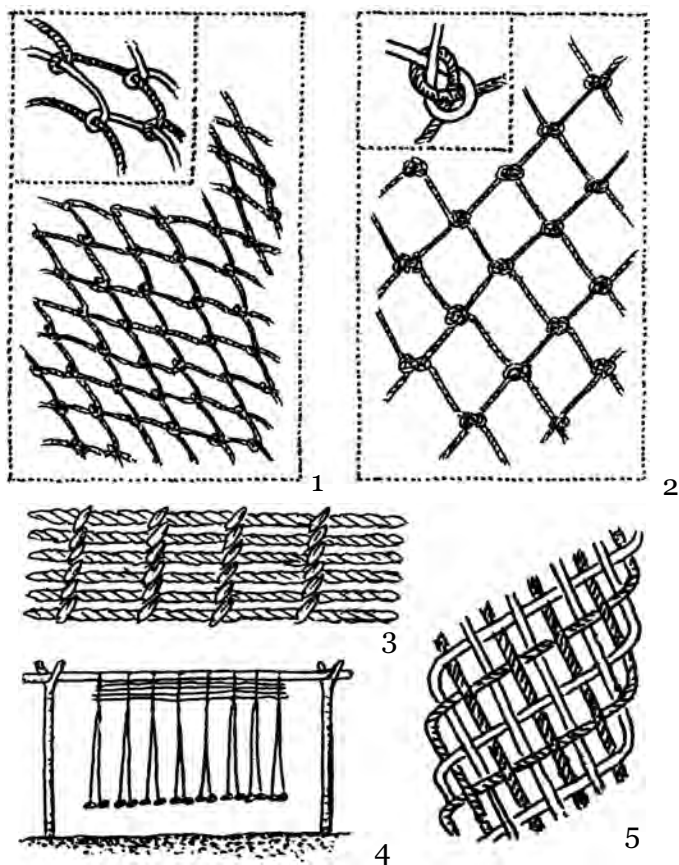
- 1 – для выработки полуткацкого текстиля; 2 – ткацкий станок вертикального типа с грузилами для натяжки нитей основы*

ка и, конечно, сами ткани и плетения. В урало-сибирском регионе наиболее массовые находки – «пряслица», образцы «текстильной» керамики, редкие – грузики ткацкого станка, уникальные – ткани и плетения. Известна целая серия материалов, позволяющая реально представить общий процесс развития навыков и мастерства ткацкого дела в древности.

Наиболее древние плетения в регионах Сибири и Дальнего Востока найдены в Приморье. Среди многочисленных сохранившихся, но сильно обугленных в результате пожара растительных материалов пещеры Чертовы ворота (V тыс. до н. э.), были обнаружены обрывки и куски веревки, жгуты, фрагменты тканей и плотных плетений. Веревки и жгуты изготавливались из растительного сырья: травы, гибких стеблей, длиннолистой осоки – способом кручения. Причем, веревки свивались правым кручением стеблей, а жгуты – левым. Подобные способы витья описаны в этнографической литературе. Жгуты служили для вязания сетей. На поселении обнаружены сети двух видов: сплетенные с помощью челнока традиционным образом и изготовленные способом «узелков» плетения. Свидетельства о сетевязании существуют и на территории Западной Сибири. На поселении раннего металла Рыбной Сор найден фрагмент керамики с отпечатком сети первого из названных видов. Размеры ячеей 0,7 × 0,7 см. Хорошо пропечатались узелки в виде углублений на пересечении нитей. Сеть с такой ячейей вряд ли использовалась как рыболовная. Возможно, она применялась для «технических нужд», возможно, как крупное сито.

Первые текстильные материалы, вероятно, представляли собой плотные плетения – циновки, и были изготовлены из жгутов и стеблей. В сохранившихся плетениях, сильно истлевших и карбонизированных из-за пожара и под воздействием времени, сырье, в первоначальном виде (стебли растений) выглядит как пучки волокон. Перевитые пучки волокон образуют жгуты и веревки, а не перевитые, неперекрученные – пасмы. Циновки из Приморья изготовлены тремя способами: из

пасм (в первоначальном варианте – стеблей травы), при этом горизонтально проложенные стебли перевиты или оплетены двумя аналогичными пасмами (на примитивном станке они подвешивались к горизонтальной планке, очевидно, с утяжелениями попарно, с расстояниями между парами 1,5 см, толщина горизонтальных стеблей в этом случае одинакова); из

Реконструкция способов плетения.

1 – сетей по принципу макраме; 2 – сети другого вида; 3 – циновки из жгутов; 4 – реконструкция станка для плетения циновок; 5 – схема диагонального плетения

жгутов, свитых из двух травяных волокон, оплетенных такими же жгутами описанным выше способом (текстиль редкого переплетения); из аналогичных жгутов, оплетенных одинаковыми нитями, изготовленными из того же сырья. В этом случае расстояние между вертикальными нитями, оплетающими горизонтальные, составляет 3–4 см. Это уже текстиль частого переплетения.

Оценивая циновки и сети из Приморья периода раннего неолита, можно с уверенностью говорить о достаточно высоком профессиональном уровне древних мастеров. Все без исключения веревки и жгуты тонкие, ровные, что является косвенным свидетельством использования какого-то приспособления для кручения. На это же указывает сохранившаяся овальная петля одной из веревок, на которую последняя, вероятно, крепилась для работы. Тонкие и ровные, без ошибок в плетении циновки изготовлены, вероятно, с использованием примитивного ткацкого станка.

Из этнографических примеров мы знаем, что потомки древних уральских народов – современные ханты и манси расщепляют стволы черемухи на тонкие прутья и свертывают их в круги. Такой материал называют саргой. Из сарги плели корзины, делали обручи для берестяных кузовков, связывали различные предметы, предварительно вымочив саргу в воде для придания эластичности. Саргу также изготавливали из корней кедра.

Многие народы Урала и Сибири широко использовали в домашнем хозяйстве такое распространенное у нас и поныне растение как крапива. Собирать крапиву лучше всего в первых числах октября во время утренних заморозков – тогда стебель отламывается, а не выдергивается вместе с корнями и землей. Стебли связывали в пучки и сушили, а по мере надобности брали и расщепляли на волокна, используя специальную проколку из косточки или из дерева. Чтобы при дальнейшей обработке волокно не ломалось, его предварительно выдерживали в сыром помещении. Для окончательной очистки толкли волок-

но в специальной ступе, попутно перетирая руками или поколачивая трепалом.

Для прядения ниток использовали прялку и веретено. Последнее представляло собой стержень, на который надевалось пряслице, сделанное из обломка керамики. Прялка изготовлялась в виде длинного тонкого шеста, укрепляемого на время работы между полом (или нарами) и крышей. Пряли, стоя на коленях. В зависимости от назначения крапивные нитки делились на несколько сортов. Для сетей использовали более грубые нитки, холст ткали из тонкой, в одну нитку, пряжи. Чтобы придать ниткам мягкость и уничтожить желтоватый цвет, их кипятили в щелоке из осиновой золы, затем полоскали в холодной воде и просушивали. Нитки для шитья отбеливали, развешивали или расстилали на открытых местах; для ткачества применяли нитки естественного цвета или окрашенные. Ханты и манси также плели травяные циновки, при этом сначала сплетали отдельные полосы шириной до 6 см, а затем сшивали их вместе.

Конечно, ни один из видов волокнистого сырья для ткачества не мог сохраниться длительное время. Самой старой тканью в мире является льняная ткань, найденная в 1961 году при раскопках древнего поселения у турецкого поселка Чатал Гуюк, изготовленная около 6500 лет до н. э. Интересно, что эту ткань еще до недавнего времени считали шерстяной, и лишь тщательное микроскопическое исследование более 200 образцов старых шерстяных тканей из Центральной Азии и Нубии показало, что ткань, найденная в Турции, льняная.

При раскопках поселений озерных жителей Швейцарии было обнаружено большое количество тканей из лубяных волокон и шерсти. Это послужило еще одним доказательством того, что ткачество было известно людям уже в эпоху камня. Поселения были открыты зимой 1853–1854 годов. Та зима выдалась холодной и сухой настолько, что уровень альпийских озер Швейцарии резко понизился. В результате местные жи-

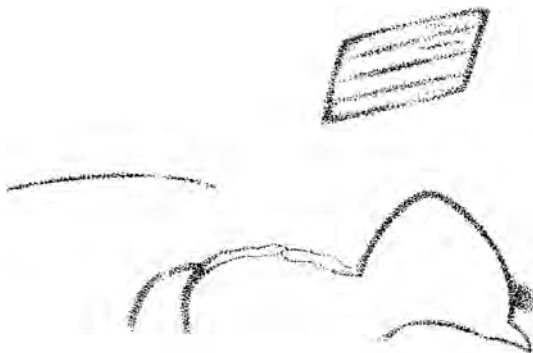
тели увидели развалины свайных поселений, покрытые многовековым илом. Были найдены грубые, но вполне пригодные для использования ткани из лубяных волокон, лыка и шерсти. Некоторые ткани были орнаментированы стилизованными человеческими фигурами, раскрашенными естественными красками.

О том, что на Урале и сопредельных территориях Северного Казахстана первые ткани появляются в энеолите, мы знаем по отпечаткам на керамической посуде. Причем характер отпечатков таков, что в нем отразилось использование текстиля неизвестного строения, в котором нити не пересекаются, как это должно быть, а перевиваются по определенной системе. Отсутствие переплетающихся нитей свидетельствует о том, что текстиль выработан не на ткацком станке.

При раскопках стоянок и поселений нео-энеолитического времени мы часто находим поделки из стенок керамических сосудов круглой формы, иногда с отверстием в центре. Одна из версий назначения таких предметов – пряслица, используемые для скручивания и прядения нитей с помощью веретена. Возможно, это тоже косвенное свидетельство возникновения ткачества. Также часто в раскопках встречаются изделия из обожженной глины биконической или «сигаровидной» формы, их обычно называют грузилами. Но использовать такие изделия в качестве грузил для сетей сомнительно, поскольку они изготовлены из глины и достаточно легкие на вес, для грузил более подходит тяжелый камень. А вот глиняные грузики вполне могли подходить для натягивания нитей в процессе производства неткацкого и полуткацкого текстиля. Хотя достаточно веских доказательств у нас и нет, но все же, исходя из имеющихся данных, можно говорить о том, что на заключительных этапах эпохи камня уральцы одевались уже не только в шкуры и кожу, но и в одежду из полотна – растительного, а может быть, и шерстяного.

«Под крышей дома своего»

Древнее жилье

Глава 5

«Под крышей дома своего». *Древнее жильё*

В самом общем виде определение жилища – это место, где можно жить. Видов жилищ в зависимости от времени и пространства может быть множество, например, пещера, землянка, изба, юрта, хижина. В археологии существует своя классификация жилищ, обусловленная спецификой основного вида археологических исследований – раскопок. Когда на раскоп приходит человек, несведущий в тонкостях археологии, и ему говорят: «Вот здесь было жилище», то он, видя только котлован раскопа, удивленно спрашивает: «А где же оно?», поскольку в его представлении жилище – это некая постройка. Очень показательен пример посещения в 2006 году президентом России В. В. Путиным известного поселения бронзового века Аркаим. Проводивший экскурсию Г. Б. Зданович увлеченно рассказывал: «А вот здесь был алтарь». Видя перед собой абсолютно пустое пространство, В. В. Путин вполне естественно спросил: «Где?».

Человек обретает крышу

Археологи в процессе раскопок, как правило, имеют дело лишь с небольшими остатками когда-то существовавших сооружений, которые остались заметны в нетронутой почве – «материке», и представлены остатками котлованов, столбовыми ямами, следами костров и т. п. Жилищем это называется, когда

есть возможность мысленной реконструкции и создания идеальной (в философском понимании) модели. Так вот в археологической классификации типы жилищ различаются в зависимости от глубины сохранившихся котлованов: если глубина до 30 см, то это считается наземным жилищем, от 30 см до 1,5 м – полуземлянка, глубже 1,5 м – землянка. По способу сооружения каркаса и стен могут отличаться легкие каркасные постройки из жердей, типа чума или шалаша, каркасно-столбовые более прочные конструкции и, наконец, бревенчатые или срубные, которые мы легко себе представляем.

Технологии строительства жилого дома имеют глубочайшую историю. Археологические данные свидетельствуют о появлении первых сооружений для жилья еще в начале человеческой истории – в первую археологическую эпоху – олдувайскую. Уже с этого древнейшего времени устройство жилищ развивалось в двух направлениях: использовании природных убежищ – пещер, гротов и каменных навесов и освоении открытых площадок, благоприятных для строительства жилья. Изначально строительными материалами служили камень, земля, дерево, кости крупных животных. Для ашельского времени характерны разделочные площадки со следами расчленения туш слонов, раскопанные на стоянках Испании. На нескольких ашельских стоянках во Франции, Испании, Италии и Венгрии были обнаружены каменные вымостки, остатки специально устроенных очагов с каменными оградками, а в гроте Лазаре близ Ниццы исследованы остатки удлиненного жилища с очагом размерами 1,1 × 3,5 м, располагавшимся у входа в пещеру, рядом со скальной стенкой.

В эпоху среднего палеолита строительные технологии усложняются. Ярким образцом является мустьерское жилище на стоянке Молодова I на Днестре. Овальной формы постройка ограничивались по периметру костями мамонта, которые, вероятно, использовались для обкладки стен. Внутри сохранились остатки кратковременных очагов. На ряде других стоянок зафик-

сировано скопление бивней и костей мамонта, они также рассматриваются исследователями как остатки жилых конструкций. В пещерах и гротах сохранились следы возведения каменных стенок, обложенные камнем очаги.

В позднем палеолите мы можем наблюдать уже не отдельные жилища, а целые хозяйственно-бытовые комплексы, объединявшие жилую постройку с предвходовой площадкой, расположенные неподалеку «оружейные мастерские» – места работы мастера по обработке камня – «точки» под открытым небом и ямы-хранилища запасов продовольствия. Сами жилища становятся настолько разнообразными, что можно уже провести их типологию, разделение по видам. Самыми распространенными являлись тогда наземные жилища округло-овальной формы диаметром 3–6 м с одним очагом, который расположен ближе к выходу. Вокруг очага проходила основная хозяйственная деятельность, отмеченная большинством находок. В глубине жилища было свободное пространство практически без находок, это, вероятно, спальные места. Некоторые легкие округлые жилища имели основание, сложенное из каменных плит, на-

Овальное жилище из кольев и веток (Терра Амата, Южная Франция, около 300 000 лет до н. э.

пример, на широко известной стоянке Мальта в Сибири. Иногда несколько наземных жилищ примыкали друг к другу, образуя удлиненное строение с несколькими очагами.

Более основательными были костно-земляные жилища, углубленные в землю. В центральной части были расположены один или несколько очагов, по периметру иногда находились вкопанные черепа, нижние челюсти и кости мамонта, которые, возможно, составляли цоколь жилища. Само сооружение при раскопках имеет вид мощного скопления костей мамонта, диаметром 4–9 м, это подтолкнуло некоторых исследователей к реконструкции кровли такого жилища из костей и бивней, что вряд ли возможно, поскольку непонятно за счет чего мог держаться такой каркас, обладающий огромным весом. Другим типом были округло-овальные полуземлянки с центральным очагом, диаметром 4–6 м с примыкающими крупными ямами.

Известны также слабо углубленные в землю удлиненно-овальные жилища длиной 12–34 м, шириной 4–5 м, распадающиеся в плане на несколько частей. Самыми сложными являются жилые площадки, известные благодаря раскопкам П. П. Ефименко стоянки Костенки I на Дону. Это жилище длиной 31 м, шириной до 8 м, окруженное 12-ю крупными ямами и четырьмя землянками.

Представленные жилищные конструкции палеолитического времени

Из-за наступления ледникового периода деревья исчезли, и охотники времен палеолита сооружали жилища из шитых шкур, закрепленных внизу костями больших животных. Остатки таких жилищ, построенных между 35 000 и 10 000 годами до н. э., были обнаружены в степях России, Украины и Чехии

изучены археологами преимущественно в Западной и Восточной Европе, на Урале самым представительным поселением позднего палеолита до сих пор остается Островское (стоянка Талицкого) на реке Чусовой. От жилых сооружений здесь сохранились остатки семи или восьми очагов, вокруг которых расположены узкие и глубокие ямки, в которых находились вертикально стоящие кости животных, вероятно, служившие основами жилых сооружений. Возле очагов были найдены тонкие плитки известняка, которые могли быть использованы в качестве вымостки. Немногочисленные пока данные о жизни уральских палеолитических охотников свидетельствуют об активном использовании ими пещер и гротов для кратковременных стоянок. Обычно до нас доходят пещерные остатки очагов, скопления костей и орудий из камня.

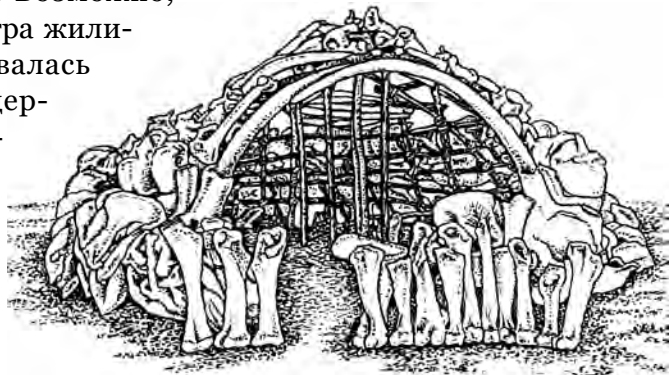
Наземные жилища

На поздних этапах эпохи камня Урала основными типами жилищ были наземное и полуземлянка. Наземное жилище сооружалось из жердей, которые укреплялись в земле, создавая каркас, затем покрывались шкурами. Снаружи шкуры прижимали камнями. Какой формы были такие жилища восстановить практически невозможно, но, следуя ло-

Около 12 000 лет назад охотники укрывались от зимней стужи в «длинные дома», сделанных из деревянных жердей и шкур животных и похожих на длинные шалаши. В каждом таком шалаше помещалось несколько семей

гике и месторасположению камней и ямок от жердей, можно предполагать округлую форму, как наиболее оптимальную и менее трудоемкую. Внутри сооружался очаг, под него делали небольшое углубление, которое обкладывали камнями. Такие жилища были сезонными и функционировали в теплое время года, поскольку недостаточно хорошо сохраняли тепло. Если бы эти постройки использовались в зимнее время, то в них должны были фиксироваться следы мощных очагов, а такие встречаются крайне редко.

Более капитальными жилищами представляются полужемлянки. Оригинальной и характерной особенностью южноуральской традиции домостроения является использование при строительстве полужемлянок естественного рельефа, скалы. Мягкий почвенный слой в горах Южного Урала очень небольшой, скальное основание близко подступает к поверхности, в самых верхних слоях скала часто разрушена в силу природных процессов. Человек в полной мере использовал эти обстоятельства. Для сооружения полужемлянки выбирали место, где скальный грунт был рыхлым, расчищали небольшой котлован, насколько могло позволить разрушение скалы. Мелкие и средние камни выкладывали на скальный монолит, наращивая высоту стены. За счет столбов, вкопанных вертикально и под углом, строилась крыша. Возможно, часть периметра жилища обкладывалась камнями и деревом. Такие постройки

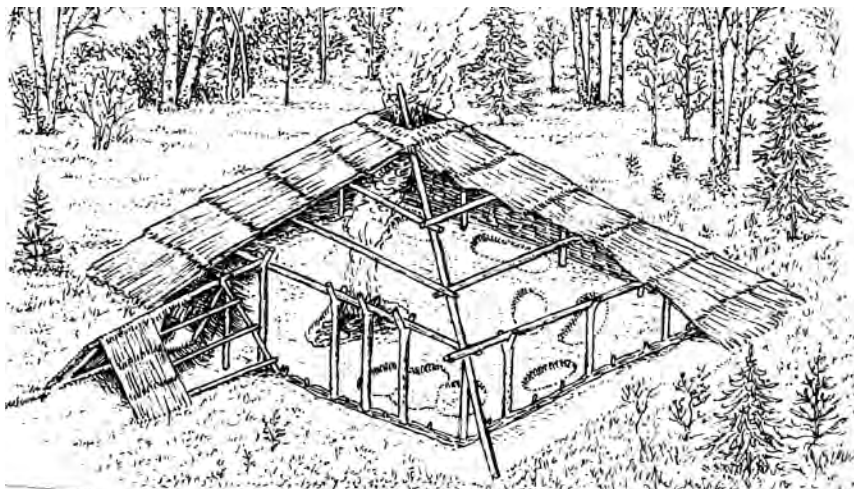

Палеолитическое жилище Межиричи

были более надежными и теплыми. По форме они могли быть овальными или прямоугольными, в зависимости от местоположения земляной выемки.

Остатки одного из наземных жилищ полностью исследованы нами на стоянке Шатанов 3, расположенной на одном из островов озера Иртяш, недалеко от г. Кыштым. Сегодня «остров Шатанов» (скорее всего, раньше звучал как «Шайтанов») – это несколько небольших островов, разделенных протоками, заросшими камышом, поскольку уровень воды в озере в наше время повышается. Еще в середине XX века на истоке из озера была построена плотина, которая привела к подъему воды, как минимум, на 2 м. На картах XVIII века это место вообще было участком берега, а озеро Травакуль, которое превратилось в залив, находилось между озером Иртяш и Большая Наного. На участке берега (сегодня высота 9 м от современного уровня озера) 5520 лет назад небольшой коллектив охотников облюбовал себе место для жилища.

Выбрали ровную площадку, обдуваемую ветром с озера от комаров и мошки, очистили от кустов и травы, подравняли

Мезолитическое наземное жилище

грунт между выходами скальных пород и приступили к строительству жилья. Основу составила столбовая конструкция – 4 столба в центре и 10 – по периметру. Выход был сориентирован на южную сторону. Очень интересен и оригинален интерьер этого жилища. В самом центре – между четырьмя опорными столбами сооружен «погреб». Сделать это было непросто – пришлось в скальном основании пола выламывать плиты расщепившегося гранита размерами больше метра. В результате образовалась яма размерами 2,5 × 2,1 м, овальной формы и глубиной 1 м. По краям поставили 4 столба, положили на них плахи и сверху закрыли вынутыми гранитными плитами, оставив «люк» – получился отличный погребок. На полу погреба выложили из мелких камней кольцо небольшого диаметра – подставку под сосуд. Рядом с погребом, на каменном останце соорудили стол, покрыв его деревянными плахами. В южной части жилища был небольшой очаг для приготовления пищи, три подставки под сосуды – расположенные рядом кольцевые выкладки, и два небольших углубления, вероятно, хозяйственного назначения. Здесь сосредоточены основные находки орудий, сохранившиеся в неприкосновенности до нашего времени, – ножи, скребки, скобели и другие. К северу от жилища, на открытом воздухе в выкопанной возле скалы яме глубиной около 70 см был обустроен еще один очаг, по размерам значительно больший, чем в жилище – 1,6 × 1,1 м. Скорее всего, здесь могли коптить и варить мясо и рыбу.

Подобные наземные жилища изучены и на других территориях Урала. К северо-востоку от города Нижний Тагил на реке Салде Ю. Б. Сериковым было изучено поселение мезолитического времени Выйка II, оно как минимум, на две тысячи лет старше, чем описанное выше. Поселение состояло из четырех наземных жилищ диаметром 5–7 м, с входами с подветренной стороны. Основу конструкции также создавали укрепленные в земле столбы. Внутри жилищ были сооружены очаги размером 1 × 0,5 м, обложенные камнями. Поскольку в это время керами-

ка еще не была изобретена, то и подставок под сосуды не было найдено. В двух жилищах находились «наковальни», для устройства которых использовались крупные камни. Вокруг них – скопление заготовок и отходов изготовления орудий из камня. Как и на стоянке острова Шатанов, здесь за пределами жилищ были сооружены очаги большого диаметра на открытом воздухе. На поселении было оборудовано специальное место для обработки шкур добытых на охоте животных – крупный камень, размером 2 × 1,3 м с ровной поверхностью. Также были оборудованы и хозяйственные ямы для хранения запасов, диаметром до двух метров и глубиной до одного метра.

К востоку от Южного Урала – в Притоболье Т. М. Потемкиной было исследовано наземное мезолитическое жилище на стоянке Убаган III. Оно было построено охотниками на берегу небольшой речки Убаган, недалеко от впадения в реку Тобол. На ровной площадке берега реки сначала расчистили участок пола, слегка углубив его и выровняв, затем соорудили столбовую конструкцию с опорными столбами в центре и по периметру, ограничив площадку размерами около 80 кв. м. Возможно, в жилище было два выхода – один к реке, другой – параллельно берегу. В восточной части возле одного из выходов располагалась кострище размером 1,1 × 0,8 м. Пол в жилище, особенно в центре и возле очага был сильно утоптан, здесь концентрировались основные находки каменных орудий.

Наземная постройка с углубленной центральной частью была исследована на мезолитическом поселении Леуши XIV в Западной Сибири на р. Конде. Остатки жилища имели форму овала площадью около 30 кв. м. По периметру трех стен, а также вдоль оси жилища по центру сохранились ямки от столбовой конструкции. Некоторые из ямок расположены под углом к центру жилища, что предполагает перекрытие типа шалаша. В 2,5 м от жилища был расположен внешний очаг на открытом воздухе. В самой постройке на полу обнаружены остатки двух хозяйственных ям.

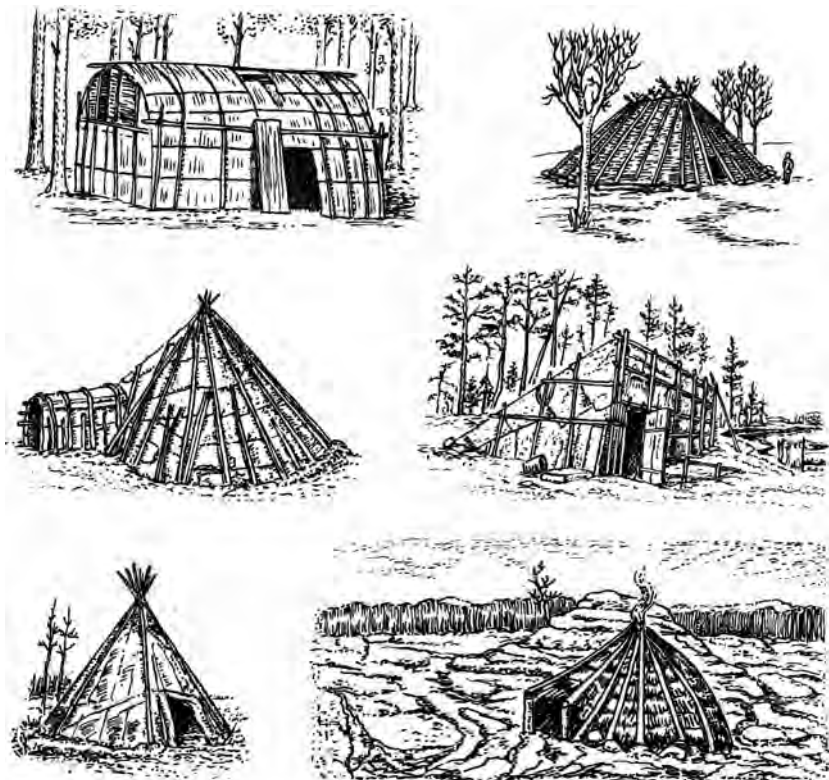
И в земле, и снаружи

Более сложную конструкцию имели полуземлянки. Одна из таких жилых построек была изучена нами на стоянке Черников брод на речке Малый Кизил – правом притоке реки Урал в Агаповском районе Челябинской области, недалеко от пос. Смеловский. Небольшая охотничья община выбрала это место около 7 тыс. лет назад. Для строительства углубленного в землю жилища решили использовать уже существующую карстовую воронку, промытую в известняках, слагающих берег реки. Вычистили и углубили западину – получился котлован для жилища овальной формы, глубиной около 0,6 м от поверхности, с коридорообразным выходом к северу. Стенами почти по всему периметру стали естественные выходы известняка, их тоже немного подчистили от рухляка – разрушенной части скалы. Полученные при этом камни сложили в северо-западной части, подняв этим стену до нужной высоты. Таким же образом укрепили восточную сторону выхода. С южной стороны за пределами котлована прокопали небольшие наклонные канавки для крепления столбов, которые сходились к центру жилища с юга и севера. В целом перекрытие можно реконструировать как шалашеобразное. На полу обустроили небольшой очаг. Близкое по конструкции жилище – полуземлянку, сооруженную в скальном углублении, мы изучили и на стоянке Краснокаменка на берегу реки Увелька в Уйском районе Челябинской области.

В окрестностях Екатеринбурга, в верховьях реки Исеть В. Ф. Кернер были изучены три расположенные рядом жилища-полуземлянки на поселении Исетское Правобережье. Община охотников-рыболовов обживала эти места в раннюю пору неолитического периода – около 7 тыс. лет назад. Углубленные в землю на 50–70 см котлованы имели близкую к четырехугольной форму со скругленными углами, в среднем, размерами 7 × 7 м. Как мы это уже видели раньше, в качестве стен строители использовали выходы скалы, которые нужно было только

подправить и почистить от мелких камней и щебня. Основой стен и кровли также служила каркасно-столбовая конструкция.

Конструктивной особенностью этих жилищ были обнаруженные на полу двух жилищ канавки, которые служили для укладки в них нижнего венца бревен, составлявших стены или внутренние перегородки. Уложенные горизонтально бревна крепились к столбам, поддерживающим кровлю. Интерьер жилища составлял хозяйственно-бытовой комплекс. Для обогрева были сооружены приподнятые над полом, выложенные из камня очаги. Рядом располагались столики, которые делали из плоских камней или же из выступающих остатков скалы, которые

Варианты наземных жилищ и полуземлянок

покрывали деревянными плахами. В одном из жилищ возле стены сохранился скальный останец, который мог служить пристенной лавкой или лежанкой. Традиционны и хозяйственные ямы различных размеров, которые очевидно, закрывались деревянными крышками. В таких ямах были найдены раздавленные сосуды и орудия из камня. Очень интересной оказалась находка скоплений мелких галек, которые образовывали округлые пятна диаметром в 4 см. Они располагались и на полу, и внутри сосудов, и очень похожи на остатки желудков добытых охотниками птиц. Как известно, птицы заглатывают камушки для перетирания пищи. Выходы из жилищ были оформлены или пологими спусками, или ступеньками. Сохранившаяся земля возле выхода была сильно утоптана.

Два интересных жилища были исследованы В. Т. Ковалевой в Курганской области у д. Ташково, что недалеко от слияния рек Исети и Миасса. Местные охотники V–IV тысячелетия до нашей эры также строили себе полуземлянки. Здесь кругом песок, копай – не хочу, поэтому и котлованы жилищ порой углубляли до 1,5 м. Но вместе с этим существовала проблема – в округе практически нет камня, а стенки котлована почти правильной квадратной формы нужно было укреплять. Вероятнее всего, основу жилья составляли срубы или положенные по периметру жерди. С деревом здесь работали много – большая часть каменных орудий, согласно данным трасологического анализа, использовалась именно для работы по дереву. Сохранившийся интерьер небогат – очаг, сооруженный в песчаном полу диаметром до 1,5 м и расположенный рядом стол, размером 0,8 × 1,3 м, сделанный из оставленного при выборке котлована песчаного останца, также, вероятно, укрепленного деревом. На выходе из жилищ был устроен коридор с пологими ступеньками. За пределами жилья находились хозяйственные ямы.

Еще одно жилище лесостепных зауральских охотников было изучено М. П. Вохменцевым и нами на одном из старых русел реки Миасс в Курганской области, на поселении Кочегарово I.

В нем жили около 5200 лет назад. Это полуземлянка, выкопанная в песчаном грунте, четырехугольной формы со скругленными углами, площадью более 50 кв. м. Судя по сохранившимся ямкам, заглубленное в землю на 50–40 см жилище имело каркасно-столбовую конструкцию. Удалось проследить очень интересную деталь – во внутреннее пространство дома входила территория не только самого котлована, как это обычно делалось в то время, но и полоса шириной около 1,5–2 м по периметру за границей углубленной части. Это своеобразная хозяйственная зона между полом и потолком вдоль стен, на которой сохранились раздавленные при обрушении кровли сосуды и орудия из камня. На полу традиционные остатки очага и хозяйственные углубления.

Очень интересная конструкция жилищ-полуземлянок была прослежена екатеринбургским археологом Е. М. Беспрозванным на мезолитическом поселении Геологическое III в Западной Сибири. Изученное сооружение состояло из двух углубленных жилищ площадью 40 и 30 кв. м, соединенных между собой коридорообразным переходом, или одного, но двухкомнатного «дома». При этом жилищные котлованы имели разную глубину: первый – 70–75 см, а второй только 30–35 см, естественно, в переходе между ними существовала ступенька высотой 35–40 см. Это как бы прототип двухуровневой квартиры. Конструкция жилищного комплекса была столбовой с деревянной крышей и полом, что можно было проследить по сохранившимся углистым прослойкам, образовавшимся когда жилища сгорели. Котлованы над полом были посыпаны охрой, возможно, с магическими целями. Столбы для конструкции стен и крыши устанавливались в узкие канавки, прокопанные по периметру котлована. В первом жилище обнаружены также ямки от столбов, которые располагались в два ряда в шахматном порядке (частокол). Для обогрева жилища использовался очаг, представлявший собой канаву, длиной свыше 3 м, расположенную почти в центре и заполненную остатками очага – углем и прокалом.

Рассмотренные здесь фрагменты жилых конструкций, к сожалению, встречаются не часто. В подавляющем большинстве

Жилища неолитических охотников Приаралья

Угорская каркасная полуземлянка

Летнее жилище хантов

Зимнее жилище обских угров

Лодка-дом, крытая берестой

археологи во время раскопок обнаруживают лишь остатки небольших углублений на месте стоявшего когда-то жилища, очаги со слоем прокала и угольками, кольцевые выкладки из камней для установки остродонных сосудов, каменные плиты, которые служили местом работы мастера, изготовлявшего каменные орудия, ямки от столбов. По этим тщательно зафиксированным фактам реконструируется жилое сооружение. Для более полной картины часто привлекаются данные этнографии, ведь традиции живут долго и, например, у жилищ современных хантов и манси мы можем увидеть некоторые конструктивные особенности, сохранившиеся с эпохи камня.

В настоящий момент мы можем констатировать, что для древнего населения Урала эпохи камня были характерны легкие наземные жилища на сезонных стоянках и полужемлянки, сооруженные с использованием естественных углублений в скале на более долговременных стоянках и поселениях.

Мы очень часто можем наткнуться на стоянку эпохи камня, но без специальной подготовки сложно распознать место обитания наших древних земляков. Хотя в целом, все просто – найдите на озере или реке самое удобное для остановки место, именно там и может находиться местоположение древней стоянки.

К настоящему моменту на Южном Урале археологами выявлено около тысячи стоянок эпохи камня, но это лишь небольшой процент от всего археологического наследия того времени и каждый год приносит все новые и новые находки. Основные закономерности местоположения древних стоянок очень несложны и наглядны. Любая стоянка, даже если она была очень кратковременной, всегда расположена у источника воды: на берегу реки или озера, у ручья или родника. Без воды человек не мог бы прожить и в эпоху камня. На берегах рек, как правило, выбирались ровные площадки, часто на мысах, при слиянии двух рек или при впадении ручья. На озерах это тоже ровные участки берега залива или участок при впадении ручья. Очень часто место для своей стоянки выбирали так, чтобы одна из сто-

рон была прикрыта какой-либо возвышенностью, чтобы защищать от ветра. Очень важно было иметь удобный подход к воде. Наиболее удобными были небольшие седловинки между двумя горками, которые плавно опускаются к воде. Для долговременного поселения найти подходящее место было еще сложнее, поскольку на Южном Урале скальное основание очень близко подступает к поверхности, а сооружать жилище на скале и неудобно и трудно. Нужно, чтобы был хотя бы небольшой почвенный слой, что сразу же становится понятным, как только сам захочешь поставить палатку.

Археологические памятники эпохи камня разнообразны, но можно выделить несколько основных видов. Чаще всего во время проведения разведочных работ археологам встречаются местонахождения – отдельные находки небольшого количества изделий из камня, орудий или отщепов, при отсутствии культурного слоя. Реже, чем местонахождения, встречаются стоянки – места проживания какой-либо группы людей эпохи камня, с сохранившимся культурным слоем, остатками сооружений, различными артефактами. Большой удачей бывает обнаружение долговременных поселений – мест, где люди жили весьма продолжительное время, с насыщенным артефактами культурным слоем и остатками многочисленных жилищ и хозяйственных построек. Здесь жили тысячи лет.

Путиловская заимка

На Урале примером такого поселения неолита-энеолита является Путиловская заимка, получившая название по существовавшей в начале прошлого века на р. Уй заимке, хозяином которой был некто Путилов. Здесь в V–III тыс. до н. э. на ровной площадке, примыкающей к небольшой скалистой горке, на левом берегу реки Уй, недалеко от села Степное располагалось большое поселение охотников и рыболовов эпохи камня. Древние уральцы жили здесь достаточно долго, о чем свидетельству-

Палеолитическая стоянка

Поселок раннего бронзового века Ташково II

Стоянка охотников и рыбаков неолита

ет большое количество находок. Так, в раскопе площадью всего около 140 кв. м было найдено более 16 тысяч изделий из кремня и яшмы, обломков керамики. А ведь при общей площади поселения почти 1,5 тысяч кв. м, раскопана лишь десятая часть.

Характер находок говорит нам о том, что здесь проходил полный годовой жизненный цикл коллектива. Здесь на месте собирали на отмели реки гальки, окатанные плитки кремня и сургучно-зеленой яшмы, которыми богат регион, раскалывали их, чтобы получить заготовки, а затем изготовить орудия. Большое количество орудий со следами изношенности рабочих лезвий говорит о том, что здесь длительное время работали ими, об этом же свидетельствуют и сломанные орудия. Очень богат и сам орудийный набор: ножи, сверла, пилки, скребки, наконечники стрел и дротиков и т. д. Все говорит о том, что здесь длительное время стоял поселок, где занимались всеми видами хозяйственной деятельности: изготавливали орудия, лепили посуду, обрабатывали дерево и шкуры, занимались рыболовством и другими промыслами. Здесь же начинали знакомиться с первым в обиходе металлом – медью, о чем свидетельствуют следы – маленькие капельки и медные пузырьки на внутренней стороне одного из керамических сосудов, который, очевидно, использовался в качестве тигля. Конечно, наивно было бы считать, что люди жили здесь постоянно тысячу лет. Сама экономика охотников и рыболовов эпохи камня изначально подразумевает постоянное передвижение, в зависимости от смены сезонов, изменения климата, и хозяйственной деятельности. Но на этом месте одна из общин эпохи камня жила очень долго, ее охотники уходили на сезонные промыслы, но всегда возвращались на свою родовую землю к своим родичам.

Очень много стоянок обнаружено на берегах живописных южноуральских озер. Например, только на маленьком озере Карабалыкты, расположенном в восточных предгорьях недалеко

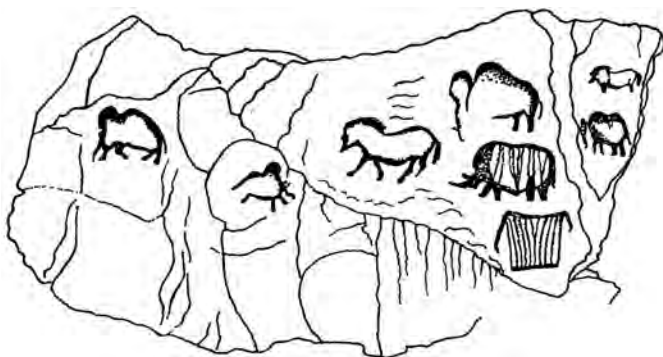
от Магнитогорска, было найдено больше десяти стоянок. Само озеро диаметром около километра, и по берегу его можно обойти за час, но на каждом удобном мыске или просто ровной площадке обнаруживаются следы проживания человека – пластинки, отщепы, чешуйки кремня. На озере Чебаркуль таких стоянок известно более двадцати, а на озере-водохранилище Аргази больше ста. Помимо береговой линии следы стоянок можно обнаружить и практически на всех островах, порой даже самых маленьких.

Но это совсем не значит, что на озерах жили больше и дольше, чем на реках, скорее наоборот. Изучая озерные стоянки, обнаруживаем следующую закономерность – на озерах мы не находим долговременных поселений. Культурный слой на исследованных здесь археологических памятниках формировался в результате многократного посещения различными группами охотников и рыболовов в течение мезолита-энеолита, то есть 10–5 тыс. лет назад. Озера были очень удобным местом для ведения сезонной хозяйственной деятельности, вероятнее всего, ловли и заготовки рыбы. Со временем, остатки кратковременных сезонных стоянок накладывались друг на друга, ведь люди из поколения в поколение приходили на одни и те же излюбленные места, и образовывался разновременный культурный слой с остатками очагов, керамикой и изделиями из камня. Проводя раскопки таких мест, очень трудно порой определить, к какому же времени относится стоянка. Свою лепту вносят еще и сосны, которые, падая от старости или ветра, образуют выворотни, тем самым дополнительно перемешивая разновременные артефакты.

В целом, территория Урала в эпоху камня была достаточно густо заселена, конечно, по меркам того времени. Может быть, менее освоенной представляется центральная горная часть Урала, известных стоянок там пока немного. Жизненные условия здесь и сегодня намного сложнее, тогда же были исключительно трудными. В долинах, на склонах – непроходимые болотистые леса-урманы, сохранившиеся частично и сегодня.

Чем жив был древний человек?

*Охотники, рыболовы,
собиратели*

Чем жив был древний человек? Охотники, рыболовы, собиратели

Выбор места поселения, строительство и конструктивные особенности жилья и хозяйственных подсобных сооружений – это первая составляющая в необычайно сложном процессе, называемом адаптацией, главной целью которого является приспособление человеческих коллективов к окружающей среде – вмещающему ландшафту. Другой важнейшей составляющей, направленной на физическое выживание каждой общины, является аспект жизнедеятельности, который мы обычно называем хозяйством. «Хозяйство» – понятие очень емкое, включающее и механизм, и процесс, и результат, то есть всю систему жизнеобеспечения. В истории человечества эпохи камня, основой хозяйства были три сферы деятельности: охота, рыболовство и собирательство, хотя для самых ранних этапов правильнее было бы говорить – охота и собирательство.

Австралопитеки, как показывают различные анализы их костных останков, жили на открытых, интенсивно освещаемых солнцем пространствах и были охотниками и собирателями. Интересный метод в определении источников пищи австралопитеков использовал Р. Брэнтингам. Он сопоставил характер останков добычи гиен, известных падальщиков, волков – классических хищников и ранних австралопитеков со стоянки Кооби – Фора. Оказалось, что набор костей в слоях, где найдены австралопитеки, больше всего соответствует структуре питания волков. Следовательно, австралопитеки были охотниками и находились в конкурентной борьбе с другими хищниками, что

являлось одним из факторов естественного отбора. Кроме того, чрезвычайно мощный жевательный аппарат австралопитеков, массивность челюстей, толщина зубной эмали и характер стертости зубов говорит о том, что они использовали в пищу грубую растительность – семена злаковых трав, сухие и жесткие плоды и корни, т. е. были и собирателями.

Начиная с первых представителей человеческого рода Номо, люди всегда оставались всеядными представителями животного мира. Доли мясной и растительной пищи неоднократно варьировали в последующей истории эволюции человека, но сохранение способности к максимальной всеядности не раз оказывалось свойством, обеспечивающим людям перспективу выживания в самых экстремальных условиях. Наблюдения, как за сообществами приматов, так и за сообществами людей с традиционными присваивающими способами хозяйства, привели к очень интересным выводам. А именно: при прочих равных условиях, мясная пища – преимущественно мужская, а растительная – преимущественно женская. И хотя это выглядит несколько упрощенно, тем не менее собирательство растений всегда было и остается занятием женщин. Кто у нас сейчас главные собиратели ягод, садоводы и огородники? Конечно, женщины. Кроме того, есть еще одна фундаментальная поведенческая характеристика человеческого вида – это связь женщины с кухней. И эта традиция восходит еще ко времени суще-

Охотник эпохи камня

ствования *Homo erectus*. К этому же времени относится и формирование устойчивого стереотипа и психического образа мужчины – охотника. Поскольку охота сопряжена с опасностью для жизни, а гибель охотника ведет за собой гибель семьи, охота становится чрезвычайно ответственным способом добычи пищи. Специфика охоты, которая состоит в необходимости приобретения серьезных навыков, обязательной четкой согласованности действий в группе охотников и опасности для жизни, формирует серьезное и крайне уважительное социальное отношение и к охоте, и к охотнику – это известно и бытует во всех обществах, независимо от культурных традиций и уровня их развития.

Рассматривая систему жизнеобеспечения – «хозяйство» древнего населения Урала, прежде всего, необходимо выяснить, какова же была промысловая база уральского региона, какие животные окружали южноуральцев эпохи камня.

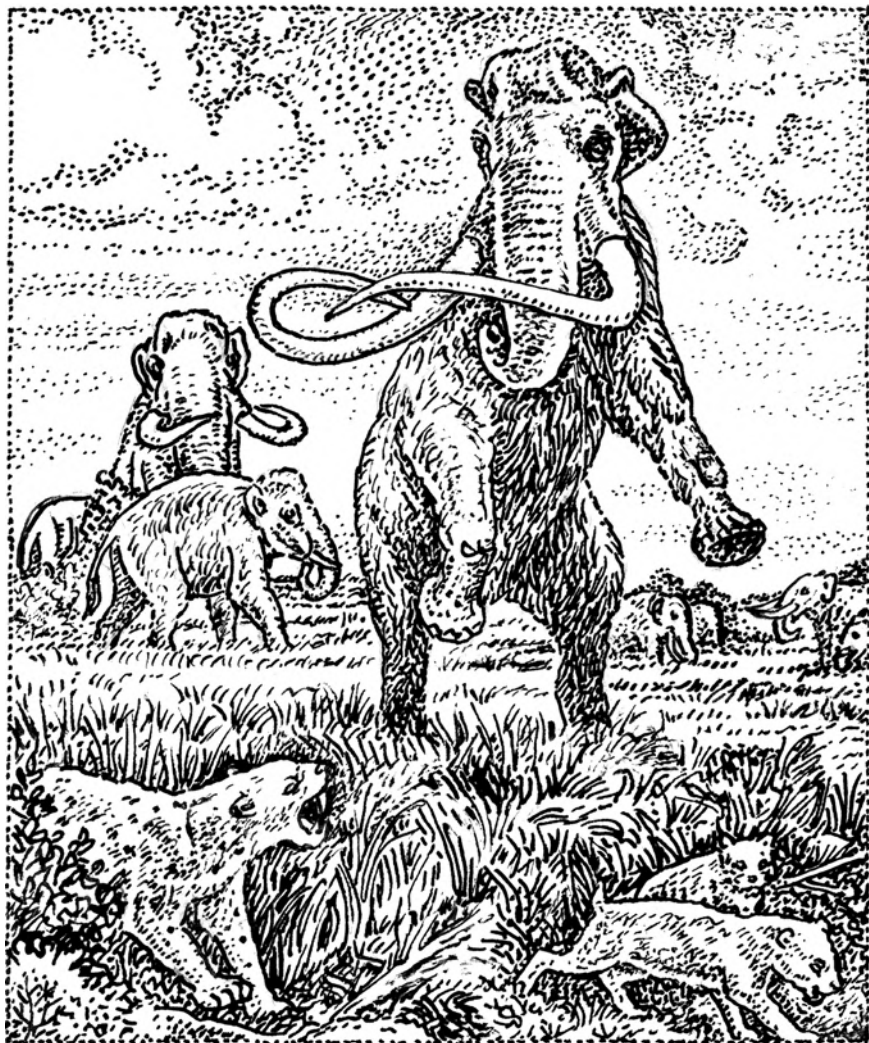
Помимо мамонтовой фауны, уже упоминавшейся нами ранее, и включавшей в себя мамонта, шерстистого носорога, первобытного бизона, лошадь, северного и гигантского оленя, пещерного льва, гиену и медведя, в эпоху палеолита, здесь обитали и другие животные и птицы. Некоторые из них исчезли с отступлением ледника – мамонт и его «фауна», некоторые живут с нами до сих пор. Среди крупных животных – это лось, сайга (северная антилопа) и, конечно же, лошадь. Хищники, которые сохранились практически в полном составе: волк, лисица, бурый медведь, россомаха, песец, горностай, ласка, куница, хорь. Из мелких старожилов сохранились такие как заяц, сурок, белка, суслик, бобр, в тундре – лемминг. Очень многочисленны виды птиц, как постоянно обитающие здесь глухарь, тетерев, куропатка, кукушка, дятел, так и перелетные – гусь, утка, чирок, вальдшнеп и многие другие. Среди всего очень широкого спектра животных большинство считаются современным человеком несъедобными, к примеру хищники. Палеолитический человек, безусловно, никакой разницы не де-

лал, промыслял всех животных. Большинство упомянутых животных имели в палеолите очень широкие ареалы распространения – и в Европе, и в Сибири, и на юге, поэтому, общины охотников, пришедшие на Урал, оказались в окружении знакомого животного мира.

Когда речь заходит об охоте в эпоху камня, то у большинства людей возникает образ палеолитического охотника на мамонтов, привычный со школьных учебников. Будто человек был великим истребителем этих гигантов. Порой даже исчезновение мамонтов и его окружения пытаются связать с результатом охотничьей деятельностью людей. В противовес есть мнение, что мамонт был им не по силам. Так была ли охота на мамонтов? Не одно поколение ученых пыталось в этом разобраться. Существуют разные факты и разные мнения. В последнее время в этом пытались разобраться Ю. Б. Сериков, М. В. Аникович, В. Н. Зенин и многие другие. Очень интересное исследование этой проблемы в трех аспектах: зоологическом, археологическом и экономическом провел Ю. Б. Сериков.

Была ли охота на мамонтов?

Вот, что пишет Ю.Б. Сериков: «Мамонт – это массивный зверь высотой в холке 3–3,5 м (до 4 м) и длиной 4–4,5 м. Длина бивней – 3,8–4 м, но известны и пятиметровые бивни. Вес мамонта достигал 7 тонн. Чтобы осознать этот вес, можно напомнить, что немецкий танк Т-1, который использовался в начале Второй мировой войны, весил также 7 тонн. Шерстный покров мощный, покрывал все тело. Плечи, бока и бедра мамонта были покрыты кроющими остевыми волосами длиной до метра и выше. Под кроющими волосами находился густой подшерсток длиной 12–16 см. Сбитые в комки остевые волосы и подшерсток служили дополнительным препятствием при механических повреждениях. Толщина кожи составляла 1,5 см и больше. Диаметр ноги равнялся 35–50 см.

«Мамонт – это массивный зверь высотой в холке 3–3,5 м (до 4 м) и длиной 4–4,5 м. Длина бивней – 3,8–4 м, но известны и пятиметровые бивни. Вес мамонта достигал 7 тонн. Плечи, бока и бедра мамонта были покрыты кроющими остевыми волосами длиной до метра и выше. Под кроющими волосами находился густой подшерсток длиной 12–16 см.

По материалам книги рекордов Гиннеса длина бивня мамонта, хранящегося в музее Франценса в чешском городе Брно, составляет 5,02 м по внешнему изгибу. Самый тяжелый ископаемый бивень весит 150 кг (максимальная длина окружности 89 см). Длина этого экспоната, состоящего из двух частей, составляет 3,58 м. Хозяином же самых тяжелых бивней был колумбийский мамонт, рост которого составлял 4,06 м. Эти бивни хранятся в музее города Линкольн, штат Небраска в США. Их вес в совокупности равен 266 кг, а длина каждого из них, соответственно, 4,21 и 4,14 м.

Огромные травоядные звери требовали ежедневно 3–4 центнера рыхлой кормовой массы. Ее можно было раздобыть летом только в долинах рек, по окраинам озер и болот – в зарослях тростника или камыша. Вот в таких местах – открытых и заболоченных тундростепных ландшафтах – обитали и паслись мамонты. В тундре и сухой степи современного типа им не было места, так же как и в темнохвойной тайге. Зимой они, вероятно, питались, как и лоси, побегами сосны, лиственницы, ивняка и кустарничковой ольхи, образующими непроходимые заросли в поймах северных рек.

Чем же могли поразить мамонта палеолитические охотники? Действенный бросок копья можно было совершить с 20–23 м. На этом расстоянии трудно подкрасться незамеченным, особенно в открытой местности, что собой представляла тундростепь. Тем более что нам не известна организация мамонтов и количественная характеристика их стад. Мы знаем, что стада слонов в исторический период достигали 400 голов. Если организация мамонтов походила на организацию слонов, то стада охранялись осторожными и опытными вожаками. Следует также учесть, что по свидетельству врачей, лечивших раненых слонов в Бирме во время Второй мировой войны, слоны очень быстро излечивались от самых тяжелых ран. Загонная охота на мамонтов представляется маловероятной по двум причинам. В эпоху палеолита отсутствовали большие по численности группы охот-

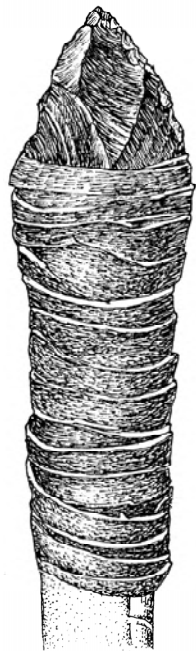
ников, способных организовать загонную охоту на мамонтов. Во-вторых, непонятно при помощи каких средств можно было загонять мамонтов? Использование огня в холодной тундростепи вряд ли возможно. К тому же стереотипное мнение о том, что дикие животные боятся огня, является неверным. Здесь стоит привести высказывание известнейшего английского охотника Д. Хантера: «Мне часто приходилось слышать, что дикие животные испытывают инстинктивный страх перед огнем. Это мнение столь часто повторяется, что многие принимают его за истину. Я не составлял исключения из правил». И далее Д. Хантер описывает случаи, свидетелем которых он не раз являлся: как львы бродили вокруг костра, выбирая жертву пожирнее; как у костра ели убитую зебру; как стадо слонов в 20 голов прорывалось сквозь горящие валы хвороста, зажженные загонщиками. Специалисты и охотники не раз отмечали, как слоны спокойно пересекали горящую степь.

Для охоты на мамонтов неприменимы способы, известные по этнографическим данным. Бросить копьё с помоста или подрезать сухожилия на задних конечностях можно только в лесу, но никак не в условиях открытой тундростепи. К тому же технические возможности африканцев несравнимы с возможностями палеолитических охотников. Африканцы охотились на слонов с копьями, оснащенными железными наконечниками длиной 50 и даже 70 см при ширине 5–7 см. При попадании в тело, такие наконечники наносят страшно глубокую рану и причиняют быструю смерть. Охота на слонов опасна даже с применением огнестрельного оружия. Знаменитый охотник Д. Хантер, убивший за свою карьеру свыше тысячи слонов, всегда охотился на них с мощным нарезным ружьем калибра 577 или 600 (14,3 и 15,2 мм). Пуля такого ружья весит 58,3 грамма и бьет с силой 4-х тонн. И тем не менее, стрелять нужно только в два убойных места: между глазом и ухом (где находится мозг) и за лопаткой (там находится сердце). Д. Хантер отмечал, что редко какой охотник на слонов доживал до старости, даже знаменитые охот-

ники гибли, имея ружье калибром 405 (10,3 мм). Интересно также свидетельство Д. Хантера, что массайский щит из шкуры буйвола (а она гораздо тоньше шкуры слона или мамонта!) надежно защищал воина от пуль арабских мушкетов. А какое вооружение могло противопоставить мамонту палеолитический охотник?

На Урале известно уже свыше 150 верхнепалеолитических стоянок и местонахождений, но ни на одной нет каменных или костяных орудий, которыми можно было бы поразить мамонта. Имеются в виду, прежде всего, каменные или костяные наконечники копий. В палеолите известны два основных типа копий – тяжелые – собственно копыя или рогатины и легкие – дротики. Длина копий достигала 3,5 м, а вес – 2 кг. Метать их было очень трудно. В опытах С. А. Семенова дистанция броска для копыя не превышала 50 м, но точность такого броска оставляла желать лучшего. Здесь жестко действовало правило: выигрываешь в расстоянии, проигрываешь в точности. Действенные и точный бросок копыя можно совершить на расстоянии 18–23 м. В экспериментах Дж. Фризона в Зимбабве копыя и дротики в слонов метались с расстояния 15–20 м. В костях зубров, бизонов, лошадей неоднократно встречали застрявшие обломки костяных и роговых наконечников на таких стоянках как Амвросиевка, Кокорево I и др.

Если для поражения бизона весившего до 300 кг, требовался наконечник длиной 20–25 см, то чтобы поразить мамонта, убойный вес которого у полувзрослой особи доходил до 1000 кг, нужен наконечник длиной не менее 50 см. Такой наконечник должен был преодолеть свалывшуюся остевую шерсть, шкуру

Копье времен палеолита

толщиной 1,5–3 см, слой жира и мышц толщиной до 40 см и более. Только после этого он мог поразить внутренние органы мамонта, да и то далеко не всегда смертельно.

Еще один способ охоты на мамонта, который якобы применялся в палеолитическую эпоху – это выкапывание ловчих ям. Однако значительная часть палеолитических стоянок Урала и других территорий находится в хронологических рамках оледенения, которое было около 25–10 тыс. лет назад, и которое характеризуется максимальным похолоданием в Северной Евразии. Возможность выкопать в вечной мерзлоте роговым или костяным орудием яму для ловли мамонта можно проиллюстрировать простым примером. Христофор Стручков, который нашел Теректяхского мамонта на Индигирке, ледник для рыбы стальным кайлом вырубал в течение двух лет».

Приведенные в цитированном тексте доводы убедительно показывают, что охота на мамонтов вряд ли была возможна. Но существуют отдельные факты говорящие «за». На местонахождении мамонтовой фауны Луговское в Западной Сибири был найден позвонок мамонта с пробоиной от наконечника, в которой сохранились фрагменты пластинок – вкладышей. На позвонке отсутствовали признаки заживления, что говорит о том, что проникновение наконечника в кость и гибель 24-летней самки мамонта одновременны. Расположение оставшихся в кости вкладышей указывает на использование вкладышевого наконечника с двумя пазами, похожего на уже упоминавшиеся нами кинжалы-наконечники с палеолитических поселений им. Талицкого и Черноозерье II. Созданная графическая модель позволила установить, что расстояние между мамонтом и стоящим охотником было от 2 до 5 метров. Возможно, что удар был нанесен по полулежавшему на левом боку животному. Согласно радиоуглеродному анализу все это происходило 16200 лет назад. За 130 лет исследований палеолита в России это лишь второй такой случай, первый имел место при раскопках всемирно известного поселения Костёнки I на Дону. Там в грудном

ребре молодого мамонта найден обломок кремневого наконечника. Но было ли это действительно специальной охотой на мамонта? Возможно, мамонт был уже в беспомощном состоянии. Охота на мамонтов была и смертельно опасной, и экономически невыгодной, а «геройство» в охотничьих коллективах, если и было возможно, то являлось исключением. А множество костей на некоторых стоянках? Вероятнее всего, люди в то время потребляли мясо павших мамонтов, убитых или беспомощных.

В конце верхнего палеолита, 25–11 тыс. лет назад, территория Урала и Западно-Сибирской равнины представляла собой преимущественно открытые тундростепные ландшафты. Палеоэкологические условия, при всей своей изменчивости во времени, были достаточно благоприятны для увеличения численности популяций мамонтов. Динамика климатических ритмов оказывала влияние на растительные сообщества, и, соответственно, на растительный мир. Заболоченные пространства равнины в условиях смещения к югу многолетней мерзлоты становились проходимыми и привлекательными для травоядных и млекопитающих, и в первую очередь мамонтов. Сезонные миграции стад животных в холодных ландшафтах вечной мерзлоты могли существенно повлиять на повышение мобильности групп древних охотников, вынужденных следовать за животными.

Очень интересные результаты дает изучение экологии мамонта. В Западной Сибири отчетливо проявляются солонцы, сформированные за счет различных глин. Активное посещение мамонтами солонцов носило сезонный характер (весна и осень), совпадало с периодами гона, отела и смены диет животных. Среди необходимых животным микроэлементов особое место занимает Ca, Mg, и Na. Их недостаток в организме приводит к экологическому стрессу, болезням и даже гибели. Минеральный голод особенно характерен для ландшафтов тундры и тайги. Учитывая развитие тундровых зон с многолетней мерзлотой позднего палеолита, можно говорить о периодическом мине-

ральном голодании травоядных, особенно мамонтов. По мнению С. В. Лещинского, «нет сомнений в приуроченности миграционных путей травоядных млекопитающих, к «минеральным оазисам», где в пики минерального голода, по-видимому, скапливались многие десятки и даже сотни животных. Вероятно, на некоторых солонцах смертность была велика, а условия захоронения останков мамонтов были достаточными для образования мощных костеносных горизонтов. Такие местонахождения характерны для Урала и Западной Сибири, где животные могли утолять минеральный голод. Вполне вероятно, что именно особенности экологии мамонта, его уязвимость при минеральном голодании, находят отражение в образовании специфических «мамонтовых кладбищ» на зверовых солонцах.

Зависимость палеолитического человека от травоядных животных вынуждали его следовать путями их миграций, осваивая кальциево-натриево-магниевые геохимические ландшафты. Исследователи оценивают миграции мамонтов в 650–2500 км. Стабильные миграционные пути проходили через «минеральные оазисы», и люди возвращались на эти освоенные ими ранее, участки, чем, по-видимому, и объясняется многослойность культурных отложений на стоянках в местах, малоприспособленных для постоянного обитания.

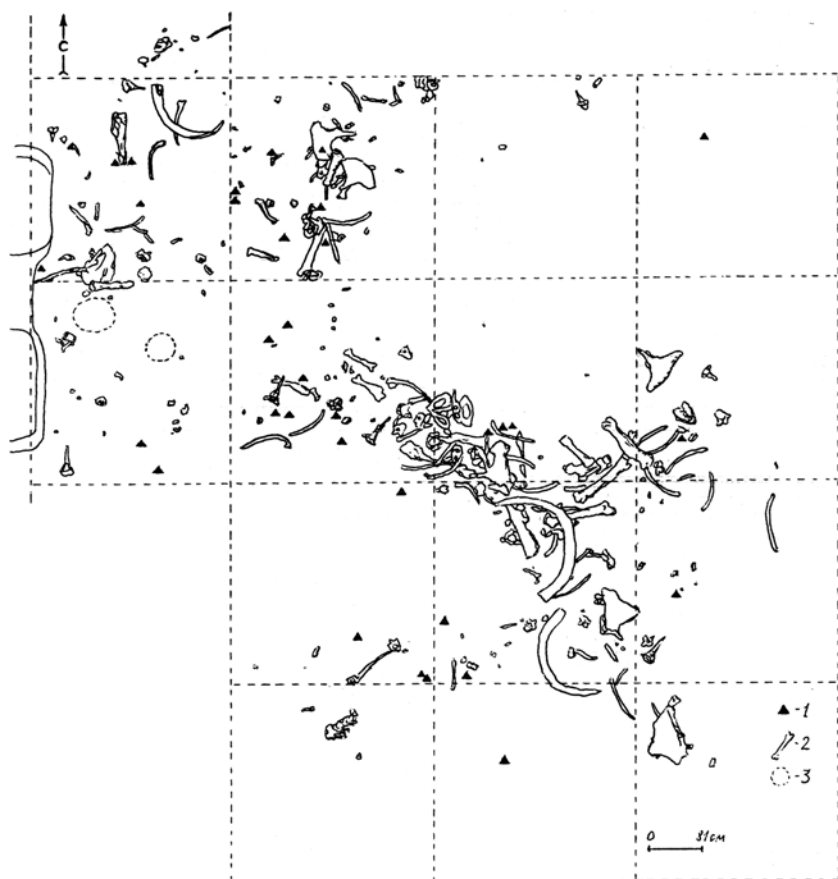
По мнению сибирских археологов и специалистов естественных наук из России и Германии: А. П. Деревянко, В. Н. Зенина, С. В. Лещинского, К. В. Золотарева, П. М. Грутеса, и М.-Х. Надо, постоянные места охоты давали возможность сводить к минимуму усилия по ее организации, выслеживанию животных, переносу добычи к местам обитания. У охотников не было необходимости регулярно совершать дальние маршруты в поисках добычи, организовывать массовые загонные охоты или заготавливать туши впрок. Достаточно было знать места, периодически посещаемые животными, и быть готовыми здесь к встрече с ними. Потенциальная добыча сама приходила к охотнику. Кроме того, выявленный в последние годы очень высокий процент

заболеваний крупных ископаемых млекопитающих (в первую очередь мамонтов) позволяет с уверенностью говорить о большом падеже животных в позднепалеолитическое время. При весьма низкой среднегодовой температуре это создавало благоприятные условия для консервации (замораживания) мяса и его возможного использования в пищу. Таким образом, относительное обилие пищевых ресурсов в целом могло компенсировать отрицательное воздействие природно-климатических факторов и способствовало успешной адаптации людей и освоению ими новых территорий для обитания в конце завершающей поры палеолита. Если и охотились на мамонтов, то на ослабленных болезнями, травмированных, старых или попавших в природные ловушки (например, зыбуны) малоподвижных животных, а также на детенышей, отбившихся от стада.

Интересные материалы дали раскопки стоянок Троицкая I и Шикаевка II, в которых зафиксированы эпизоды из жизни древнего населения Южного Урала, которые имели место 16–18 тыс. лет назад. В 1984 году при проведении строительных работ на территории зернотока и тепличного хозяйства совхоза «Плодопитомник» Троицкого района Челябинской области трактористом Д. Исламовым были обнаружены крупные кости древних животных, оказавшиеся остатками нескольких скелетов мамонтов. Археологические исследования на месте находки были проведены в 1990 году специалистами Института истории и археологии и Института экологии растений и животных Уральского отделения Российской Академии наук. В результате были выявлены остатки четырех мамонтов, среди которых были крупный самец, две самки и детеныш. Здесь же находилось 188 предметов из камня – орудия и отходы их изготовления.

Проведенный с помощью микроскопа анализ следов работы на орудиях показал, что здесь использовались резцы для прорезания пазов в дереве и кости, ножи для резания мяса шкур, орудия для обработки дерева, кости, и шкур. Судя по набору орудий, на стоянке производилась разделка туш мамонтов и

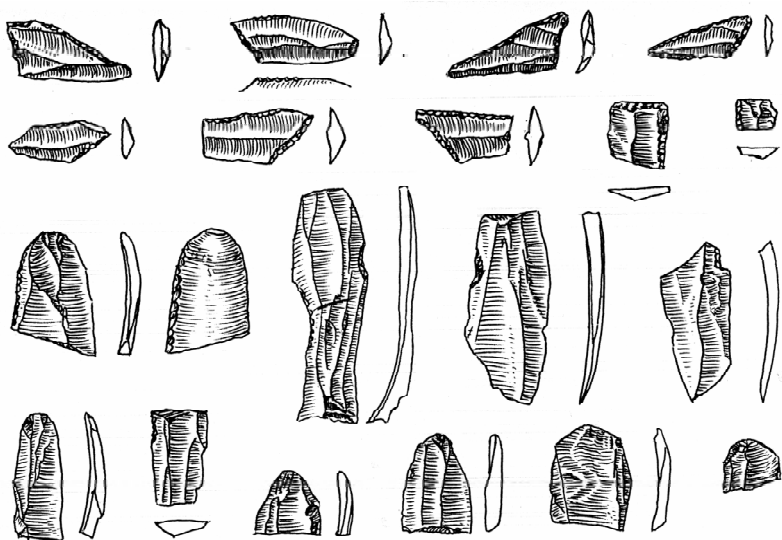
обработка шкур и кости. Конечно, трудно себе представить, что небольшая община охотников смогла бы убить сразу четырех мамонтов, три из которых были взрослыми и очень мощными. Вероятнее всего предположить, что погибли они в силу естественных причин, а после их туши были разделаны людьми для добычи шкур, бивней, кости и, возможно, мяса. Большую оригинальность находкам на Троицкой стоянке придает тот факт, что большинство орудий были сделаны человеком из хрусталя.

Кости мамонта в раскопе стоянки Шикаевка II

Почему был выбран именно этот минерал, а не обычные для того времени кремль или яшма, до сих пор непонятно.

Подобный сюжет можно было наблюдать и на стоянке Шикаевка II. В конце 1960-х годов житель деревни Шикаевка Курганской области И. А. Маслов обнаружил при рытье колодца на своей усадьбе на глубине двух метров кости крупных животных. Археологические исследования в 1971–1973 годах проводились здесь экспедицией Уральского госуниверситета под руководством В. Т. Петрина, основного исследователя палеолита Урала. Здесь были выявлены останки двух мамонтов и 35 каменных орудий. Фактов, указывающих на насильственные причины смерти животных, не было обнаружено, и исследователи предположили их естественную гибель. Каменный инвентарь, найденный вместе с костями, представлен пластинками из южноуральской яшмы сургучно-зеленого цвета и орудиями на них. Большая часть орудий была предназначена для резания, что предполагает основную цель деятельности людей – разделка

Орудия из камня со стоянки Шикаевка II

туш мамонтов. Находки на описанных стоянках пока донесли до нас лишь два эпизода из жизни охотников Южного Урала в позднем палеолите. Из таких эпизодов, вероятно, и складывалась вся жизнь охотников этого времени.

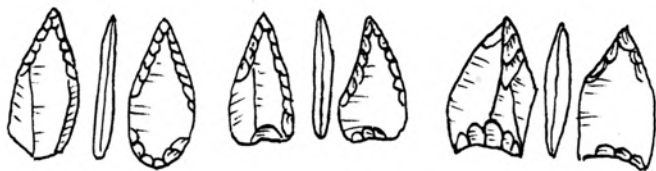
Несмотря на всю привлекательность и даже романтичность гипотезы об охоте древнего человека на такого живописного зверя как мамонт, следует все же признать, что имеющиеся факты говорят о том, что такой охоты, скорее всего не было. И к исчезновению мамонта и других представителей плейстоценовой фауны в конце ледникового периода человек не имеет отношения. Основными промысловыми животными, на которых велась охота в верхнем палеолите и позднее, вплоть до конца эпохи камня, были крупные копытные: северный олень, лошадь, лосось, косуля, а также другое разнообразное зверье, от хозяина леса – медведя, до зайцев, соболя и куницы.

Охота с луком

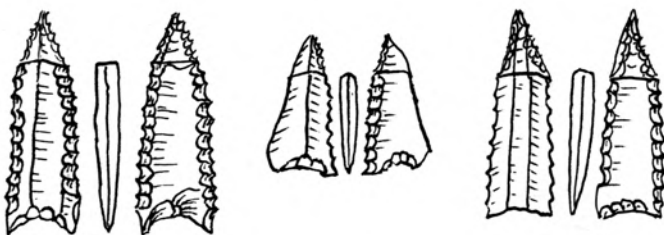
Обычно охота велась в активной и пассивной формах. Самым распространенным активным способом была охота с луком. Об этом говорят многочисленные и разнообразные наконечники стрел, которые мы находим при раскопках стоянок и поселений. Большинство из них – листовидной формы с различными вариациями формы: иволистные, лавролистные и т. п., легко протыкали шкуру зверя и глубоко входили в тело, иногда проходя навылет. Реже встречаются наконечники других типов: черешковые, с небольшими шипами и зубцами по обоим краям; характерные для Урала кельтеминарские – с выемкой по одному краю; наконечники со своеобразной «пильчатой» ретушью. Они были рассчитаны на то, чтобы не дать стреле выпасть из тела раненого зверя, если стрела вошла неглубоко, и животное убегало от охотника. Застрявшая в ране стрела постоянно бередила рану, задевая за деревья и кусты, что приводило к потере крови и позволяло охотникам с собаками легко идти по крова-

вому следу. Составные вкладышевые наконечники при попадании глубоко проникали в тело, нанося при этом широкую рану. Анализ этнографических параллелей изображений и данных эксперимента показывает, что такие наконечники применялись для охоты на различных зверей в разных регионах мира.

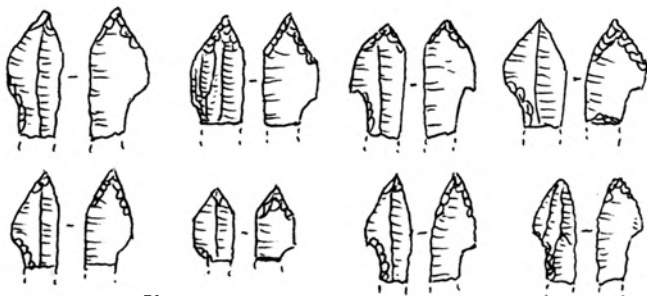
В охоте с луком и стрелами на крупных копытных участвовало 3–5 охотников, которые смогли бы донести добычу до стоянки. Охотились скрадом, из засады, выслеживали зверя с собакой, загоняли в ловушки или на цепь охотников, для загона хватало двух охотников с собаками. Хорошо обученная собака

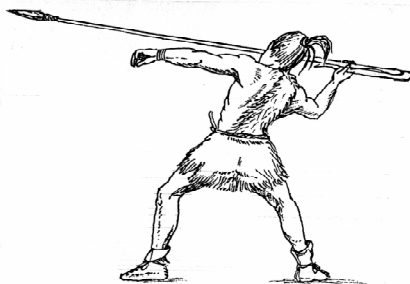
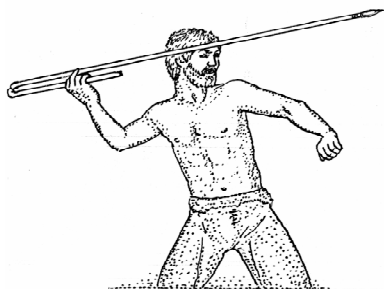
Наконечники стрел из пластинок

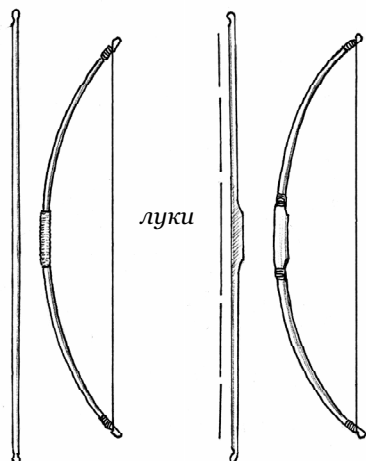
Наконечники с пильчатой ретушью

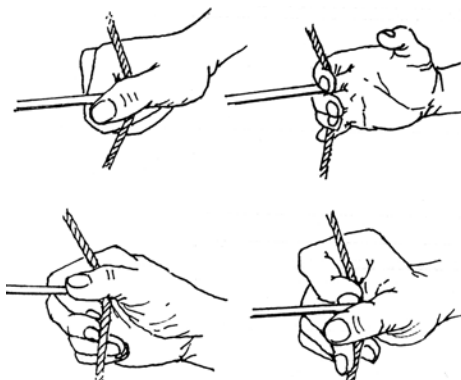
Кельтеминарские наконечники

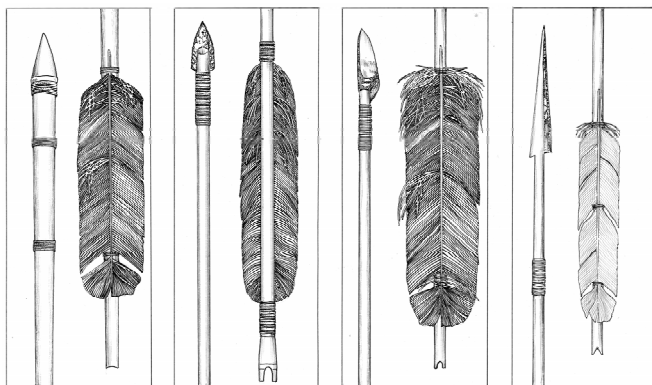
Охотник с копьеметалкой

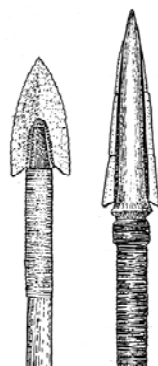
луки

Способы натягивания тетивы

Варианты крепления наконечников и оперения стрел

двусторонне
обработанный
и вкладышевый
наконечники

находила след лося или оленя и выгоняла его на цепь охотников с луками, которые стояли на расстоянии около 50 м друг от друга. Для такой охоты выбирались перемычки между озерами, места слияния рек и притоков, или другие природные препятствия, подсказывающие животным определенный путь. Собака играла очень большую роль при таком способе охоты. Вместе с луками и стрелами на крупного зверя охотились с помощью дротиков и коротких метательных копий. Для того чтобы увеличить дальность полета и силу удара использовали копьеме-талки или петли. Раненого зверя добивали большим копьём, рогатиной из дерева или уже известными нам вкладышевыми наконечниками из кости и рога.

Изгороди на пути сезонных кочевий

Пассивную охоту на лосей и оленей вели с помощью ловчих ям и изгородей. Этот вид охоты, традиционный для уральцев, существовал на протяжении 10 тысяч лет – от мезолита до позапрошлого XIX века. Своеобразие жизни лосей, оленей и ко-силь на Урале связано с ежегодными миграциями с восточного склона на западный и обратно.

Хотя Уральские горы и невысокие, тем не менее, они задерживают снеговые тучи, идущие с запада, и основная масса снега выпадает в Предуралье. Спасаясь от бескормицы, которая грозит копытным при большой толщине снежного покрова, они собирались в стада и переходили на малоснежный восточный склон Урала. Такие переходы начинаются с выпадением первого снега в середине осени и заканчиваются в середине зимы. Весной животные отправляются в обратный путь. Пути миграции у животных всегда были постоянными и уральские охотники умело этим пользовались. На тропах через горные перевалы и берегах рек у переправ люди обустроивали изгороди с ловчими ямами.

Самое древнее из таких сооружений пассивной охоты было

исследовано Ю. Б. Сериковым в верховьях р. Туры. На берегу Верхне-Туринского пруда были обнаружены три впадины, которые первоначально были приняты за остатки жилищ – полуземлянок. Они располагались цепочкой вдоль берега, на расстоянии 19 и 25 м друг от друга. После раскопок оказалось, что это углубление размерами по верхнему краю 3,5–2,3 м, а на дне – 1,43 х 0,64 м, т. е. стенки оформлены воронкой. Анализ особенностей сооружения позволил предположить, что оно использовалось в качестве ловчей ямы, которую сверху прикрывали ветками, травой и мхом. Диаметр ямы по верху был достаточным, чтобы животное провалилось, а скошенные стенки способствовали его соскальзыванию вниз. В глубокой и узкой яме животное заклинивало, оно не могло поднять передние ноги, чтобы выбраться. Найденные в яме наконечники стрел говорят о том, что животное добывали из лука. Берег в районе ям очень пологий и именно такие участки копытные выбирали для переправы при миграции. Промежутки между ямами перекрывались частоколом. Рядом, на возвышенном участке находилась мастерская для изготовления рубящих орудий, которые использо-

Изгородь и ловчие ямы в верховьях р. Туры

вали при строительстве частокола. Характер найденных орудий позволил датировать это охотничье сооружение мезолитом, т. е. VII–VI тыс. до н. э.

Следует сказать, что подобные ловушки традиционно использовались в течение многих тысячелетий.

Несколько подобных сооружений, использовавшихся уже в неолите и бронзовом веке, были исследованы С. Ф. Кокшаровым на северо-западе Сибири. Здесь системы ловчих ям и изгородей более масштабны и основательны и включают до 20 и более ям. Самые протяженные комплексы достигают 700–800 м.

Этнографы описывают охоту ловчими ямами и изгородями, которая была распространена на Урале в XVIII–XIX веках. Ямы располагались рядами вдоль хребта на всех горных проходах и берегах рек, по которым обыкновенно совершается переход. Пространства между ямами закрывают жердями. Жерди длиной в 7–8 м кладут на высоте груди человека. Пеньки и шесты закладывают мхом, щепки зарывают в землю, чтобы не отпугивать животных от изгородей. Через одну–две жерди, оставляют проход, у которого выкапывают ямы или ставят настороженный лук. Ямы закрывали ветвями, мхом и листьями на тонких жердочках, чтобы сделать незаметными. Обычная длина и глубина ям около 2 м, а ширина 1,5 м. Стены укреплялись кольями, чтобы упавшее животное не могло сгрести землю под себя и выскочить. Вне главной линии ям устраиваются еще и поперечные загородки в направлении с востока к западу, иногда тоже с ямами. При переходе через горы животные встречают преграду. Инстинктивно они недоверчиво смотрят на остальное свободное пространство и направляются в сторону вдоль загородки, разыскивая проход. Наткаясь опять на поперечную изгородь с ямами, они принуждены возвратиться назад к прямой дороге, и хотя они стараются перепрыгнуть сторонкой около ямы, все же некоторые попадают в нее. Правда, по прошествии нескольких лет звери начинают избегать изгородь, и ее приходится делать в другом месте.

Системы изгородей достигали 15 верст и более. Около 15 лет назад житель кордона Хангокорт на реке Малая Сосьва К. А. Дунаев рассказал С. Ф. Кокшарову об использовании ловчих ям в недавнем прошлом. «Между ямами выстраивались жердевые изгороди, которые препятствовали свободному проходу животных мимо ловушек. На дне вбивались лиственничные колышки, поражавшие падавших туда животных (лося, северного оленя)». На вопрос, сколько ловушек достаточно для обеспечения мясом, К. А. Дунаев ответил: «Нам с тобой хватит двадцати штук».

Для охоты на косуль расстояние между ловчими ямами не загромождалось, а вместо изгороди у каждой ямы ставилась приманка, но так, чтобы косуля могла подойти к ней только с одной стороны. Чаще всего косули попадали в ямы осенью – в сентябре, октябре и весной – в марте, апреле.

При охоте на хозяина леса – медведя нужен был весь охотничий арсенал: лук и стрелы, копьё, рогатины. Летом помогали собаки, зимой зверя поднимали из берлоги и закалывали рогатиной. Бобра чаще всего добывали летом на воде. Его приходилось бить гарпуном с костяным или роговым наконечником в голову, чтобы раненный зверь не мог перекусить линь или уйти под воду. Зимой бобровый выводок целиком брали в хатках. На волка охотились с собаками и луком, используя острые наконечники как для охоты и на других крупных зверей.

Пушная охота

По данным этнографии можно реконструировать и охоту на пушных зверьков, кости которых часто встречаются при раскопках. Раньше всего начинали охотиться на белку. Когда на белку охотились с луком, использовали так называемые томары – стрелы с массивным тупым деревянным или костяным наконечником. Ставили на белку и различного рода ловушки: черканы, петли, плашки, которые устраивали в 1,5 м от земли.

Плашки, используемые при охоте на белку, делали непосредственно на месте их установок. Из дерева вытесывали две доски длиной около 70 см и шириной около 30 см, укладывали их друг на друга так, чтобы один конец верхней доски был несколько приподнят. Между досками устраивали насторожку, которая состояла из двух пластинок длиной приблизительно по 13 см каждая. На верхней пластинке делали коленчатый уступ, в который упирался верх нижней пластинки. Чтобы пластинки не расходились, их скрепляли «щелчком» длиной в 27 см, к концу которого прикрепляли наживку. На верхнюю доску для ее утяжеления накладывали обрубки дерева. Зверек хватал наживку, выдергивал «щелочек», пластинки насторожки расходились и доски вместе с грузом падали на белку. Плашки устанавливали зимой в сорах и на гривах между деревьями на поперечинах, так как белки любят перебегать по своим «мостикам» (веткам и т. п.) с дерева на дерево. В сильные морозы они на землю не спускаются, найти их по следу очень сложно. Такие же ловушки применяли на охоте на горностая. Их устраивали у дупла, приманкой служило, например, мясо зайца или глухаря и рыба.

Соболь питается, главным образом, мелкими грызунами, в основном белкой. Зимой он разыскивает норы спящих бурундуков с запасами кедровых орехов, хранящимися там, и съедает не только бурундука, но и орехи. Охотники считали, что если в тайге есть белка, будет соболь. Охота на него начинается в конце октября. По мелкому снегу соболя промышляли с собакой, ставили на него петли и капканы, которых у некоторых охотников было до ста штук. Приманкой служило мясо рябчика, протухшая рыба. У норы, под снегом, ставили черканы. Позднее стали использовать слопцы, как на глухаря, но из более коротких досок и бревен.

Молодые и сильные охотники соболя промышляли также обметом, поскольку, выслеживая его, иногда приходилось преодолевать очень большие расстояния. Соболя находили по следу. Зверек любит постоянные места. В чистых лесах он спит под

упавшим деревом или корнями кедра. Когда соболь тащит грызуна или рябчика в нору, то оставляет след, по которому охотники ее и находят. Они определяли место дневки и, если не было выходного следа, ставили сеть длиной 30–40 м. В чистом лесу использовалась более короткая сеть – в 20 м. В прошлом сети делали из крапивных ниток (летом сети хранили в специальных мешках в лабазах).

Сначала охотники бесшумно ходили вокруг лежки, цепляя тетиву сети за ветки. Нижнюю часть опускали в лыжню. Зверька выгоняли палкой: засовывали ее в нору, стучали по дереву, шумели. Когда соболь запутывался в сети, опускали верхнюю ее часть и добивали.

Заметное место в охоте занимали заяц и выдра, шкурки которых использовались для изготовления одежды. На зайца ставили самострел – на тропах, опушке леса; в молодняке – слопцы, в которые заяц ловился до середины апреля. Добывали зайца луком и стрелами с помощью собаки, которая выслеживала его и поднимала. При таком способе охоты обских угров лук был заменен на ружье сравнительно недавно.

Оригинальным был способ охоты с помощью боласов – охотничьего метательного оружия, состоящего из ремня или связки ремней, к концам которых привязаны круглые камни, обернутые кожей. Самые ранние в истории боласы были найдены Луисом Лики в Олдувае при раскопках слоев, возраст которых около 500 тысяч лет! На Урале такое экзотическое оружие было найдено на стоянке Краснокаменка на реке Увелька и стоянках Шувакиш I, Разбойничий остров и Макуша III в окрестностях Екатеринбургa. Нашим находкам около 5–6-ти тысяч лет. Боласы раскручивали над головой и бросали под ноги бегущего животного; внезапно опутанное, оно падало на землю и становилось добычей охотника. Применять боласы можно было только на открытом пространстве, и дальность броска не превышала 20 м, так как ремни при полете создают большое сопротивление. Охотники Краснокаменки на лесостепных просторах

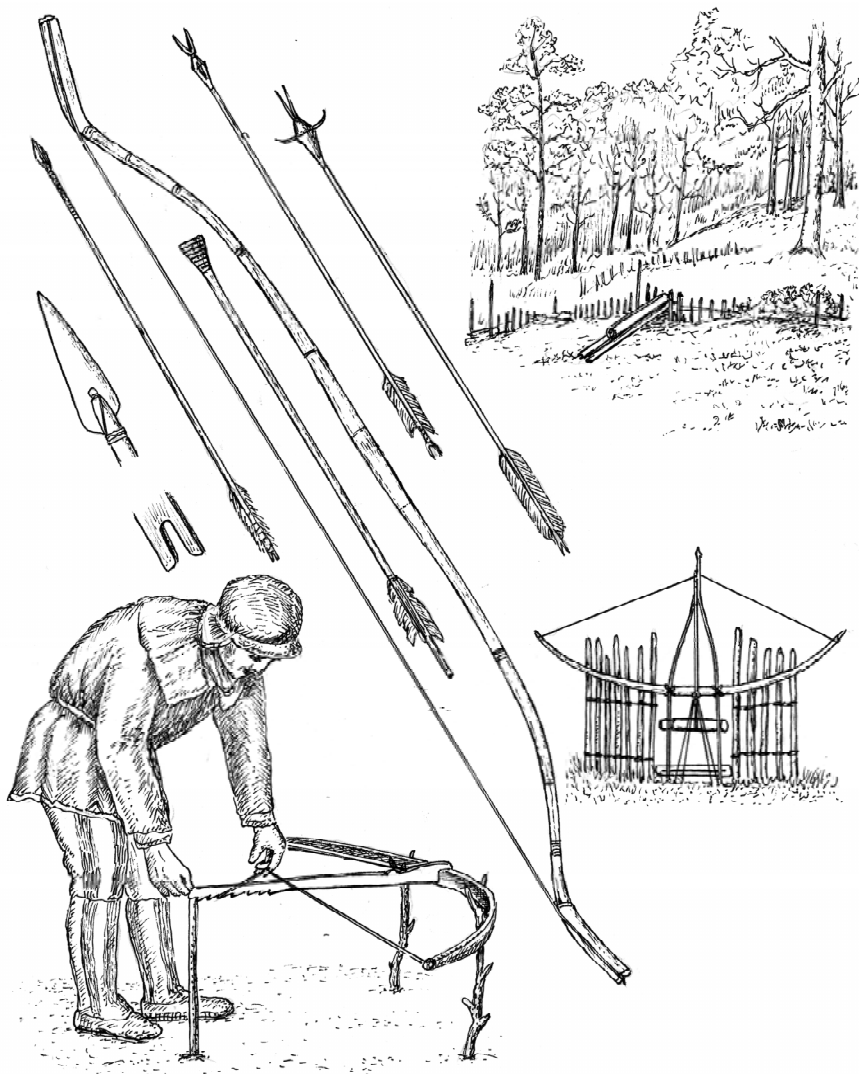
Южного Урала могли так добывать лошадей еще в IV–III тыс. до н.э. Более известны боласы у народов Сибири для охоты на птиц.

Пернатая добыча

Состав промысловых птиц на Урале практически не изменился со времен позднего палеолита до наших дней. Среди местных, остающихся на зиму птиц, встречаются куропатка, рябчик, тетерев и много реже мечта всех охотников – глухарь; среди перелетных – утки и гуси. Охота на пернатую дичь традиционна и слова из промысловой лексики восходят к древнейшему общеуральскому языку. Основные способы охоты на птиц хорошо известны из этнографических наблюдений.

Из боровой птицы основным объектом охоты был глухарь. С августа, до выпадения первого снега, на гривах по краям бора на птицу настораживали слопцы. Ставили петли, ловили при помощи ям. Для этого выбирали место на берегу реки или озера с галькой или крупным песком. Глубина ямы достигала, а иногда и превышала 2 м. Внизу ее делали шире, чем вверху. Маскировали яму тонкими ветками, сквозь такой настил и проваливалась тяжелая птица. Между ямами устраивали высокие загороди из деревьев и хвороста, а над ямами оставляли узкие проходы птиц. Проверять ямы нужно через 2–3 дня, за этот срок в яму может попасть до 18 птиц.

Весной уток промышляли с помощью перевеса. Просеки («перевесья») прорубали между двумя небольшими озерами, рекой или протокой, сором или озером – в местах, где садилась на перелете птица. Как правило, просеки шли с юго-востока, на северо-запад, что соответствовало перелету птицы. Просеку очищали от валежника и кустарника, птица летела вдоль нее, не поднимаясь над лесом. Ширина просеки соответствовала размерам сети-перевеса, длина зависела от особенностей местности. Перевесы использовали десятками лет, передавали по на-

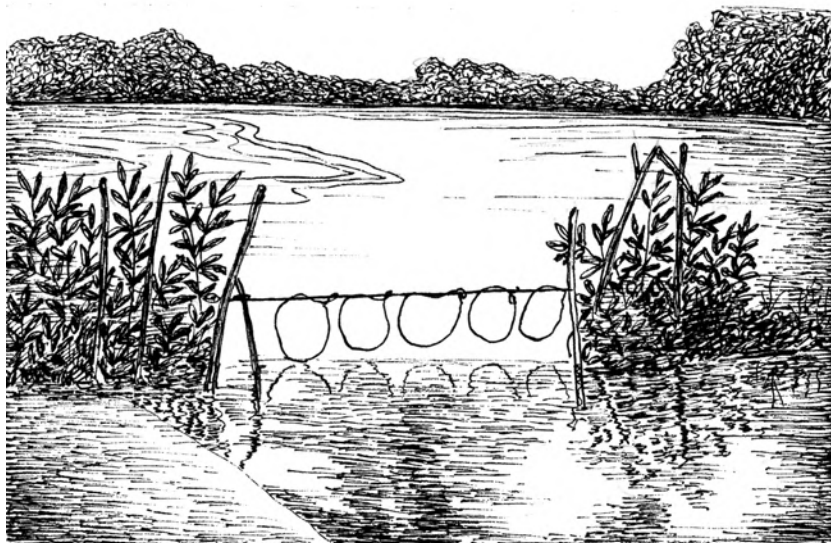

Орудия охоты:
 1 – слопец на глухарей; 2-7 – лук и стрелы; 8 – установка самострела;
 9 – настороженный черкан

следству. Перед новым сезоном просеки нужно было только подчищать. По краям ее устанавливали шесты, которые своими длинными концами должны были достигать верхушек самых высоких деревьев.

Перевес представляет собой сеть из крапивных ниток с размером ячее 4–5 см, средняя длина перевеса – 14 x 19 м, с каждой стороны – веревка-тетива. С помощью специальных приспособлений перевес натягивали и закрепляли на просеке. Охотник с вечера садился в засаду, для чего обычно делали особый сруб. Утка налетала на перевес вечером и перед утренней зарей. Задача охотника – вовремя опустить его и выпутать птицу, иначе последующие пролетят выше. За весну одним перевесом можно было поймать от 100 до 200 уток, попадали и гуси.

В июле, во время линьки, на водоплавающую птицу ставили обыкновенную рыболовную сеть. Ее натягивали на колья и устанавливали так, чтобы она охватывала водоем треугольником, или ставили поперек небольшой протоки, на мелких местах.

Петли на утку

Птицу загоняли в сеть, и охотники стреляли в нее из луков. Убитых уток из воды доставали собаки. Кроме того, на уток ставили петли в узких проходах в траве или между двумя кольями над водой. Во время линьки птица собирается на мелких озерах, расположенных в других местах, поэтому этот способ охоты был мало распространен, линяющую птицу били палками.

Ловись рыбка большая и малая

Наряду с охотой важнейшей частью системы жизнеобеспечения древнего уральского населения было рыболовство. Человек начал питаться рыбой еще со времен *Homo habilis*. Так на одной из стоянок в Олдувайском ущелье, датированной около 1 млн лет назад, вместе с костями крокодилов и водоплавающих птиц были найдены кости рыб. Большое их количество обнаружено в культурном слое пещеры Кударо I на Кавказе, возраст слоев пребывания человека в которой около 45 тысяч лет назад. В Урало-Сибирском регионе наиболее ранние следы добычи рыбной ловли в виде скоплений костей и чешуи известны на стоянке Черноозерье II на Иртыше, относящейся к позднему палеолиту. Расцвет рыболовства все же приходится на современную геологическую эпоху – голоцен, то есть последние 10 тысяч лет, когда окончательно сформировались в ныне существующих ландшафтах озера и реки. Видовой состав рыб за это время практически не изменился, и десять, и пятнадцать тысяч лет назад наши земляки ловили тех же щуку, окуня, чебака, карася, и еще около двух десятков известных на Урале видов, которые мы ловим и сейчас.

Заниматься рыбной ловлей у нас можно круглогодично. Даже в лютый мороз в городе порой встречаешь человека с сачками и рюкзаком, в специфической одежде, полностью экипированного для подледного лова. Самое добычливое время – весна, когда рыба поднимается из глубины и идет нереститься к ручьям, в верховья, заветные заводи рек. Со второй полови-

ны апреля можно ловить щуку, в конце апреля, начале мая – чебака. В начале лета – относительное затишье, а в августе можно удачно добывать окуня и снова щуку. Осенью рыба собирается на мелководье озер – там самый удачный улов. Рыболовство очень традиционная часть хозяйства, орудия и способы лова, возникнув в глубокой древности, существенно не меняются, за исключением смены используемых для этого материалов.

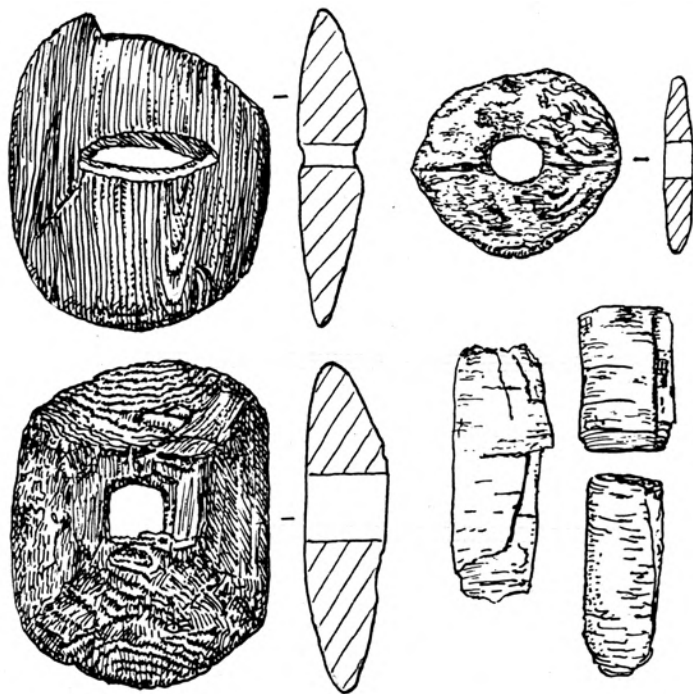
Уже в мезолите, в той или иной степени были известны практически все способы рыбной ловли, которые применялись в зависимости от объекта лова, сезона и особенностей водоема. Самыми простейшими были лов рыбы руками или петлями. У различных народов известна стрельба по рыбе из лука, о чем свидетельствуют находки большого количества стрел на значительном удалении от береговых стоянок, воткнувшихся в озерное дно. Крупную щуку, окуня, линя били острой. Наконечники острог в отличие от гарпунов не имеют приспособлений на насаде для привязывания линя, их крепление к древку было глухим, наконечник не отделялся от древка, и из воды добычу извлекали наколотой на острогу. Возможно, составной частью остроги является обломок деревянного стержня с односторонним зубцом на конце, найденный на стоянке Разбойничий остров возле Екатеринбурга. Острога имела три развилки – две крайние с зубцами, обращенными внутрь и центральную – косящую. Центральная часть остроги служила для забивания рыбы, а боковые удерживали ее.

Позднее была освоена более совершенная ловля рыбы сетями. Грузила от сетей в виде галек или плиток камня с выемками по бокам мы находим практически на всех стоянках неолита и энеолита Урала, а в торфяниках и поплавки из дерева или бересты. Сети бывают двух видов: ставные, которые крепятся неподвижно на шесте, в них попадает рыба, пытающаяся пройти сквозь нее; и плавные, которые выметывают поперек реки, сеть плывет вниз по течению и в нее попадает рыба, идущая навстречу. Ловят и неводом, состоящим из мотни – сетчатого

мешка посередине и крыльев – по бокам. Невод закладывают в воду с лодок и с помощью канатов, привязанных к краям, подтягивают к берегу или лодке, захватывая рыбу. Ловят и бреднем на мелководье, захватив сеть – с краев, бредут с ней с реки в заводь.

Наиболее древние остатки рыболовной сети, которой около 10 тысяч лет, были найдены на Карельском перешейке. Сеть длиной 27–30 м, ширина 1,3–1,5 м, она была сплетена узелками из ивовой коры. Рядом с сетью лежали скопления грузил из необработанных галек и 18 поплавков из сосновой коры.

На одной из стоянок на Верхней Волге, которой около 9 тысяч лет, сохранился обрывок узелковой сети с ячейкой в 4–5 см, сплетенной из тонкого – около 1 мм шнура, свитого из двух

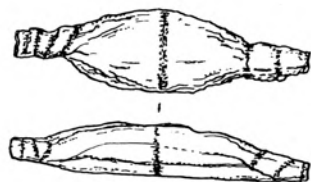
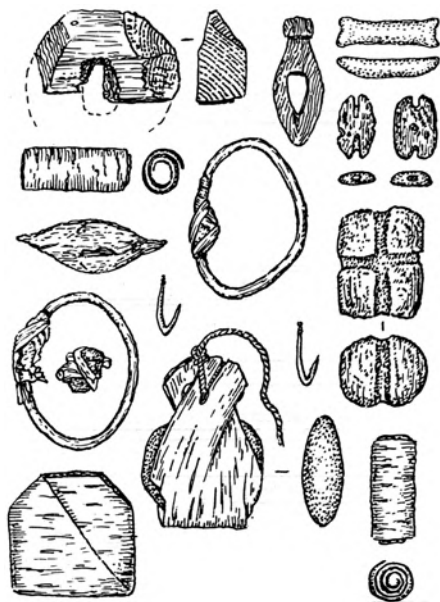

Поплавки из сосновой коры и бересты эпохи камня с Уральских стоянок

скрученных стеблей крапивы. Из такого же тонкого шнура, только свитого из корешков и листьев осоки, была связана сеть, обрывки которой были найдены на Висском торфянике в Северном Предуралье. Все известные сети эпохи камня связаны так называемым «рыбацким» узлом, который применялся древними рыбаками по всей лесной полосе.

Очень много способов запорного лова – от простых изгородей, до сложных и хитрых лабиринтов. У ханты и манси их около 200 видов! Для того чтобы каждый способ был действенным, нужно знать течение воды, особенности хода и повадки рыбы, рельеф дна и еще многое другое. Например, для сооружения запора необходимо так выбрать время и место, чтобы уже завершился подъем рыбы на нерест в верховьях реки, но еще не начинался ее скат в низовья; чтобы огороженная часть водоема служила не только местом скопления, но и нагульно-кормовой средой для рыбы; чтобы течение было достаточно умеренным для сохранности запора и достаточно сильным для предохранения воды от

застоя и цветения; чтобы русло было достаточно глубоким для строительства «вара» и не очень мелким для плавания рыбы; чтобы в отгороженном месте имелись как отмели, так и омуты для выживания всех видов рыбы, а установленные в запоре «морды» наполня-

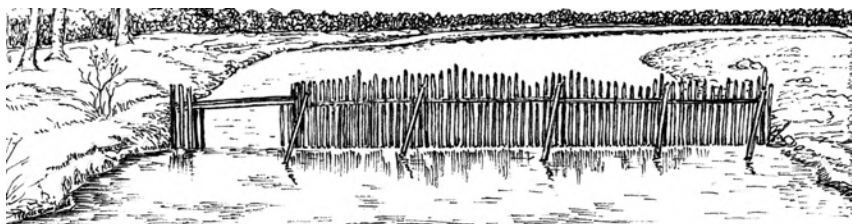
Грузила и полавки

лись, но не переполнялись рыбой. И еще много всяких «чтобы». Строительство всех хитрых рыболовных сооружений необходимо было завершить ритуалом подношения Духу воды рыбного блюда, чтобы он разрешил рыбе идти в сети и запоры. В этом ритуале участвовали только мужчины, которые были заняты в городье. Обычный улов в запоре – щука, плотва, окунь, чебак, карась, лещ, самая крупная рыба, судя по костям, достигала более 70 см в длину.

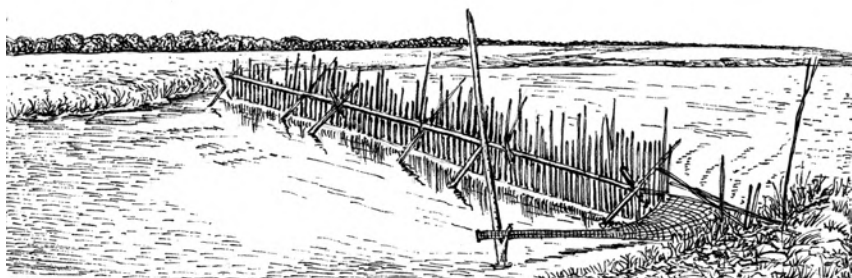
Запор, имевший ломаную линию, называли «кривда». Жерди, перегораживающие реку, вбивались в дно от берега к середине реки, где они сходились под углом. Рыба, наталкиваясь на препятствия у берегов, шла к центру и попадала в «фитиль» – сетчатый мешок из мережи, установленной в запоре. «Фитиль» имел нитку-синку, по движению которой с берега определяли наличие рыбы, и спешили его поднять и выбрать рыбу.

В запорах применялись различные ловушки: вериги, морды, котцы. На Урале во все времена, как и сегодня, были распространены так называемые «морды» – плетенные из ивняка или, вязаные из сосновой дранки ловушки корзиночного типа, имеющие одно втянутое горло. На одну большую ловушку-морду требовалось до 120 дранок из старой прямой смолистой сосны или прутьев. Хвойное дерево не впитывает воду, поэтому ловушка служила долго, до 6–7 лет. Дранки связывали вываренным кедровым корнем. В наши дни для этого употребляют проволоку. «Морда» состоит из основания остова и внутреннего вставного горла. Размеры и форма этих ловушек зависят от того, на какую рыбу, когда и где они ставятся. Улов вынимали через специальное отверстие у вершины, закрываемое решетчатой дверцей. Ставили «морды» горлом вниз по течению рыба плывет вверх заходит в нее, а выйти не может. «Морды» ставили в проходы в водных изгородах, на перепадах реку перегораживали камнями, что делается и по сей день.

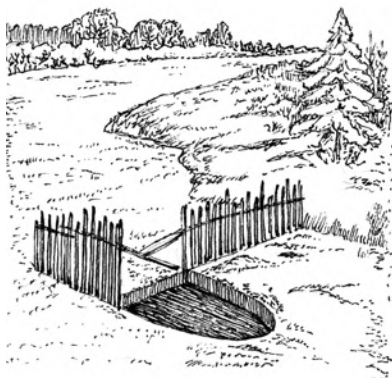
Ловушки-рукава появились предположительно во второй половине III тыс. до н. э. Рукав делали из дранки или тальника, гор-

1

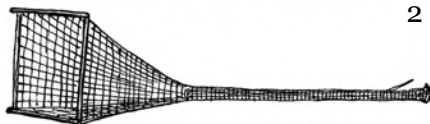
2

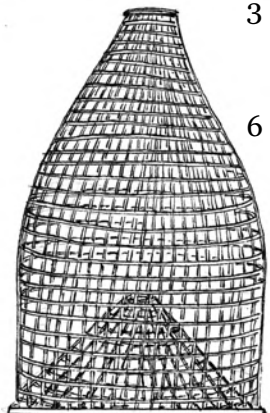
4

5

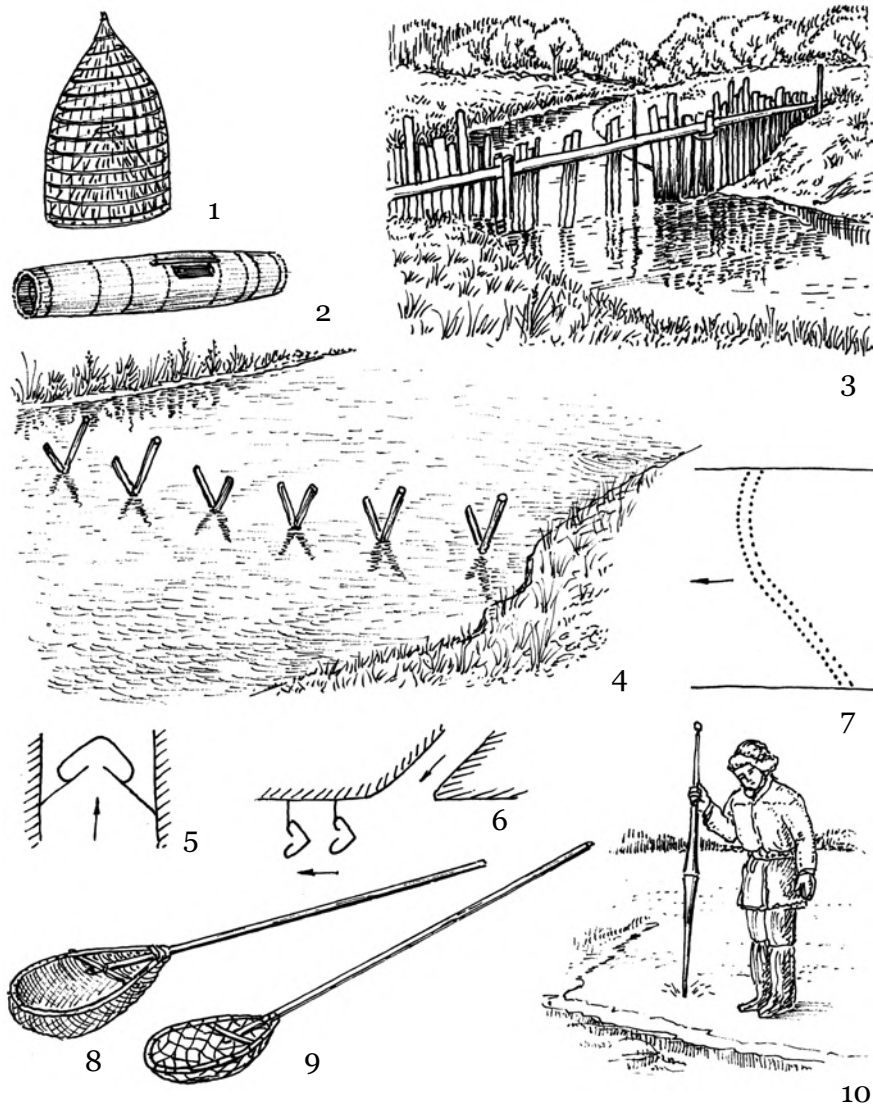

3

6

- 1 – Запор для промысла рыбы на больших речках сетью в виде мешка;
 2 – Запор для промысла рыбы на узких протоках с помощью ловушки;
 3 – Ловушка; 4 – Заездок для подледного лова рыбы; 5 – Сачок для вынимания рыбы из проруби; 6 – Рыболовная ловушка, ставившаяся на запорах

Орудия и способы ловли рыбы:
 1, 2 – ловушки для рыбы; 3, 4 – запоры; 5-7 – схемы установки запоров;
 8 – сачек для рыбы; 9 – сачек для льда; 10 – продалбливание льда
 на зимнем запоре

ло в виде усеченного конуса и собственно рукав – узкий вытянутый цилиндр. С помощью этой ловушки добывали крупную рыбу. Ее ставили весной на небольших протоках и речках с быстрым течением, которое заносит рыбу в ловушку, или в тихих местах прикрепляли к котцу, благодаря чему в последний и попадала рыба. «Котец» – это открытая ловушка, ее сочетали с запорами или ставили отдельно на озерах. Лингвистические материалы указывают, что котцы могли существовать уже в IV–III тыс. до н. э. Скорее всего, они возникали на основе различных типов запорных заграждений. Котец делался из дранки, нижние концы которой заострялись, вверху и внизу дранка перевязывалась саргой. Котец в развернутом виде представлял тонкую подвижную изгородь, которую в свернутом виде ставили в просвет запора, оставляя для рыбы проход в 5–10 см. Высота его зависела от глубин водоема. Рыбу из него вычерпывали сачками.

На поселении Шувакиш I возле Екатеринбурга в торфяниковой части были найдены два скопления деревянных реек, которые возможно были остатками вершей-морд. Они имели коническую форму, состояли из сосновой дранки шириной 1–2 см соединенных лыковыми нитями.

В целом, частота встречаемости и количество артефактов, найденных при раскопках стоянок и поселений, позволяют говорить о том, что рыболовство играло значительную роль в системе жизнеобеспечения древнего уральского населения. Понимание закономерностей в жизни обитателей рек и озер помогало в выборе наиболее рациональных способов лова, времени и мест рыболовства. Сюда по костным остаткам на стоянках, рыбы повадки тогда знали хорошо, и рыбная ловля была успешной.

Собирательство

Собирательство – третий кит самой древней добычи пищи. Получить археологические свидетельства этого вида деятельности очень сложно, поскольку органические продукты собира-

тельства крайне плохо сохраняются в земле. Поэтому, то немногое, что мы можем сказать о собирательстве, почерпнуто из этнографических наблюдений у обских угров.

Собирательством занимаются в течение достаточно короткого срока – во второй половине июля – сентябре. Собирают ягоды, травы и корни. Ягоды играли определяющую роль в растительной пище, в первую очередь, это черемуха, брусника, клюква, голубика, малина, морошка. Меньше употреблялась черная и красная смородина, черника, малина, рябина. Для сбора ягод делалась специальная берестяная утварь – набирушки и кузова. Каждая семья сушила и заготавливала на зиму запасы наиболее употребляемой черемухи, ее толкли, для чего использовали специальную ступку и пест. Сушили и другую ягоду. Заготовленную впрок сочную ягоду ставили в берестяных сосудах в темное прохладное место, чтобы не забродил сок, затем за хранение брались морозы. Ягоды чаще всего шли в пищу в свежем или замороженном виде. Бруснику и чернику добавляли к рыбным блюдам. Собирали и употребляли в пищу также дикий лук и сарану. Грибы не собирали и не ели совсем, считая их «нечистыми», оленьей едой.

Роль собирательства была очень важной, поскольку оно давало необходимые для человека витаминные продукты, которые нельзя было получить охотой и рыболовством. Древние жители Урала превосходно изучили окружающий их растительный мир. Они сделали множество полезных наблюдений и изобретений, позволивших широко использовать в пищу съедобные растения. Ими были открыты и практически использованы важные качества одних растений и целебные свойства других, хорошо знали они и вредные, ядовитые растения.

Вмещающий ландшафт для населения в центре Урала VI–III тыс. до н. э. представлял собой горно-лесные районы основных хребтов и восточных предгорий и холмисто-увалистую лесостепь Зауральского пенеппена. В зависимости от времени года охотничье-рыболовческая община в полном составе или часть

этой общины переходила из одних мест в другие, имея постоянные и временные жилища в предгорной зоне на территории Магнитогорского прогиба и восточнее – на Зауральском пенеплене. Расстояние между крайними точками родовых угодий могло достигать 100–150 км. Вероятно, между крайними базовыми стоянками существовали промежуточные лагеря для недолговременных остановок при переходах.

Кратковременные стоянки в горной части, которые мы обнаруживаем в гротах и пещерах (гроты Археологов и Ташмуруновский на р. Белой; Бурановская пещера на р. Юрюзань, Турист на р. Чусовая и т. д.), содержат немногочисленный и бедный орудийный набор и, как правило, незначительное количество фрагментов керамики. Такой состав артефактов закономерен, поскольку – это места, которые группы охотников посещали на короткое время зимой для охоты на пушного зверя, боровую дичь, крупных лесных животных. Набор, необходимый для одного или двух месяцев зимней охоты, очень ограничен и специфичен. Здесь не изготавливали орудий, в лучшем случае – ремонтировали и просто бросали испорченные. Отщепы и каменные чешуйки попадаются, но они, скорее всего, от использования кресал для добывания огня. Кости животных очень мелкие, раздробленные, поскольку мясо съедали сами охотники, а кости отдавали собакам. И, если на таких стоянках встречаются многочисленные находки, значит, это место посещалось в течение очень долгого времени.

Стоянки-поселения в предгорной зоне на озерах и реках, которые заселялись с весны до осени, содержат более многочисленный и разнообразный инвентарь, поскольку отсюда велись охота и рыболовство, на месте занимались домашними промыслами, изготовлением орудий, охотничьего снаряжения, заготовкой продуктов на зиму. Кроме того, на этих поселениях делался запас заготовок кремневого инвентаря на зиму-весну, если эти поселения располагались рядом с местами, богатыми кремнистым сырьем: памятники на озерах Суранды, Узункуль и т. п.

На стоянках холмисто-увалистой лесостепи, где осенью велась охота на копытных, инвентарь может быть количественно немногочисленным, но разнообразным. Например, на стоянках Краснокаменка и Агаповка. Орудия делали из принесенного с собой небольшого количества плиток или галек кремня и яшмы, которые брали на соседних (10–40 км) территориях предгорий. Здесь сырьевые запасы срабатывались полностью, использовались при этом экономичные технологии, в частности, на основе применения микропластин, а также используя все более-менее пригодные местные породы камня. На стоянках частично производили орудия охоты и домашнюю утварь, обрабатывали шкуры и т. д. В лесостепной зоне по рекам южнее Нейвы таких памятников пока не известно, но вероятность их открытия велика, поскольку дикая лошадь встречается в фауне среднего голоцена в атлантический и суббореальный периоды по всему лесостепному Притоболью. Также вероятно, что в силу большей облесенности этой территории в древности, в охоте на копытных здесь преобладали косуля и лось, что и нашло свое выражение в писаницах, хотя некоторые изображения, вероятно, можно связать и с лошадью.

Был ли предельно тяжким труд древнего человека?

Система жизнеобеспечения – «хозяйство» уральских охотников и рыболовов было разносторонним, комплексным, в нем реализовывались все природные возможности, недостатка в которых не было. А какова же была сама жизнь наших предков? Вот как ее представляли нам в I томе «Всемирной истории» – фундаментальном труде, по которому мы учились в университете в 1970-е годы.

«...Вся энергия производительной деятельности человека, вся сила его труда были обращены только на добычу и на освоение готовых источников пищи и материалов для изготовления одежды, жилищ, орудий. На использование природных

ресурсов в их натуральном виде. Творческие силы и возможности человека оставались ограниченными, скованными прямой зависимостью от природы. Более того, эта зависимость, унаследованная от начальных этапов истории человечества, от тех времен, когда люди еще едва выделялись из животного мира, накладывала определенный отпечаток и на общий характер жизни, на все условия существования человека. Суровая и опасная жизнь охотников, рыболовов и собирателей каменного века требовала постоянного предельного напряжения сил организма в борьбе с природой. Она была полна лишений и тяжелого, изнурительного труда. Тяжесть такой жизни сказывалась тем сильнее, что племена эти, как и их палеолитические предки, по-прежнему обречены были переносить все капризы и случайности явлений природы. Короткие периоды изобилия животной и растительной пищи сменялись долгими месяцами голодовок, когда старые запасы пищи, если они вообще были, уже иссякли, а до создания новых запасов было еще далеко. За годами, относительно обильными пищей, нередко шли такие годы, когда само существование племен охотников и рыболовов оказывалось под угрозой».

Читаешь, и страшно становится за бедных охотников и рыболовов каменного века. Как же они вообще выжили в такой обстановке? Но так ли тяжело им было на самом деле? Многие ученые, изучающие древность задают себе такой вопрос. Найти ответ на него попытался и американский антрополог (этнограф – в нашем понимании) Маршалл Д. Салинз. Для своего анализа он выбрал общества коренных австралийцев, бушменов Африки, отдельные этнические группы жителей Огненной Земли и некоторых других племен, уровень развития экономики и образ жизни которых соответствовал хозяйству охотников и рыболовов эпохи камня. Природные условия выбранных территорий трех материков далеко не благоприятные для жизни. Более того, наблюдаемые охотники и рыболовы, вытесненные из лучших районов обитания сначала земледелием, а затем и

промышленным хозяйством, оказались в заведомо худших экономических условиях, чем такие же охотники и рыболовы далекого прошлого. Что же общего в хозяйстве и принципе жизни «первобытных» охотников трех континентов – Австралии, Африки и Южной Америки?

Первое, на что обращали внимание все исследователи, это то, что охотник – это «человек неэкономический». У него отсутствует интерес к материальному накоплению, и характерной чертой является определенная беспечность. Он не держится за свое добро и пожитки, а также и за орудия труда, поскольку мастерски владеющие своим производством, они легко и быстро могут заменять сломанную или потерянную вещь новой.

Потребность сводить к минимуму имущество – это вторая натура охотника. При изготовлении каких-либо вещей предпочтение всегда отдается «портативности», мелкие вещи всегда лучше, чем крупные, поскольку их нужно будет носить с собой. Транспорта у него нет – нужно об этом помнить. Для охотника богатство – это его время. Поскольку каждый год из сезона к сезону нужно будет переходить в другое место, пожитки придется нести на себе. Конечно, основной скарб останется в жилищах, ведь туда все равно возвращаться, но многое нужно взять и с собой. Поэтому вещей должно быть минимум, они должны быть компактны и легки. Поистине по древней мудрости: «Все свое ношу с собой».

Вот что пишет Маршалл Салинз об индейцах яган с Огненной Земли: *«Они не знают, как ухаживать за своими вещами. Никому даже не приходит в голову располагать их в порядке, сушить и чистить, вешать или складывать в аккуратные стопки. Если они ищут какую-то определенную вещь, то беспорядочно перерывают все в своих корзинах, наполненных месивом из всякой всячины. Более крупные предметы, которые свалены в кучу в хижине, они таскают туда-сюда, не боясь их повредить. У европейского наблюдателя создается впечатление, что эти индейцы (яган) не ценят никаких вещей и как будто забыли об усилиях, потраченных на их изготовле-*

ние. В самом деле, никто особо не держится за свое добро и пожитки, которые, какими бы они ни были, часто с легкостью теряются и с такой же легкостью заменяются другими. Индеец никогда не заботился о вещах, даже если для этого имеются все условия. Европейцу остается только покачать головой при виде того безграничного безразличия, с которым эти люди волочат по грязи или дают на растерзание детям и собакам совершенно новые вещи, хорошую одежду, свежие продукты и различные ценные изделия... Дорогими вещами, которые им дают, они любят в течение нескольких часов, пока не прошло любопытство. После этого они бездумно оставляют все портиться в грязи и сырости. Чем меньше они имеют, тем удобнее им путешествовать, и в случае, если что-то сломалось, они это заменяют. Таким образом, они полностью равнодушны к материальной собственности».

В трудную ситуацию попадали европейцы, сталкивавшиеся также с бушменами и аборигенами Австралии, когда хотели им что-нибудь подарить – любой подарок только усложнял им жизнь, поскольку прибавлял ненужный лишний вес к их повседневной ноше. У них было все необходимое, а посторонние вещи были просто в тягость.

Вот и первый вывод – богатство охотников и рыболовов эпохи камня определялось небольшим количеством вещей, а жизненной парадигмой, определявшей потребности – если у тебя есть все необходимое для жизни – ты богат. Все остальное – лишнее, и только в тягость.

Другое наблюдение – насчет «тяжелого и изнурительного труда». Обратимся сначала к примеру аборигенов Австралии.

«Первое и наиболее очевидное заключение состоит в том, что труд этих людей не изнурителен. Время, затрачиваемое человеком на добывание и приготовление пищи, в среднем составляло 4–5 часов в день. Второе: они работают непрерывно. Проблема добывания пищи не стоит перед ними постоянно; временами они добывают достаточно, чтобы снабдить

себя впрок, благодаря чему у них остается масса времени, которое они могут проводить, ничего не делая. В сфере производства средств жизнеобеспечения, так же как и в других сферах, мы сталкиваемся с добыванием отдельных предметов, круг которых ограничен. При охоте и собирательстве запас подобных предметов пополняется нерегулярно, соответственно и распорядок работы оказывается неустойчивым».

Третья характерная черта охоты и собирательства, которую невозможно вообразить, исходя из имеющихся ранее представлений: создается впечатление, что эти австралийские аборигены скорее недоиспользуют свои объективно существующие экономические возможности, чем исчерпывают трудовые усилия и имеющиеся в их распоряжении ресурсы до предела возможного. Количество пищи, собираемой за день, во всех случаях могло бы быть большим. Хотя поиск еды был для женщин работой, которая продолжалась без конца день за днем, отдыхали они довольно часто, не проводя все дневное время в поисках и приготовления пищи. Работа по добыванию пищи у мужчин была менее регулярна, и если в один день им доставалась хорошая добыча, они зачастую отдыхали весь следующий день.

Следовательно, в-четвертых, хозяйство не требовало больших физических усилий. В полевых заметках исследователей показано, что эти люди сами задают себе темп, и лишь в одном случае охотник описан как «крайне утомленный». Сами аборигены также не находили задачу выживания обременительной.

«Они, очевидно, не подходили к этому ни как к неприятной работе, от которой нужно отделаться как можно скорее, ни как к неизбежному злу, которое нужно откладывать, насколько возможно». В этой связи, а также в связи с недоиспользованием экономических ресурсов, стоит обратить внимание, что охотники, как представляется, не довольствуются «прожиточным минимумом».

Как и другим австралийцам, им надоедает однообразный пищевой рацион; похоже, часть их времени уходит на обеспе-

чение разнообразия пищи сверх просто достаточной. В любом случае, рацион охотников был, согласно стандартам Американского национального исследовательского совета адекватным. В среднем, на человека приходилось 2160 калорий в день.

И что же, наконец, говорит нам это исследование в связи со знаменитой проблемой досуга? Складывается впечатление, что охота и собирательство дают необычайно высокую степень свободы от хозяйственных забот. Одна группа имела на иждивении человека, который якобы был профессиональным (занятым весь день) мастером-ремесленником. Ему было лет 35–40, и, по видимому, основной его специальностью было безделье. Он совсем не ходил на охоту с другими мужчинами, но однажды ловил сетью рыбу со всей возможной энергией. Иногда он ходил в буш за гнездами диких пчел. Этот профессионал был искусным умельцем, он чинил копья и копьеметалки, изготавливал курительные трубки и «музыкальные трубы», и однажды приделал рукоять к топору (по особой просьбе) с большим мастерством. Помимо этих занятий, большую часть времени он тратил на разговоры, еду и сон. Причем он не был полным исключением. Мужчины проводили большую часть времени, проводя его в буквальном смысле: оно уходило на отдых и сон.

Помимо времени (главным образом, в промежутках между определенными занятиями и во время приготовления еды), проводимого в повседневном общении, болтовне, сплетнях и тому подобном, несколько дневных часов тратилось на сон и отдых. Как правило, мужчины, если они оставались на стоянке, спали после завтрака в течение 1–1,5 часов, иногда даже дольше. Возвратившись с охоты или рыбной ловли, они обычно ложились поспать либо сразу по приходу, либо пока дичь готовилась. На стоянке Хемпл Бэй мужчины спали, когда они возвращались рано, и не спали, если они приходили после 4 часов пополудни. Если они оставались на стоянке в течение всего дня, они спали, когда придется, и всегда после завтрака. Женщины, занимаясь собирательством в лесу, отдыхали, казалось,

чаще, чем мужчины. Оставаясь на стоянке весь день, они тоже спали в свободные часы, иногда подолгу».

Обратимся теперь к бушменам Африки. Относящиеся к ним подсчеты показали, что охотничье-собираТЕЛЬский труд одного человека достаточен, чтобы содержать четверых или пятерых. «Получается, что на каждого работающего приходится около полутора-двух дней труда в неделю. Иными словами, каждый продуктивный индивид содержал себя и иждивенцев и, тем не менее, имел еще от трех с половиной до пяти с половиной дней, свободных для других видов деятельности. Если считать полноценным «рабочим днем» 6 часов, то у жителей одной из стоянок, работавших 15 часов в неделю, оказывается в среднем 2 часа 9 минут труда в день. Однако приведенные цифры не учитывают труд, затраченный на приготовление еды и изготовление различных трудовых принадлежностей. Принимая во внимание все, можно считать трудовые затраты бушменов очень близкими к трудовым затратам коренных австралийцев.

Как и австралийцы, бушмены проводили время, не посвященное добыванию средств к существованию, ничего не делая или в занятиях досуга. Здесь опять обнаруживается тот самый характерный палеолитический ритм – день-два активной работы, день-два передышки. Эти последние проходят на стоянке без особых дел. Хотя добывание пищи является первостепенной производственной деятельностью, большая часть времени у этих людей (от четырех до пяти часов в неделю) проходит в иных занятиях, таких, как отдых или посещение других стоянок.

Женщина за один день собирает достаточно еды, чтобы кормить свою семью три дня, и остальное время проводит, отдыхая, занимаясь рукоделием, навещая другие стоянки или принимая гостей с других стоянок. Такая хозяйственная ежедневная рутина, как приготовление пищи, колка орехов, собирание дров для костра и хождением за водой, занимает от одного до трех часов ее времени. Этот ритм размеренного труда и размеренного досуга поддерживается в течение всего года. Мужчины

как будто склонны работать интенсивнее, чем женщины, но их распорядок жизни не является столь равномерным. Нередко мужчина со страстью охотится всю неделю, а потом не ходит на охоту в течение двух или трех недель. Так как охота – дело непредсказуемое и подлежащее магическому контролю, бывает, что охотники переживают полосу неудач и прекращают охоту на месяц или дольше. В такие периоды хождение в гости и различные развлечения, особенно танцы, являются основными занятиями мужчин. Добываемые у бушменов средства к существованию обеспечивали 2140 калорий на душу в день.

Интересно, что бушмены, обученные жизнью, а не антропологами, отвергают неолитическую революцию, чтобы сохранить свой досуг. Окруженные земледельцами, они вплоть до недавнего времени отказывались культивировать растения «главным образом, на том основании, что потребовало бы слишком много тяжелой работы». В этом они подобны бушменам, которые на неолитический вопрос отвечают своим вопросом: «Почему мы должны выращивать растения, когда в мире так много орехов монго-монго?». Более того, они действительно тратят меньше энергии и, возможно, меньше времени на обеспечение себя средствами существования, чем соседствующие с ними земледельцы Восточной Африки.

Теперь сменим континент. Прерывистая хозяйственная деятельность южноамериканского охотника также может показаться стороннему европейскому наблюдателю безнадежной чертой «природного склада». Индейцы ямана неспособны к постоянному, тяжелому ежедневному труду. Это очень досаждало европейским фермерам и нанимателям, на которых ямана часто работают. Их работа – «то стоп, то поехали», но и при нерегулярных усилиях они могут развивать значительную энергию в течение некоторого времени. Потом, однако, они высказывают стремление к неограниченно долгому отдыху, во время которого лежат, ничего не делая и не проявляя признаков большой усталости... Очевидно, что такие перерывы в работе при-

водят европейского нанимателя в отчаяние, но индеец ничего не может с этим поделаться. Таков его природный склад».

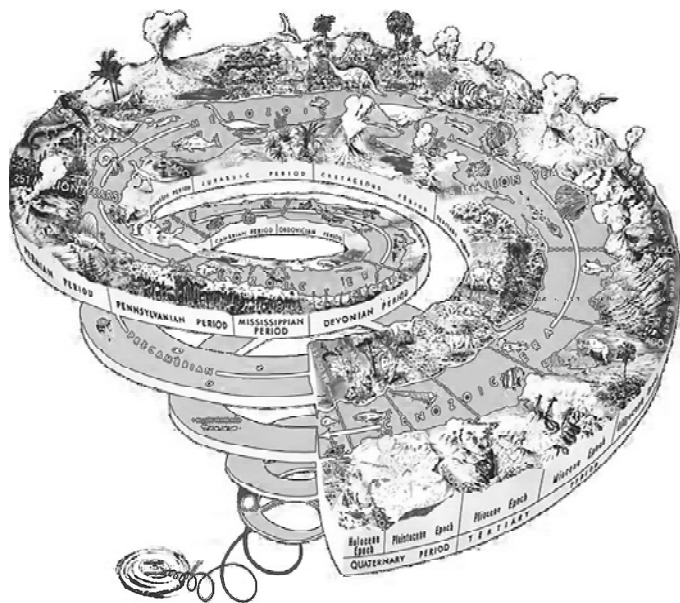
Из приведенного выше текста напрашивается следующий вывод – не был труд охотников и рыболовов эпохи камня таким уж «тяжелым и изнурительным», как это обычно представляется. Иначе откуда бы взяться тем удивительным и разноплановым произведениям искусства, очень малую часть которых мы пока находим при раскопках?

Охота и собирательство обладают всеми сильными качествами, которые являются оборотной стороной всех их слабостей. Периодические передвижения и практика сдерживания роста населения и имущества – это императивы экономической деятельности и творческой адаптации, суровая необходимость, которая порождает благо, «худо», которое ведет к «добру». Именно в рамках такой системы оказывается возможным изобилие. Мобильность и регулирование демографической ситуации, а также использования ресурсов приводят жизненные цели охотников и собирателей в соответствие с их техническими средствами. Недостаточно развитый способ производства оказывается, таким образом, высоко эффективным. Их хозяйственные установки окрашены верой в богатство природных ресурсов, верой в исконное изобилие, нежели отчаянием по поводу несовершенства технических возможностей человека.

И еще один важный вывод – охотникам не приходилось трудиться больше, чем первым земледельцам. Переход к производящему хозяйству, который называют «неолитической революцией» и связывают с кардинальным улучшением жизни, не принес улучшений по части количества времени, затрачиваемого на добывание пищи, даже наоборот: с внедрением земледелия людям пришлось работать тяжелее. И далее по мере эволюции человеческой культуры количество труда на душу населения увеличивается, а количество свободного времени – уменьшается.

Годовые кольца жизни

или Год жизни рода Лисицы

Глава 7

Годовые кольца жизни *или Год жизни рода Лисицы*

Мы привыкли отмерять свое время секундами, минутами, часами, днями, неделями и годами. Разбили время на мельчайшие частички и все больше стараемся его уточнить, изобретая для этого хитроумные устройства – часы. Солнечные, песочные, механические, электронные, теперь уже и атомные, прибавляющие к году недостающую якобы секунду. Пытаемся добиться точности, загоняя себя в жесткие рамки нами же придуманного ритма, но ведь, чем четче и быстрее этот ритм, тем короче жизнь. Мы все куда-то торопимся, всегда опаздываем, говорим, что не хватает времени. Но времени не может не хватать, мир полон временем, его не становится больше или меньше. Мы этого не понимаем, а для древних жителей Урала это было очевидно и не нуждалось в объяснении. Ведь жизнь не состоит из секунд и минут, жизнь состоит из событий. Когда кто-то начинает вспоминать прошедшее время, он не вспоминает какой-то конкретный час или минуту, он вспоминает, что произошло. Человек вспоминает событие – вот первая в памяти новогодняя елка и подарки под ней, летняя гроза и поваленное молнией дерево на лесном озере, веселый праздник с друзьями, рождение ребенка и еще многое другое. Жизнь состоит из событий и всего, что им сопутствовало и окружало. Это и есть временная ткань жизни, а, отнюдь, не монотонное тиканье часов.

Очень точно определение понимания времени народами Уральского и Сибирского Севера, которые наиболее близки по

своей жизнедеятельности древнему населению Урала, выразил член-корреспондент РАН, уральский этнолог А. В. Головнев – время живое: *«Оно рождается и умирает, приходит и уходит вместе с олицетворяющими его светилами, богами, зверями, водой, деревьями. Оно даже не есть время, а череда сменяющих друг друга состояний: ”желтых листьев”, “выходящих на прибрежные пески глухарей” или “замерзающих рек”. Эти состояния повторяются, но каждый раз заново».*

Были и есть десятки и, наверное, сотни различных календарей. И все они, как правило, связаны с событиями от сотворения мира или от Рождества Христова, от полнолуния или от начала весны. У каждого народа и общества свой календарь. Был он и у охотников и рыболовов эпохи камня Урала, и, наверняка, связан был с годовыми природными циклами – годовыми кольцами жизни.

Традиционный угорский календарь, который непосредственно связан с охотничье-рыболовческим хозяйством, хотя и делит год на четыре привычных для нас сезона, как основные выделяет все же лето и зиму. Есть отдельные понятия середины зимы и середины лета, а осень и весна – всего по два месяца: сентябрь-октябрь и апрель-май. Зато зима длится целых пять месяцев с ноября по март, но ведь на Урале это действительно так. У разных групп угорских народов Урала и Западной Сибири, следующих своей тысячелетней традиции, начало года может приходиться на разные периоды: весну, осень, зиму или лето, что говорит об относительной условности календаря, зависящего от природных условий того или иного региона проживания, различных сроках прилета птиц, брачного периода животных и других факторов.

Условность календаря можно видеть и сегодня, хотя мы все отсчитываем наступление нового года с 1 января. Все зависит от конкретного вида деятельности той или иной группы людей. У школьников и студентов год начинается с 1 сентября, когда они начинают новый цикл учебы, а, например, у нас, у архео-

логов новый научно-исследовательский цикл начинается примерно с октября, когда заканчиваются полевые экспедиционные работы, все возвращаются в город «на камералку» – готовить отчеты и начинать научную обработку новых находок. К весне все стараются завершить научные труды и начать подготовку к полевому сезону, который продлится с мая по конец сентября. Почти как у охотников год делится на две половины.

Чтобы понять образ жизни древнего населения Урала, нужно представлять себе, каково было общество этого времени. Конечно, мы не можем, к сожалению, заглянуть в прошлое и подсмотреть, как же жили люди в эпоху камня, но некоторые основания для реконструкции у нас есть.

Как же протекала жизнь общины, как образовывались годовые кольца жизни? Выберем для нашего экскурса в прошлое – 3011 год до н. э., то есть ровно 5 тысяч лет назад, центр Южного Урала – широта современных рек Увельки и Уя, середина лета, община охотников-рыболовов из рода Лисицы, три семьи, три жизни, три костра.

На закате лета

В этом году общине из рода Лисицы пришлось перебраться из поселка на озере в предгорьях, на свое постоянное жилище на реке раньше обычного. Не совсем удачно сложилась ловля рыбы, да и лося было немного, поэтому решено было ловить рыбу рядом с поселком осенью на равнине. Но, прежде всего, нужно почистить и подправить жилища, простоявшие полгода без хозяев, оживить очаги, подлатать крышу. У мужчин свои заботы, у женщин свои, да и дети без дела не останутся.

У мужчин главное – охотничий и рыболовный инвентарь. Прежде всего – сети. Раньше сети плели из крапивы, но они недолговечны. Лучше всего делать сеть из конского волоса, он прочный, долго не рвется, даже если попадает крупная рыба. Такая сетка не замерзает и не ломается зимой, когда приходится

ловить рыбу подо льдом. Еще нужно нарезать в соседней роще полоски бересты для поплавков, которые скручиваются, когда их опускают в кипяток, и высушить. Подольше придется повозиться с грузилами. На горке есть камень, который слойтся удобными плитками. Небольшую плиточку – с ладонь – обобьем по краям и с двух противоположных сторон сделаем небольшие выемки для привязывания к сети – грузило готово. Таких плиток на горке много, так что недостатка в грузилах не будет. Из этих же плиточек можно сделать и скребло, чтобы оскабливать стволы молодых березок, которые потом пойдут и для установки сети в заводи и для растяжек для просушивания сетей. А если взять расположенную рядом более мягкую при обработке плитку и чуть большего размера, с ровной поверхностью, то на ней можно будет затачивать костяные остроги и гар-

пуны, чтобы бить рыбу на перекатах и отмелях. Рыбы в окрестных речках и озерах много, она разная и ловить ее нужно по-разному. Все зависит от конкретного места лова. От дедов и прадедов сохранились десятки способов ловли, они на все случаи жизни.

У женской части общины еще не закончены свои летние заботы. Все пространство вокруг жилищ дымит, кипит, бурлит. Рыбы много и ее нужно заготовить про запас так, чтобы не испортилась при хранении. На одном костре вываривается рыбий жир, чтобы затем залить им вареную чернику. На другом костре готовится рыбий клей, необходимый в хозяйстве. Готовили

его из чешуи чебака или щуки. Чешую предварительно высушивают на солнце, а потом варят до полного испарения воды. Таким же способом делают клей из рога оленя, только перед тем, как варить, его дробят на мелкие куски. Для разогревания клея перед употреблением используют специальные клейницы в виде берестяной воронки, прикрепленной к палке. На третьем костре варят рассеченную по спине и нарезанную поперечными полосами рыбу. На длинных растяжках сушится мелкая рыбешка, срезанное со спинки крупной рыбы мясо. Рядом в яме и шалаше рыба коптится. Зима длинная и рыба – это основной продукт, наравне с мясом. Но мяса пока немного, охотники только ведут наблюдения за табунами лошадей и стадами диких быков – туров, которых летом не трогают, пусть наращивают мясо, нагуливают жир, растянут потомство. Да и мясо летом быстро портится. Охотятся летом только в исключительных случаях.

У мужчин и женщин много забот. Не сидят без дела старики и дети. Сборы всякого съедобного – за ними. Надо набрать ягод в пойме реки, в окружающих по высоким берегам и сопкам рощах накопать кореньев и посушить их, там же надрать бересты для изготовления посуды и различных туесков. В зарослях у реки нарезать прутьев для плетения рыболовных ловушек и осоки для плетения циновок. Насобирать трав для заварки чая и приготовления лечебных отваров. А еще нужна кора ольхи для дубления шкур, крапива для легких сетей, трухлявые сучья и мох для дымокуров и многое, многое другое, незначительное на первый взгляд, но так необходимое в хозяйстве.

Да и все детские игры связаны с жизнью. Едва мальчик начал ходить, а уж отец ему лук приготовил – других забав нет, как только стрелять из луков, да зимой бегать на лыжах. Кто постарше, те уже в деле и от старших учатся на звериных или рыбных промыслах.

Переход на «темную сторону»

Вся община летом поглощена увлекательной и разнообразной деятельностью. Так незаметно подходит осень. С августа начинается отсчет угасанию солнца, пора проводить ритуал, посвященный переходу жизни на «темную сторону». Недалеко от жилищ из мужских постелей выстилают ковер для духов, разводят костер. Перед деревянными идолами духов расставляется трапеза в трех или семи сосудах; три раза подается сырое и вареное мясо, горячий отвар из заветных трав. Сюда же приводят пойманного специально для этого быка – тура, обносят вокруг него каждого из духов и затем забивают. Лучшие куски мяса духу бросают в костер, остальные приобщаются к нему. Так заключается договор с духом, во власть которого погружается Земля. Жизненный поток направляется в теневую сторону природного круга. В это время обычно наша община перебирается в осенние жилища, но в этом году она раньше перебралась в них, теперь нужно готовиться к зиме.

И опять у всех новые разные заботы. У мужчин начинается очень ответственный период в году – охота на лошадей, туров и сайгу, которая должна обеспечить основной запас мяса на всю зиму. Готовятся к охоте основательно. На ближайшей речной отмели выбирают плитки и гальки кремня и яшмы. Пока их несло течением с гор, все лишнее с них оббилось, окаталось, трещиноватые части обсыпались, и осталась самая качественная серединка. Плитку подходящей формы легко превратить в нуклеус всего двумя-тремя точными ударами, а дальше снимай пластинки для вкладышей сколько нужно. Гальки и плиточки помельче пойдут на изготовление наконечников, обработанных с двух сторон, скребков для обработки шкур, ножей, скребел и других необходимых орудий. Все, что нужно для охоты и обработки мяса и шкур мужчинами уже заготовлено, все орудия аккуратно разложены и ждут своего часа. За лето пасущиеся неподалеку стада быков-туров и табуны диких лошадей заметно

увеличились, и охота должна быть удачной. Часть мужчин с луками и боласами отправляются за добычей за ближайшую цепь горок, где животные еще не пуганы. Часть обустраивает места для засады у ближайшего водопоя. Поскольку на месте поселка кремня и яшмы не так много как в другом законном месте выше по реке в предгорьях, большинство стрел с вкладышевыми наконечниками, на них уходит меньше заготовок, да и ремонтировать легче. Основное охотничье орудие в общине – луки и стрелы. Важна форма наконечника стрелы, она зависит от того, на какого зверя или птицу охота, для оперенья лучше всего подходят перья орла.

Вот и первая добыча, ее разделяют самые опытные из мужчин. С ней работы прибавилось и у женской половины.

Шкуры лошадей и диких быков нужно растянуть на земле и закрепить деревянными колышками. Скребла, скребки и скребочки уже готовы. Сначала снимаются остатки мяса и жира с внутренней стороны шкуры более крупным инструментом, затем работа становится все тщательнее, не дай боже повредить шкуру – рабочий инструмент все мельче и точнее. Шкуры нужны разные – и для покрытия жилища и для подстилок на постели, особые хлопоты по выделке мягкой кожи для одежды и обуви.

Забот женщинам хватит до самых морозов. Ведь помимо обработки шкур, надо пустить в дело добычу, завялить и закоптить мяса на всю зиму. Мясо крупных копытных нарезают тонкими пластинами и коптят над костром под навесом. Иначе обстояло дело ранней весной, когда еще лежит снег, и не появились мухи – тогда мясо вялят, подвешивая его под крышей на солнечной стороне. Скоропортящиеся продукты хранили летом в земле или в болоте. Вяленое мясо сохраняется очень долго. Его можно есть и сухим, предварительно расколотив на камне или разогреть над огнем. Можно и варить, перед этим положив в воду на сутки, чтобы оно хорошенько намокло.

Рыбу едят в сыром, мороженом, вареном, жареном, копченом, сушеном и вяленом виде, часто сдабривая другими продуктами. Сырой в пищу идет свежая, только что выловленная щука, окунь, чебак. Щуку насаживают на воткнутый в землю деревянный колышек хвостом вниз, предварительно выпотрошив и отрезав голову, затем срезают тонкие пластины во всю длину рыбы. Конец пластины кладут в рот, придерживая одной рукой, другой пласт обрезают ножом, делая движение снизу вверх. Зимой из мороженой рыбы делают строганину. Свежую мелочь чистят и потрошат, затем плотно нанизывают на длинные тонкие палки головами вверх и укладывают на четырехугольную раму, укрепленную на столбах под навесом. Снизу разводят костер. Рыбой, приготовленной таким способом, можно было питаться в течение двух-трех дней после приготовления, она спе-

калась в своем соку, вкусно пахла дымком. Если копченую так рыбу высушить над небольшим огнем, она сохраняется очень долго – год и больше. Основные запасы в общине из вяленой и сушеной рыбы. Заготавливают главным образом, мелкую рыбу (караси, чебаки...) и щуку. Со щукой возня особая, у крупных срезали со спины куски вместе с кожей, делали на них надрезы, рыбу нанизывали на тонкие прутья и вывешивали на солнце. Приготовленная таким образом щука считалась лакомством, обязательной пищей для гостей. Вяленая и сушеная рыба была важным продуктом питания зимой, ее брали с собой на промысел и перед едой отваривали в воде.

Нужно почистить ямы-хранилища, предназначенные под мясо. Нужно из мяса выбрать сухожилия, которые пойдут на изготовление тетивы и крепление наконечников. Надо рассортировать кости, подходящие как для оружия, так и для домашних поделок, детям для игрушек (тогда уже играли). Дети и старики тоже на осенних сборах. Подошли осенние ягоды – рябина, калина, черемуха, а сколько дров и хвороста нужно приготовить на длинную зиму! Надо чтоб лежали рядом с жильем. По снегу в лес за ними не находишься.

В начале малой зимы

Мужчины-охотники уходят в предгорья, где останавливаются в «своем» привычном поселке на берегу озера, чтобы оттуда уже выходить в горы на зимнюю пушную охоту. Община разделяется – на два-три месяца. Первые выходы охотников в лес кратковременны и имеют целью не столько добычу, сколько разведку. Важно уловить настроение в зверином мире, наметить тропинки на очередную зиму. Есть и еще одна большая забота – в прошлом году начали вместе с мужчинами из соседних общин рода Куницы, которые живут южнее, городить засеки и изгороди на лося и косулю. Скоро, как начнется снегопад, они потянутся через горы с заката солнца на восход. Обратно вслед сол-

нцу возвращаются звери через горы весной, когда снег сходит. Все знают, что там, где прячется солнце на ночь, зимой очень глубокие снега, и выживать животным там тяжело. Этими обязательными переходами и пользуются охотники для поимки животных ямами. Одной общиной такую работу не сделать, а вместе с другими она под силу. Когда изгородь будет готова, они установят на оставленных проходах настороженные луки-самострелы.

Но вернемся к нашим охотникам, которые пришли к родовым жилищам своей общины на берегу предгорного озера. Они знают, что злые духи в их отсутствие заняли оставленные жилища. Изгнать их несложно, просто нужно взять палку, стоящую у двери и обойти вокруг жилища, напомнить о возвращении, обстукивая и приговаривая: «Выходи прочь, теперь я буду здесь жить». Затем для надежности надо жилище очистить окуриванием дымком от березового нароста и пихты. Этого злые духи уж ни за что не вынесут.

Теперь нужно готовиться к двухмесячной зимней охоте на пушного зверя в горах. В укромных гротах или небольших охотничьих балаганах, закрытых густым лесом от ветров и снега можно укрыться от мороза и переночевать. Таких убежищ на охотничьей территории общины несколько, они поддерживаются в порядке и служат уже не одному поколению.

В возвращающемся к жизни поселке на озере еще с прошлой весны лежат каменные заготовки для всех необходимых в хозяйстве орудий. Кремня и яшмы высокого качества в окрестностях очень много: черного, серого, зеленого, красного цветов, нужных размеров и твердости. В заготовках есть и нуклеусы для пластин, и отщепы для скребел и ножей, и уже начерно оббитые наконечники для дротиков. Перед тяжелой зимней охотой важно сделать свой инвентарь таким, чтобы он был легким, удобным при переходах и содержал все необходимое. Лучше всего использовать вкладышевое снаряжение и взять с собой

пару нуклеусов на случай ремонта. Каждое орудие – это продолжение руки и должно применяться с соблюдением правил и по назначению. Только тогда будет исполняться, что положено. Только глупец будет стрелять дичь, сидящую на ветке острой стрелой, она воткнется в дерево и за ней придется лезть. Для стрельбы по птице есть специальный набор тупых наконечников. Острая стрела непригодна и для охоты на воде, поскольку может воткнуться в дно или корягу. Однако применять тупую

стрелу на крупного зверя крайне опасно, только поранишь и разозлишь, это может стоить жизни самому охотнику. Главное охотничье правило – применять оружие только по назначению, как заведено с дедов. Они давно уже примерялись, что как.

Эти правила относятся и к другим делам, даже таким, казалось бы, простым. Например, нельзя варить мясо, особенно лосиное, если в сосуде до этого лежала сырая рыба. Сосуды для мяса и рыбы ведь даже украшены по-разному. У них духи разные, и вместе им нельзя. Если возникла необходимость, и другой посуды нет под рукой, особенно на охоте, обязательно нужно очистить ее окуриванием дымком пихты и некоторых других растений. После ссоры духов может постигнуть неудача в охотничьем промысле.

Во время охоты большое внимание необходимо уделять следам животного. След имеет очертания, свойственные только данному зверю, сохраняет его запах, опытный охотник его чувствует. По следу можно узнать о

состоянии, поведении и даже о ближайших намерениях зверя. Для охотника след – это часть животного, он связывает человека с животным, через след можно на него издали повлиять. Например, чтобы поднять лосей, можно взять острую палочку и начать копать лосиный след. Лося почувствуют это, поднимутся и побегут. Можно проложить лыжню, и за ее пределы животные не выйдут. С каждым выпавшим снегом лыжню надо возобновлять. Много обстоятельств влияет на удачную охоту по снегу.

Последнее зимнее новолуние и полнолуние

Но вот миновала и середина зимы. Охотники из рода Лисицы возвращаются с пушной охоты в горах, из лесных балаганов. В этом году охота была удачной, они с трудом тащат нарты или волокуши, нагруженные шкурками куницы, белки, зайца. Звериное мясо частью съели сами, частью вместе с костями отдали собакам – они заработали свою долю. Теперь небольшой отдых в теплом жилье озерного поселка и возвращение к своим семьям. Замороженные шкурки пока останутся здесь, весной, когда сюда придет вся община, женщины их обработают. Только их надо подвесить так, чтобы не попортили хищные звери и птицы.

В конце зимы пора своими действиями будить заспавшуюся природу. Замиранию жизни вокруг противопоставляется оживление общения между людьми. Это время, когда проходят гостевания, собираются вместе люди Лисицы, люди Бобра и люди Куницы. Договариваются о последующей совместной деятельности – изгороди и ловушки нужно достраивать, дарят друг другу подарки, сытно угощают лучшими кушаньями. Есть и два самых важных события для этой части зимы. Пришло время коллективного жертвоприношения духам – покровителям. И двое суток непрерывно горит священный огонь. Все это приурочено к последнему зимнему новолунию.

Как только подойдет полнолуние, можно играть свадьбы и по погоде в это время предрекать судьбу новой семьи. В этом году младший сын общины Лисицы берет жену из рода Бобра, а старшая дочь из рода Куницы уходит в общину рода Лисицы. Так бывает часто среди этих трех родов, но иногда приходится за невестой идти далеко на север, но и там знакомые роды и там тоже без труда найдут невесту, которая и духами предназначена жениху. Это узнают при особых обрядах особые люди, что знают с духами. В любом месте по эту сторону гор можно найти положенную тебе половину. Так было до них, так есть и так будет продолжаться. Здесь обитают роды одного языка и главные духи у них общие.

За всеми шумными заботами конца зимы подходит месяц первых длинных дней, пора всей общине переходить в поселок на озеро у гор. В заново обжитых после полугодового отсутствия жилищах будут встречать первый месяц нового года – месяц вороны. По примете, если первая прилетевшая ворона сядет на низкое дерево, то весна будет скоротечной, если на высокое – затяжной. В это время в предгорьях своя извечная охота – загон лося. Лось дает пищу в самое тощее время года – когда уже на исходе зимние припасы. По правилам, лося не преследуют в одиночку, а устраивают облаву общими силами. Сильный зверь становится беспомощным на затвердевшем за зиму снегу, человеку он нипочем, а лось проваливается, бежать ему трудно. После лосиной охоты пора переходить от леса к воде – рыболовству и охоте на водоплавающую дичь.

Зима, лето – новый год, новое кольцо на древе жизни. И так без конца, пока живет дерево, дерево общины, древо жизни обща. Одному в ней не выжить. Изгнанный из рода обречен на смерть.

Пример из современной и не совсем, а вернее – древней жизни

Представляя себе жизнь охотников и рыбаков в эпоху камня, можно сравнить нашу фантазию с традиционным хозяйством охотников современных угорских народов Западной Сибири. Между кольцами жизни общины, которые мы рассматриваем, временной отрезок в 5 тысяч лет, посмотрим, так ли уж сильно изменились способы ведения хозяйства?

Вот перед нами стойбище хантов Курломкиных из рода Медведя, расположенное на реке Большой Юган, левом притоке реки Обь. Трудно сказать, сколько столетий поколения Курломкиных живут на этой земле. Глава семьи Петр Васильевич говорит, что эта земля принадлежала его семье на протяжении всей семейной памяти. В начале прошлого века жизнь этой семьи описывал А. А. Дунин-Горкавич в книге «Тобольский Север: географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим регионам», изданной в Тобольске в 1910 году. С этой же семьей каждое лето в 1992–1996 гг., то есть уже в конце века встречались кандидат филологических наук О. Э. Балалаева и профессор университета штата Нью-Мексико в США Э. Вигет.

А. А. Дунин-Горкавич описывал хозяйство деда современного главы семьи. Тогда семья Курломкиных добывала лося, оленя, белку, ловила рыбу и собирала кедровые орехи. За 100 прошедших лет ничего не изменилось, кроме того, что теперь летнее стойбище расположено на семь километров ниже по течению реки. Но что такое семь километров, это нам представляется много, а территория охотничьих владений Курломкиных – примерно 55 × 30 км, что составляет около 166 тысяч гектаров. Для нас, владеющих садовыми участками в шесть соток, масштабы немыслимы. Вместе с тем, родовая семья (которую можно назвать и общиной, поскольку жены происходят из других родов) Курломкиных состоит всего из 17 человек.

Во главе семьи-общины, включающей четыре хозяйства, стоит Петр Васильевич Курломкин, в семье которого жена Таисия Михайловна и их дочь Надежда. Старшая дочь Елена недавно вышла замуж и перебралась в семью мужа на реку Малый Юган. Вторая по старшинству семья принадлежит Антону, сыну Петра Васильевича от первого брака. У него жена и четверо детей. Глава третьей семьи – Леонтий, сын Таисии Михайловны от первого брака (т. е. тоже из другого рода) имеет жену и годовалую дочь. Четвертая семья – Николая, сына Петра Васильевича тоже от первого брака, в ней двое маленьких детей. Еще один сын Петра Васильевича – Лазарь не женат и живет в семье Николая.

Курломкины, как и все другие ханты, ведут свое хозяйство по сезонам – годовым кольцам. Модель движения по территории у них биполярная, а не круговая как у оленеводов. Зимняя изба Петра Васильевича расположена километрах в сорока к югу, осенне-весенние лагеря лежат на прямой, соединяющей зимние и летние избушки. У Антона, как старшего сына – отдельная земля для охоты – около 25 тысяч гектаров, а Николай и Леонтий охотятся и рыбачат на одной с отцом территории.

Поскольку хозяйственная территория расположена по обе стороны довольно крупной реки, то год делится на два сезона: поздняя весна – лето и зима – ранняя весна. Перебираться через реку можно, когда станет лед. Семья возвращается на летнее стойбище перед ледоходом, обычно в марте. В это время соседи часто навещают друг друга, добираясь или по льду, или по старым оленьим тропам. В течение сезона таяния льда и разлива реки семья живет, в основном, на осенне-зимних запасах сушеного мяса лося, копченой и соленой рыбы.

Пока вода еще подо льдом, рыбу ловят котцами в устьях маленьких речушек, впадающих в Юган. К северу от летнего поселения, в лесу, устанавливают ловушки на позднего соболя, в них же попадаются тетерева, идущие в пищу. Во время весеннего половодья ловить рыбу практически невозможно – река несет очень много древесного сора. Главная пища в летний се-

зон – рыба. До конца июня вода спадает, начинается основной период рыболовства. В июле молодежь Курломкиных отправляется на озеро, где много рыбы, занимается здесь ловлей и копчением. Например, в 1996 году они привезли с собой большое количество пятидесятикилограммовых мешков рыбы, которые затем разделили между всеми семьями. В сентябре-октябре продолжается рыболовство, но основное занятие в это время – сбор ягод и кедровых орехов. В конце сентября семья начинает готовиться к переезду в зимнее поселение.

В конце ноября, когда окончательно замерзает река, семья начинает перебираться в зимний дом, по пути останавливаясь в промежуточных лагерях. На каждой из таких стоянок проводят около недели, устанавливая ловушки на соболя, охотясь на лося, белку и другую дичь. Охотничьи маршруты проходили по кругу, охотники возвращались в избушку через день-два. Оба транзитных лагеря и зимняя избушка находятся примерно в середине территории, наиболее богатой промысловым зверем. В зимнее поселение прибывают только к Новому году.

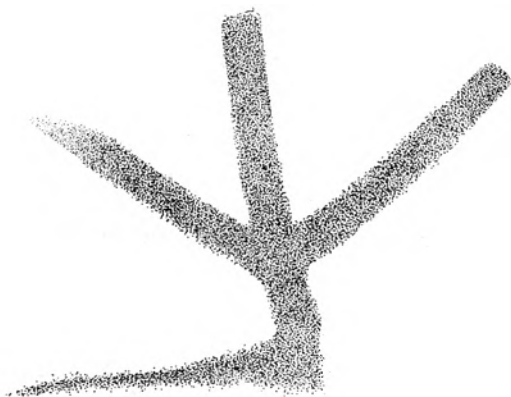
Мясо лосей, добытое охотниками, обычно сушится и вялится про запас на весну и раннее лето. В пищу идут пойманные тетерева, беличье мясо, зайцы. Из пушных зверей бьют соболя, норку, белку и зайцев. На лис и норок охотятся нерегулярно, если только обнаружат следы. Соболиные ловушки расставляют на главной территории, прилегающей к зимней избушке. Силки на зайцев ставят прямо по соседству с домом. Зимой рыбы ловят немного, подо льдом с помощью сетей.

В феврале семья начинает возвращаться на летнее поселение, также останавливаясь в своих «транзитных лагерях», охотясь на протяжении всего пути и добывая соболя из ловушек, поставленных в декабре. По еще крепкому льду переходят на северную сторону реки и начинают обживать летнее стойбище. Еще один годовой цикл замкнулся, образовалось еще одно кольцо на древе жизни. И так годами, десятилетиями и столетиями, сколько хранит память рода Курломкиных.

А теперь давайте посмотрим, сколько же примерно добывает эта семья за год. Традиционно считается, что охотники и рыболовы, по сравнению с земледельцами и скотоводами, владели чуть ли не полуголодное существование. Так ли это? Вот некоторые цифры добычи семьи Курломкиных. Напомню, что их всего 17 человек вместе с малыми детьми. За один год (данные за 1995–1996 гг.) семья добывает: 24 лося (в пересчете на мясо около 5 тонн), около 500 рябчиков, более 100 тетеревов, 40 глухарей, 10 уток, около 1000 белок, 15 оленей, 130 соболей и около 10 тонн кедровых орехов. Рыбу посчитать труднее, но в среднем получается больше тонны. А теперь разделите это все на количество людей в семье и на 12 месяцев. Думается, что цифры вас очень удивят.

Это пример из современной жизни охотников-рыболовов. И в то же время не совсем современной, поскольку традиционное хозяйство почти не меняется тысячелетиями, если на него не оказывать внешнего давления. Заменяем ружье на лук, и мы в эпохе камня, все остальное – принципиально тоже самое.

Жизнь сообщества

Глава 8

Жизнь общества

Человеческое сообщество, как и вообще жизнь на планете Земля, развивается и изменяется по своим законам. Кто эти законы для нас установил, Природа или Творец, вопрос спорный, бесспорно то, что такие законы существуют, и мы обязаны им подчиняться. Каждое общество в своей истории проживает несколько этапов, для различных регионов Земли они проходили в разные периоды времени и с разной скоростью. Все зависит от взаимодействия целого спектра факторов, которые могли присутствовать в разных сочетаниях: геологические, географические, экономические, социальные и т. д. Не существует какой-либо неизбежной последовательности в эволюции социальных форм. В результате, одни народы двигались вперед быстрее и плодотворнее в развитии техники, другие, по некоторым представлениям – отсталые, тоже двигались, но к более полному пониманию природы, кто из них более развит – можно спорить и спорить, что и делается.

Тем не менее, есть близкие формы общества, характерные для народов, ведущих определенные системы хозяйства. Для нас важно, что охотники, рыболовы и собиратели независимо от времени – в эпоху камня или в современном мире, в Арктике или в Полинезии, имеют принципиально близкую общинно-родовую структуру общества. А это значит, что принципы построения такой общественной системы едины и мы можем, наблюдая за ними, с определенной долей условности, конечно, реконструировать общество эпо-

хи камня на Урале. Но начнем с зарождения человеческого общества.

По образному выражению Тейяра де Шардена: «Наши предки в самый отдаленный из доступных нам периодов предстают перед нами группами вокруг огня». Эти группы, которые можно назвать праобщинами, никогда не были аморфными и уже тем более не были они «первобытным человеческим стадом», как считалось еще совсем недавно. Любое общество, даже в самой ранней форме не может существовать как аморфная группа – она возникает как результат связей, как определенное поле связей – более плотное между отдельными людьми и слабее – между коллективами. И наши «группы у костра» уже обладали организацией. Прежде всего, они естественно разделялись на мужскую и женскую части. Мужская часть состояла из мужчин и подростков, различающихся по своему возрасту и личным достоинствам. Женская – была

Община палеолитических охотников

представлена индивидуальными группами из женщин и их детей.

С самых ранних этапов, параллельно с развитием человеческого сознания развивалось представление об обязательности биологического воспроизводства, произведения потомства. Полноправным человеком – и мужчиной, и женщиной – считался только тот, что мог родить детей – пополнение для своей общины. Бездетные считались неполноценными членами рода. Конечно, установка на воспроизводство, рождение детей, была заимствована еще из биологической стадии эволюции, но осознанный принцип обязательности для человека участия в биологическом воспроизводстве коллектива, такая социальная установка на практике действует в любом обществе, вне зависимости от уровня социально-экономического развития и культурной принадлежности. На ранних этапах человеческой истории группы охотников и собирателей не могли образовывать крупных общественных коллективов, поэтому основной вектор – ориентация на более широкое множество людей, нежели собственный коллектив, при поиске брачного партнера – был основой возникновения экзогамии – запрета половых связей в своем родственном коллективе и внешней направленности брачных отношений. Закономерность была безусловной – отдельная человеческая группа обладает большей степенью устойчивости, большей способностью к развитию и выживанию в том случае, если она в своем воспроизводстве использует ресурсы множества других аналогичных групп, частью которых она является. Во всех случаях развитие экзогамии родительского коллектива как нормы неизбежно. Нарушение этой нормы каким-либо человеком каралось очень жестоко, часто даже смертью.

Основной предпосылкой процесса, обеспечивающего ориентацию брака вовне, являлась неравномерность вхождения отдельных членов общин в возраст, необходимый для возможности заводить детей. Попросту говоря, необходим был обмен

людьми. В целом, система обмена, как основа существования и развития человеческого общества, давно признана одним из основных процессов общественного бытия. Если в процессе возникновения экзогамии ориентация вовне обеспечивала человеческое воспроизводство, то материальный обмен – воспроизводство экономическое, но в конечном итоге и биологическое тоже. Начальной формой обмена, а потом и торговли, был дарообмен, отголоски которого мы видим и сейчас, когда жених и невеста обмениваются обручальными кольцами.

Здесь мы подходим к образованию такого феномена как семья. На той древнейшей ступени человеческого общества – «людей у костра» – семьей, пожалуй, можно назвать неделимую социальную ячейку, коллектив из женщины и детей, который являлся частью более широкой системы – праобщины, с которой эту ячейку в свою очередь связывал прежде всего муж. Семья была индивидуальна только в том смысле, что это был индивидуальный микромир женщины, который обеспечивался существованием всей общины. Бинарной (дуальной, двойной) она была постольку, поскольку представлена мужской и женской частями, и мужчина являлся внешним связующим звеном для женской части. Выделение в системе индивидуальной семьи в составе мужчины, женщины и детей – как социальной группы, характеризующейся совместным проживанием, экономической кооперацией, совместным участием в биологическом и социальном воспроизводстве, т. е. в нашем современном понимании слова «семья», произошло достаточно поздно, на уровне хорошо развитой экономики в классовых обществах.

Как правило, у этнографически известных народов, находившихся на ранних ступенях социальной эволюции социальная ячейка, которую мы сегодня называем словом «семья» вообще не имеет специального названия. Чаще всего она определяется через такие слова как «жилище», «очаг», «дом».

«Люди одного очага» – рат

Очень интересные наблюдения проведены А. В. Головневым и Е. В. Переваловой у североуральских и западносибирских угорских народов – ханты и манси, наиболее близкими по образу жизни к охотникам и рыбакам эпохи камня Урала и, скорее всего, отчасти являющимися их потомками. Собственно, понятия семьи, в общественном современном значении, у них нет, первичным является «рат – люди одного очага» или «люди из одного дома». «Рат» включает кровных родственников, ведущих происхождение от одного предка. Еще слово «рат» может переводиться как «очаг, место в жилище, где разводили и поддерживали огонь». По представлениям представителей современных угорских народов «людей одного очага» объединял домашний очаг, считавшийся у кровных родственников общим. Люди из одного «рат» могут по традиции передавать очажный огонь друг другу, «кормить» его, подбрасывая дрова. В некоторых «рат» огонь считался священным, и к нему могли притрагиваться только родственники. Если «чужой» человек разведет в таком очаге огонь, верили, что у него отсохнут руки. Огонь в «рат» мог попискиванием сообщить о скором прибытии родственника, а сильный треск в очаге мог свидетельствовать о смерти одного из них.

Родственность в «рат» распространяется и на умерших. При посещении кладбища старейший из ныне живущих разводил огонь и приглашал к огню всех умерших членов «рат» – стучал по могиле каждого родственника. При этом все родственники, даже маленькие дети, находящиеся на кладбище, должны бросить в костер хотя бы по палочке, иначе – «непочтительно». В пределах одного очага – «рат» – вертикального межпоколенного родственного круга, осуществлялся обряд передачи душ умерших новому поколению. Предполагалось, что каждый член «рат» должен возродиться 4–5 раз в новых поколениях. В повседневной жизни к унаследовавшему душу старика ребенку

обращались как к предку, при этом соблюдались все обряды, соответствующие статусу покойного. Можно даже было услышать разговор о том, что человек растит своего отца или мать.

Основой такого первичного коллектива («семьи») в общинной среде является рождение детей, то есть, воспроизводство коллектива, а не постоянный или временный союз мужчины и женщины. Этот первичный коллектив является фундаментальной частью социальной структуры догосударственных обществ, хотя и не обладает способностью самостоятельной социально-экономической единицы, не может выступать в качестве субъекта социально-экономических отношений в рамках общества в целом.

Исторические формы семьи зависят, прежде всего, от развития структуры общины в целом. Конкретные формы семейной организации, если не отождествлять их с общиной, не могут быть выстроены в некий самостоятельный эволюционный ряд, параллельный истории развития всей общественной организации. Любая такая классификация будет очень схематичной. Тем не менее, можно выделить некоторые, наиболее понятные нам формы семьи.

Семьи бывают разные

Первая и наиболее фундаментальная форма обозначается как нуклеарная семья. Обычно она состоит из находящихся в брачных отношениях мужчины и женщины, а также их детей. У большинства народов мира нуклеарные семьи существуют не изолированно, а в составе более крупных семейных объединений. Не имеет значения, являются ли брачные отношения постоянными или временными, сталкиваемся ли мы с полигинией (многоженством), полиандрией (многомужеством) или сексуальной вседозволенностью. Ситуация может осложняться включением в семейные группы лиц, не входящих обычно в семьи знакомого нам типа. Только один факт является приори-

тетным по отношению к другим: повсеместно муж, жена и неполовозрелые дети образуют особую социальную ячейку, выделенную тем или иным образом из всей остальной общности.

Подобные нуклеарные семьи обычно отделены от других нуклеарных семей, как в физическом, так и в социальном пространстве. Даже в полигинии для каждой жены и ее детей обычно отводится отдельная комната или жилье. В нуклеарной семье мы видим объединенными в одно целое четыре функции, фундаментальные для всей общественной жизни человека: сексуальную, экономическую, репродуктивную и образовательную. Не обеспечив осуществление первой и третьей функций, общество вымрет; без второй прекратится сама жизнь ее членов; без четвертой функции исчезнет культура. Колоссальная социальная значимость нуклеарной семьи выявляется все более и более отчетливо.

В качестве следующей наиболее распространенной формы можно привести *расширенную патриархальную семью*, часто называемую просто *патриархальной*. В типичном случае она включает в себя пожилого мужчину, его жену или жен, незамужних / незамужних детей, его женатых сыновей, а также жен или детей последних. Три поколения, включающие нуклеарные семьи отца и сыновей, живут под одной крышей или в примыкающих друг к другу строениях.

Большая семья – социальное образование, не относящееся преимущественно ни к линии общинных, ни к линии родовых структур, но являющее собой результат их пересечения. В среднем семья, в зависимости от количества детей, могла состоять из 5–9 человек. Эта цифра подтверждается и косвенными археологическими данными. Жилища, которые мы раскапываем на стоянках, как правило, имели площадь от 25 до 50 кв. м. Для охотников и рыболовов Северной Евразии и Северной Америки обычно площадь, занимаемая в жилище одним человеком, составляет 3,5 кв. м. Например, в жилище стоянки Черников брод I площадью 25 кв. м могла жить семья из 7 человек.

Еще одним показателем являются объемы керамических сосудов, которые мы находим при раскопках. В основном, встречается посуда объемом 7–9 литров. Конечно, при приготовлении пищи посуда заполнялась не до края, а в лучшем случае на 2/3, это знает любая хозяйка. Средняя норма приготовления пищи на одного человека составляет от 300 до 500 граммов на один раз. Вот и получается, что в этих сосудах могли готовить на одну семью. Сопоставив все имеющиеся у нас факты, можно с уверенностью сказать, что жилище стоянки эпохи камня на Урале – это место проживания отдельной семьи.

Любая семья, по определению изначально состоит из двух половин – мужской и женской. Поскольку мужчины и женщины и биологически и психологически существенно различаются, то и их функции даже в рамках древней семьи очень разнятся. Жизненные интересы и энергия женщины, в первую очередь, естественно направлены на свой очаг, на свой дом, на свою семью. Ее внешние связи – это, прежде всего, связи с другими аналогичными женско-детскими ячейками в рамках общины. Это может быть обмен пищей, взаимопомощь в уходе за детьми, участие совместно с другими женщинами в хозяйственных работах. Женщина не может быть вне своей семьи, состоящей из детей и мужа, по всем нормам традиционной жизни. В противном случае – это либо еще не полноправный член общества, то есть ребенок, либо уже недееспособный человек, требующий опеки. Дети также участвуют в жизнедеятельности женской социальной половины и оказывают определенное, но косвенное влияние на развитие общины в целом.

Роль мужчины существенно другая. Его жизнедеятельность направлена на взаимодействие как семьи, так и общины в целом, с другими коллективами. Конечно, есть нюанс – влияние женщины на принятие мужчинами тех или иных решений – но, тем не менее, все внешнее взаимодействие осуществляется мужчинами. Это и оборона, и нападение, поиск новых территорий обитания, урегулирование внешних проблем. Попросту говоря,

за мужчиной издревле внешняя, «политическая» деятельность, которая направлена на поддержание необходимого состояния своего коллектива во взаимосвязи с внешней природной и социальной средой.

По мнению Н. М. Гиренко, основой социальной жизни женщины в рамках этой схемы является ее собственное жилище, очаг как часть общины, образующие ее микрокосм, общинную структуру минимального уровня. Основой социальной жизни мужчины является община как целостность, состоящая из более мелких структур, и обеспечение воспроизводства этих структур является его основной функцией. Мужчины создают корпоративность, целостность первичного социума, в то время как женщины придают ему структуру, внутреннюю дискретность, а тем самым и способность к сегментации и развитию. Если мужчины обеспечивают развитие за счет внешнего взаимодействия, то женщины – за счет внутриобщинного. Иными словами, речь идет о различных аспектах, измерениях одного и того же целостного явления – первичного социума.

Если изложить соотношение функций мужчин и женщин с позиции отдельной индивидуальной социальной ячейки женщины, то первичными окажутся связи женщины с детьми, для которых внешней средой является община, представленная такими же ячейками, связями между ними. Мужская часть общины, с которой женщина связана через собственного мужа, будет вторичной системой. Здесь действуют мужчины, которые, конечно, поддерживают связи, во-первых, друг с другом, во-вторых, с означенными микроячейками их жен, но как группа, обеспечивают воспроизводство коллектива через взаимодействие с внешней средой. Таким образом, женщины имеют тылом свой очаг, мужчины – общинный очаг. Если функции мужчин обозначить пересечением ряда окружностей большого радиуса, а функции женщин – пересечением ряда окружностей меньшего радиуса, то саму общину в целом пришлось бы представить в виде наложения одной конфигурации на другую.

Община – «изобретение» древнего человека

Здесь мы подходим к самому основному объединению людей в структуре древнего общества – общине. Община и семья – это единственные действительно универсальные социальные группы. Они встречаются во всех известных науке обществах, а в зачаточной форме могут быть прослежены и на дочеловеческом уровне.

Община – это коллектив людей, объединившихся для хозяйственного освоения определенного вмещающего ландшафта и направленного на воспроизводство как жизнедеятельности, так и самого человеческого коллектива. Община может состоять из семей и отдельных, даже не родственных членов коллектива, делиться по необходимости на хозяйственные и целевые группы.

Хозяйственной группой может быть одна или две семьи в общине, которые, например, сегодня занимаются рыбной ловлей, в то время как третья семья заготавливает на зиму дрова. Целевая группа – это, например, несколько мужчин общины, которые направляются на один-два месяца в горы на зимнюю охоту на пушного зверя, когда остальная община остается на своем зимнем поселении. Все компоненты этой системы взаимодействуют между собой как части одного целого. Основной функцией общины всегда является ее деятельность в качестве ведущего производственного коллектива, который обеспечивает систему жизнеобеспечения, то есть, направлена на поддержание оптимальных условий жизни.

Общинная организация облегчает жизнь своим членам через социальное взаимодействие, дает им хозяйственные преимущества через кооперацию в добывании продуктов питания, а также страхует их от временной нетрудоспособности или всякого рода несчастий через взаимопомощь и дарообмен. К этим преимуществам можно добавить совершенствование специализации и разделения труда, достигаемое в рамках общинной организации. Таким образом, общинная организация увеличивает шан-

сы выживания своих членов, а это, вместе с непосредственными преимуществами, которые она дает, вне всякого сомнения, становится причиной ее универсального распространения.

Размер общины, количество людей, объединенных в ней, зависит, прежде всего, от типа хозяйства, которое ведет эта община. По многочисленным данным этнографов, собранных в различных регионах мира, оптимальный размер общины охотников, рыболовов и собирателей не превышает 35–50 человек.

Община всегда связана с определенной территорией, при этом члены общины эксплуатируют ее ресурсы в соответствии с технологическими достижениями своей культуры. При охотничье-рыболовческо-собирательском типе хозяйства общинные земли находятся в коллективной эксплуатации.

Вследствие наличия общей территории и взаимозависимости составляющих ее семей, община становится базовым фокусом общественной жизни. Каждый из ее членов обычно достаточно знаком с остальными членами общины и через постоянное взаимодействие научился адаптировать свое поведение к поведению сообщинников; таким образом, группа оказывается сплоченной воедино сложной сетью межличностных отношений. Многие из них получают культурное оформление, в результате чего формируются социальные отношения, например родственные или отношения, основанные на иерархии половозрастных статусов. Они облегчают социальное взаимодействие и в значительной степени объединяются вокруг общих интересов.

Далее возникает один из самых сложных вопросов общественного устройства древности – соотношение между общиной и родом. Как определялась, через кого, принадлежность человека к конкретной социальной группе?

У человечества существует несколько фундаментальных правил счета родства. Патрилинейный счет происхождения связывает человека с группой родственников только через мужчин – отца, деда и т. д., матрилинейный счет происхождения связывает с группой родственников через женщин – мать, бабушку.

Есть еще двойной счет родства, который соединяет патрилинейный и матрилинейный, но от одного предка – его называют амбилинейным. Существуют и другие, более частные и более запутанные и сложные для понимания варианты.

Существует несколько типов родственных групп. Группы первого типа – «резидентные», формируются на основе совместного проживания. По необходимости, они включают мужа и жену, поскольку они обычно проживают вместе. С почти такой же неизбежностью подобная группа не может включать в себя женатых братьев и их замужних сестер, так как они оказываются разведенными по разным резидентным группам законами экзогамии и правилами послебрачного поселения, а, следовательно, проживать совместно могут редко. Таким образом, родственники, собранные вместе в одну резидентную группу, всегда включают как некоторых лиц, объединенных связями свойства, например, мужа и жену (отчима и мачеху), сыновей и дочерей (пасынка и падчерицу), так и лиц, связанных между собой чисто кровнородственно, как в случае родителя и ребенка или двух братьев.

Другой основной тип родственных групп – кровнородственные группы, основанные на принципе происхождения от одного предка, а не совместного проживания. Как следствие, такая группа практически никогда не включает в себя одновременно мужа и жену, либо иную пару свойственников, но всегда включает братьев и сестер и до, и после вступления их в брак. Она также включает всех других кровных родственников соответствующей линии вплоть до глубины, используемой для определения принадлежности к группе. Ввиду перечисленных характеристик подобная группа практически никогда не может быть резидентной. Ее основные формы – линидж, сиб, фратрия, родовая половина, родня и дем.

Третий основной тип родственных групп основан на сочетании связей совместного проживания и родственных связей в той степени, в какой они могут быть совместимы.

Патрилинейные кровнородственные группы представляют собой почти полную параллель матрилинейным группам, различаясь лишь способами включения в свой состав новых членов и соответственно, кругом родственников. Каждый из данных типов однолинейных групп представляет собой иерархию образований разного уровня. Эти подтипы унилинейных объединений имеют идентичные обозначения, а тип счета родства указывается при помощи прилагательных «патрилинейный» и «матрилинейный» или префиксов «патри-» и «матри-».

Унилинейная кровнородственная группа обозначается как линидж, если включает в себя только тех лиц, которые в действительности способны проследить родство между собой через конкретные серии хранимых в памяти генеалогических связей вдоль соответствующей (отцовской или материнской) линий родства. Зачастую (хотя отнюдь не всегда) линидж состоит из однолинейно связанных лиц одного пола, составляющих ядро патрилокальной, матрилокальной или расширенной семьи, вместе со своими детьми противоположного пола, живущих в других домохозяйствах, но, конечно же, без проживающих совместно с ними супругов. В нашем обществе, патрилинейное наследование фамилий приводит к появлению напоминающих линидж групп лиц, имеющих одну и ту же фамилию.

Когда члены кровнородственной группы признают свое происхождение от общего предка по отцовской или материнской линии, но не всегда могут проследить действительные генеалогические связи между собой, такая группа называется сиб.

Для того чтобы группа представляла собой клан, она должна отвечать трем основным критериям. Если у группы отсутствует хотя бы одна из трех соответствующих характеристик, она кланом не станет, как бы ни была похожа на него по композиции и внешнему виду. Во-первых, центральное ядро ее членов должно быть объединено происхождением от одного предка по одной линии. Во-вторых, для того, что бы стать кланом, группа должна характеризоваться проживанием в одном мес-

те. Это не будет наблюдаться, если тип брачного поселения не соответствует типу счета родства, например, когда патрилокальность или неолокальность сочетается с матрилинейностью. Клан не может существовать, если наблюдается слишком много отклонений от основного типа брачного поселения. В-третьих, группа должна демонстрировать действительную социальную интегрированность. Клан не может представлять собой неорганизованный агломерат независимых семей, подобный тем, что мы можем наблюдать в многоквартирных домах. В клане должно быть позитивное чувство принадлежности к группе, и в особенности важно, чтобы лица, пришедшие в клан по браку, считались его неотъемлемыми членами.

«Сир» – угорская община

Мы уже отмечали, что у угорских народов Урало-Сибирского региона объединение, тождественное семье, обозначается «рат». Следующей ступенькой в общественном устройстве является «сир» – родственное сообщество, состоящее из нескольких очагов – семей. В основе такого объединения лежат представления о единстве происхождения, общем культе предков и запрете взаимных браков. Люди одного «сир» считаются кровными родственниками и называют друг друга «братьями» и «сестрами». По данным Н. В. Лукиной и В. М. Кулемзина, *«смысл разделения своего рода на “сир” ханты видят в необходимости регулирования системы заключения браков, ... внутри «сир» было запрещено заключать браки»*. Найденные сведения это подтверждают: «Один «сир» считаются как братья и сестры. Внутри сир нельзя жениться». Каждая из групп имеет свой фамильный состав. Этнографы разделяют хантов на три группы – Медведя, Лося, Бобра. Аборигены же помнят и смогли нам назвать сведения о четырех «сир»: Пупи сир (Медведя род) – это Каюковы, Курломкины, Кельмины, Рыскины, Мултановы; Войях сир или Нёх сир (Лося род) – Каймысовы,

Купландеевы, Ярсомовы; Мах сир (Бобра род) – Когончины, Писыркины, Кельмины; Люх сир (Глухаря род) – Ярсины. Упоминали и о Вонтри сир (Выдры род), однако не смогли назвать представителей этого рода. Члены «сир» жили и живут территориально разобщенно, хотя можно говорить о некоторой локализации объединений. Так, на Малом Югане обитают преимущественно представители рода Бобра, на Оби – Лося, а на Большом Югане – Медведя. О представителях одного «сир» говорят: «*одного бога люди*» (Ий тунх ях), т. е. члены группы являются потомками божества с обликом того или иного животного (тотем). У каждого «сир» есть свое священное место, где происходят церемонии жертвоприношения божеству-покровителю.

Вот здесь и начинается некоторая путаница между двумя основными понятиями в устройстве общества охотников и рыболовов – родом и общиной.

Род – это группа кровных родственников, ведущих свое происхождение по одной линии (материнской или отцовской), осознающих себя потомками общего предка (реального или мифического), носящих общее родовое имя. Члены одного рода, поскольку они считаются кровными родственниками, не могут вступать в браки между собой, то есть, должны соблюдать основной принцип рода – экзогамию. Тогда где же брать жен мужчинам отцовского рода? Только в других родах. Вот и получается, что в каждой семье, муж принадлежит одному роду, а жена – другому.

Мужчины одной семьи – сыновья одного отца, родившиеся в одном жилище – «рат», берут себе в жены невест из разных родов. Образуется несколько семей – несколько «рат», объединяющихся в «сир». Несколько семей, живущих в отдельных жилищах и принадлежащих к разным родам, образуют общину. Таким образом, упомянутая «сир», с одной стороны, является родом, с другой, – общиной. Такая непростая общественная организация охотников и рыболовов называется общинно-

родовой. В этом мире все переплетено и взаимосвязано. Женщина, выходя замуж, берет вещи своего рода, сохраняет память своего рода, воспитана в традициях своего рода. Но, на свадьбе невеста теряет свою прежнюю «голову» и признает в качестве новой «головы» – мужа. Само слово «свадьба» у угорских народов в легендах имеет одни и те же эпитеты – «безголовая, безвозвратная». В течение жизни женщина вживается в новый род и к старости становится хранительницей традиций уже не своего рода, где она родилась и выросла, а рода мужа и учит им новую молодую невестку. Такие вот жизненные метаморфозы.

Основная задача родовой организации – это деятельность в непроизводственной сфере. Прежде всего, это строгое соблюдение родовой экзогамии, то есть, недопущение брачных связей между кровными родственниками – братьями и сестрами разных уровней. Еще одной важнейшей функцией является осуществление связей между поколениями – передача традиций, воспитание молодежи, их посвящение в мир родовой мифологии. У каждого рода свое представление о мироздании, свой предок, эта связь времен и поколений не должна прерываться. Все это осуществляется через обряды посвящения, поклонения предкам, обустройство и поддержание родовых святилищ.

Община и род – это две органично связанные и взаимопроникающие структуры, которые образуют сложную, поскольку это и есть сама жизнь, систему. Общинно-родовая организация общества обязательно связана с конкретной землей на которой живут люди. Это территория, на которой ведется хозяйственная деятельность общины. Она всегда имеет границы природные, например, горы или реки, или символические, рукотворные, например, куча камней. Связь жизнедеятельности общины всегда связана с конкретным вмещающим ландшафтом – экологической нишей. Община является составной частью социобиоценоза – системы, с помощью которой осуществляется социальная адаптация к различным природным условиям. Свою территорию имеет и родовая организация, причем общинные

и родовые земли чаще всего совпадают, но могут быть и несколько различаться. Все зависит от конкретных природных условий.

Остановимся подробнее на интересующей нас территории Урала и Западной Сибири. К началу неолита окончательно оформляется общинно-родовая структура охотников и рыболовов уральского общества. Возможно, процесс формирования завершился еще в мезолите, но более уверенно мы можем об этом говорить только с неолита, что связано с пополнением комплексов артефактов в неолите керамикой, ведь большим подспорьем в научных исследованиях является орнаментация керамики. Орнаменты – это не только художественные образы, которыми руководствовались при изготовлении посуды наши предки. Они не только стремились к тому, чтобы сосуды были красивы, в орнаментах передавались сюжеты из мифологической картины мира. В орнаментах опосредованно отражалось и языковое единство и отличие.

Начиная раскопки поселения, стоянки и отдельного жилища, мы неизбежно сталкиваемся с остатками хозяйственного комплекса системы жизнеобеспечения, которые археологизированы и даны нам в артефактах. Само по себе строительство жилища и поселения указывает на наличие организованного и структурированного коллектива людей, адаптирующегося в окружающей среде. Характеристики материальной культуры Урало-Сибирской лесостепи указывают нам, что хозяйственный комплекс конца каменного века основывался на охоте и рыболовстве, без признаков производящего хозяйства.

Основные воспроизводственные функции – охота и рыболовство выполняются, как правило, общиной или ее частью – хозяйственной группой. Другой составляющей такой социальной организации является род, который является экзогамной группой людей, объединенных кровнородственными, социально институционализированными связями. Поскольку родовая структура, безусловно, экзогамна, то община, как стабильное объе-

динение семей неизбежно состоит из представителей, по крайней мере, двух родов. В любой семье муж и жена должны принадлежать к разным родам, ведут свое происхождение от разных предков, поскольку не могут являться кровными родственниками. Если основной сферой деятельности общины являлась хозяйственная, то основной сферой внимания рода была духовная, традиционная. Помимо своей основной функции – контролем за сохранением экзогамии, родовая организация осуществляла связь между поколениями в преемственности традиций, мифологии, обрядов и т. п. Хотя основным стержнем родовой структуры являлись мужчины, связанные кровным родством, хранительницей очага и родовых традиций была женщина. Приходя после замужества в род мужа, первоначально она считалась «инородкой», но, в течение жизни, постепенно впитывая изначально чужие родовые устои, к старости становилась главной хранительницей теперь уже ее родовых традиций и начинала передавать их своей молодой невестке.

Во все времена женщина была связана с домашним хозяйством и, по этнографическим данным, в обществах с присваивающим хозяйством при отсутствии гончарного круга, изготовление керамической посуды было преимущественно женским занятием. Одним из разнообразных проявлений мировоззрения или мифологии древнего населения были орнаментальные сюжеты на керамике. Логично предположить, что при орнаментации керамики в композицию закладывалась часть родовых традиций и представлений. Но в течение жизни женщина практически меняла свою родовую принадлежность и, если до замужества она орнаментировала посуду согласно с традициями отцовского рода, то после замужества – по традициям рода мужа. Существуют различные варианты браков, но у народов Урала и Сибири традиционным можно считать вирилокальный брак, при котором жена переходит в семью (общину, род) мужа. В таком случае, женщина после замужества приносит в общину мужа часть отцовских родовых традиций, что отражалось и

в конкретных вещах, и в умениях и в навыках деятельности.

На этом этапе при изготовлении посуды она неизбежно руководствуется этими принципами, что в археологических источниках отражается как присутствие в одном жилище сосудов двух различных систем орнаментации, например, гребенчатой и отступающе-накольчатой. Воспитываясь в отцовском роде с традицией накольчатой орнаментации, по прошествии времени становясь хранительницей родовых традиций мужа, она орнаментирует керамику уже не отступающими наклонами, а гребенкой. Со сменой поколений ориентация брачно-семейных связей может изменяться, и, соответственно, будет меняться состав керамической посуды как в рамках одной семьи, так и в рамках коллективов более высокого уровня. Состав керамического комплекса жилища, стоянки или поселения будет зависеть от конкретной географической ситуации, хозяйственной принадлежности памятника, оставлен ли он одной семьей, общиной в целом или хозяйственной группой и т. д.

Существование нескольких родовых традиций в рамках одной общины мы фиксируем находками керамики с различными системами орнаментации, так называемыми «типами керамики» в одном жилище, на одной стоянке, в жилищах одного поселения, в зависимости от размеров общины. Мозаика сочетаний стоянок, как мест жизнедеятельности общин, сочетающих разные родовые традиции, отраженные в типах керамики и будет отражением жизни единого общества – общинности.

Сообщинность – это совокупность общин, как основных первичных социумов, осуществляющих свою жизнедеятельность в определенном вмещающем ландшафте и связанных между собой системой брачно-семейных связей в рамках нескольких родовых структур.

Например, если расположить керамические комплексы заключительных этапов эпохи камня последовательно от Урала до Приобья, то придется констатировать, что эти комплексы, бе-

зусловно, составляют очень близкие типологические ряды, при том, что некоторые типы являются практически сквозными для всей территории. Кроме того, все керамические комплексы связаны небольшими наборами технических традиций: гребенчатой, гребенчато-ямочной, отступающе-накольчатой, накольчатой. Но разные орнаментальные – родовые традиции на всех участках (Зауралье, Притоболье, Приишимье и т. д.) встречаются в одних жилищах. Мы не сможем провести и четко обосновать границу между комплексами Южного и Среднего Урала, Зауралья и Притоболья, Притоболья и Приишимья, Приишимья и Прииртышья, Прииртышья и Приобья, поскольку это и есть та мозаика взаимосвязанных общин, которую можно обозначать как сообщинность.

В урало-западносибирском регионе для IV–III тыс. до н. э. можно выделить четыре сообщинности: центрально-уральскую, западносибирскую лесостепную, западносибирскую лесную и северо-казахстанскую, образующие единую историко-этнографическую область и социально-адаптационную систему. В центрально-уральскую сообщинность нужно включать выделенные ранее в процессе археологической классификации, кысыкульско-суртандинскую, аятскую, липчинскую и другие археологические культуры энеолита. Сегодня уже понятно, что комплексы артефактов этих культур представляют нам остатки материальной культуры единого населения. Вмещающим ландшафтом для этого населения являлось сочетание горно-лесного и холмисто-увалистого лесостепного ландшафтов Южного и Среднего Урала. Для удобства эту территорию можно назвать Центральным Уралом. Данные типологии, трасологии и остеологии позволяют говорить об охотничье-рыболовческом типе хозяйства с сезонной сменой видов деятельности и различными вариантами сезонных стоянок. Изготовление орудий осуществлялось на основе использования в качестве заготовок пластин и отщепов. По орнаментации керамики можно фиксировать сочетание в одних жилых комплексах различных родовых тради-

ций – гребенчатых и отступающе-накольчатых (ложношнуровых).

Северо-казахстанская сообщинность представлена выделенными ранее ботайской и терсекской археологическими культурами. Вмещающим ландшафтом этого населения являлась южная лесостепь с реликтовыми борами на Казахстанском мелкосопочнике. Основу хозяйства составляла охота на лошадь и дикого быка – тура, возможно, в более северных районах сочетаемая с рыболовством. В технологии изготовления орудий преимущественно использовались отщепы и двусторонне обработанные орудия. Родовые традиции представлены сочетанием гребенчатой и веревочной керамики.

Западносибирская лесостепная сообщинность включает ряд очень близких по облику археологических культур – байрыкскую, екатерининскую, карасевскую и другие, объединяемые в «гребенчато-ямочную общность эпохи раннего металла». Вмещающим ландшафтом для населения этой сообщинности служила лесостепь от реки Тобол до Новосибирского Приобья включительно. Хозяйство было основано на охоте и рыболовстве, зависимость расположения стоянок от сезонности пока не понятна. Технология изготовления орудий основана на использовании пластин и отщепов. Родовыми традициями в орнаментации керамики можно считать сочетание в комплексах гребенчатой, гребенчато-ямочной и накольчатой (с насечками) посуды.

Западносибирская лесная сообщинность включает ряд различных типов археологических памятников, расположенных во вмещающем ландшафте тайги бассейна среднего течения Оби, в плане археологической классификации пока детально не разработанных. Хозяйственный комплекс таежного населения основан на охоте и рыболовстве со сменой сезонных видов деятельности. Керамические комплексы характеризуются сочетанием гребенчатой и отступающе-накольчатой орнаментации.

Была ли археологическая культура?

Западносибирская лесостепная общинность в силу своего географического расположения являлась связующим звеном между остальными тремя. Таким же образом можно проанализировать и остальные комплексы. Суть явления определена тем, в какую сторону направлены брачно-семейные связи конкретной общины, оставившей конкретный археологический памятник (жилище, стоянку, поселение). Для западносибирской лесостепной общинности эти связи разнонаправленные, поэтому отдельные памятники, оставленные одним и тем же населением, относят к разным археологическим культурам, что создает путаницу, поскольку археологическая культура – понятие классификационное и не связано с конкретными обществами прошлого.

Очевидно, что никаких так называемых археологических культур, традиционных для археологии, в действительности не было. Население западносибирской общинности, адаптируясь во вмещающем ландшафте северной лесостепи, в процессе годовых хозяйственных циклов осваивало общинные территории, которые распространялись до кромки тайги и до южную лесостепь. Отсюда и направление брачно-семейных связей с родственным населением таежной зоны Западной Сибири, Зауралья и Северо-Казахстанских степей. Обмен, на который обычно ссылаются, если найдут «инокультурный» горшок на «своей» стоянке, не сводился к обмену посудой или иной хозяйственной утварью. Межобщинный обмен и обмен между общинностями – это, прежде всего взаимообмен разнообразными общинными ресурсами – природными, человеческими и другими возможными, сочетание в обмене экологических и социальных тенденций. Именно такое взаимодействие нужно иметь в виду, рассматривая материалы каждого конкретного археологического памятника, именно такая мозаика пересечения различных родовых традиций создает социально-адаптационную систему любого региона древности.

Представленные четыре крупные сообщинности своими взаимосвязями отражали существование праугро-самодийской историко-этнографической области как единой социально-адаптационной системы. Устойчивые брачно-семейные связи, не только цементирующие сообщинности изнутри, но связывающие их между собой, можно фиксировать в фактическом отсутствии каких-либо четко выявленных границ.

Картинные галереи эпохи камня

Глава 9

Картинные галереи эпохи камня

Живопись – одно из самых древних искусств, известных человечеству. Отправной точкой в познании человечеством первобытного искусства стал 1879 год, когда в испанской провинции Кантабрия в пещере Альтамира археологом-любителем Марселино де Савтуола были обнаружены рисунки, полностью перевернувшие знания об истории человечества, которыми располагали в то время европейские ученые.

Первооткрытия. Альтамира, Ласко, Шове

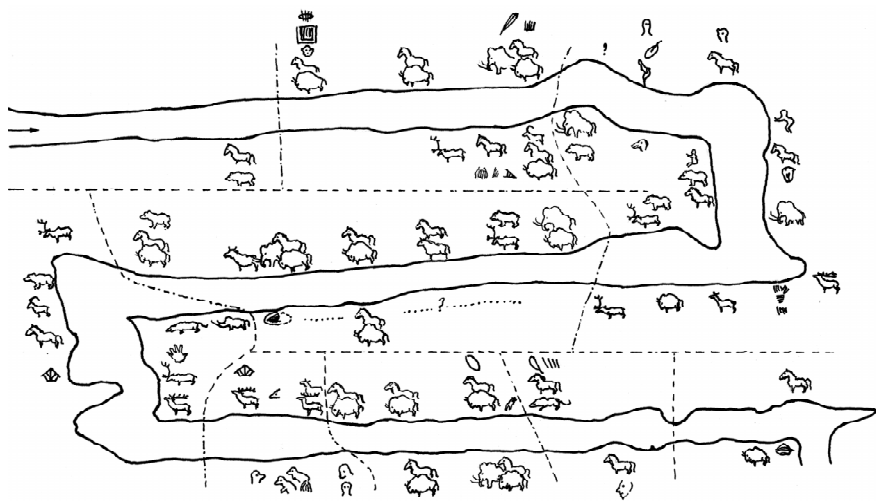
Исследователи пещеры увидели на древних сводах рисунки, на которых были изображены мчащиеся дикие лошади, мощные остроугогие бизоны, величественные мамонты, изящные олени, грозные хищники. Стены и потолок пещеры Альтамира были покрыты изображениями многих видов животных, высота некоторых рисунков составляла 2,2 метра. Людей, увидевших рисунки, поразила прекрасная сохранность и насыщенность яркими красками. Это первооткрытие древней живописи настолько потрясло современников, что консервативно мыслящие ученые того времени долго отказывались признавать их подлинными, поскольку по совершенству рисунки не уступали искусству современности. Они посчитали, что найденные Марселино де Савтуола рисунки являются фальсификацией. Трудно было поверить, что считавшийся тогда «первобытным и примитивным» человек, одетый в шкуры, был способен к такой впе-

чатляющей живописи. Дискуссии по поводу этих рисунков продолжались на протяжении десятков лет, и только радиоуглеродный метод определения возраста окончательно подтвердил подлинность древних росписей Альтамиры, созданных 15–20 тыс. лет назад. Пещера Альтамира стала первооткрытием многочисленных пещер с рисунками, оставленными древнейшими художниками – охотниками эпохи камня.

Пещера Альтамиры. Испания

Основным очагом пещерного искусства долгое время оставалась историческая провинция Франко-Кантабрия – Пиренейская зона, где сконцентрировано более 120 открытых «картинных галерей эпохи камня». Художественные творения древних охотников создавались в период последнего, самого мощного оледенения, которое оказало громадное влияние не только на фауну планеты, но и на становление самого человечества. Пиренейские горы славятся изобилием больших пещер с прочными карстовыми стенами; здесь и оставили свои произведения древние художники. Подземные «картинные галереи» смогли выдержать разрушающее действие времени и сохраниться до наших дней. Природа пещер в течение тысячелетий поддерживает одну и ту же температуру и влажность, создавая идеальные условия для сохранения настенной живописи.

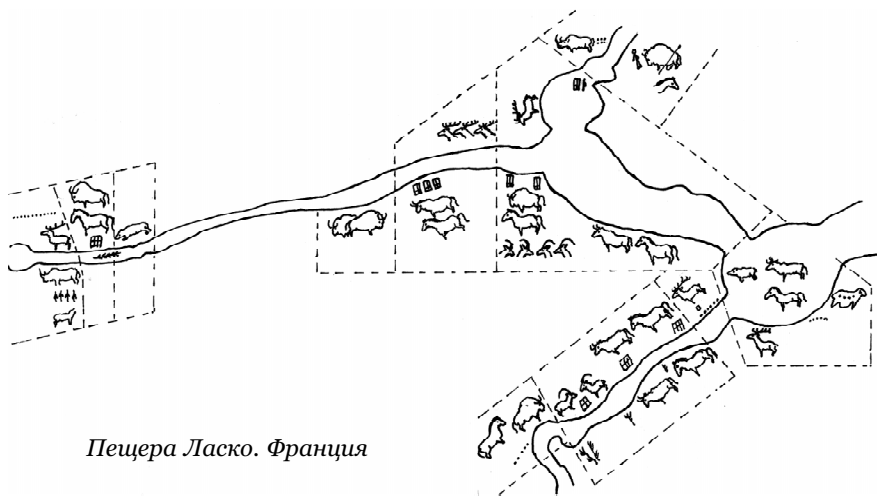
Пещера Комбарель. Франция

В 1901 году во французском департаменте Дордонь был открыт грот Комбарель, на стенах которого сохранилось около 300 наскальных изображений мамонтов, носорогов, лошадей и оленей; в этом же департаменте в пещере Ла-Мари были найдены замечательные рисунки северных оленей, соседствовавшие с изображениями диких лошадей, мамонтами и бизонами. Стены грота Нио в департаменте Арьеж, открытого в 1906 году, также были испещрены фигурами бизонов, лошадей и стреловидными знаками. Эти находки датируются верхним палеолитом, то есть им около 25–30 тысяч лет.

Одно из выдающихся открытий было сделано случайно в сентябре 1940 года. Пещера Ласко во Франции была обнаружена четырьмя мальчиками, которые, играя на вершине холма, забрались в яму, открывшуюся под корнями упавшего после бури дерева. Пещера Ласко – это один из классических образцов пещерного искусства. Стены пещеры сплошь покрыты живописью. На них изображено более 350 животных – лошади, бизоны, зубры, олени, горные бараны, пещерные медведи, кошки,

похожие на рысь и другие. В этой «картинной галерее» есть как завершённые рисунки, так и наброски. Изображение человека встречается в гроте всего один раз, но это целая сцена, полная драматизма: обнажённый мужчина повержен на землю раненым бизоном. Безымянный художник передал сквозь тысячелетия свое восприятие мира, риск, отвагу и непредсказуемость охоты на столь грозных, сильных и опасных соперников. По предметам, найденным в пещере, кремневым орудиям, накопникам дротиков, костяным иглам, а также углям в кострищах и остаткам факелов, которыми освещалась пещера, удалось достаточно точно определить возраст рисунков. По мнению специалистов, они относятся к двум периодам: одной группе рисунков примерно 17 тысяч лет, другой – более 25 тысяч лет. Древние художники обладали прекрасной художественной интуицией, что позволило им включить в рисунок контуры стен пещеры, благодаря чему каждое изображённое животное несёт динамику движения. Эта попытка реалистичного отображения животных, конечно, была абсолютно осознанна, а не случайна.

После сенсационного открытия рисунков пещеры Ласко находки пещерной живописи продолжались, даже в тех же местах.

Пещера Ласко. Франция

В самой насыщенной памятниками пещерной живописи области, казалось бы, исхоженной вдоль и поперек еще во времена аббата А. Брейля и его учеников, за время с 1984 по 1994 год была открыта еще 21 неизвестная ранее пещера с живописью. К новейшим археологическим открытиям в области первобытного искусства относятся гроты Коскер и Шове, обнаруженные в 1995 году, которые по древности, богатству и разнообразию не уступают всемирно известным росписям Альтамиры, Кастильо, Ласко и другим. Шове, пожалуй, занимает теперь первое место среди них. В открытиях пещер с рисунками древних охотников помимо спелеологов приняли участие и любители подводного плавания. В Средиземном море аквалангистами был обнаружен вход в подводную пещеру – грот Коскер, который был заполнен водой – сифон. Преодолев его, они смогли проникнуть в пещеру, где находились рисунки животных, в том числе и птиц. На некоторых рисунках была изображена гигантская бескрылая гагарка, которая была известна палеонтологам лишь по костным останкам. По мере отступления ледников и их таяния вода залила – укрыла на десятки тысяч лет вход, которым пользовались древние охотники. В свое время они могли свободно проходить по галерее, ведущей в пещеру, где и оставили рисунки тех животных, рядом с которыми жили, на которых охотились.

Пещерные росписи сохранили не только облик вымерших зверей, но и характерные позы и пластику движения животных. Техника изображения включала в себя не только рисунок, но и работу по глине – пальцевой рисунок и лепку, точечную выбивку, пикетаж, контурный рисунок и барельефы, резьбу по камню и самое впечатляющее – рисунки в цвете. Совершенство рисунков подчеркивалось богатством цветовой палитры, в которой присутствовали черный, красный, белый и желтый цвета. В основе этих красок были минеральные красители, смешанные с водой, животным жиром и соком растений – именно они сделали цвета пещерных росписей особенно яркими. В качестве красок использовали красную, коричневую и желтую охру. Чер-

ный цвет получали из древесного угля и двуокиси марганца. Фиксаторами красок служили стойкие органические соединения, такие как яичный белок, кровь, жир, мозг, а также мел.

Благодаря незаконченным наброскам удалось последовательно проследить технику нанесения изображения на поверхность стены пещеры. Вначале примитивной кисточкой или пером наносился контурный рисунок. Затем внутренняя часть закрашивалась, причем силуэт фигуры иногда подчеркивался врезным контуром. Для того, чтобы расписывать стены и потолки, древние охотники сооружали из принесенных стволов деревьев «леса», окаменевшие фрагменты которых в изобилии сохранились. На полу многих пещер исследователями были найдены камушки с нацарапанными на них изображениями зверей. Это были или «ученические» работы «художественных школ» эпохи камня, или «эскизы» будущих «картин».

Любое открытие неожиданно и ожидаемо одновременно. Долгое время единственным в мире центром, где существовала пещерная палеолитическая живопись, была Западная Европа, преимущественно Франция и Испания. Однако, как показывает жизнь, ничто в нашем мире не может быть единичным и единственным, всегда находится что-то, если не идентичное, то очень близкое. Так произошло и с находкой монументального настенного искусства эпохи палеолита. В 1959 году западноевропейская монополия на это удивительное явление человеческой культуры была нарушена.

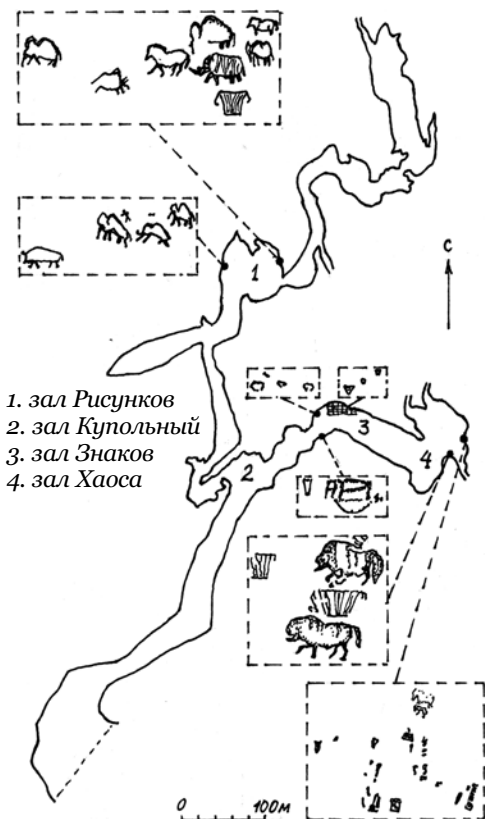
Монополия нарушена. Капова пещера – Шульган-таш

Заслуга выявления наскальной живописи в Каповой пещере на Южном Урале принадлежит зоологу Башкирского государственного заповедника А. В. Рюмину, сумевшему не только увидеть эти изображения, но и к его чести, правильно оценить их значение.

Шульган-Таш (Капова) – наиболее известная издавна на Южном Урале пещера. Исследователь Оренбургского края П. И. Рычков в 1755 году писал о ней: «...из всех в Башкирии находящихся пещер за славнейшую и наибольшую почитается...». Очевидно, эта известность связана с ее размерами: из сотен пещер, зафиксированных ныне на территории Южного Урала, Шульган-Таш резко выделяется своими объемами и сложной топографией. По существу это настоящая подземная страна. Вот как ее описывал в середине XIX века В. Даль:

«...она вся еще не исследована и состоит из множества больших и малых пещер, связанных с переходами, концами и трещинами... Тут есть ключи, озера, пропасти, подземные горы... В стенах и сводах есть отверстия, ведущие в верхние и боковые ярусы пещеры...».

У башкир с пещерой связано много преданий и поверий, в частности о том, что будто бы в пещере жили особенные люди, которые были богаты, сеяли хлеб и имели много скота. По мнению В. Е. Щеллинского, именно размеры пещеры стали причиной выбора ее в качестве одного из главных святилищ на Южном Урале в

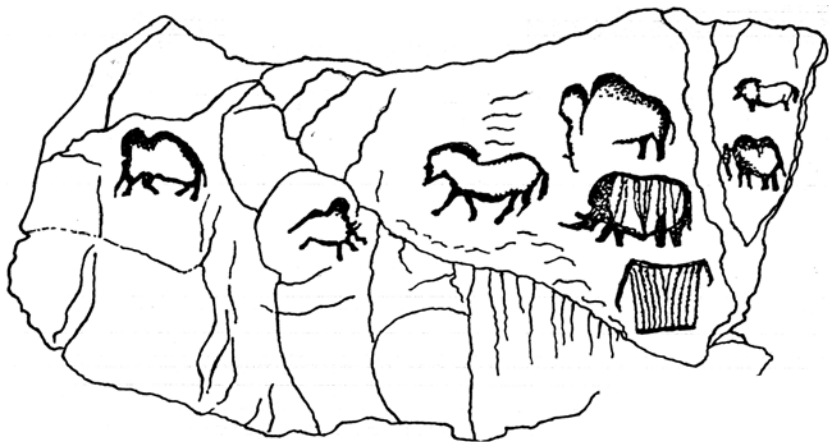
1. зал Рисунков
2. зал Купольный
3. зал Знаков
4. зал Хаоса

План пещеры Шульган-Таш (Капова)

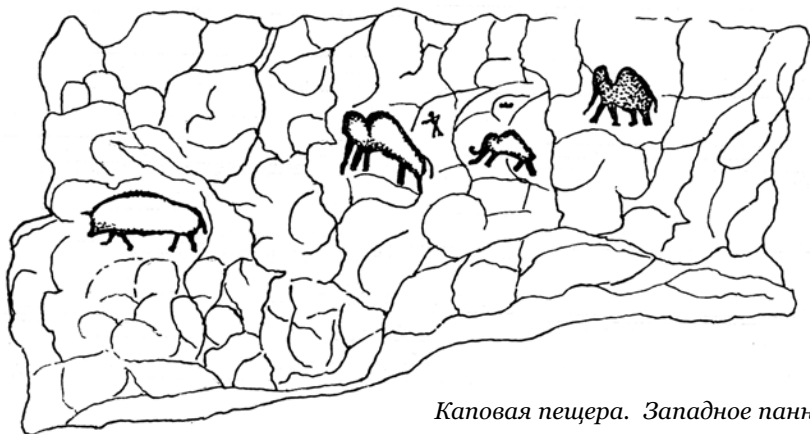
эпоху палеолита.

После доклада об открытии, сделанного А. В. Рюминым в Институте археологии Академии наук СССР, в Капову пещеру была организована специальная экспедиция под руководством основателя уральской школы археологов Отто Николаевича Бадера, который возглавил изучение Каповой пещеры в 1960–1974 годах. Оказалось это монументальное природное сооружение состоит из трех этажей, общая протяженность которых более двух километров. Рисунки обнаружены на верхнем и среднем этажах, между которыми расположен ход-шахта – провал глубиной около 14 м, по нижнему этажу и сейчас протекает речка Шульган, поэтому пещера имела еще одно название – Шульган-таш, оно и закрепилось как основное.

Движение по пещере нужно начинать с верхнего этажа, где находится Зал рисунков, включающий Западное и Восточное панно. Находясь здесь, зритель оказывается в окружении животных верхнего палеолита: мамонтов, лошадей, бизона, носорога. Животные изображены таким образом, что визуально как бы образуют полукруг. Композиция движущихся одного за другим животных как бы указывает направление, куда должен

Каповая пещера. Восточное панно

Каповая пещера. Западное панно

дальше идти посетитель – на средний ярус в Купольный зал. Здесь преобладают фрагменты фигур в виде пятен, штрихов, есть фигура в виде трапеции с «ушками» и изображения, возможно, одной или двух лошадей. На этом же ярусе расположен и Зал знаков, в котором изображены: трапеции и прямоугольники с «ушками» и без них, расчерченные внутри линиями, треугольники, овал. Знаки указывают дальнейшее направление движения – Зал Хаоса. Вероятно, это был главный зал пещеры. Композиция построена следующим образом: на правой стене за глыбовой осыпью изображены две бегущие одна за другой лошади, разделенные особым знаком. Далее, в самой глубине пещеры на нависающей над полом плите большая группа знаков – четырехугольники, пятна, овалы, отрезки. И, наконец, центральная фантастическая фигура: человеческое туловище, голова мамонта, передние конечности копытного животного, задние конечности лошадиные, не совсем понятно, но, кажется и лошадиный хвост. Несмотря на то, что росписи пещеры, казалось бы, разрознены и сюжетно, и пространственно по различным залам, все же очевидна их общая организация. Они направляют вас вглубь пещеры к главной фигуре святилища.

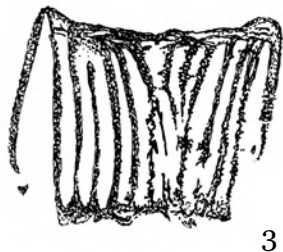
Фантастическая
фигура Зала Хаоса

«Колдун» из пещеры
Труа Фрер.
Франция

Рисунки Каповой пещеры

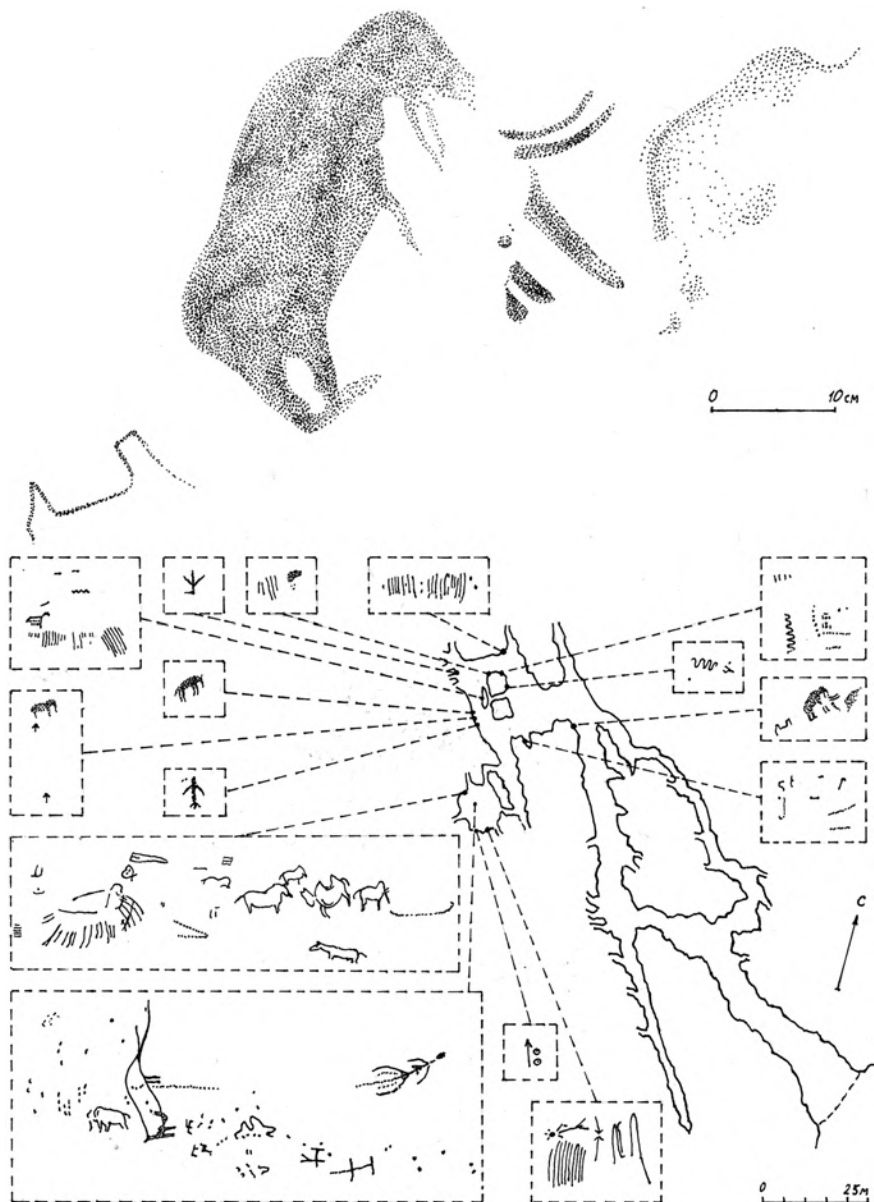
Каповая пещера.
Трапецивидные символы.
1 — в зале Хаоса
2 — в зале Знаков
3 — в зале рисунков

Игнatieвская пещера

Свою историю имеет Игнatieвская пещера, вторая на Южном Урале по размерам и значимости пещера с палеолитической живописью. Известна она уже более 200 лет, но свою тайну открыла только Валерию Трофимовичу Петрину, талантливому и увлеченному исследователю эпохи камня Урала и Сибири, в течение десяти лет целеустремленно изучавшему уральские пещеры, в том числе и с целью поиска наскальной живописи. Есть историческая справедливость в том, что именно В. Петрин и его ученики В. Широков и С. Чаиркин 11 марта 1980 года впервые увидели рисунки, оставленные в глубине Игнatieвской пещеры нашими древними земляками 13 тыс. лет назад. Проработав в пещере семь лет, В. Т. Петрин опубликовал, наверное, главную книгу своей жизни – «Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале» – образец комплексного и нестандартного подхода к изучению археологического памятника.

До этого сенсационного открытия пещера много чего повидала. Похоже, она была известна местным жителям всегда. В XVIII веке пещера использовалась башкирами как загон для овец и коз. Спустя сто лет, в 1886 году Ф. Чернышев при описании общей геологической карты России писал: *«Гора носит у русских название Игнatieвской по имени келейника, жившего в пещере, тут находящейся. Келейник Игнатий, умерший лет 40 тому назад, считался среди окрестных крестьян, особенно раскольников, за святого, и до сих пор память о нем благоговейно чтится всем поселком. Игнatieвская пещера одна из самых обширных в Южном Урале и представляет целую сеть галерей и мелких камер. Две такие маленькие пещеры, в которые возможно добраться лишь ползком, служили жилищем Игнатию, и в одной из них он похоронен».*

На рубеже прошлого и позапрошлого веков пещера служила местом поклонения, в ее Большом зале совершались молеб-

План Игнатъевской пещеры

ны. В XX веке пещеру неоднократно посещали археологи – С. Н. Руденко, С. Н. Бибииков, О. Н. Бадер, М. А. Бадер, но палеолитических рисунков они не обнаружили. Собственно они и подумать не могли, что они могут здесь быть. Капова пещера еще не была открыта.

Что же хранила в себе пещера? Сегодня здесь известно уже более 50 рисунков, сделанных красной и черной краской, которые расположены в самой глубине, на расстоянии 120 м от входа, в двух главных залах – Большом и Дальнем. Большой зал действительно оправдывает свое название – он грандиозен и легко доступен. Здесь нет определенного центра скопления рисунков, они равномерно распределены по стенам и потолку. Двигаясь по залу, зритель как бы прочитывает развертывающееся на глазах повествование.

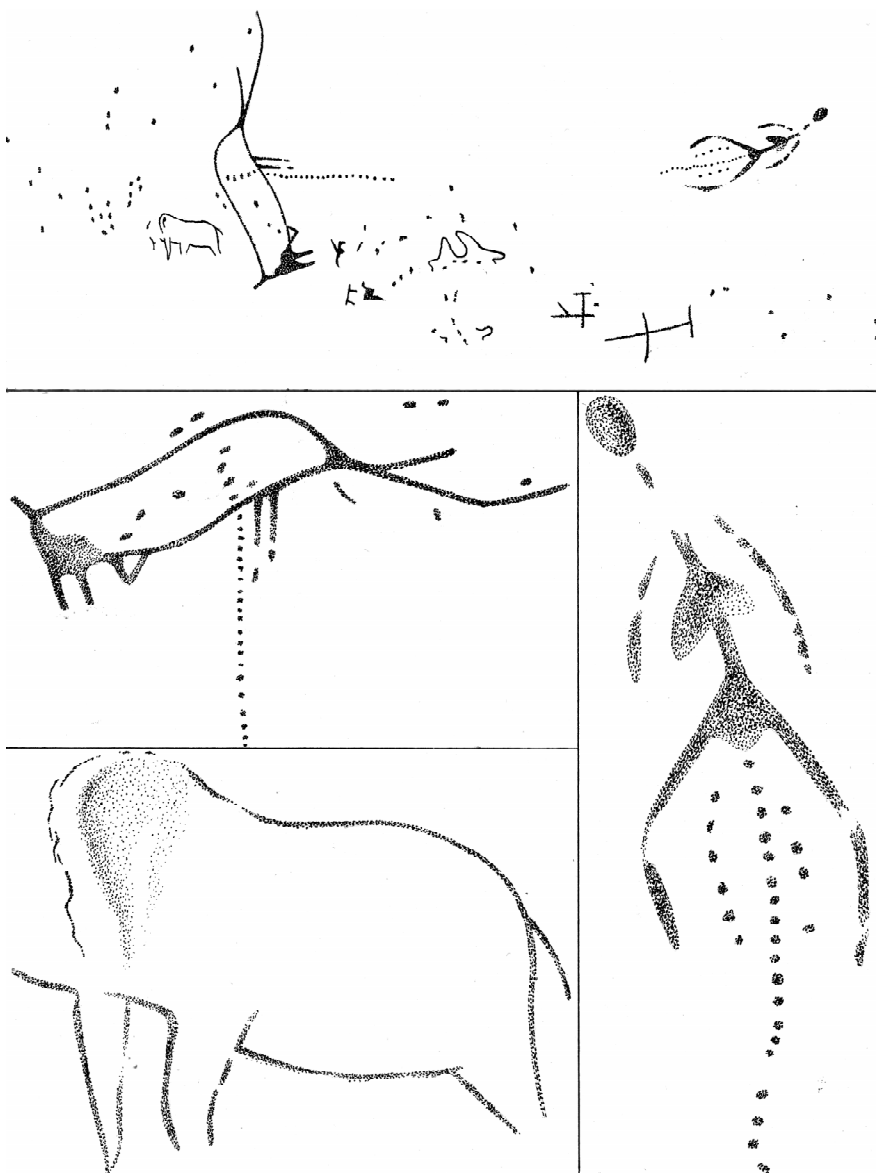
Открывает подземную галерею рисунок мамонта, который, как и в Каповой пещере, будто бы задает зрителю направление движения. Рядом еще рисунок, напоминающий мамонта, и черная изогнутая черта. Далее следуют знаки – параллельные линии, пятна, круг, пересечение красной и черной линий, меандр. В небольшой нише – еще один мамонт и два острия, опять мамонт. Напротив стены, на расположенных в центре зала мощных каменных колоннах изображены лошадь и знаки. Далее по периметру стен опять группы знаков и завершающее изображение мамонта. Если внимательно рассмотреть многочисленные загадочные знаки, то улавливается закономерность – преобладает счет 5 и 7. Кстати, эта закономерность характерна для большинства палеолитических памятников Восточной Европы, где имеются счетные знаки. Очевидно, уже тогда этим числам придавали особое значение. В Большом зале могло существовать несколько групп изображений. Зал слишком большой, чтобы охватить его вниманием весь, но все разрозненные сгустки рисунков составляют единый изобразительный комплекс Большого зала – зала знаков.

Наиболее выразительные рисунки расположены на потолке Дальнего зала, который называют еще Кельей. Именно здесь

обитал отшельник Игнатий. В этот зал довольно трудно попасть. С Большим залом его соединяют два хода – Верхний и Нижний, то есть, в него можно попасть одним ходом и выйти другим. Раньше ходы были оборудованы подобием лестницы. Дальний зал украшают два панно – Красное и Черное. В Красном панно привлекает внимание два рисунка: антропоморфная фигура и фантастическое животное. Они главные в композиции и соединены цепочкой пятен. Рядом с ними мамонт, змея и знаки.

Черное панно располагается на следующем уступе. Здесь, в основном, изображены животные: мамонты, лошади, бык, и, возможно, верблюд. Черное панно едино по замыслу и исполнению – рисунки соразмерно расположены на потолке, вся композиция ограничена фигурами мамонтов, четко выделяется центр, занятый изображениями трех лошадей; знаки, личина, треугольники, параллелограмм также группируются в одном месте, фигуры быка и верблюда обращены головой влево, тогда как остальные фигуры – вправо. В. Т. Петрин считал, что оба панно Дальнего зала составляют единое целое. Красное панно, возможно, отражает великий миф о начале сотворения мира, когда из хаоса рождается миропорядок. Рисунки Черного панно, наоборот, носят «приземленный» характер, более привычный для человека. Возможно здесь имеется противопоставление: красное – символ жизни и священного огня, черное – земное. Противопоставление красного и черного вообще характерно для первобытных народов, известных по этнографии.

В Дальнем зале есть еще одно примечательное место. На восточной стене находятся три сталагмита-натёка в виде сосульки, они как бы выступают из стены. Самый крупный сталагмит, расположенный в центре, по своей форме напоминает фигуру женщины с ребенком на руках. В народе он известен как «икона святой Богородицы». Судя по легендам, эта каменная «икона» чудодейственная, ей молился отшельник старец Игнатий.

Красное панно в Дальнем зале Игнатьевской пещеры

Подземные храмы

Чем же были пещеры с живописью для древнего человека? Каждый, кто хоть однажды побывал в пещере, согласится, что здесь ты попадаешь в иной, неземной мир. Прежде всего, это замкнутый мир абсолютной тишины и темноты, абсолютная противоположность нашему привычному шумному, светлому окружению. Пещера, являясь частью действительности, одновременно выступает и как запредельный мир, и человек старается приобщиться к нему, поборов страх перед мраком. Это идеальное место для проведения различных ритуалов. В. Т. Петрин считал, что основным среди обрядов, проводимых в пещерах, являлся обряд инициаций – посвящения, перехода человека из одного состояния в другое, например, подростка в мужское звание. Эти обряды существовали у всех первобытных народов, известных в этнографии. Отголоски этих обрядов сохраняются в нашем обиходе до сих пор, просто мы не обращаем на это внимания. Например, получение диплома есть переход молодого человека в качество специалиста, получение паспорта – переход в состояние гражданина, причем всегда такие переходы сопровождаются вполне определенными, установленными действиями – своеобразным «ритуалом». Для таких мероприятий есть специальные помещения, проводят эти действия специально подготовленные люди. Это традиции, история которых заложена в палеолите вместе со становлением современного человека. И если даже сегодня мы относимся к подобным ритуалам достаточно серьезно и всегда волнуемся, то для древних людей это было подлинным переходом в другую жизнь.

Человек палеолитического времени жил и мыслил одновременно и в реальном и в мифологическом времени и мире. В его понимании время периодически возвращается к своему началу, и это обновляет все силы, дает новую жизнь. В пещерной живописи и были заключены основные сюжеты первобытной мифологии. Композиции Большого зала Игнatieвской пещеры

и Зала рисунков Каповой пещеры, в основном, связаны с охотничьей темой – это рисунки различных животных и знаки, похожие на стрелы и копья, загонные изгороди и ловушки. Зал Хаоса в Каповой пещере и Дальний зал в Игнatieвской, вероятно, были главными в проведении обрядов, и в их рисунках, вероятно, отражены мифы о сотворении мира.

Как обычно бывает в науке, есть и другие, подчас радикальные точки зрения. К примеру, американский психолог Н. Хамфри опубликовал своеобразные материалы с весьма остроумной аргументацией в пользу того, что общепризнанные шедевры палеолитического искусства не могут рассматриваться в качестве доказательства значительной «продвинутой» их создателей. Отправной точкой рассуждений для Н. Хамфри послужил анализ рисунков английской девочки Нади, страдавшей аутизмом. Для многих ее рисунков характерно правильное построение перспективы и абсолютная реалистичность изображений, что особенно интересно, если учесть, что рисованию Надю никто не учил и что для рисунков нормально развивающихся детей оба этих качества совершенно не свойственны. Н. Хамфри приводит выводы наблюдателей, которые утверждают, что не известно ни одного случая, когда бы нормальный ребенок дошкольного возраста рисовал в натуралистической манере. Своей натуралистичностью, а зачастую и сюжетами, многие рисунки Нади удивительно напоминают широко известную пещерную живопись, например, изображения бизона или лошадей из пещеры Шовэ, а также из Ласко.

По мысли Н. Хамфри, поддержанной и некоторыми из участников обсуждения его статьи, именно отсутствие обычных для людей умственных способностей, и, прежде всего, умения говорить, может объяснить необычайную реалистичность Надиных рисунков. Она, в отличие от обычных детей, изображала свое впечатление от лошади или коровы, а не соответствующую абстрактную идею, т. е. между изображаемым и изображением в данном случае ничто не стояло.

Предполагается, что отсутствием абстрактных понятий, обозначающих классы объектов (по крайней мере, животных), может объясняться и натурализм палеолитической живописи. Причем в этом случае становится понятным и переход от реалистических изображений к схематическим, наблюдаемый в конце верхнего палеолита, и связывается он с появлением развитого языка и утратой непосредственности восприятия.

Конечно, у гипотезы Н. Хамфри есть очевидные недостатки, например, в том, что она учитывает лишь сравнительно малый круг подобранных фактов, игнорируя большую часть того, что известно о культуре верхнего палеолита, и в целом, она вряд ли выдержит серьезную критику. Но есть у нее и несомненные достоинства. Во-первых, она просто красива. Во-вторых, она, по крайней мере, доказывает то, что рисунки на стенах палеолитических пещер, строго говоря, не являются – вопреки традиционной точке зрения – неоспоримым свидетельством наличия у их создателей тех же интеллектуальных качеств, какими в норме обладают современные люди. В третьих, и это главное, она заставляет еще раз вспомнить о том, что иной раз полезно усомниться даже, казалось бы, в абсолютно очевидных вещах. Но это, конечно, не больше чем гипотеза, скорее похожая на шутку.

Общество конца палеолита представляется уже довольно развитым социальным организмом, в котором обряды посвящения – инициации играли важную стабилизирующую роль. Структуру общества определяло половозрастное разделение труда, и целью обряда было ознакомление молодого человека с природным и социальным содержанием культуры общества, включение его в действующую систему отношений и представлений. Пещера представляет собой модель мира, с этим связано многообразие различных тем и сюжетов, отраженных в живописи.

Существование южноуральского центра пещерной живописи свидетельствует о стабильности связей многочисленных коллективов охотников, единстве их мировосприятия, что и является основным условием функционирования каждого отдельно-

го общества. Близость материальной культуры стоянок верхнего палеолита Южного Урала подтверждает это.

Кардинальные изменения, которые начали происходить в природе Южного Урала с окончательным отступлением ледника 10 тысяч лет назад, коснулись не только материальной основы жизни людей. Все меняется вокруг человека: исчезает целый ряд привычных животных, так называемая «мамонтовая фауна». На месте открытых пространств тундростепи формируются привычные для нас ландшафты – леса, покрывающие горы, разнообразная в разных местах лесостепь, реки занимают свои современные русла, появляются зеркала знакомых нам озер. Изменения происходят не только в материальной культуре, которую приходится приводить в соответствие с новыми природными условиями, кардинально изменяется и само общество, и его мировоззрение. Глубокое, темное пространство пещер, где раньше проводили обряды инициации, теперь представляется, так же как и глубина рек и озер потусторонним миром, куда уходят умершие. Старые обряды заменяются новыми, связанными с отражением в сознании людей обновленного мира, они должны помогать охотникам в их повседневной жизни.

К началу неолита, 8 тысяч лет назад, мы видим уже новое общество, с мировоззрением, частично дошедшим до нас в образах писаниц, орнаментах на керамических сосудах, остатках святилищ того времени. Прежде всего, остановимся на таких ярких проявлениях духовного, нематериального мира древних охотников-рыболовов, как писаницы.

Наскальная живопись – писаницы

Писаницы (производное от глагола «писать»), «писаные камни» – название народное, это рисунки, выполненные на скалах, преимущественно по берегам рек и озер красной краской или различными ее оттенками. В качестве краски использовали различные окислы железа – гепатит, лимонит и другие,

которые растирали в порошок и добавляли растопленный жир животных или кровь. Получалась краска красного, бордового, желтовато-коричневого и даже сиреневого цвета. Древние художники рисовали на ровных поверхностях скал, обращенных к воде; как правило, эти «полотна» размещались под карнизами или на стене с отрицательным наклоном, чтобы дождевые и талые воды не разрушали изображение.

Первые упоминания об уральских писаницах появляются еще в XVII веке, а в XIX веке уже многочисленные известные рисунки изучали члены Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ) М. В. Малахов и В. Я. Толмачев. В основном, это они занимались поиском писаниц на реках Среднего Урала – Нейве, Тагиле, Реже и других. По-настоящему научным открывателем наскальных изображений Урала был Валерий Николаевич Чернецов, которому в конце 1960-х годов удалось осуществить несколько больших экспедиций и скопировать все наскальные рисунки, известные к тому времени. Его перу принадлежит классическая двухтомная работа «Наскальные изображения Урала».

На Южном Урале наскальные рисунки можно увидеть по берегам рек Юрюзань, Ай, Белая, Зилим, а также на озерах Большие Аллаки и Аргази. Сейчас их известно около 30-ти и все благодаря целеустремленным исследованиям В. Т. Петрина. Вместе со своими единомышленниками и помощниками В. Широковым и С. Чаиркиным этот подвижник изучения древностей от снега до снега на байдарке, а зимой на лыжах обследовал берега горных рек. Его научное упорство, помноженное на интуицию, привело к открытию многочисленных южно-уральских писаниц. Найти их совсем не просто, поскольку рисунки расположены на скалах различной высоты: от нескольких метров до сотни, и порой приходится применять специальное оборудование скалолазов, чтобы добраться до изображения.

Большинство писаниц Южного Урала обнаружены на реках Ай – 8 и Юрюзань – 10. Ознакомимся с некоторыми из них.

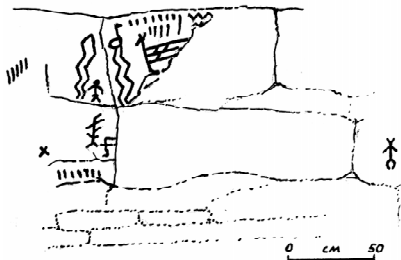

Карта-схема
дислокации уральских
писаниц

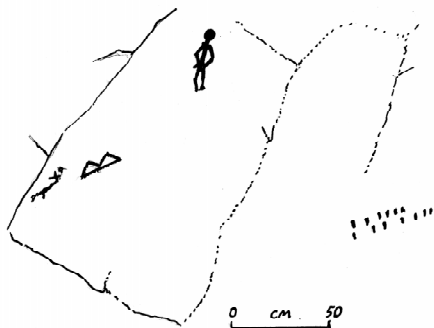
Ваняшкинская I писаница находится в Саткинском районе, в окрестностях села Ваняшкино на крутом берегу реки Ай. Светло-красной краской на скалу нанесены два рисунка копытных животных с пятнами по туловищу, сетка с точками, вертикальные зигзаги, ромбы и человеческая фигурка в так называемой фертообразной (т. е. похожей на букву Ф) позе, с хвостом или фаллосом. В километре расположена еще одна писаница – Ваняшкинская II, в которой можно увидеть двойную дугу с отростками, птицу с поднятой головой, геометрические фигуры и различные пятна краски.

Еще две интересные писаницы на реке Ай – это так называемая Айская группа и Кульметовская. Айская группа расположена в Саткинском районе на берегу реки. Рисунки находятся на высоте 7 м от воды. Здесь можно видеть рисунок птицы, двойные вертикальные зигзаги, фигуру копытного животного, человекообразное изображение, вертикальные линии, неопределенные пятна и геометрические рисунки. Также в Саткинском районе находится Кульметовская писаница, изображения не очень хорошей сохранности, но различаются фигурки животных, птиц и людей.

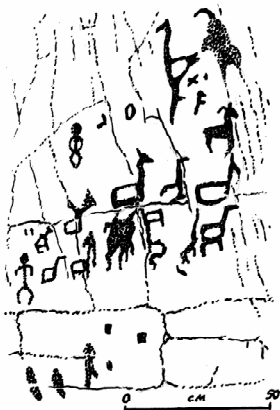
Большинство писаниц на реке Юрюзань находится в Усть-Катавском и Катав-Ивановском районах Челябинской области и на прилегающей с другого берега реки территории Башкортостана. Интересны наскальные изображения возле Идрисовского урочища – Идрисовская I, II и III. На Идрисовской III писанице выделяются три группы изображений. В первую входят рисунки двух необычных животных. У фигуры, расположенной слева, четыре ноги, одна из которых несоразмерно длинная, внутри туловища три наклонные линии, обозначающие ребра, а наверху – треугольник. Справа – похожая фигура, но с тремя ногами, корпус пересекает горизонтальная линия с наклонными отрезками, от спины уходит вверх зигзаг, пересекающий тело первого животного. На голове – одно длинное ухо (рог?). Рядом с фигурками нанесен вертикальный зигзаг и V-образный

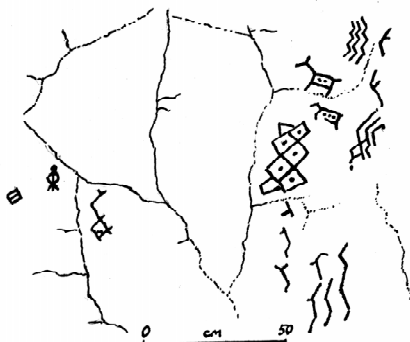
Айская группа

Верхне-Лопасская II

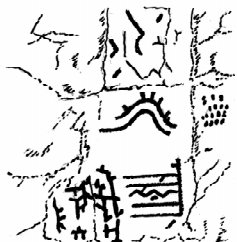
Кульметовская

Ваняшkinsкая I

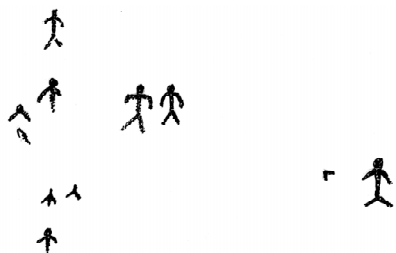
Аллаелгинская

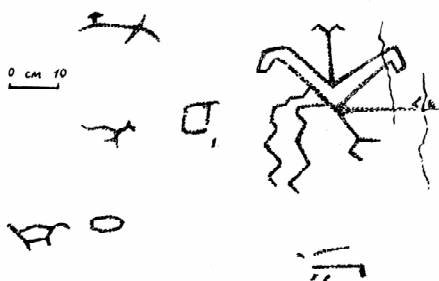
Ваняшkinsкая II

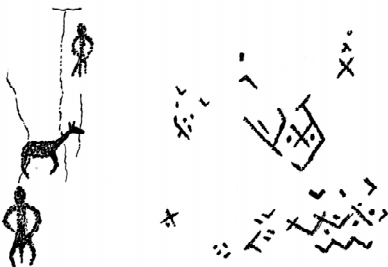
Метелинская

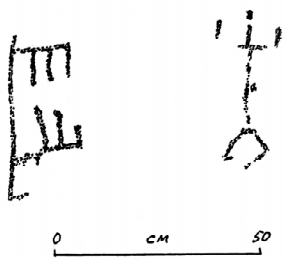
Идрисовская I

Идрисовская II

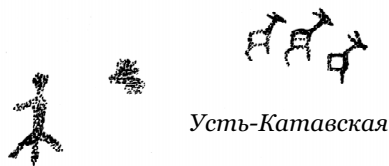
Идрисовская III

Аракульская

Аргазинская I и II

Усть-Катавская

символ. Во второй группе рисунков – фигуры косули и птицы с подпрямоугольным контурным туловищем, похожей на утку, а также вертикальные волнистые линии. Слева от косули ромбовидная фигура с вписанным внутрь маленьким ромбом. Третья группа справа от утки содержит три вертикальные линии.

Широко известна в научном мире Бурановская писаница в Усть-Катавском районе. Известняковая скала здесь рассечена логом, недалеко от него, на высоте 18 м находится Бурановская пещера, которую исследовал С. Н. Бибиков, им и были обнаружены у входа в пещеру наскальные рисунки. Эти исследования проводились в 1938–1939 годах Южноуральской экспедицией под его руководством, организованной Институтом истории материальной культуры из Ленинграда и Челябинским областным музеем. Тогда было обнаружено и обследовано около 40 южноуральских пещер.

В 1976 году разведочным отрядом В. Т. Петрина была открыта еще более значительная группа изображений возле Бурановской пещеры. Эти наскальные рисунки получили название Бурановская II писаница. Одна из групп рисунков нанесена под небольшим козырьком, находящимся на высоте 12–14 м над рекой и подход к ним труднодоступен. Наибольшую сохранность имеют фигура копытного животного и дугообразные линии с отростками. Вторая группа рисунков расположена еще выше, под навесом, который хорошо закрывает от дождя площадку под ним и плоскость скалы с рисунками косули и птицы с длинным клювом. Слева от рисунка птицы сохранились изображения прямоугольных знаков в виде решетки. Ниже фигуры птицы нарисован горизонтальный зигзаг с семью пиками. Между птицей и зигзагом расположены плохо сохранившиеся пятна краски. В 4,5 м от птицы видны рисунки фигуры, напоминающей ромб.

На левом берегу р. Юрюзань, в районе города Усть-Катав, в 1989 году отрядом В. Н. Широкова была обнаружена Усть-Катавская писаница. Рисунки находятся под навесом, на высоте

около 2 м от осыпи. Лучше всего сохранились три изображения косули. Выше косуль видны фрагменты краски от уже разрушенных изображений.

Перевод языка писаниц

Так что же изображено на этих рисунках? В. Н. Чернецов считал, что в представленных на писаницах сюжетах отражена календарность и коллективность обрядов, связанная с охотничьей и промысловой магией. Он отмечал, что с нашей точки зрения магические приемы у современных манси не отличаются от повседневных действий. Даже в их языке нет никакого термина, который означал бы понятие «магия».

Один из частых сюжетов наскальных изображений – копытное животное: лось, олень, косуля или, возможно, лошадь в сочетании с солярным знаком и изображением небосвода, часто с рисунками ловчих орудий и сооружений. По аналогии с рисунками казымских хантов, эти изображения могут быть интерпретированы как животное, попавшее в ловушку. Здесь же может быть изображение человека у охотничьей изгороди, которая нарисована в виде зигзагов с отростками, рядами вертикальных штрихов, решеткой или сеткой.

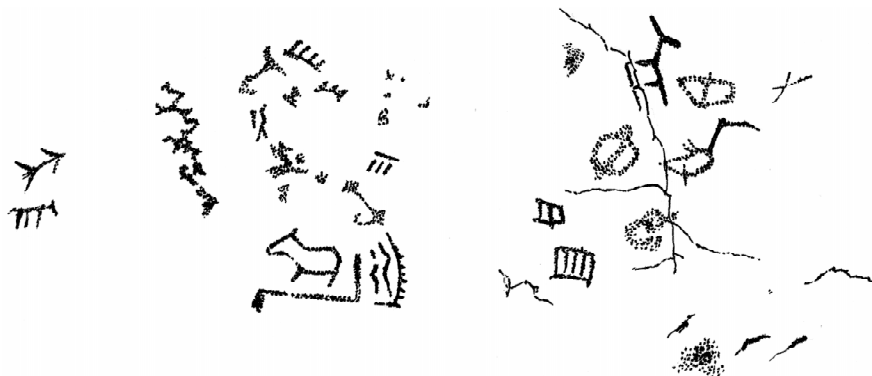
Другой сюжет – водоплавающие птицы в сочетании с загородками, ловушками, иногда – с солярными и небесными знаками. Этот сюжет аналогичен первому, но ориентирован уже на птицу. Он основан на ловле птицы в период линьки, когда она не может летать, и ее загоняют в сети и загородки в заливах, на протоках. Композиционная схема рисунков, по существу, одина для всей территории распространения уральских наскальных изображений, чему, вероятно, и соответствовала однородность связанных с ними обрядов.

Третий сюжет характеризуется почти полным отсутствием реалистичных изображений животных и наличием условно антропоморфных и антропозооморфных фигур. Считается, что

это уже «духовный прогресс» – переход от реалий к символам.

В целом, все уральские писаницы отражают коллективность мероприятий, как в области промысла, так и культа. Магические действия должны были способствовать привлечению добычи в ловушки и удержанию ее там, а также весеннему пробуждению природы и идее размножения. Обряды были связаны с солнечным календарем и проводились при определенном положении светила на небосводе, например, в весеннее равноденствие. Чуть ли не с каменного века оно считалось началом Нового года. Традиция сохранилась в Средней Азии и Иране, где 21 марта отмечается и поныне как Ноуруз.

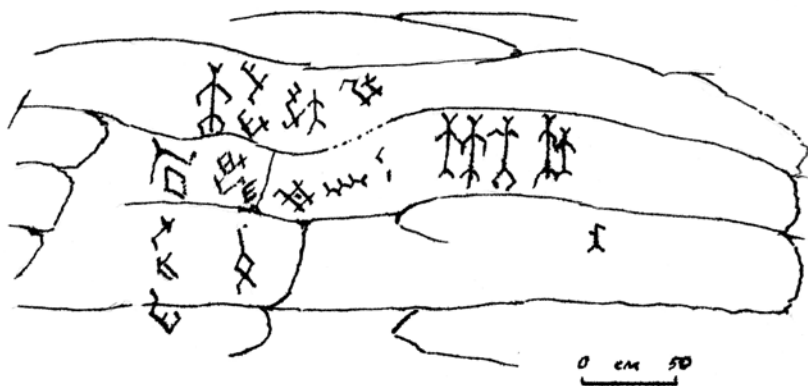
То, что уральские писаницы являлись частью святилищ и связаны с проведением обрядов, подтверждается находками, обнаруженными во время раскопок на площадках около наскальных изображений. На Южном Урале археологические материалы получены у писаниц на озере Большие Аллаки, Араслановской на реке Уфе, Идрисовских на реке Юрюзань и других. Наиболее богатые находки обнаружены под основной группой рисунков Аллакской писаницы, расположенной в Каслинском районе на берегу одноименного озера, на скальных выходах – «Каменных палатках». В одной группе рисунков – изображения антропоморфных существ, большинство из кото-

Бурановская I

Бурановская II

Алакская

Араслановская

рых с раздвоенной головой, фрагменты сетчатых мотивов, знаки в виде гребенки и ромбов, а также неопределенные геометрические фигуры, в другой группе – животных, похожих на оленей или косуль в сочетании с многочисленными зигзагообразными и сотовыми фигурами, означающими загородки и ловушки.

Следы почитания древних святилищ

Первые раскопки площадью 8 кв. м на небольшой площадке у Аллакской писаницы провел в 1914 году В. Я. Толмачев, затем в конце 1960-х годов В. Т. Петриным был заложен раскоп площадью в 20 кв. м. Во время раскопок была получена коллекция из нескольких сотен разнообразных предметов из камня, глины, металла и кости. Только различных наконечников было собрано более 100 экземпляров. Все они находились не далее 1,5 м от скалы, причем многие из каменных наконечников сломаны или имеют характерный тупящий скол на острие, а кончики бронзовых наконечников погнуты, что является неоспоримым свидетельством того, что в скалу с рисунками стреляли из луков. Найдены наконечники стрел различных типов разного времени, изготовленные из кремня и яшмы. Так, часть стрел была сделана из пластинок в виде геометрических микролитов – трапеций, время их бытования на Урале – от мезолита до энеолита. Другой тип наконечников – так называемые «кельтеминарские». Основной район распространения – от Арало-Каспия до Урала, они, в основном, использовались в неолите и энеолите. Наконечники из кремня, обработанные ретушью с двух сторон, бытовали также в неолите и энеолите. Бронзовые литые наконечники относятся уже к раннему железному веку, к скифскому времени от VII до III века до н. э. Фрагменты керамики говорят о том, что такой посудой пользовались в эпоху камня и в бронзовом веке.

В. Я. Толмачев в 1914 году собирал сведения о других находках на озере Большие Аллаки. Он приводит данные, получен-

ные от В. П. Трутнева, который случайно нашел в 20–30 м к востоку от скал с рисунками два человеческих черепа, закопанных на небольшой глубине, в удалении от них – медное копье и медного птицевидного идола. Определить время захоронения человеческих черепов, конечно, невозможно, копье, вероятно, относится к раннему железному веку, а птицевидный идол – уже к средневековью, то есть к I тыс. н. э. – это т.н. «угорские древности».

Недалеко от писаницы при раскопках был обнаружен уникальный комплекс изделий из горного хрусталя, о котором мы уже упоминали, и который датируется эпохой палеолита.

Все найденное у Каменных палаток говорит нам о том, что здесь было святилище, на котором обряды совершались в течение многих тысяч лет, от эпохи камня до средневековья. Святилище было настолько значительно и почитаемо, что сакральность его передавалась из поколения в поколение, несмотря на все исторические катаклизмы, что говорит о преемственности и стабильности угорского населения на Южном Урале в течение этих тысячелетий.

Раскопки возле писаниц в разных местах проводил В. Н. Широков. В гроте у Кульметовской писаницы он обнаружил изделия от эпохи камня до раннего железного века – фрагменты керамических сосудов, обломок бронзового копья, каплевидную подвеску из кости с нарезками. В небольшом зале за осыпью находилось погребение взрослого человека, в отложениях грота зафиксированы останки еще двух погребенных – ребенка (погребение с подсыпкой из охры) и взрослого. Вместе с этим найдено большое количество костей животных, с преобладанием козули, так часто изображаемой на наскальных рисунках. Раскопки под Идрисовской II писаницей дали разновременные артефакты: фрагменты керамики, изделий из камня, кости животных, а также кость ребенка и кусочки черепа. Возле Бурановской II писаницы были найдены фрагменты сосудов эпохи камня и бронзового века.

Все имеющиеся факты приводят нас к выводу о том, что наскальные изображения – писаницы и площадки возле них использовались как святилища для проведения обрядов охотничьего культа от эпохи камня до средневековья.

Святилище Камень Дыроватый

Уникальное святилище, связанное с проведением охотничьих обрядов, но без наскальных рисунков, было изучено на реке Чусовой. Оно имеет название Камень Дыроватый. Святилище в одной из местных пещер впервые было описано еще в XVIII веке И. Георги, археологические раскопки в пещере в 1932–1933 и 1937 годах проводил ленинградский археолог Н. А. Прокопьев. В конце прошлого века в течение семи лет святилище исследовалось известным уральским археологом Ю. Б. Сериковым.

Камень Дыроватый расположен на берегу Чусовой в окрестностях села Усть-Утка. Километровой длины скала заканчивается отвесным монолитом высотой до 60 м. Здесь, на высоте 20 м и находится святилище с историей в более чем десять тысяч лет. По мнению Ю. Б. Серикова, если смотреть на пещеру с противоположного берега или с реки, то на скале можно рассмотреть лицо «хозяина – духа». Хорошо различимы глаза в углубленных участках скалы и нос в виде выступа. Сама пещера напоминает открытый в крике рот, а остатки колонн в ней как зубы. Особенно хорошо лицо «хозяина» просматривается с поляны на противоположном берегу. Если же спускаться или подниматься по реке на лодке, то черты «лица» принимают угрожающее выражение. Достаточно взглянуть на пещеру и становится понятно, что без специального снаряжения подняться в нее невозможно. Отвесная скала перед входом в пещеру на протяжении 6–8 м имеет отрицательный угол. Какого-либо выхода на поверхность на вершине скалы не обнаружено, а от вершины до пещеры 40 м по вертикали. Становится понятным, почему среди полученных в результате раскопок находок из 25,5 тысяч предметов только

различных наконечников – 21700 экземпляров! «Попасть» в пещеру можно было только вместе со стрелой, выпущенной из лука. Исключение составляют 47 предметов культового назначения, среди которых различного рода подвески, клыки разных животных, кости с пробитыми отверстиями, шесть стеклянных бусин, а также так называемый «куриный бог» – камень с естественным отверстием. Эти предметы попадали в святилище привязанными к древкам стрел.

Наконечники, найденные в Камне Дыроватом, очень разнообразны. Изготовленные из кремня и яшмы, бытовавшие у уральского населения от конца палеолита до энеолита. Костяные наконечники – от вкладышевых мезолитических до «бро-небойных» утяжеленных средневековых. Бронзовые трехгранные и трехлопастные втульчатые, относящиеся к скифскому времени, наконеч, железные наконечники, дожившие до XV века.

В процессе обследования пещеры были обнаружены 16 наконечников, воткнувшихся в стены: 11 костяных, два бронзовых и три железных. По ним можно определить, как и откуда стреляли. Анализ угла залегания наконечников показывает, что стрельба происходила с разных направлений: и сверху по течению, и снизу, и с се-

редины реки напротив пещеры, и с противоположного берега, и даже от подножия скалы. Пущенные из лука, а лук должен был быть очень мощным, стрелы, прежде всего, направлялись в пещеру – «рот хозяина». Могли быть и дополнительные объекты у подножия скалы, например, деревянные идолы.

Стрела всегда имела священное значение – она могла угрожать злему духу или оберегать владельца от опасности; служила посредником между миром людей и миром предков; к стреле привязывались умиловительные дары.

По имеющимся многочисленным фактам можно предполагать, что мы имеем дело с охотничьим обрядом стрельбы из лука в пещеру с целью жертвоприношения украшений, костей животных, самих наконечников стрел или посланий богам и духам. Ведь кроме наконечников стрел были найдены еще и кремневая скульптура в виде головки лося, бронзовая бляха в виде знака солнца и даже серебряный дирхем с пробитым отверстием.

Камень Дыроватый – это охотничье святилище, которому приносили дары далекие предки уральских народов, принадлежащие к различным общинам и родам, объединявшиеся около «хозяина» на протяжении тысяч лет, вплоть до современности, ведь в пещере было найдено большое количество дроби, ружейных и малокалиберных свинцовых пуль. Не чураются современные охотники древних традиций!

Помимо святилищ, существовавших тысячи лет и связывавших десятки поколений разных общин и народов в рамках одной традиции, были святилища, которые функционировали недолго, но также объединяли своими обрядами разные роды в большие объединения – сообщинности. Одно из таких знаменитых святилищ – Савин на реке Тобол в лесостепном Зауралье.

Тобольская «восьмерка»

Святилище Савин I было открыто сравнительно недавно – в 1982 году, и в течение нескольких лет исследовалось курганс-

ким археологом М. П. Вохменцевым и известным московским археологом Т. М. Потемкиной, которая выполнила и графическую реконструкцию святилища, как археоастрономического объекта. Святилище находится в Курганской области на правом берегу реки Тобол, занимает песчаную гриву, возвышающуюся над окружающей местностью. В результате раскопок были обнаружены остатки удивительного сооружения, в плане похожего на восьмерку. Кольца, соединенные между собой, образованы канавами шириной от одного до двух метров и глубиной порой больше метра. В канавах оставлены разрывы для проходов внутрь с запада и востока. Диаметр колец – 16–18 м. В центре верхнего по течению кольца находилось углубление размерами 6 × 8 м, на дне которого был обнаружен значительный слой костей животных, а также фрагменты керамических сосудов и изделия из камня и кости. В канавках, создающих кольца, а также внутри них зафиксировано более ста ямок, как для установки столбов, так и для совершения обрядов. В таких ямках находились кости, керамика и орудия из камня. В пределах сооружений также обнаружены два погребения, в одном из которых захоронено сразу три человека, один над другим. Погребенные (двое взрослых мужчин и девушка лет 16-ти) относились к разным расовым типам – восточно-средиземноморские европеоиды и североазиатский монголоид. Всего же на святилище было найдено более семи тысяч различных предметов: керамические сосуды, орудия из камня и кости, а также костные останки лошади, косули, лося, кабана, медведя и волка.

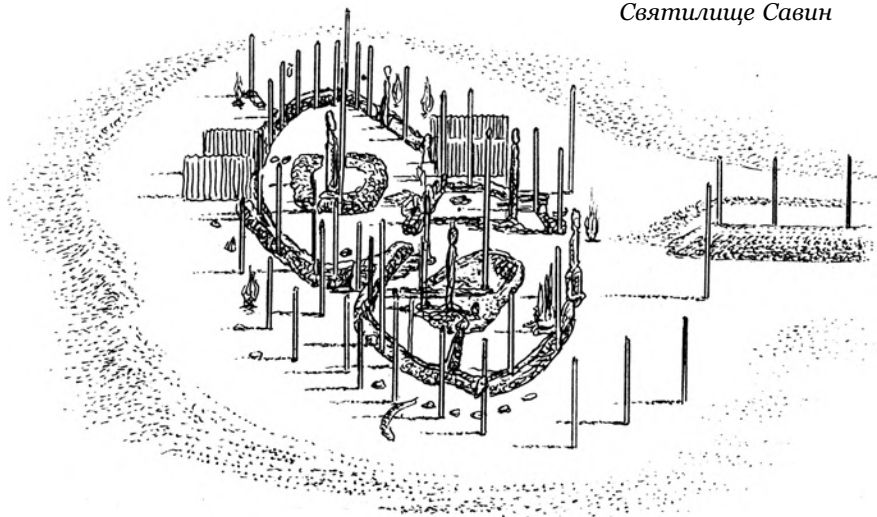
Очень интересен состав керамических сосудов, которые были оставлены на святилище. По способу лепки и, особенно, по технике нанесения узоров на поверхности и самим мотивам орнаментации можно сказать, что эта посуда изготавливалась людьми, принадлежащими к различным общинно-родовым коллективам, проживавшим на обширной территории Урала, Притоболья и Западной Сибири. По всем имеющимся признакам святилище Савин I служило местом проведения обрядов соседних

Уральской и Западносибирской сообщинностей и объединяло на этой пограничной между ними территории родственные коллективы населения Урало-Сибирского региона в эпоху энеолита, то есть 5 тыс. лет назад.

Недалеко от этого святилища было найдено еще одно, которое получило название Слободчики I. Здесь было только одно кольцо, ограничивавшее площадку диаметром около 14 м. По собранным материалам можно предполагать, что оба святилища функционировали одновременно, но, вероятно, на них проводились различные по назначению обряды.

Завершая обзор южноуральских святилищ, можно сделать следующие выводы. С наступлением современного геологического периода – голоцена, связанного с окончательным отступлением ледника и формированием нового, близкого к современному, вмещающего ландшафта, происходят кардинальные изменения как в самом древнем обществе южноуральцев, так и в их мировоззрении. Уходят в прошлое обряды инициаций в темных глубинах пещер, где в живописи были отражены идеи мироздания. Их сменяют охотничьи культы, обряды, проводив-

Святилище Савин

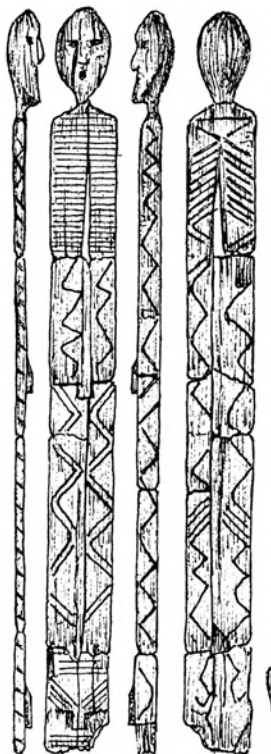

шиеся на открытых площадках у писаниц, изображавших животных, на которых охотились, а также сами сцены охоты или сооружения – ловушки, изгороди и т. п. для проведения охоты. В рисунках на скалах и обрядах, проводимых здесь, вероятно, отражена идея возрождения природы, воспроизводства поголовья охотничьих животных, удачной охоты, благополучия людей и календарность обрядов.

Существовавшие святилища объединяли не только людей одной общины и рода, проживавших на этой территории, но и соседние родственные коллективы, порой достаточно удаленные, принадлежавшие разным более крупным объединениям – сообществам, имевшим отличные родовые традиции, то есть, святилища могли быть и межобщинными и межродовыми. О многотысячелетнем единстве уральского населения и его угорской принадлежности говорят факты использования одних и тех же святилищ от эпохи камня до средневековья, а порой и до современности. Так, Н. А. Прокошев приводит данные о древних жертвенных местах у Шарташских «каменных палаток» возле Екатеринбурга, где находки керамики бронзового века сочетаются с почти современной фарфоровой и стеклянной посудой, более того, здесь же найдены и совсем поздние металлические предметы, такие как медные «солдатские» пуговицы. Сведения о почитании манси некоторых писаниц на реке Тагил еще в начале прошлого века приводил В. Н. Чернецов. По данным В. Н. Широкова, в 1960-е годы Араслановскую писаницу на реке Уфе в Нязепетровском районе посещали паломники-манси, поскольку она считалась у них священной. Такова сила традиций древнего уральского населения!

Жизнь Природы и Природа жизни.

*Духовная жизнь древних
уральцев*

Жизнь Природы и Природа жизни. *Духовная жизнь древних уральцев*

Территория, на которой живет община, это не просто место обитания, земля, имеющая какие-либо границы, – это природная среда, к которой прикасается живущий здесь человек, мир, в котором он состоит, с которым взаимодействует посредством ног, рук, взгляда, слуха, выпущенной из лука стрелы. В языке угорских народов есть понятие «ях», которым обозначают сообщество людей, а также реку или озеро, заселенные людьми и зверями. Этим понятием определяется все, что здесь живет. Все это жизненное пространство связано родством, понимание родственной связи между людьми и «родины» как местообитания неразделимы. Это видно и в названиях: Рыбной реки народ, Соболей народ и т. п. «Ях» в целом оказывается одним домом, стоящим на одной земле и под одним небом. Все обитатели этого Дома связаны друг с другом одним зверино-древесно-водно-людским языком. У этого Дома нет отмеченных пограничных рубежей, они определяются внутренними узлами связей.

Огромную работу по анализу миропонимания коренных народов Урала и Сибири провели В. Н. Чернецов, М. Ф. Косарев, А. В. Головнев и другие этнографы и археологи Урало-Сибирского региона.

По урало-сибирским легендам и преданиям, многие беды, постигающие как отдельного человека, так и общину, и род в целом, связаны с нарушением правил земного и вселенского общежития. Считалось, что нельзя без нужды рубить деревья –

на топливо и хозяйственные поделки нужно использовать сухой. Сок дерева это его кровь, если надрезать дерево, ему будет больно, и оно заплачет. Ночью земля, вода и лес, как и все живое, нуждаются во сне и отдыхе. Серьезным проступком считалось беспокоить их в это время – нарушать тишину, зря топтать землю, плавать на лодке, черпать воду из озера или реки. Только мертвые могли трудиться ночью, поскольку они существа темные, и ночь для них – день.

Белое дерево

Наиболее почитаемым и священным деревом была береза, хотя в некоторых родах также поклонялись сосне или кедру. Преимущественное почитание березы, вероятно, объясняется тем, что это дерево очень полезно для человека. Бересту использовали для хозяйственной посуды и строительства лодок, ею покрывали жилища. Пили березовый сок, а отвар чаги был универсальным лечебным средством. Белый цвет березы ассоциировался с Верхним миром, со светлым и добрым началом. На березу могли садиться только добрые духи, а злые – на пихту и ель. Возможно, это и память о прародине – урало-сибирской лесостепи, где, в основном, растет береза.

Деревья, как и люди, считались разнополыми: на дереве-мужчине должен быть большой сук, а на дереве-женщине – дупло. Если такие два дерева растут рядом – они муж и жена. Молодой подлесок рядом – это их дети, а старые пни – это умершие родители. Если растет одиночное дерево, то оно холостое. Человеческие свойства приписывались и животному миру. Ханты и манси, охотясь на бобров, обязательно оставляли в живых как минимум одну пару, чтобы не перевелся на Земле «славный бобровый народ». Считалось, что боги наводят охотника только на то животное, у которого жизнь уже на исходе. Тем не менее, убив зверя, охотник должен попросить у него прощения. Считалось, что у каждого животного своя страна, свой народ,

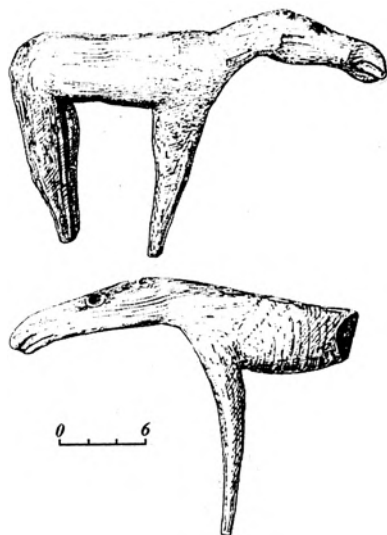
свой язык и обычаи, поэтому они легко могут превращаться в людей, как и люди в них.

Следы священных зверей

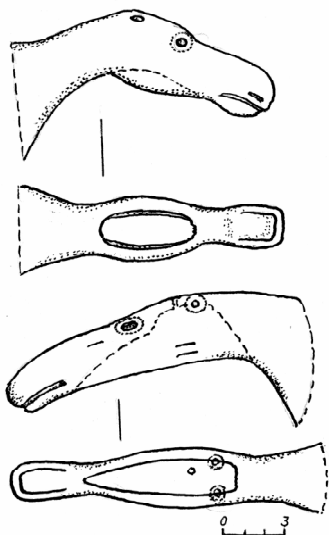
Лось солнценосный

В предыдущих главах мы уже говорили о том, что после отступления ледника, исчезновения «мамонтной» фауны и формирования современных ландшафтов основными объектами охоты становятся копытные животные – лось, олень, лошадь, косуля. Неудивительно, что они становятся символами жизненного благополучия. Образ лося воспринимается как светлый, связанный с Верхним миром. Его отождествляли с солнцем, с созвездием Большой Медведицы, которое у большинства сибирских народов называется созвездием Лося. Движение солнца по небу – это ход солнечного лося или оленя, который начинается утром и заканчивается вечером в Нижнем мире. А в конце своей жизни лось становится мамонтом и уходит под землю, где охраняет шаманскую реку, связывающую миры. Угорские народы поклонялись лосю, например, на реке Сосьве стоял высеченный из камня истукан в виде лося, к которому приходили принести жертву и поклониться, чтобы он послал удачу на охоте. До недавних пор восточные ханты отмечали «лосиный» праздник, который носил родовой характер. Варили в специальном котле язык, печень, глаза и сердце лося, затем старейший из присутствующих разбрасывал золу семь раз по сторонам света и звал обедать духов.

То, что лось почитался не только у этнографически известных угорских народов, но и вообще у финно-угорского населения от Прибалтики до Оби в нео-энеолитическое время, то есть в VI–III тыс. до н.э., говорят археологические находки – изображения и жезлы в виде лосиных голов, выполненные из дерева и кости. Великолепный образец такого «жезла» был найден Н. Н. Гуриной при раскопках Оленеостровского могильника на

Скульптуры лося

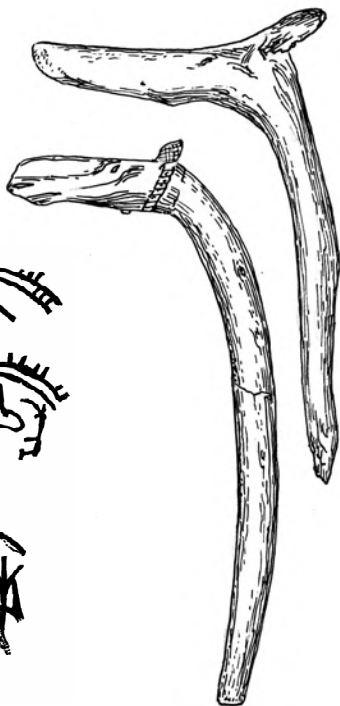

Сосуды-лосихи с Горбуновского торфяника

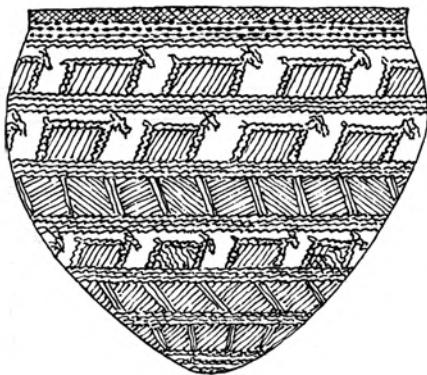
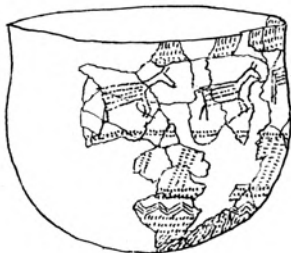
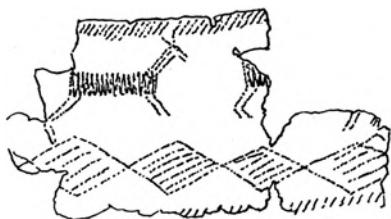
Онежском озере, два жезла с головами лосей происходят с поселения Швянтойи в Литве. Отметим, что почитание лося-олени в финноязычной деревне, как и северорусской, наблюдалось и в прошлом веке.

На Урале скульптуры лосей делали из дерева. На стоянке Разбойничий остров возле Екатеринбурга была найдена деревянная скульптура лося длиной 45 см со слегка приподнятой вверх головой. Деревянные скульптуры-сосуды лосих известны на Горбуновском торфянике возле Нижнего Тагила. По мнению С. Н. Погорелова сосуды-лосихи могли быть связаны с мифологическими солярными представлениями древнего уральского населения и в их углубления могли вставлять «солнечный диск». Медная проволока и скобки, которыми инкрустирована голова, символизировали упряжь небесной лосихи. Широко известны наскальные изображения копытных животных – лося, оленя, косули, а, возможно, и лошади, в сочетании с солярным

Жезлы
с изображением
лосиных голов

Писаница
с изображением лосей

Сосуды с изображением копытных

знаком или изображением небосвода. По мнению В. Н. Чернецова – это наиболее распространенный сюжет среди уральских наскальных изображений – писаниц. Своих основных промысловых животных уральские охотники изображали и на керамической посуде. Скорее всего – это косули, идущие друг за другом слева направо, то есть по направлению движения солнца с востока на запад. Возможно, это память об их сезонных миграциях, когда охота на них наиболее удачна.

Бить грешно. Собака

Почитаемым, и часто жертвенным, животным у угорских народов была собака. Жертвенные захоронения собак или их черепов перед входом в жилища известны на поселении Ботай в Северном Казахстане и на отдельных поселениях бронзового века Западной Сибири. Скульптурных или иных изображений собак не сохранилось, может быть из-за какой-то особой роли этого животного в жизни охотников эпохи камня, его изображать не разрешалось. По своей «святости» собака приравнивалась к лосю. Угорские народы Приобья верили, например, что старая собака, как и старый лось, может превратиться после смерти в подземного мамонта. Ханты и манси иногда использовали собачью шкуру для обтягивания шаманского бубна, а возвращаясь с похорон, бросали собаку через плечо, тем самым «очищались», поскольку умершие боятся собак. Собаку могли приносить в жертву как выкуп за похищенную духами человеческую душу, в надежде вернуть ее назад. Важная роль собаки подтверждается и тем, что обижать собаку, а уж тем более бить ее считалось недопустимым, такие действия всячески осуждались. Еще до недавнего времени у манси были даже специальные собачьи кладбища. Когда собака умирала, ее оплакивали, как человека, вспоминая все ее достоинства. На похоронах под голову ей клали отесанный кусок дерева вместо подушки, а на могильном холмике строили домик, чтобы показать, как высоко ее ценили.

Самый человечный, самый грозный. Медведь

Очень почитаемым животным был медведь. Изображения и скульптурки медведя встречаются в уральских поселениях уже в эпоху камня. Прежде всего удивляет его «человекоподобие» – он умеет ходить на задних лапах, использует стволы небольших деревьев в качестве рычага, когда нужно перевернуть колоду, для трамбования болотных кочек таскает с собой чурбан, чтобы заметить место для берлоги заламывает ветки рядом стоящего дерева – еще многое можно услышать в рассказах хантов и манси о «человечности» медведя. Более того, они верят, что медведь понимает человеческую речь, крадет женщин и имеет от них детей. Клыки и когти медведей хранят как талисманы и обереги, ханты подвешивали медвежий клык над детской зыбкой или надевали ребенку на шею, чтобы охранял от злых духов.

Обряд поклонения медведю

Культ медведя на Урале появился еще в эпоху палеолита, о чем нам свидетельствуют находки в пещере Заповедная, расположенной в горной части Южного Урала, у самой вершины крутого склона, на высоте около 70 м над урезом воды в реке Лемеза Белорецкого района Башкирии. Культурный слой, обнаруженный в пещере, имеет возраст около 13 тыс. лет назад по радиоуглеродной датировке. Пещера была открыта в 1969 году В. М. Марушиным, но долгое время оставалась необследованной, пока в начале 1980-х годов не была вновь обнаружена туристами-спелеологами г. Уфы. С пуском железнодорожного сообщения в этом районе начался наплыв туристов, гибельно сказавшийся на состоянии пещеры.

До массового посещения туристами на полу пещеры лежало как минимум около сотни черепов пещерного медведя и огромное количество костей. За короткий срок туристской деятельности значительная часть комплекса пещеры была уничтожена или вынесена. Профессиональные исследования археологов были начаты только в 1990 году уфимским археологом В. К. Федоровым, продолжены В. Г. Котовым. Было обнаружено 26 черепов большого пещерного медведя, составлявших не менее пяти культовых комплексов. Наиболее значительным был комплекс, приуроченный к одной из ниш пещеры, отгороженной специальной кладкой из камней, с использованием черепов медведя. Внутри этого «придела медвежьего храма» были свои потаенные уголки – кости спрятаны под навес свода, а череп – в расщелину скалы. Череп, обнаруженный в каменной кладке, имел следы ритуального повреждения и тщательно заклинен камнями. Другой череп, также поврежденный, был старательно установлен в расщелине скалы. Пещерная ниша, как и сама пещера, могла восприниматься древними людьми как нечто способное возродить душу зверя. Остальные комплексы оказались к приходу археологов значительно разрушены туристами.

Поскольку в мировоззрении уральских народов центральное место среди хозяев – покровителей (наряду с птицей) занима-

Череп медведя на камне в пещере Заповедной

ет образ медведя, можно предполагать существование в прошлом ритуальных медвежьих «жилищ». Таковыми могли быть, прежде всего, пещеры. Поскольку они часто становились берлогами для бурых медведей в горных районах, да и сам медведь всегда связывался с нижним миром. В прошлом у хантов и манси местом специального захоронения костей медведя служили пещеры, в которых и совершались жертвоприношения убитому зверю. Таким местом захоронения для угорских народов и их предков на протяжении нескольких тысяч лет служила Канинская пещера на Северном Урале.

Ритуальный комплекс в пещере Заповедная, датирующийся верхним палеолитом, демонстрирует, с одной стороны, сложность обрядов, связанных с почитанием пещерного медведя и его черепов, а с другой – достаточно неоднозначное отношение к этому крупному, часто пещерному хищнику. Здесь и страх пред ним как противником, что отражено в следах повреждения черепов, заклинивании черепов, и забота о его останках,

подобно тому, как это имеет место по отношению к родичам, об этом свидетельствуют захоронения в нишах, под сводами пещеры, скопления черепов и костей в укромных местах. Наиболее значимыми чертами этих обрядов является поклонение древних людей черепам пещерного медведя и самой пещере как входу в Нижний мир, где «обитает» хозяин этого потустороннего мира. Особенности выявленных в пещере комплексов – выставление черепов, повреждение черепов (в обрядах?), ритуальное «ложе», череп на камне, захоронение черепов, находят аналогии в обрядах «медвежьего» праздника народов Северной Евразии и, прежде всего, на Урале. Следы почитания медведя встречены здесь во все археологические периоды. С мезолитом связано единственное изображение медведя, сделанное из медвежьей кости, обнаруженное на стоянке Давлеканово в южном Предуралье и клыки медведя с нео-энеолитического поселения Муллино 2.

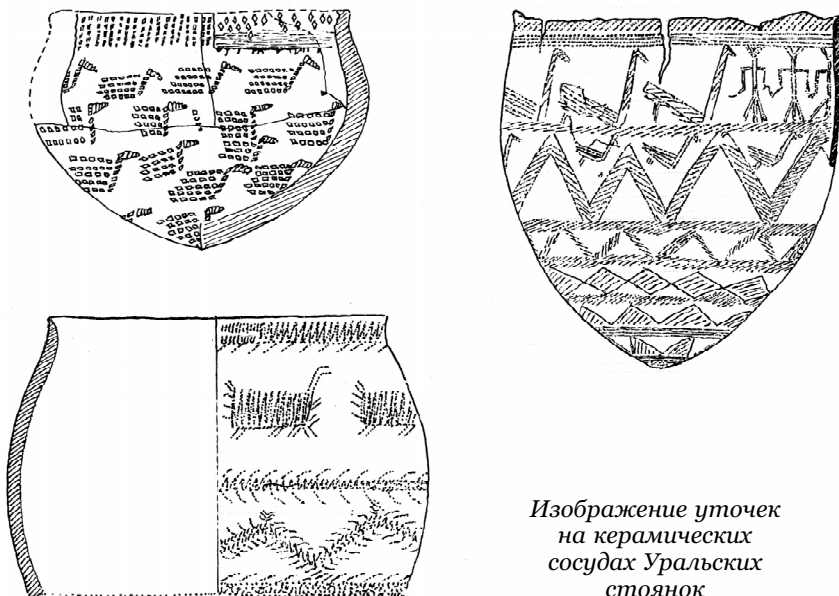
Крылатые божества

Очень важную роль в жизни древнего уральского населения играли водоплавающие птицы – утка, гусь, лебедь и другие, меньше – боровые. Их образы воплощены в многочисленных изображениях: скульптурках из дерева, писаницах, орнаментах на керамике. На Горбуновском торфянике были найдены великолепно выполненные «утиные» скульптуры – ковши из дерева. Скульптурными изображениями птиц зачастую украшали окончания ложки и весла. Костяные фигурки птиц найдены в погребении в гроте Дождевой, керамическая скульптурка уточки обнаружена на культовом центре озера Шайтанского. Второй по повторяемости за лосем сюжет уральских писаниц (по В. Н. Чернецову) – водоплавающие птицы в сочетании с загородками, ловушками, иногда с солярными и небесными знаками.

Ярким сюжетом в орнаментальных изображениях на керамике заключительного этапа эпохи камня являются композиции,

изображающие водоплавающих птиц. Хороводы плывущих уток или лебедей расположены между горизонтальными полосами зигзагов и полос, обозначающих воду и небо. Птицы изображены так, что можно видеть динамику в их движении – оно то спокойное, то стремительное, как будто бы перед взлетом. Обычно это движение направлено слева направо, также как у изображений копытных. Перелетные птицы на этих изображениях – это предвестники весны, они направлены к солнцу, возрождению земли и жизни. Неспроста все эти рисунки на сосудах представляют собой замкнутый круг, который связан с цикличностью жизни, с пониманием бесконечного круговорота времени и жизни.

Обские угры имели родовые группы, ведущие свое происхождение от орла, журавля, филина и других птиц. На их праздниках значительную часть танцев составляли птичьи, в которых участвовали мифические предки в птичьем облике. Особенно

*Изображение уток
на керамических
сосудах Уральских
стоянок*

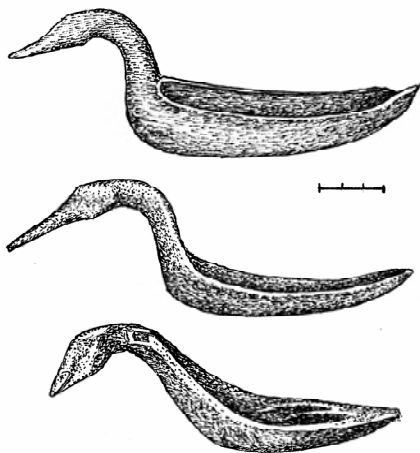
почитался орел, который сохранял хантов от всех бед, дерево, на котором он вьет гнездо, считалось божественным. Селькупы с особой любовью относились к лебедю, поскольку считалось, что у него человеческая кровь. Когда весной лебеди прилетали с юга, селькупы говорили: «Наши братья прилетели!» – и приветствовали их, подражая лебединому крику, брызгая вверх водой и березовым соком. Удивительно, но лебеди обычно снижались и отвечали своим криком.

Многочисленные изображения птиц характерны для всего финно-угорского мира от Оби до Прибалтики. Они сопровождали древних уральцев в реальном и нереальном мирах, обеспечивали связь с духами-покровителями, связь между различными мирами.

Угорское мироздание

Как же представляли себе Мир древние уральцы? Основу составляли два измерения – горизонтальное и вертикальное, которые в «смешанном» виде образовывали единую структуру. Главным в структуре Мироздания было триединство. Это триединство пронизывает все большие и малые части Вселенной. Горизонтальное измерение нагляднее всего наблюдается в связке «поселение-кладбище-святилище». Вертикальное измерение – это Верхний, Средний и Нижний миры.

Цифра три выбрана не случайно. По мнению А. В. Головнева угорские народы для измерения и упорядочения простран-

Деревянные ковши

ства предпочитают троичность, впрочем, здесь они не оригинальны. Например, считается, что направляться в дальний путь удобнее всего группой из трех семей, на какое-либо празднество на святилище собираются люди из трех родов, взаимные браки осуществляются между тремя родами: Бобра, Медведя и Лося. Природа тоже состоит из трех частей. Верхний мир олицетворяют птицы, средний – животные, нижний – земноводные и рыбы. Каждый из природных миров также делится на три: среди птиц верхней считается орел, средней – глухарь, нижней – гагара. Среди животных (среднего мира) самый верхний – горноста́й, средний – лось, нижний – медведь; среди рыб – белая (сиговые), красная (осетр) и черная (щука и налим). Противоположными полюсами природного мира являются орел и щука – символы зенита и пучины. Деревья тоже делятся на три сферы: береза является верхним уровнем – белым, сосна – средним – красным, кедр – нижним – черным.

Дерево, человек, река, дом, кладбище, святилище, сосуд, шаманский бубен – все это микромиры и микровселенные, причем в каждом отдельном структурном блоке Вселенной содержится своя внутренняя трехсферность. Так, в Нижнем мире есть нижний низ, средний низ и верхний низ, а Верхний мир делится на верхний верх, средний верх и нижний верх, с соответствующей градацией статуса тамошних обитателей.

Сама идея триединства зародилась в такой глубокой древности, что даже приблизительное время указать нельзя. Мы все, даже порой, не сознавая этого, несем в себе эту троичность с эпохи камня. Трижды целуемся при встрече, три раза плюем через левое плечо, когда боимся что-то взглянуть, трижды крестимся, и сказочный Змей Горыныч о трех головах, и три богатыря на известной картине и так далее, и «на троих придумано недаром».

На каком-то этапе числового осмысления Мира появилась следующая закономерная цифра – священная семерка. М.Ф. Косарев полагает, что семерка появилась позже тройки. Наиболее

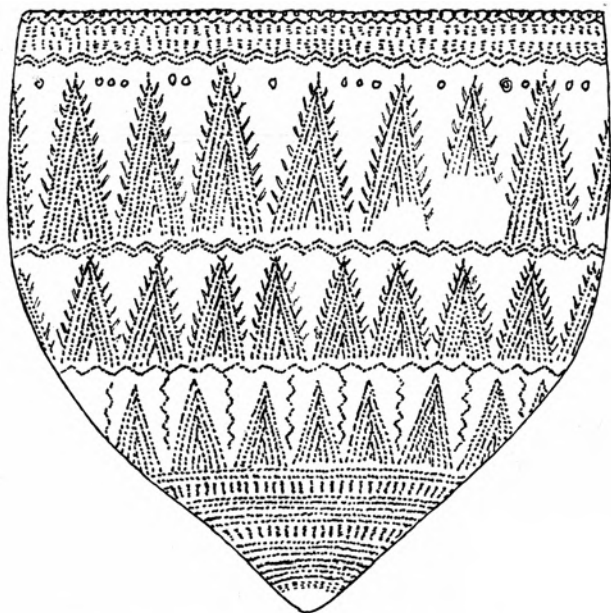
убедительны две точки зрения на происхождение семиричности. Согласно одной, семерка вошла в мифо-ритуальный обиход потому, что кратна числу дней в лунном цикле, по другой – семерка взята из количества звезд в Большой Медведице (созвездие Лося), наиболее почитаемого созвездия северного полушария.

Семь – это три вертикальных мира плюс четыре стороны света.

В героических сказках хантов небо называется «семибездным», а в сказках манси наказуемый уходит в землю и проходит насквозь семь земель и семь морей. У самодийцев верховный бог живет на седьмом небе, а глава злых духов в Нижнем мире – под семью слоями вечной мерзлоты. И для нас сегодня цифра семь является знаковой, так же как и тройка. От счастья мы на седьмом небе; стоим на семи ветрах; уезжаем за семь морей; самый умный из нас семи пядей во лбу. При желании можно вспомнить еще многое, связанное с цифрой семь.

Орнаменты на сосудах неолита и энеолита – это тоже отражение мира. Практически невозможно на разных стоянках, даже относящихся к одному времени, обнаружить два одинаковых сосуда. Каждая женщина, украшая свой новый сосуд, создавала свое произведение искусства, вносила свое понимание окружающего мира, в то же время, строго придерживаясь мифологических представлений в традициях своего рода. Очень интересные объяснения некоторым сюжетам на уральской керамике эпохи камня предлагает известный уральский археолог В. Т. Ковалева. По ее мнению, для каждого исторического периода характерен свой стиль мышления, своя картина мира. Обычно мифы и легенды начинаются с начала начал – с сотворения мира. Изучение и осмысление рисунков на керамике позволяет нам увидеть картину мира древних жителей Урала, то, как они представляли себе рождение земли, на которой они живут. В разное время по-разному.

Общепринято, что горизонтальные волнистые линии изображают воду, высокие треугольники – землю, которая на Ура-

Сосуды с Уральских стоянок с изображением гор

ле, конечно, представлена горами. Внутри треугольников расположены углы – от маленького внизу, до все увеличивающихся кверху – это образ рождающейся земли-горы, когда небольшой холм, будто постепенно растет – превращается в гору. На других сосудах изображены треугольники с вертикальными линиями по боковым граням и рядом – спускающиеся сверху волнистые линии. Этот сюжет может означать ливень в эпоху рождения земли. В целом, мотивы воды и горы позволяют восстановить процесс развития событий в мифе: из воды появляется земля в виде гор в результате оплодотворения «ливнем эпохи творения». Гора обозначает координаты пространства – верх, низ, центр, разделяя небо и землю, движение от прошлого к настоящему. Близкие по содержанию сюжеты обнаруживают и на керамике эпохи энеолита. Сосуды орнаментированы уже не прочерчиванием, а оттисками гребенчатого штампа. Здесь мы также видим треугольники, заштрихованные вписанными друг в друга углами, с вертикальными отрезками по сторонам, и обозначением дождя линиями выше треугольников. Вполне вероятно, что это тот же самый миф о сотворении земли, только рисунок выполнен в другой технике, характерной для эпохи энеолита. К картине рождения земли из воды и дождя добавляются зигзаги, идущие сверху вниз – вероятно, это могло быть обозначением молний.

Творение мира

Очень интересное объяснение орнаментов на сосудах энеолитического времени предлагает В. Д. Викторова. Она считает, что на ряде сосудов представлена мифологема, состоящая из трех актов становления Среднего – Земного мира.

Первый акт – существуют только небо и вода, а земля с гористой поверхностью еще покоится на дне Мирового океана. Но уже обозначены персонажи – водоплавающие птицы и их готовность нырять – сосуд № 1. Несмотря на большой временной

разрыв (5 тысяч лет), есть определенные основания для сопоставления мифа на сосуде с мансийским вариантом старого угорского мифа о сотворении Земли.

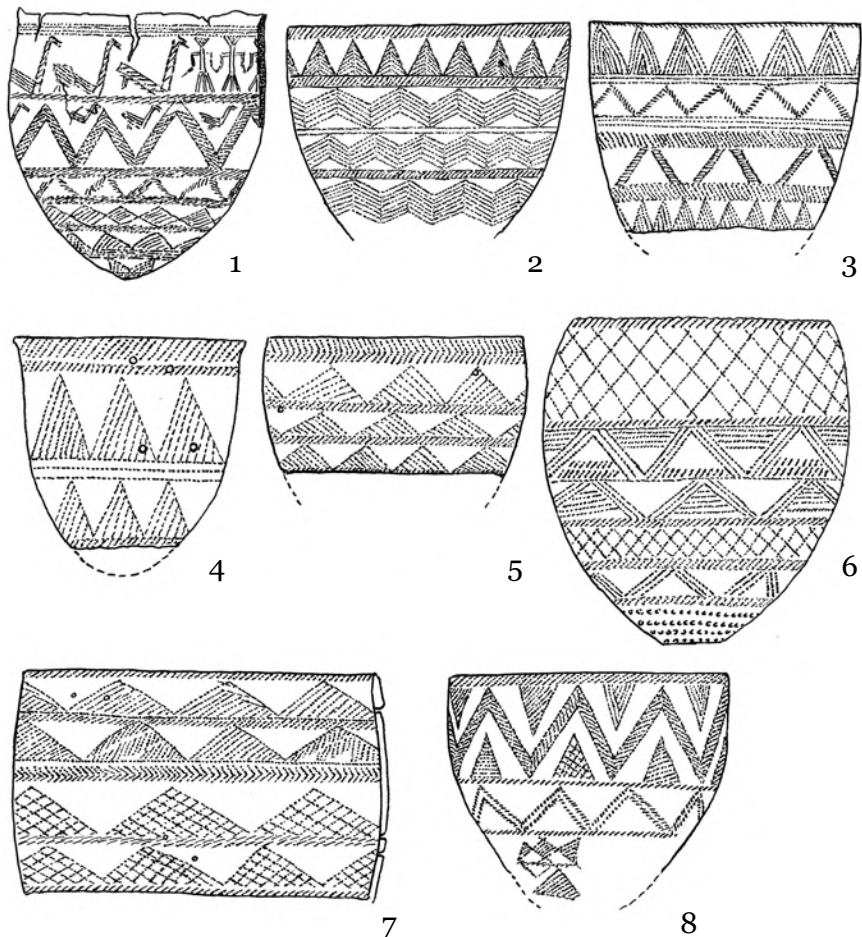
«Живут старуха и старик тундрового холма... По двум сторонам дома земли совсем нет... Однажды с неба слышится какой-то шум. Старик выглядывает из окна: сверху, с неба летит железная гагара, ныряет в воду, чтобы найти землю. Ходила – ходила, вынырнула – никакой земли не нашла. Вдохнула, вдохнула, опять нырнула в воду. Ходила – ходила, вынырнула – опять пусто, нету земли. Немного вдохнула, третий раз нырнула, так вдохнула, что горло лопнуло, а в клюве у нее была крошечка земли. Взлетела и улетела в сторону неба. Старуха и старик легли спать. На следующий день, когда они встали, с неба снова слышится какой-то шум. Старик смотрит в окно: с неба вниз летит гагара, ныряет в воду. Ходила, ходила, когда вынырнула, ничего у нее нет, пусто. Немножко вдохнула, вдохнула, третий раз нырнула. Когда вынырнула, так вдохнула, что макушка лопнула. В ее клюве большой кусок земли. Клюв обтерла об угол тундрового холма, потом улетела в сторону неба... День от дня земля росла. На третий день воды вовсе нет. Все стало землей».

В комментариях к этому тексту Н. В. Лукина отмечает, что миф о сотворении земли передан здесь в наиболее архаичном варианте, и приводит следующие аргументы. Первый: представление о верховном духе еще не сложилось, птицы достают землю по собственной инициативе. Второй: в зачине мифа фигурируют старуха и старик – «люди первоначальной земли» и «первопредки», которые возможно, и изображены на сосуде. Этот фрагмент мифологемы на сосудах пока что представлен единично.

Второй акт – становление Среднего мира. Земля в виде череды треугольников с острыми вершинами – гор, уже отчленена от Нижнего водного мира – сосуда № 2 и 3.

Третий акт – изображение Среднего мира в горизонтальной плоскости – линии треугольников – гор перемежаются полосками наклонно поставленного штампа – долинами – сосуды № 4 и 5.

Следующая предполагаемая мифологема выражена в композиции на сосуде № 6. С точки зрения понимания горизонтального строения пространства она может быть трактована как

выделение своего, человеческого центрального мира от других, чужих миров. В композиции на сосуде № 6 свой мир представлен на центральной зоне сосуда в виде череды гор, ограниченной с двух сторон широким поясом из ромбической сетки.

Возможно, в эту же мифологему о своем и чужом мире вписывается композиция на сосуде № 7. В ней под двумя зонами треугольников – гор, заштрихованных традиционно, – чужой, тоже гористый мир изображен треугольниками, заштрихованными косой сеткой. Семантика сетки в определенной мере раскрывается по мифологическим текстам наскальных изображений Зауралья. В ряде композиций пересекающимися косыми линиями перекрыты копытные животные и птицы. Сеть для зверя и перевес для птицы – это граница жизни и смерти. Представление о сети или перевесе как границе между мирами встречается в Священном сказании манси о возникновении земли. В одном из эпизодов сказочного времени герой Тарыг-пещ-ни-маля-сов (в эпическом времени известен под именем Мир-Сусне-Хума) подъехал к скале с дырой, где начинался путь в иной, южный мир. Дыра в скале была обтянута семикратным перевесом с железными ячейками и железной рыболовной сетью.

Третья гипотеза возникла при расшифровке композиции на сосуде № 8, в которой есть треугольники с разнонаправленными вершинами. У треугольников верхнего фриза вершины направлены вниз, а между ними и треугольниками с вершиной вверх обозначена граница из заштрихованных полос или трех горизонтальных линий. На сосуде № 8 ниже этой части композиции видим чередование зигзага, ромбов и треугольников – изображение подводного мира. Его схема аналогична композиции сосуда с ныряющими птицами. Что может означать череда треугольников, обращенных вершинами вниз? Повтор схем композиций на сосудах разных культур и разных эпох позволяет поставить вопрос – не имеем ли мы дело с представлениями древнего населения о Верхнем мире, как подобном Среднему и Нижнему? Только подобие Верхнего мира дано в противопо-

ложном ракурсе. Если принять это предположение, то на сосуде № 8 мифологему можно прочесть как текст о вертикальном трехчастном строении мира.

В древнем – «примитивном» – изобразительном искусстве, образец которого мы можем видеть на мелких и, на первый взгляд, невзрачных обломках керамической посуды, отражен мир, в котором жили уральцы эпохи камня, – горы, лес, вода, птицы, рыбы, животные. В этих изображениях и действительность, в которой жил человек, и его представления об истории, его реальность и его миф. Это его традиции и традиции его предков. И эти традиции сохраняются на Урале в течение четырех тысяч лет неолита и энеолита. Казалось бы, всего-то домашняя посуда, а как много можно узнать и понять, нужно только внимательно посмотреть и задуматься.

Магия чисел

Возвращаясь к магии чисел, необходимо добавить, что цифра шесть, которая в христианской религии считается числом дьявола, у хантов также имеет зловещий оттенок. Одним из главных признаков мифологического чудовища Пырнэ является шестипалость, а шестипалые новорожденные младенцы признаются его темным воплощением, вероятно, в прошлом, их как исчадие ада убивали. Шесть мухоморов считаются источником опасности и зла.

Число *пять*, которое у сибирских народов лежит в основе пятеричного счета, исходящего из того, что на руке или ноге – пять пальцев. Слово «считать» у селькупов переводится как «пальчить». Казалось бы, эта цифра не несет какой-либо сакральной нагрузки, по В. Н. Чернецов пришел к выводу, что у хантов и манси существовало представление о наличии у человека пяти душ.

Как на стволе дерева каждый год нарастают новые кольца, давая жизнь все новым и новым ветвям и кроне, так и у древ-

них уральцев одно поколение сменялось другим, разрасталось и ветвилось древо жизни. Но куда уходили умершие и навсегда ли? По древней уральской традиции человек после смерти не прекращает своего существования и продолжает жить, но уже в другом качестве. У каждого человека несколько душ: у женщины – 4, в мужчины – 5.

Человечьи души

Первая душа представлялась в виде тени. Пока человек жив, она при человеке, когда умирает, следует за ним в могилу. Оттуда она может уходить и возвращаться назад, когда захочет, поэтому ее можно иногда видеть возле дома, стремящейся попасть внутрь. Мир живых людей и мир душ-теней тесно связаны между собой, поэтому могилы – это те же дома, а кладбища – поселения. Когда семья, род или община собирались переходить на другое место, самым сложным было оторваться от своих кладбищ, поскольку там живут души умерших предков, и пережить разрыв этой связи было очень тяжело. Душа-тень имеет характер, если считает себя обиженной кем-то из живых, она может принести вред или даже «съесть» человека. Самый близкий аналог души-тени в современном понимании – это «живой покойник» – упырь или вурдалак. Обряд посыпания умершего красной охрой, известный еще с палеолита, призван был напоить покойного кровью, чтобы тот хорошо относился к живым сородичам и жил себе дальше, не трогая их. Собственно, и вурдалак пьет кровь, чтобы жить.

Вторая душа – «уходящая вниз по реке» – душа-призрак, внешне похожа на душу-тень, а временами даже сливается с ней. Обычно она представляется в виде человека, кукушки или белки. Душа-призрак после смерти человека путешествует по дорогим ей местам, встречается с другими душами. Такое ее состояние продолжается до сорока дней, после чего она, тоскуя по родным, окончательно уходит в Нижний мир, где живет там

столько, сколько человек жил на Земле, только в обратном порядке, становясь все моложе, вплоть до младенца – и тогда на земле рождается новый человек. Душа-призрак и при жизни человека может его покидать, например, во время сна, и, если человека внезапно разбудить, душа может не успеть вернуться. Душа может и улететь, если человека сильно напугать.

Сибирские народы не давали себя фотографировать, потому что фотография воспринималась ими как отделившаяся от тела душа, а это могло вызвать смерть хозяина. Вместилищем этой души является кровь – как животворящее начало. У христиан и в наше время причащение – это ритуальное приобщение к Христу хлебом и вином, то есть, плотью и кровью. Если душу-призрак обидеть, она становится опасной, поэтому умершего обязательно нужно снабдить «запасом» для путешествия души-призрака в Нижний мир. У живых и мертвых разные пути, поэтому выносить покойника нужно не через дверь, в которую выходят живые, а через окно или специально проделанное отверстие в стене на северную сторону – там находится Нижний мир.

Одно из древнейших угорских представлений, подкрепленных традицией, состоит в том, что мир мертвых находится ниже по течению реки, поэтому даже у современных угорских народов священная земля расположена выше по течению от поселка, а кладбища – ниже по течению. Перемещение души человека в Нижний мир изначально осмысливалось как путешествие по реке на лодке. Лодка, необходимая человеку при жизни, после смерти являлась «средством передвижения» в Нижний мир, важной частью в наборе вещей, нужных для полноценной жизни души, а также погребальной камерой. Одной из разновидностей этого обряда, дожившего почти до современности, является традиция захоронения в колоде. Остались выражения «Сыграть в колоду» и «Дать дуба», «Связать по ноге да пустить по воде». Славяне усопших отправляли по течению в лодках, а потом сжигали. В Венгрии на могилах встречаются изображения лодок.

Колоду для умершего выдалбливали из целого дерева, предпочитая для этого лиственницу, кедр или сосну. Изготавливается колода тем же способом, что и лодка-однодеревка, да и форму имеет практически такую же. Раскапывая в 1996 году в Челябинске на площади возле Театра оперы и балета кладбище первостроителей Челябинской крепости, мы обнаружили несколько погребений взрослых и детей в колодах. Среди первопоселенцев крепости, как следует из архивных данных, были выходцы из северных районов Европейской России, в чьих жилах текла финно-угорская кровь, это подтверждается и особенностями погребального обряда части погребений. Тысячелетние традиции использования лодки-колоды не исчезли бесследно.

Третья душа – это «птица сна», имеет вид глухарки или тетерки и живет в лесу на дереве, прилетая к человеку лишь во время сна. Когда эта душа улетает, человек не спит, если улетает надолго – его мучает бессонница. После смерти человека душа продолжает жить в одежде умершего, которую нужно повесить на дерево недалеко от жилища. У манси много историй о том, что охотник, подстрелив копылуху-глухарку, может убить собственную душу. Тогда следует немедленно найти и съесть сырое глухаринное яйцо – внутри вырастет птенец, который станет душой сна.

Четвертая душа связана с дыханием и является носителем жизни, отсюда и выражение: «Вдохнуть жизнь». Если эта душа отделяется от тела, то тотчас превращается в птичку, которая до вселения в новорожденного живет на ветвях родового дерева душ. Эту душу всегда приглашали скорее вернуться на землю для продолжения рода.

Пятая душа – чисто мужская, она – воплощение его мужества и силы.

По мнению М. Ф. Косарева: *«Здесь очень важно понять, что рассмотренные выше жизненные силы образуют по характеру своих проявлений две основные группы. Первая и вторая*

души выглядят как тени, призраки; после смерти человека обеим надлежит существовать в мире мертвых; та и другая считаются темными, нечистыми, способными приносить вред живым людям; обе имеют ограниченный срок жизни и сходный конец. В целом первую и вторую души можно рассматривать как две стороны и два этапа развития единой души-тени.

Примерно также соотносятся между собой третья и четвертая души. Обе имеют облик птичек, обе, покидая человека, живут на дереве; та и другая довольно беззащитны и легко могут погибнуть от хищника, охотника, злого духа и др. Третью и четвертую души можно понимать как два разных проявления души-птицы. Таким образом, получается, что обские угры, как и другие сибирские народы, верили не в несколько душ, а в две главные, сложные и динамичные по своему содержанию жизненные силы: душу-птицу – носительницу наследования жизни, поднимающуюся после смерти человека вверх, на небо, к солнцу, на вершину мифического родового дерева душ, и душу-тень (призрак), идущую после смерти человека в мир мертвых».

Столь трудный путь перехода в иные миры

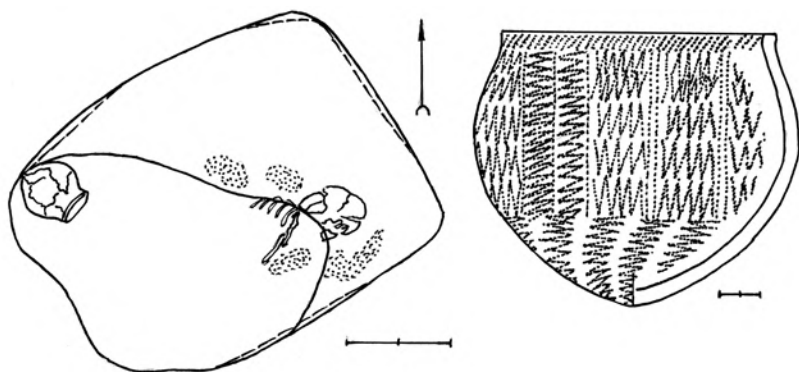
Чтобы душа-тень попала в Нижний мир, необходимо провести несколько очень важных действий.

Одним из самых древних способов отправления за грань земного обитания является зарывание в землю, ведь в ней находится Нижний мир. Погребение в истории человечества появилось еще в среднем палеолите, более 50 тыс. лет назад. Самому древнему погребению, найденному на Урале, – 6–8 тысяч лет. Рассмотрим несколько примеров такого способа древнего погребения.

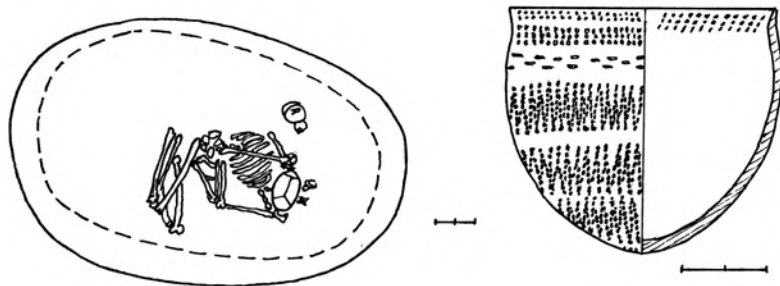
На границе лесостепной и степной зон Южного Урала А. Ф. Шориным было исследовано захоронение у поселка Дружный

на берегу реки Тогузак, которому около 5 тысяч лет. Могильная яма овальной формы размерами 1,5 × 1 × 0,95 м, ориентированная по линии ВЮВ–ЗСЗ, была обнаружена под культурным слоем поселения. Погребенный мужчина в возрасте около 25 лет лежал в скорченном положении на левом боку. Череп расположен теменной частью вверх и развернут лицевой частью к югу. У правого плеча погребенного был поставлен небольшой тонкостенный сосуд, изготовленный из глины с характерной примесью талька. Сосуд полуяйцевидной формы со слегка отогнутым наружу венчиком и округлым дном. Орнаментирована вся поверхность сосуда, включая внутренний край венчика. Орнаментальные мотивы представлены горизонтальными полосами наклонных оттисков штампа и «шагающей гребенки». В сосуде были обнаружены медные колечки с несомкнутыми концами диаметром 11 мм, изготовленные из тонкой проволоки.

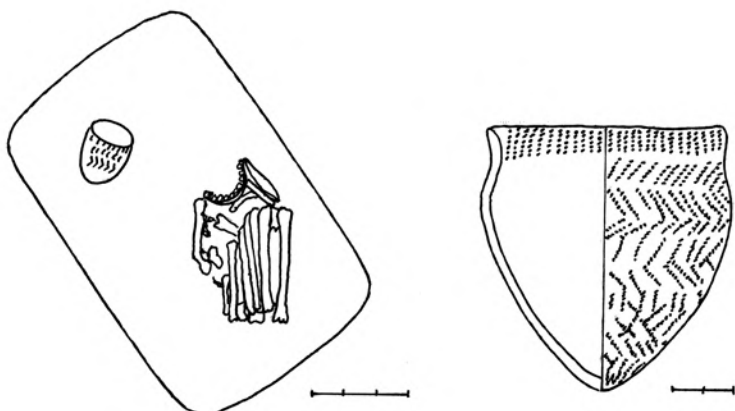
Еще одно погребение этого же времени было исследовано А. Г. Гаврилюком при раскопках могильника эпохи бронзы Александровский IV, расположенного на реке Большая Караганка в степной зоне Южного Урала. Погребение было обнаружено под полой курганной насыпи, сооруженной над могильными ямами бронзового века. Возле стенки ямы был расположен круглодонный сосуд, под которым находилась прослойка черного органического тлена, уходявшего под стенки ямы. Дно было покрыто органическим тленом черного цвета. По диагонали ямы, головой на восток, на левом боку лежал ребенок 2–4 лет. Кости предплечья были расположены перед грудной клеткой, таз и ноги не сохранились. Кости и дно ямы вокруг были обильно окрашены охрой. Сосуд, обнаруженный в погребении, имел полуяйцевидную форму, слегка отогнутый наружу венчик, раздутое тулово и округлое дно. Вся поверхность орнаментирована гребенчатым штампом: по венчику с внешней и внутренней стороны – узкая полоска наклонных оттисков штампа, по тулову – вертикальные зоны, заполненные горизонтальными или вертикальными рядами «шагающей» гребенки.

Погребение у с. Александровское

Погребение у пос. Дружный

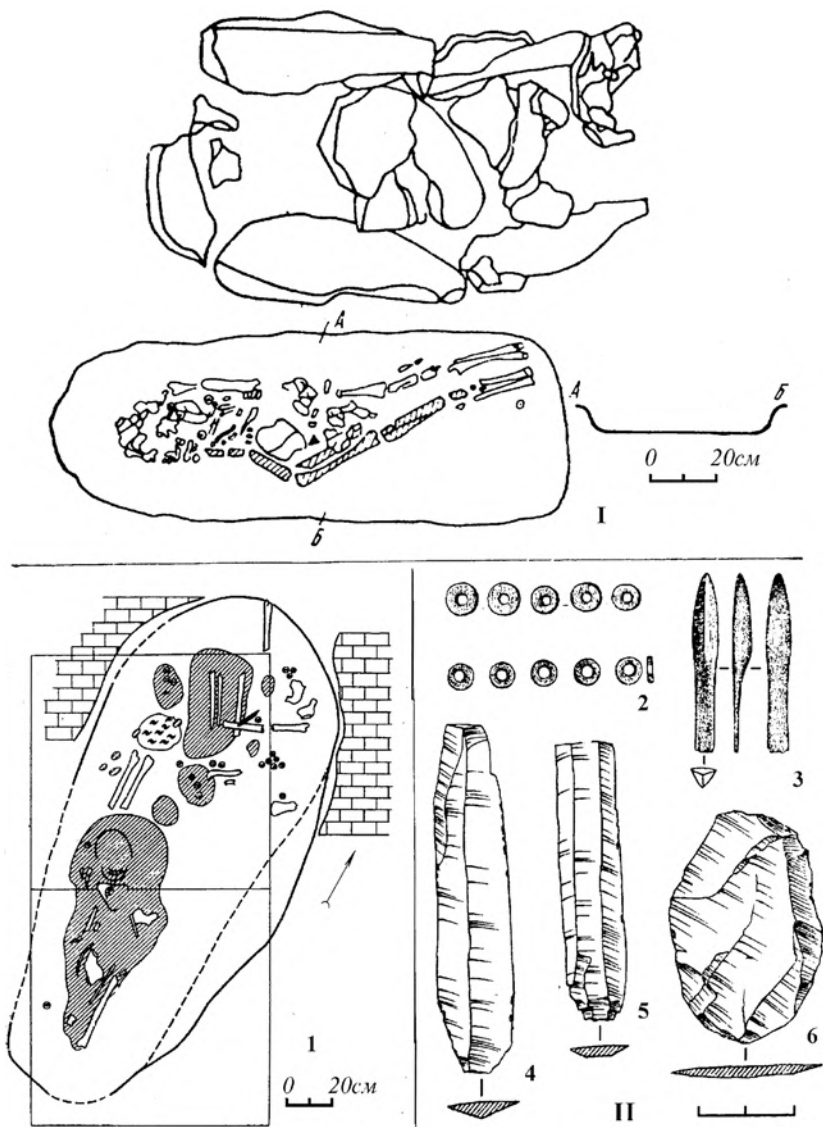

Погребение Верхняя Алабуга

На юге лесной зоны А. Ф. Шориным было раскопано два захоронения эпохи камня на острове Большой Вишневый Аргазинского озера-водохранилища. Надмогильное сооружение размерами 3,8 × 3,1 м, представляло собой наброс уложенных плашмя камней. Под набросом зафиксировано два погребения. Погребение 1, расположенное севернее, было без могильной ямы и без инвентаря. Захороненный лежал на спине в вытянутом положении, головой на северо-восток, левая рука слегка согнута в локте, и кисть ее уложена у таза, правая – прямая, вытянутая вдоль туловища.

Погребение 2 располагалось южнее в сооруженном из вертикально врытых в землю плит каменном ящике, перекрытом такими же плитами. Погребенный лежал на спине, в вытянутом положении, головой на запад. Скелет умершего с правой стороны частично обожжен. Погребальный инвентарь представлен 19 подвесками ожерелья, 17 из которых найдены на уровне грудной клетки и плеч, одна – слева от таза и одна у правой ступни. Подвески изготовлены из кости, кроме одной, сделанной из змеевика. Все подвески имеют на одном из концов просверленные отверстия для подвешивания. Под тазом погребенного зафиксирована заготовка костяного наконечника стрелы.

Несколько схожих между собой погребений было найдено в горной части Южного Урала. В 1961–1962 годах, при исследовании палеолитической стоянки в гроте у Каменного кольца в Серпиевском карстовом участке у села Серпиевка, О. Н. Бадер обнаружил древнее погребение. Дно могилы овальной формы было присыпано красной охрой, особенно густо в районе черепа и таза. Погребение оказалось разрушенным – кости и вещи лежали в беспорядке. Вполне возможно, что над погребенным был сооружен накатник, и умерший долго лежал в пустотелой камере, пока не обвалилось перекрытие и не нарушило расположение костей скелета и вещей. Очень неестественным было положение черепа – он лежал на подсыпке из мелких кусочков темно-красной охры затылочным отверстием вверх. В могиле

I – Энеолитическое погребение могильника Березки Vr (по А. Ф. Шорину)
 II – Погребение в гроте у Каменного Кольца и вещи из верхнего культурного слоя погребения и слоя глины (по О. Н. Бадеру)

были найдены пластины из кремня и 38 круглых мелких бусинок из раковин.

Сходные по обряду захоронения погребения исследовал в конце 1930–1940-х годов С. Н. Бибииков – это погребения на реке Юрюзань, в пещерах Бурановской, Усть-Катавской II и при Старичном гребне. В Усть-Катавской II пещере были обнаружены останки ребенка 5–7 лет, которого после смерти частично сожгли, затем похоронили. Останки в специальной ямке заполнили камнями, присыпали суглинком, а затем сверху развели огонь, который, вероятно, обслуживал погребальную тризну. Такой же костер был и над погребением в гроте у Каменного кольца. Кости ребенка из Усть-Катавской II пещеры также посыпаны красной охрой, а вокруг были рассыпаны украшения из резцов байбака, раковин, бус, пронизок и каменных подвесок.

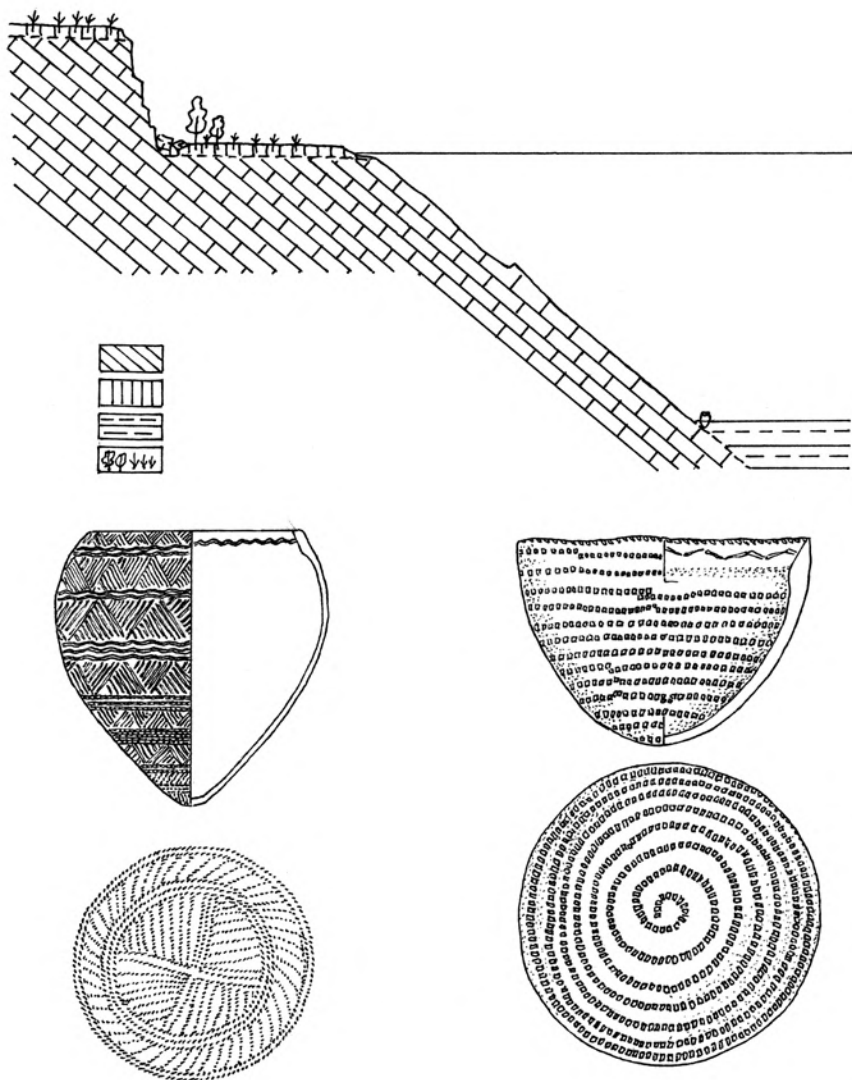
В Бурановской пещере и под скальным навесом Старичный гребень могильные ямы отсутствовали, погребенные были лишь немного присыпаны землей. Покойники лежали на спине, руки вытянуты вдоль туловища, останки посыпаны красной охрой. Череп в Бурановской пещере был помещен в специально сделанную ямку, засыпанную красной охрой. На скалистой стене над погребением были сделаны два рисунка – лося и гарпуна над ним – охрой точно такого же оттенка, что и охра в погребении. Из погребального инвентаря встречены в большом количестве шлифованные подвески из змеевика с отверстиями для крепления.

Необходимо заметить, что вещи, которые лежат в захоронении, не обязательно все принадлежат умершему. Практически у всех сибирских народов практиковался обычай класть в могилу наряду с могильными вещами умершего еще что-нибудь с наказом передать это нижним людям от живых родственников. Иногда встречаются захоронения без останков покойников, так называемые «кенотафы». Это, возможно, и есть пример передачи вещей или пищи умершим родственникам, также они со-

оружались, когда покойника невозможно было доставить к месту захоронения.

Погребению в землю близок и обряд погружения покойного в воду, поскольку вода – это тоже Нижний мир. Уникальные находки, возможно, связанные с такой традицией, были сделаны на озере Увильды. Однажды инструктор по модному сегодня дайвингу «прокладывал» очередной маршрут в воде недалеко от берега озера в районе базы отдыха «Красный камень». На глубине около 25 метров вдруг заметил на дне озера что-то необычное. Особо не разглядывая в глубинной темноте найденные предметы, он подхватил их и поплыл к берегу. Как оказалось позже, находка была совсем не ординарной – своеобразная «матрешка»: в крупном остродонном сосуде из обожженной глины находился еще один, меньшего размера и с круглым дном, в котором, в свою очередь, лежал небольшой деревянный черпачок длиной 14,5 см и шириной 8,4 см. Рукоятка ковшичка не сохранилась, поскольку она была вставной и, вероятно, потерялась когда сосуда поднимали со дна озера. Самое удивительное было то, что по всем признакам – форме сосудов и их орнаментации эти находки датируются ранним периодом неолита, то есть им, как минимум 7 тысяч лет.

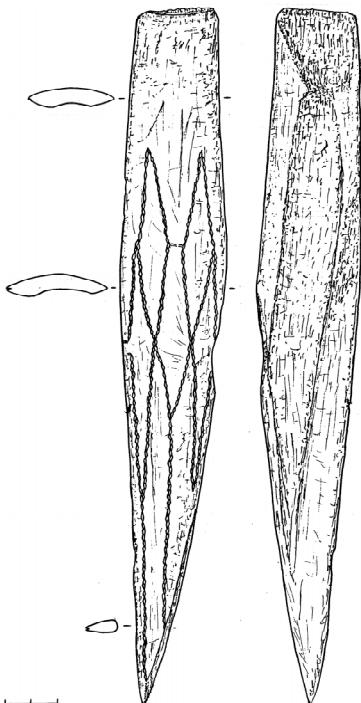
Как же попали обыкновенные, «земные» древние хозяйственные предметы на дно озера? Можно предположить следующий ход событий. Одного из умерших членов общины охотников и рыболовов – остатки их стоянки найдены на берегу озера совсем рядом, в процессе обряда погребения положили в лодку или на плот, сопроводив погребальным инвентарем. Вполне возможно, что вместе с двумя сосудами и деревянной ложечкой были еще какие-то вещи, которые не сохранились до нашего времени. Затем лодку оттолкнули от берега, отправив таким образом умершего в Нижний мир. По существовавшей традиции лодка могла быть испорчена – пробита и поэтому затонула в скором времени недалеко от берега.

Находки на озере Увильды

Еще один способ отправления за грань земного мира – втыкание предметов в землю. Втыкание эффективно там, где Нижний мир близко подходит к поверхности. На кладбищах угорских народов можно увидеть у могил воткнутые в землю копыта или другие предметы. Очень похожим на втыкание представляется погребение у села Пеган в Курганской области. В одной из глинистых стенок карьера летом 1949 года местные жители с удивлением обнаружили скелет человека. Необычной была не сама находка, за недавно прошедшую войну навидались всякого, а то, что полуразрушенный скелет находился в вертикальном положении (!) – ступни ног находились на глубине около трех метров от поверхности. В ногах погребенного таким оригинальным способом были найдены каменный шлифованный топор, костяной однолезвийный нож-кинжал, обломок еще одного костяного ножа и костяная игловидная поделка.

Нож-кинжал слегка ассиметричной формы длиной 26,5 см, максимальной шириной 4 см и толщиной 0,7 см, более прямой край изделия служил лезвием, в котором почти на всю длину был прорезан паз для вкладышей. В пазу сохранился один обломок кремневой пластинки длиной около 5 см. Внешняя сторона изделия тщательно отшлифована и покрыта орнаментом, состоящим из группы ромбов. Линии, образующие стороны ромбов, выполненные в виде цепочек, составленных из мелких ромбовидных звеньев, вырезаны тонким острием. Обломок ножа размерами 16,5 × 2,7 × 1,3 см также с прорезанным

пазом по одной стороне. Поверхность ножа хорошо отшлифована и по одной стороне покрыта резным орнаментом в виде пяти заштрихованных ромбов, расположенных в ряд и соединенных прямыми линиями. От углов ромбов отходят Г-образные или ломаные линии. Поделка из кости представлена изогнутой иглой размерами 10 × 1 × 0,7 см. Поверхность хорошо зашлифована, один конец заострен, на другом – небольшая бородка с уступом. Топор – овальной формы с округлым лезвием, слегка суженым обушком.

К. В. Сальников, который исследовал это погребение, отнес его к неолитическому времени, Ю. Б. Сериков посчитал, что его можно удревить и датировать мезолитом. Сегодня думается, поскольку с погребенным нет керамики, которая могла бы уточнить время захоронения, а костяные вкладышевые орудия и шлифованные топоры существовали от мезолита до энеолита, погребение у села Пеган можно датировать и мезолитом, и неолитом, и энеолитом. В любом случае это крайняя древность. Добавим, что такой же оригинальный способ похорон упоминается в «России» П.П. Семенова-Тян-Шанского в начале прошлого века. Оказывается, стоя хоронили уральские мешчеряки, а они имели финно-угорские корни. Способ «втыкания» присутствует и в русских сказках – вспомните как богатыри вбивают в землю Чудо-юдо – сначала по колено, затем по пояс.

Среди важных похоронных ритуалов были ломка, намеренная порча вещей, придание неестественного положения при отправке их с усопшим в иной мир. Смерть представлялась лишь процессом смены физической сущности человека, с сохранением в нем всего земного. Человек продолжал жить, но в другой ипостаси. Нижний мир представлялся зеркальным отражением земного. Люди в стране мертвых ведут тот же образ жизни, что и на земле, но как бы наоборот, к примеру делают все левой рукой. Поэтому при подготовке умершего в этот дальний путь, например, верхнюю одежду клали рукавами к ногам, обувь и рукавицы одевали – правый на левую ногу или руку, а левый

на правую. В Нижнем мире умершие трудятся и занимаются повседневными делами, как и на земле, только не днем, а ночью. У некоторых групп хантов и манси есть обычай, по которому при погребении на одежде умершего делали специальные разрезы, чтобы человек, оказавшись в Нижнем мире, понял, что он умер.

Душа человека в другом мире пользуется теми предметами, с которыми отправилась в путь, но проживает те же человеческие годы, только в обратном порядке. Но раз в этом мире все наоборот, то и вещи должны быть «не такими». Потому и в погребениях часто встречаются сломанные вещи. Раз человек там уже «не такой», то и его вещи должны быть «не такими». Но не обязательно ломать вещь, с ней могли совершаться действия, следы которых мы можем и не заметить при раскопках погребений по истечении тысяч лет. Например, чтобы сделать стрелу «не такой» не обязательно ломать наконечник из кремня, достаточно снять его с древка или сломать само древко, которое в земле не сохраняется, а мы находим только наконечник. В уральских погребениях эпохи камня часто встречаются костяные или каменные подвески миндалевидной формы, размерами 3–4 см, хорошо отполированные и в сужающейся части имеющие просверленные отверстия. Такие подвески встречены в погребениях в пещере Бурановская и под навесом Старичный гребень. Здесь они сделаны из змеевика, а в погребении на острове Большой Вишневы подвески сделаны из кости. В Гроте у Каменного кольца на реке Сим и в погребении у села Шатрово в Еткульском районе Челябинской области, найдены кремневые пластинки и бусы из раковин. Так вот, чтобы изменить их сущность для использования в Нижнем мире, возможно, достаточно было разорвать тонкий кожаный ремешок, на который они были нанизаны.

В одной из хантыйских общин этот обряд выглядел следующим образом. У всех вещей, которые приносили с умершим, непременно пробивалась дырка или делался какой-нибудь дру-

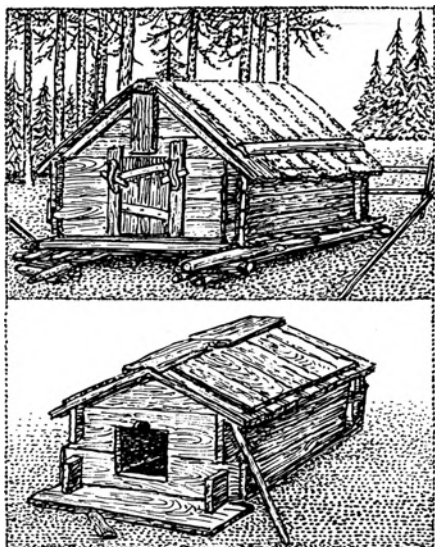
гой изъян: у посуды отбивалась дужка или вещь надкальывалась; у нарты что-то выламывалось; шест надламывали; у колокольчика вырывали язычок; от одежды отрезали незначительную часть. Если деньги бумажные, от них отрезается уголок; если серебряные или медные, в них пробивается дырка. На спинках звериных шкурок вырезается кусочек меха. Словом, вещи пусть хоть чуть-чуть, но становятся другими.

М. Ф. Косарев приводит примеры: «*”Умерщвлялась” даже предназначенная покойнику пища. Коми-пермяки яства для умершего во время поминок «портили», к примеру, разламывали предназначенный ему пирог со словами: “Да дойдет!”.* У порчи могильных вещей был еще один смысловой аспект: *любая часть – зародыш целого. То, что являлось частью в мире живых, может стать целым в мире мертвых (и наоборот?). Так, положенный с покойником в могилу обломок горшка, оказавшись в стране мертвых, может обернуться целым сосудом, кусок одежды – целым платьем и т. д. То же самое происходит с кусочком вещи, перемещенным из Нижнего мира в Средний. В хантыйской сказке нижний дух Арых-лунг отрывает клочок от своей рубахи и бросает в обласок (долбленный челн) земного человека. В результате лодка едва не перевернулась – так много оказалось в ней разного товара. Поэтому в могилу вместе с покойником разрешалось в определенных случаях класть черепок вместо горшка, несколько волосков от конской гривы вместо коня и т. д.».*

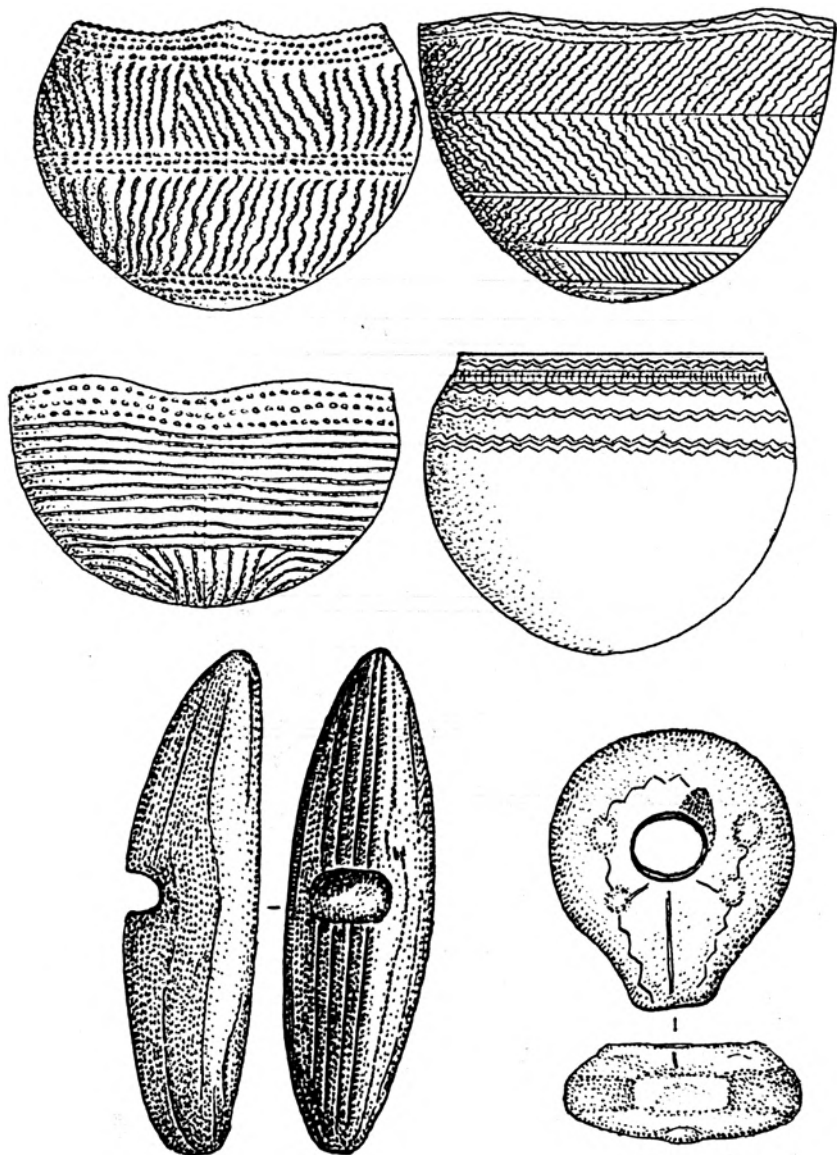
По этнографическим данным мы знаем, что изменения сущности вещи можно достигнуть и приданием ей неестественного положения. Например, нарту у могилы достаточно перевернуть вверх полозьями, сосуды поставить вверх дном, нож воткнуть в землю. Переворачивание считалось очень важным условием попадания в Нижний мир. Интересные факты, вероятно, связанные с выполнением такого условия, были обнаружены екатеринбургским археологом А. Ф. Шориным. Он уже много лет исследует один из загадочных объектов эпохи камня –

Кокшаровский холм – искусственное земляное сооружение диаметром около 40 м и высотой до 3,5 м. Холм, который, судя по всему, являлся святилищем, расположен в Верхнесалдинском районе Свердловской области и образовался в результате многократных подсыпок в течение неолитического времени, то есть 6–8 тысяч лет назад. Подобные святилища давно известны на территории лесного Зауралья и Западной Сибири, в народе они известны под названием «чудские бугры». Кокшаровский холм был сооружен в центре неолитического поселения на берегу Юрьинского озера. Особого внимания заслуживают несколько объектов, составлявшие основу холма – это небольшие деревянные сооружения подпрямоугольной формы, размерами около 2 × 2 м и высотой, вероятно, до 40 см, напоминающие деревянные домики – «сумьяхи», которые этнографы встречают на святилищах манси. Так вот, в этих домиках Кокшаровского холма были обнаружены целые, но перевернутые вверх дном неолитические сосуды, а сами домики после совершения в них обрядов были сожжены. Проводившиеся здесь ритуальные действия подтверждаются и другими оригинальными находками – «утюжками», орнаментированным глиняным шаром, сосудами со скульптурными изображениями птиц, булавами в виде головы бобра или медведя и т. п.

Переворачивание известно нам и для более позднего времени, например, у славян существовало поверье: чтобы превратиться в иное – «тем-

Культовые постройки угров.
1 – Сумьях манси; 2 – жертвенный амбарчик хантов

Находки на Кокшаровском холме

ное» существо, нужно спуститься ночью в подпол и обернуться через голову – станешь оборотнем. Очень интересный факт приводит М. Ф. Косарев – когда Степана Разина везли на казнь, хомут на лошади был перевернут верхом вниз. Или, например, шапку-невидимку в сказке нужно повернуть на голове задом наперед – станешь невидимым.

Главная идея этого обряда в том, что тьма – это свет наоборот, а зло – это вывернутое наружу добро, смерть – это тоже жизнь, но наоборот. Все едино, но имеет разные стороны своей сущности.

Очень важным условием достойного попадания в Нижний мир было правильное положение умершего, покойника полагалось в нужную сторону сориентировать. Нижний мир угров находится на севере, и чтобы не плутать, правильно найти туда дорогу, уральцев в древности хоронили головой на север, поскольку именно так душа, которая при жизни обитает в голове человека, отправляется в этот мир. Однако здесь М. Ф. Косарев нашел одну неувязку. *«Строго северная ориентировка умерших на древних сибирских кладбищах встречается не часто, что, на первый взгляд, противоречит представлениям о северном (или западном) местонахождении Нижнего мира – в частности, страны мертвых. Но это противоречие кажущееся. Обские угры, например, хоронили покойников: или лицом на север (чтобы душа-тень видела куда идти); или ногами на север (чтобы душа-тень, встав, сразу же оказалась идущей в нужном направлении); или ногами вниз по течению реки (чтобы душа сразу же нашла «нижнюю» дорогу); или ногами к реке (чтобы душа-тень вышла к речному берегу и далее следовала вниз по течению). Во всех четырех случаях ориентировка понималась как северная, несмотря на то, что направление тела в могиле далеко не всегда совпадало с меридиональной линией. Аналогичным образом, т. е. как северная ориентировка, понималось известное по сибирским этнографическим и археологическим данным положение покойника вниз лицом и вниз головой».*

Еще одним способом попадания души в иной мир, но уже не в темный, а в светлый, было помещение умершего на дерево. Такой обряд погребения известен в этнографии сибирских народов, археологически его зафиксировать, конечно, не представляется возможным. Останки растаскивали птицы и звери. Следы сожжения, как одной из форм погребального ритуала, иногда встречаются в захоронениях праургов, связано оно с разобщением темного и светлого, отправкой души в светлый мир.

Все перечисленные выше погребальные обряды должны были обеспечить успешный путь души умершего в Нижний или Верхний миры. А основная идея погребальной обрядности – это и единство мира и жизненный круговорот. Нельзя нарушить обряд – разорвется цепь событий и жизненный цикл, родовой коллектив будет обречен на вымирание.

Мы уже говорили о том, что душа-тень, попадая в Нижний мир проживает жизнь человека наоборот – от старости до младенчества, затем рождается новый человек и из Верхнего мира прилетает душа-птица и одушевляет новорожденного. Начинается новый жизненный цикл – новое кольцо на древе жизни. И получается, что Верхний и Нижний миры неизбежно связаны между собой через Средний – земной. При этом нужно учитывать, что Нижний мир – это не ад в христианском представлении, – это лишь место, где душа живет до следующего рождения человека, который не может существовать без равновесия темного и светлого. Хозяева Верхнего и Нижнего миров не олицетворяют собой добро и зло, как Бог и Дьявол, они регулируют свои взаимоотношения для стабильности миропорядка. И, вообще, раньше они были единомышленниками, но из-за некоторых недоразумений разошлись по разным полюсам мира, договорившись жить и дальше в согласии. Они исполняют разные, но одинаково ответственные обязанности, один отвечает за «плюс», другой за «минус», но оба сохраняют Мироздание. Дверью в верхний мир является Полярная звезда, в Нижний – могила, водоем, пещера. Ну а из живых и

из Среднего – земного – мира попасть в эти миры на время может только шаман.

Великие страдалцы за общество. Шаманы

Среди урало-сибирских угорских народов шаман – это великий подвижник, призванный преданно и бескорыстно служить своему роду, стоять на страже его интересов и оберегая от злых сил, помогать идти правильным путем. Большое исследование сибирско-уральского шаманизма принадлежит М. Ф. Косареву, на материалы которого мы и опираемся.

В глубокой древности, вероятно, немало людей обладали умением погружаться в мистическую реальность. Собственно шаманизм появился в нео-энеолитическое время: 5–6 тысяч лет назад, вместе с оформлением идеи о трехчастности Мира. Но и сегодня некоторые люди, не шаманы, обладают даром предвидения, перехода в иные миры.

В начале прошлого века известный курганский исследователь К. Д. Носилов, путешествуя на лодке в безлюдных верховьях р. Ляпин, после тяжелого дневного пути причалил к берегу у одинокого мансийского жилья. Здесь его в течение всего дня ждали незнакомый старик-манси со своей старухой-женою, которые «увидели» его много часов назад, и с той поры наблюдали за ним, о чем поведали со всеми подробностями. Носилов рассказал и о своей знакомой, старухе-самодийке, которая, провозжая кого-либо на охоту, заранее сообщала, будет ли удача и в чем именно. Даже русские, собираясь поохотиться, обращались к этой старухе, и та рассказывала им, в каком виде они представляются ей на будущей охоте, с какой добычей вернуться, что с ними случится, и никогда при этом не ошибалась.

Модные в наши дни среди определенных кругов белые и черные шаманы, это уже не шаманы: белый – это жрец, а черный – это колдун. Только настоящий шаман завязан на все сферы Мироздания.

Шаманами становились по наследству, и мало кто из избранных хотел стать шаманом по доброй воле. Этому предшествовала долгая шаманская болезнь – духи неотступно мучили избранника, вынуждая принять шаманский дар, доводя до умопомешательства. Приход к кому-либо шаманской болезни воспринимался как великое несчастье. Когда человек наконец соглашался, происходил обряд посвящения, проводимый под присмотром опытного шамана, духами умерших шаманов. В момент посвящения происходит процесс «смерти-рождения», практически полностью перестраивается личность, по сути – рождается новый человек и даже надчеловек, чье миропонимание кардинально отличается от прежнего. Это и есть шаман. Он способен отчуждать от своего тела душу, посылая ее в прошлое и будущее, он может находиться одновременно в разных местах, владеет, выражаясь современным языком, телепортацией и телекинезом, может «вспомнить» и использовать умения и навыки своих предков на уровне генетической памяти. Шаман живет одновременно в земном и потустороннем мирах, даже, иногда, имея две семьи – там и тут. Свои путешествия, совершаемые в состоянии транса, шаман осуществляет, погружаясь в свой внутренний Мир, который повторяет Мироздание в целом.

Одной из главных обязанностей шаманов были проводы души-тени умершего в Нижний мир. Без провожатого душа могла заблудиться и даже погибнуть. Кроме того, он отвечал за здоровье и благополучие рода. Хороший шаман всегда готов дать совет, где лучше ловить рыбу, когда лучше охотиться и т. д. Шаман – это и маг, и знахарь. Как и другие выдающиеся личности, шаман обладает особой харизмой, как все вожди, герои и пророки, это свойство воспринималось окружающими как наследственный или божественный дар и выражалось даже в наличии некоей лучезарности. Вспомним ореолы на ликах святых на иконах.

Все настоящие шаманы были самыми бедными, с нищенским достатком, но свято исполняющими свой долг. Семьи ша-

манов почти всегда несчастны, при жизни их, как правило, преследует злой рок: семейные трагедии, преждевременная смерть близких, нищета и т. д. Судьба шамана – это тяжкий крест и подвижничество во имя продолжения рода.

У каждого шамана были свои духи-помощники. Змея, рыба, медведь, ящерица помогали при путешествии в Нижний мир. Птицы, бабочки, лось, олень помогали переходить в Верхний мир. Особое место занимал дух-покровитель, как правило, основатель родовой шаманской линии. Он охранял шамана на протяжении всей жизни, помогал в трудных ситуациях, приобщал к сокровенным шаманским знаниям. Обычно он имел облик человека или одновременно человека и животного и являлся духом-хозяином (или хозяйкой) священной родовой горы.

С некоторыми духами-помощниками было не просто – они бывали капризны и привередливы, поэтому шаману приходилось их всячески убалтывать, «кормить» и поддерживать застольные беседы. Если шаман чем-то не устраивал духов, они могли перебежать к другому.

Важную роль играли и основные шаманские принадлежности: костюм, бубен, колотушка и посох. У шаманов разных народов костюмы существенно различались – от очень сложных до очень простых. Например, у шаманов угорских народов все особое убранство могло состоять из одной шапки или какой-либо особой детали обычной одежды, а иногда шаманы камлали только с одним только бубном. В целом же, общим видом или деталью костюм должен был ассоциироваться с птицей и воспроизводить систему Мироздания, показывая отдельными деталями силу шамана.

Ключевым предметом шаманской атрибутики был бубен, который представлял собой картину мира, был одновременно и картой Вселенной, и транспортным средством путешествий по ней. Ударами в бубен шаман отпугивал злых духов, привлекал к себе добрых, и с их участием усиливал свои возможности. С точки зрения археологии интересно то, что в некоторых случа-

ях у сургутских хантов вместо бубна мог использоваться просто сосуд. Колотушка, которой шаман бил в бубен в отдельных ритуалах могла заменять сам бубен, поскольку несла серьезную смысловую нагрузку. Например, чтобы пойти в Верхний мир, нужно взять колотушку, обтянутую шкурой оленя или лося, в Нижний мир – обтянутую шкурой медведя. Не менее важен был и шаманский посох, который мог заменять бубен, особенно у молодых шаманов в начале их деятельности. Посох был знаком силы и достоинства шамана, символизировал вселенское дерево, соединяющее разные сферы Мироздания.

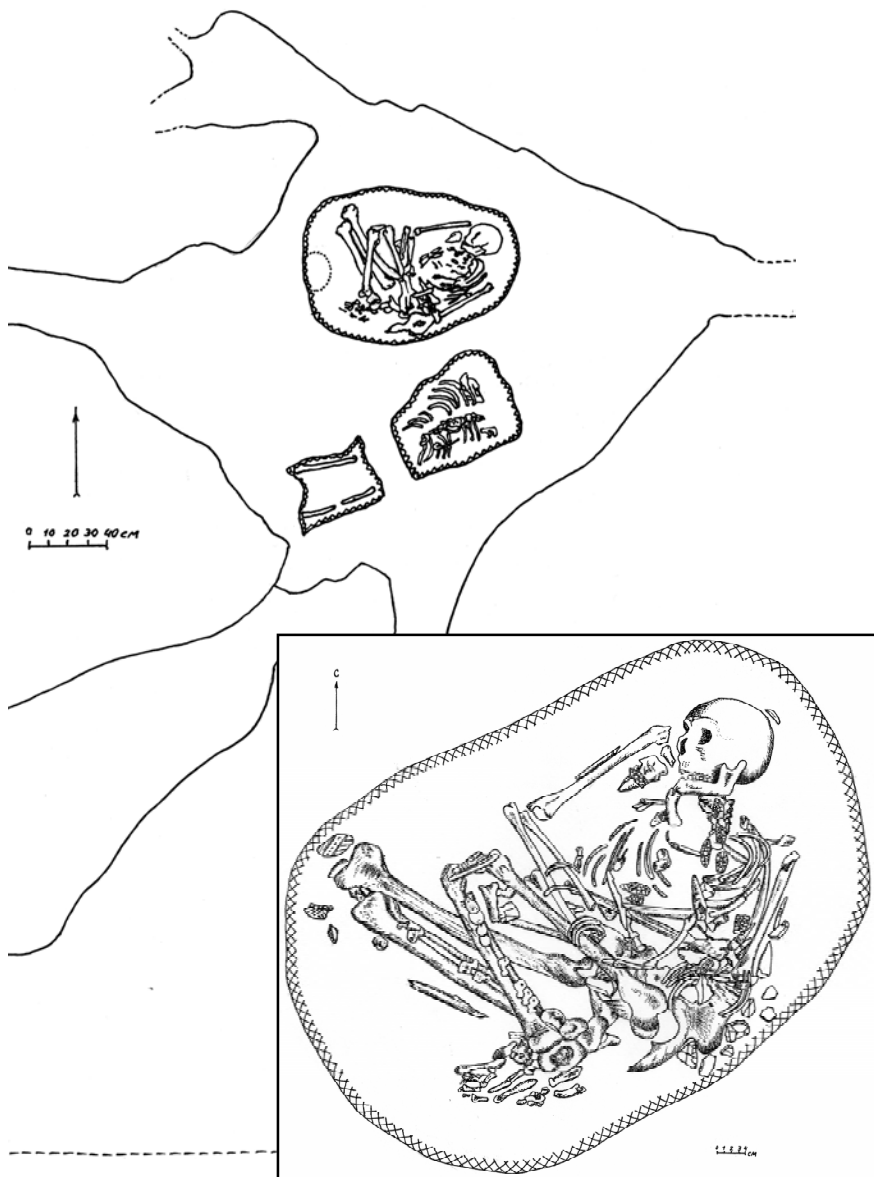
Завершая разговор о шаманах, необходимо еще раз подчеркнуть, что помимо заботы о здоровье и благополучии рода, в центре внимания шамана всегда находились души соплеменников. Главная забота шамана – следить за правильностью и бесперебойностью круговорота жизни, за равновесием светлых и темных сил на Земле – в Среднем мире.

Среди ученых нет единого мнения о времени появления шаманов в праугорском древнем обществе. Одни считают, что это явление достаточно позднее и появилось под влиянием соседних народов. Другие уверены почти в противоположном, что современная «слабость» угорского шаманизма по сравнению с шаманизмом других народов – это результат массовой христианизации Урала и Сибири. Для нас важен тот факт, что всегда в традиционном урало-сибирском обществе были особые люди, как бы их ни называли сегодня, люди, которые могли лечить не только тело, но и душу, предсказывать будущее и общаться с духами, люди, имевшие за счет этого огромный авторитет и доверие сородичей.

Среди уральских погребений есть очень необычные, нерядовые, они и расположены не в обычных для этого местах, а в пещерах, гротах. Часто такие усопшие в необычных позах или нарушен анатомический порядок останков, при погребениях использовался огонь или красная охра, в погребальном инвентаре нет обязательной посуды, зато часто встречаются украшения.

Такое своеобразие погребений порождает и своеобразные гипотезы ученых. По мнению Ю. Б. Серикова, все (!) уральские погребения – это захоронения шаманов, служителей культа, «хранителей веры». Возможно, хоронили только их в знак особого почитания и для совершения особых ритуалов для снискания через них благ соплеменникам. Простых смертных просто оставляли на земле, деревьях, в воде, ведь важно было, что их души вернуться в кругооборот жизни. Самое «красноречивое» шаманское захоронение он исследовал в 1988 году. Это два неолитических погребения в гроте на Камне Дождевом, расположенном на реке Чусовой. Грот расположен в укромном месте – в затененной расщелине на высоте 14 м – и по размерам совсем небольшой – 2 × 2,4 м.

Погребенные мужчина и женщина лежали в небольших могильных ямах всего в 15 см друг от друга. Оба были засыпаны охрой буро-коричневого цвета. Богатый погребальный инвентарь и украшения, которые, вероятно, были нашиты на недошедшую до нас одежду, помогают восстановить внешний вид умерших. Оба были одеты в куртки, брюки и меховые сапоги. На мужчине была легкая шапочка, возможно, отороченная меховой опушкой, с пришитом на ней зубом лисицы. Он имел широкий пояс, расшитый резцами бобра. На сапогах или штанинах были нашиты костяные подвески. На останках женщины – просверленные, очевидно, для крепления на одежде, зубы – клык лисицы, два резца лося, резец медведя, два зуба северного оленя и 73 нижних клыка выдры. У мужчины на левом боку была или приторочена к поясу или перекинута через плечо на перевязи меховая сумка, в которой лежали отщепы и заготовки орудий. Нож, видимо, в кожаном чехле, висел на груди. На рукавах куртки на уровне плеча были пришиты расколотые кости северного оленя. На штанинах были нашиты подвески: с внешней стороны – фигурки уток, с внутренней – каплевидные. На уровне колен на штаны пришиты фрагменты керамики. На теле мужчины россыпью располагались 11 каменных наконечников стрел.

Погребение шамана и его помощницы в Гроته Дождевом

Мужчине было около 40–45 лет, он был убит выстрелом сзади. Об этом свидетельствует каменный наконечник стрелы, застрявший между шейными позвонками. Усопший лежал на спине в скорченном положении. Голова и позвоночник обращены на северо-восток, руки сложены на животе, причем, правая рука прикрывала левую.

Уже тот факт, что это погребение самое богатое по инвентарю среди погребений каменного века Урала указывает на то, что здесь похоронен не просто охотник. Детали обряда и инвентаря позволили Ю. Б. Серикову рассматривать это захоронение как шаманское.

Обращают на себя внимание подвески в виде уток – такие были обнаружены впервые. В мифологии северных народов именно птица – утка, гагара участвует в сотворении земли и является представителем Верхнего мира. Утка представлялась и связующей между всеми тремя мирами и стихиями воды, земли и воздуха, ведь она летала, плавала и ходила по земле. Змеи, рыбы, выдры, бобры представляют Нижний мир. Здесь подвеска в виде уток сделана из костей бобра. Противопоставляются два мира – Верхний и Нижний – положительное и отрицательное. Кроме того, к рукавам и штанинам были пришиты кости животных. Этнографические данные говорят о том, что кости и зубы животных на костюме шамана помогали ему перевоплощаться в зверя или птицу для путешествий в Верхний или Нижний миры. Необычна и поза погребенного, похоже, из-за страха перед душой убитого шамана, его связали. По наличию пояса, украшенного резцами бобра, данного шамана можно отнести к «темным» шаманам. Похороненная рядом женщина 35–40 лет, возможно, насильственно умерщвлена и захоронена рядом с шаманом как его помощница.

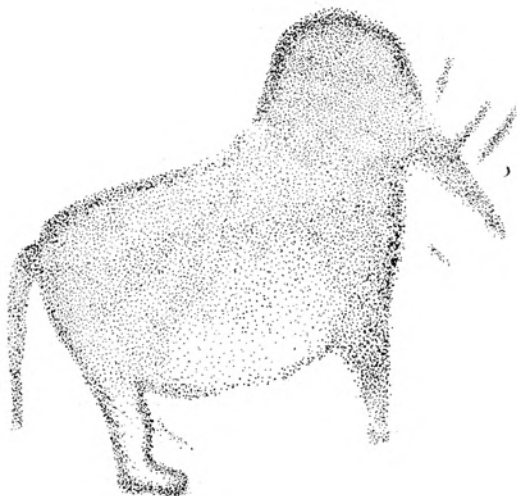
Наконечники стрел, расположенные по телу шамана, должны были оборонять их владельцев от преследований душой убитого. Наверное, неспроста и захоронение шамана с помощницей в пещере. В мифологии в образе пещеры сливаются воеди-

но идеи жизни, смерти и воскрешения. Пещера – это место, где может находиться вход в Нижний мир.

Еще более оригинальная точка зрения на уральские погребения была предложена курганскими историками С. Н. Шиловым и Д. Н. Маслюженко, которые считают подобные погребения своеобразными элитными жертвенными комплексами. По их мнению, людей приносили в жертву или они сами жертвовали собой. В уральских погребениях авторы видят три способа разрушения тела человека в погребальном обряде: расчленение, вторичное погребение, частичное сожжение. Существует два взгляда на причину подобного явления: вера во вредоносность умершего и стремление уничтожить его силу через разрушение тела или жертвоприношение ради достижения какой-либо цели, например, защиты от природных явлений и помощь коллективу живых, перерождение природы и создание благополучия и т. д.

Подводя итог, можно сказать, что Природа жизни – Мироздание – урало-сибирских народов было очень сложной системой взаимопересекающихся, не всегда однозначных структур, находящихся в постоянном движении. Осмыслить и до конца понять эту Природу жизни на уровне наших сегодняшних представлений практически невозможно, отсюда и появление множества столь разных гипотез.

**Кто они – первые уральцы:
финно-угры
или индоевропейцы?**

Кто они – первые уральцы: финно-угры или индоевропейцы?

Самой сложной проблемой, с которой сталкиваются археологи, изучая древнейшее прошлое, является проблема сопоставления археологических данных с конкретными доисторическими этносами, жившими в эпоху камня или бронзовом веке. Для раннего железного века и средневековья, с определенной долей вероятности, это уже можно сделать, если названия народов упоминаются в дошедших до нас письменных источниках. Например, скифы и сарматы, легенды о которых мы знаем в изложении древнегреческого историка Геродота, который жил в V веке до нашей эры. Скифы – общее название населения степной Евразии – Великого Степного пояса от Карпат до Алтая, состоявшего из родственных племен восточноиранской языковой группы индоевропейской семьи. Скифы были родственны сарматам, массагетам и сакам. Сами себя скифы называли скелотами, а родственные им персы называли их саками. Скифами их называли древние греки. Также довольно много мы знаем из исторических хроник о знаменитых гуннах, наводивших ужас на европейцев первых веков новой эры, во главе с царем Аттилой, которого называли «бич божий» и на портретах изображали с рогами, как черта.

А как же быть, если археологические данные касаются племен и народов дописьменной истории? О которых в самых древних хрониках ни слова. Археологи обращаются за помощью к исследованиям лингвистов, реконструирующих древние языки,

чтобы определить, хотя бы, на каком языке говорило то или иное население. Когда речь заходит о народах Урала и Сибири позднего этапа эпохи камня, то их определяют очень условно — финно-угры, а вернее с добавлением «пра-», и самодийцы, если это население бронзового века — индоевропейцы или индоиранцы. Кто же такие финно-угры и индоевропейцы? Если отвечать коротко, то это — население, говорившее на языках и диалектах уральской и индоевропейской языковых семей.

Язык — это исторически сложившаяся система словесного выражения мыслей, обладающая определенным звуковым, лексическим и грамматическим строем и служащая средством общения в человеческом обществе со времен начала членораздельного общения. Кроме того, это система знаков, предназначенная для фиксации, переработки и передачи информации от одного человека к другому. Все языки мира имеют принципиально схожую структуру, хотя внешне могут сильно отличаться. Существует несколько способов классификации языков: ареальная — по культурно-историческим ареалам (месту распространения); типологическая — строится на основе выделения какого-либо одного или нескольких признаков, например, по способу выражения грамматического значения языки делят на аналитические, синтетические и полисинтетические и, интересующая нас генетическая классификация — по происхождению и степени родства.

Как известно, все языки мира объединяются в группы и семьи родственных языков. Русский, польский, чешский, болгарский, сербохорватский и некоторые другие образуют группу славянских языков; немецкий, английский, скандинавские и нидерландский — германскую группу; литовский и латышский вместе с вымершим древнепрусским составляют балтийскую группу. Большинство языков Европы (славянские, балтийские, германские, кельтские, романские, греческий, албанский) вместе с армянским, иранскими, индийскими (индоарийскими) и древними хетто-лувийскими (Малая Азия) составляют индоев-

ропейскую семью языков. В мире есть и другие языковые семьи: уральская, тюркская, монгольская, картвельская и многие другие.

Что, собственно, имеется в виду, когда говорят: «Два языка родственны, они принадлежат к одной и той же семье или группе»? Родственными называются языки, имеющие общее происхождение. Скажем, французский, испанский, португальский, итальянский, румынский и некоторые другие языки объединяются в романскую группу потому, что происходят из одного языка-предка – латыни. Русский, польский, чешский и т. д. восходят к языку древних славян – так называемому праславянскому или общеславянскому. И, хотя письменных памятников от этого языка не осталось, мы можем судить о нем, реконструируя его звуки и формы на основании сравнения славянских языков-потомков. Хинди, бенгали, маратхи и другие языки Северной и Центральной Индии (вместе с сингальским на Цейлоне и цыганским) образуют индоарийскую группу языков, ибо все происходят из древнеиндийского языка (литературная форма которого называется санскритом). И если мы говорим: «Греческий, латынь, славянские, индоарийские и другие языки образуют индоевропейскую семью», то это высказывание равносильно утверждению: они восходят к единому языку-предку, то есть имеют общее происхождение. Языки признаются родственными только тогда, когда найдены факты, которые можно объяснить лишь с помощью гипотезы об общем происхождении этих языков. Что же это за факты?

Прежде всего – значительное количество родственных корней. Какие корни можно признать родственными? Совсем не те, которые одинаково звучат и означают одно и то же. В таких случаях это как раз может быть заимствование из одного языка в другой. Заимствования слов происходят при контактах языков посредством контактов людей, говорящих на этих языках. При этом языки могут быть совершенно не родственными или находиться в очень далеком, совсем не очевидном (а то и неизве-

ством) родстве: ведь эти контакты происходят по историческим и географическим причинам, а не по языковым. Так, французское слово *le samovar* является очевидным и очень недавним заимствованием из русского языка и не может служить доказательством близкого родства этих языков, хотя, казалось бы, звучит одинаково, означает одно и то же, чем не основа для сближения? Понятно, что легче всего заимствуются слова, обозначающие новые, заимствованные у других народов предметы и понятия, слова, связанные с материальной и духовной культурой (названия предметов одежды, культурных растений, понятий религии и т. п.). Так, русское слово «князь», происходящее из древнерусского *кънѣзь*, является в славянских языках германским заимствованием, попавшим в начале или в середине I тыс. н. э. в тогда еще единый праславянский язык, видимо, из готского, где было слово *кунингаз*. Из этого слова произошло английское *king*, немецкое *König*, датское *konge* и т. д. Кстати говоря, это же слово попало и в финский, где оно до сих пор звучит как *kuningas* и означает то же самое — «военачальник, король».

Однако известны слова, которые не заимствуются. Это так называемый базовый корпус лексики: названия некоторых частей тела, основные термины родства, многие числительные и т. п. Именно среди этих слов надо искать родственные корни.

Но как доказать родство? Для этого ищут регулярные соответствия звуков. Это понятие является базовым в сравнительно-историческом языкознании, которое возникло в начале XIX века в Европе. Своеобразным толчком к этому послужило знакомство европейцев с санскритом после завоевания англичанами Индии: этот «далекий», «экзотический» язык с другого края света неожиданно оказался похожим на хорошо известный древнегреческий, а значит и на те европейские языки — английский, немецкий, французский, русский — на которых говорили сами ученые. Естественно, им хотелось, прежде всего, углубить-

ся в историю «своих» языков, тем более, что сфера деятельности попала обширнейшая и интереснейшая. Накопившийся к началу 20 века материал по сравнительному языкознанию позволил некоторым наиболее дальновидным и смелым лингвистам прийти к выводу о возможности устанавливать отдаленное генетическое родство между языками. Среди этих ученых следует отметить англичанина Генри Суита, итальянца Альфредо Тромбетти и особенно датчанина Хольгера Педерсена, который в 1903 году выдвинул гипотезу о наличии отдаленного родства между обширной группой языков, распространенных в Европе, Северной и Западной Азии и Северной Африке: языками индоевропейскими, семито-хамитскими и так называемыми урало-алтайскими (в те годы существовало мнение об относительно близкой родственной связи между уральскими и алтайскими языками, которое впоследствии было отвергнуто). Х. Педерсен назвал эту большую группу языков ностратическими (от латинского «*noster*» – наш). Ностратическая гипотеза далеко не сразу завоевала значительное число сторонников, что было связано с тем, что тон в лингвистической науке в те годы задавали индоевропейцы, а отчасти и с тем, что доказательства Х. Педерсена не представляли собой стройную, основательно аргументированную систему.

Научная обоснованность ностратической концепции была блестяще аргументирована лишь много десятилетий спустя выдающимся русским лингвистом Владиславом Марковичем Иллич-Свитычем, погибшем в возрасте 32 лет. В. М. Иллич-Свитыч, более того, значительно расширил рамки ностратической макросемьи, включив в ее состав картвельскую и дравидийскую семьи и присоединив к алтайской семье корейский язык. В. М. Иллич-Свитыч явился фактическим создателем новой отрасли языкознания – сравнительной грамматики ностратических языков. На его могиле можно прочитать стихи, написанные им на реконструированном ностратическом языке:

*Язык — это брод через реку времени,
Он ведет нас к жилищу ушедших;
Но туда не сможет прийти тот,
Кто боится глубокой воды.*

Гибель в 1966 году В. М. Иллич-Свитыча побудила его коллег, А. Б. Долгопольского и В. А. Дыбо, заняться изданием и завершением его труда «Опыт сравнения ностратических языков». Здесь мы как раз и рассматриваем точку зрения А. Б. Долгопольского, которая была изложена И. Луговским, на основании его статей. Кроме того, эту проблематику разрабатывали знаменитые ученые Вячеслав Всеволодович Иванов, Тамаз Валериевич Гамкрелидзе и Сергей Анатольевич Старостин, чьи исследования хорошо известны археологам. В чем же суть ностратической гипотезы? Попробуем разобраться. Это важно, поскольку некоторые археологи пытаются делать исторические выводы, слепо следуя этой гипотезе, во многом противоречащей археологическим фактам.

Допустим, некий язык-предок распался на три языка-потомка. Это значит, что некий человеческий коллектив по самым разным и с лингвистической точки зрения не существенным причинам разделился на три группы, контакты между которыми ослабли, а потом прекратились совсем. В любом живом языке постоянно происходят небольшие, незаметные для носителей фонетические изменения. В нашем случае эти изменения, шедшие в едином языке-предке однообразно, в трех языках-потомках будут происходить несколько различно. Допустим также, что в языке-предке существовал звук а, который в одном из потомков превратился в э, в другом — в о, а в третьем остался без изменений. Это значит, что в трех этих языках будет много слов, в которых будет прослеживаться соответствие а-э-о. На практике обнаружить такое соответствие мы сможем сначала на словах из базового корпуса лексики, а потом и на многих других. Так, английское *d* регулярно соответствует немецкому *t*,

русскому d, латинскому f, греческому th, древнеиндийскому dh. Поэтому мы можем наблюдать такие соответствия, например, русское Дочь, англ. Daughter, нем. Tochter, греч. Thugater, или русское Дверь, англ. Door, нем. Tur, греч. Thuga, лат. Fores и т.п.

Приведенный пример – это просто иллюстрация, количество которых можно многократно умножить. Главное же здесь – фундаментальный принцип: сравнению подлежит не сходство, а закономерное различие. Сравнивая родственные языки и устанавливая звуковые соответствия между ними, выясняя звуковые законы, преобразовывавшие древние корни, можно в довольно большой степени реконструировать облик языка-предка: его фонемы, грамматические форманты и корни. В частности, очень много сделано в области реконструкции праиндоевропейского языка. Но с тех пор положение изменилось. За два века языки далеких «экзотических» племен прочно вошли в сферу внимания лингвистической науки, и подавляющее большинство существующих сейчас на Земле языков уже достаточно хорошо изучено.

Все известные нам языки Старого Света являются потомками примерно двух десятков языков, существовавших (видимо, не одновременно) в глубокой древности. Все эти языки, которые для нас представляются безумной древности праязыками, реконструкция хотя бы фрагментов которых потребует многолетнего труда многих ученых, – в свое время были обыкновенным разговорным языком для людей, на них говоривших. С точки зрения современной исторической лингвистики эти языки, разумеется, и сами откуда-то произошли, то есть являются потомками каких-то других языков.

Наш «общий и единый» праязык

Существует гипотеза моногенеза языков, то есть происхождения всех живых и мертвых, известных современной науке и неизвестных языков всего мира из одного общего для всех пра-

языка. Эта гипотеза пока не доказана и не опровергнута. Но, может быть, можно сделать хотя бы еще один шаг вглубь истории и обнаружить родственные связи между некоторыми из перечисленных выше языковых семей?

Лингвисты давно обращали внимание на разительное сходство некоторых явно древних слов в индоевропейских, уральских, монгольских и некоторых других языках, таких, например, слов, как личные и вопросительные местоимения. Но доказать родство языковых семей было практически невозможно, пока лингвисты не научились восстанавливать древнейшее состояние языков-предков каждой семьи в отдельности. Еще в XIX веке была в значительной степени реконструирована праиндоевропейская система языка: фонемы, корни, суффиксы, окончания, формы слов. В XX веке аналогичную работу проделали с уральским языком-предком, картвельским, семито-хамитским, алтайским и т. д. Теперь вместо того, чтобы сравнивать современные индоевропейские с современными уральскими, алтайскими и другими языками, можно сравнивать древний праиндоевропейский с прауральским, пракартвельским и другими уже более-менее надежно реконструированными праязыками. Это значительно облегчает выполнение задачи: ведь если языки действительно родственны, то, теоретически, в древности они должны были быть ближе друг к другу, чем теперь. Хотя это утверждение лингвистов достаточно спорно. Появилась практическая возможность изучения вопроса об отдаленном родстве многих языковых семей Старого Света. В. М. Иллич-Свитычу удалось установить систему тех самых регулярных соответствий звуков между шестью праязыками: индоевропейским, уральским, картвельским, дравидийским и алтайским. Для лингвистов это должно означать, что эти праязыки являются потомками одного общего предка.

Регулярные соответствия обнаруживаются во многих сотнях корней: только в «Материалах к словарю ностратических языков» В. М. Иллич-Свитыча приводится свыше 600 корней, а

сейчас их известно уже около трех тысяч. Однако не надо думать, что все языки евразийского континента – ностратические. Кроме таких маленьких не ностратических островков, как баскский и кетский, определенно не ностратическими являются северокавказские языки, которые неожиданно оказались родственными китайско-тибетским языкам. Тем не менее, надежно ностратических языков очень много. Получается, что почти вся Евразия (кроме Китая и крайнего Юго-Востока) и добрая половина Африки говорят на языках, происходящих из одного. Как осмыслить этот факт в контексте истории человечества?

Людей, слышавших о ностратической гипотезе, всегда интересуют одни и те же вопросы: были ли вообще люди, говорившие на праностратическом языке? Где они жили, и когда это было? И как случилось, что один, в сущности, язык мог распространиться на такую огромную территорию, вытеснив языки, на которых говорили ближние и дальние соседи носителей ностратического языка. Ведь такие должны были существовать.

Если мы посмотрим в словарь праностратического языка, то увидим там множество названий разных диких животных и частей их тела, названия рыб, слова «след», «зверь», «бросать», «попасть в цель», «промахнуться» и т. п. Кроме охоты и рыболовства, древний человек занимался собирательством: есть слова «собирать», «ягоды», какие-то «зерна». Было специальное слово «сбор дикорастущего урожая». На характер духовной жизни указывают слова со значением «колдовать, лечить», несколько разных слов, обозначающих какие-то заклинания, магические действия. Когда же мог существовать язык, имеющий такой словарь? Определенно ясно пока лишь одно: общеностратический язык существовал до возникновения производящего хозяйства. В списке известных нам ностратических корней нет ни названий домашних животных, ни наименований культурных растений, ни вообще понятий, связанных с земледелием и скотоводством («сеять», «пахать», «запрягать» и т. п.). Нет и названий глиняных сосудов. Этим праностратический язык

резко отличается, например, от праиндоевропейского, в котором мы найдем и телку, и ягненка, и жернов, и глаголы со значением «сеять», «пахать» и прочее. На страницах индоевропейского словаря мы видим жизнь скотоводов, неплохо знакомых и с земледелием. Из ностратического же словаря на нас смотрит охотник, рыболлов и собиратель. И все же по некоторым косвенным признакам можно заключить, что это был, вероятно, самый конец верхнего палеолита. В праностратическом языке нет названий для лука и стрел, собака и волк называются одним и тем же словом.

Далее лингвистам необходимо было найти территорию, где говорили на ностратическом языке. Как говорят лингвисты, отыскать прародину. Для этого существует несколько источников информации. Прежде всего, слова, которые есть в общеностратическом словаре. Ведь если в каком-нибудь праязыке есть названия жирафа и бегемота, то прародину нельзя искать в тундре, ибо в тундре жирафы никому не известны. Изучая ностратический словарь, мы можем узнать, какие явления природы, животные, растения и т. д. были известны на искомой территории. Для каждого языка-потомка (праиндоевропейского, прауральского и прочих праязыков) выясним, где находилась самая древняя территория, на которой говорили на этом языке. Самая древняя — насколько хватает возможностей сравнительного языкознания.

Обратимся к первому источнику информации — к ностратическому словарю. В нем мы найдем слова, означающие «снег», «лед», «замерзать», «метель». Значит, носители ностратического языка были знакомы со снегом, льдом и т. п. А, следовательно, из кандидатов в ностратические прародины придется исключить тропические районы мира: Индию, Индокитай, Африку. Тут возможно возражение: ведь в Северной Африке есть Атласские горы (в Марокко и Алжире), и там зимой бывает и снег и лед. Это действительно так. Но большинство ностратических языков находится в Азии. Если прародина была

в Северной Африке, то носители ностратического языка – еще единым языковым коллективом или уже разделившись на группы, языки которых впоследствии дали начало разным языковым семьям, – должны были как-то из Африки пробраться в Азию. Кораблей и лодок тогда не было, а единственный путь по суше из Африки в Азию пролегает, и пролегал в прошлом через Суэцкий перешеек. Даже если бы прародина была в Марокко, языкам-потомкам пришлось бы двигаться через долину Нила и Синайский полуостров. А в этих местах климат слишком жаркий для снега и льда. И сейчас, и в прошлом (во всяком случае, со времен финального палеолита). Скорость переселения людей была очень низкой. Ведь люди шли пешком, неся все свое имущество на себе. Это в более поздние, цивилизованные времена, когда у людей появились верблюды и лошади, можно было за год-два, кочуя, пройти всю Великую степь от Карпат до Китая. А в те давние времена, учитывая, что основное время и силы постоянно уходило на поиски пищи, – на переход в несколько тысяч километров требовались, несомненно, многие поколения. Если бы прародина была даже в горах Атласа, то за время продвижения языков-потомков через Египет древние названия снега и льда были бы потеряны. А они существуют. Значит, Африка все-таки в прародины не годится.

Теперь посмотрим список праностратических названий животных. Среди них мы найдем, в частности, антилопу, льва, леопарда (барса), гиену. В лесах Средней Европы и Сибири такие животные неизвестны (и не были известны на протяжении интересующих нас тысячелетий). Особенно важно обратить внимание на гиену: она известна (сейчас или в прошлом) в Африке и Индии (которые уже вычеркнуты из кандидатов), а кроме того, в Передней, Средней и Центральной Азии и – в древности – в Китае.

Обратимся ко второму источнику информации. Посмотрим, где находятся древнейшие известные науке территории распо-

ложения каждой из ветвей ностратического языкового ствола. Дело осложняется тем, что не всегда древние народы тысячами жили на одном месте (хотя мы знаем и такое). Языки могли перемещаться и распространяться вширь вместе с народами, а также благодаря их культурному влиянию на соседей. Так что для многих праязыков надо искать не одну прародину, а две. Одну, позднюю — для эпохи, когда язык (например, праиндоевропейский или прауральский) начал терять свое единство, дробиться на ветви-потомки. И другую, раннюю, — для более древней эпохи, когда о потере языкового единства еще речи не было.

Поздняя прародина (территория накануне разделения на языки-потомки) каждого праязыка определяется анализом слов праязыка и изучением географического распространения языков-потомков. Для поисков же ранних прародин нужны другие источники информации. В археологии, например, есть гипотеза, что та древняя культура, которая соответствует прауральскому языку, пришла на Урал с юга, возможно — из района Аральского моря. Это подтверждается и наблюдениями над прауральским словарем. Например, прауральское название лося тевэ произошло из древнего названия верблюда (сохранилось у тюрков: тэбэ «верблюд»). А уральские названия черемухи, горноста, рябчика, лыж и других, характерных для уральских и зауральских лесов растений, животных, предметов быта являются, по-видимому, заимствованиями из каких-то местных языков, существовавших в этих местах у людей, живших там до прихода носителей прауральского языка. Слова, пришедшие в праязык, адрес которого мы разыскиваем, из других языков, тут вообще особенно важны. Можно привести два примера. В праиндоевропейском языке оказалось довольно много заимствований из прасемитского языка (индоевропейские слова септм «семь», настер «звезда», таурос «бык», вейно «вино» и ряд других). Значит, древнейшие индоевропейцы должны были жить по соседству с семитами. Это соображение в сочетании с архео-

логическими и другими данными и указывает адрес древнейших индоевропейцев: Малая Азия.

Другой пример: в языках древних алтайских народов оказывается немало слов из языков восточной и северной части Передней Азии: из эламского (кик – «небо» дает тюркское кек – «небо»), из шумерского (дингир – «бог» дает тюркское тенгри, тенгри – «бог», «небо», монгольское тенгри – «небо») и т. п. Этот факт вместе со многими другими, например, с данными антропологического анализа черепов древних жителей Южной Сибири и Западной Монголии, оказавшихся европеоидами – пришельцами с Запада, заставляет полагать, что когда-то в глубокой древности носители алтайских языков жили недалеко от Передней Азии, а именно в Средней Азии.

Таким образом, получается, что почти все ветви ностратического языкового ствола в древнейшее время обнаруживаются либо в Передней Азии (Малая Азия, Иран, Ближний Восток), либо рядом с ней (Закавказье, Средняя Азия). Единственное разумное объяснение этому состоит в том, что прародина находилась примерно там же. Любой другой адрес ностратической прародины (скажем, Ирландия или Корея) не годится: пришлось бы искать ту волшебную силу, которая заставила бы все народы-потомки стройными рядами двигаться в одном направлении – в сторону Передней и Средней Азии. Пока такая волшебная сила не найдена, остается принять в качестве рабочей гипотезы ностратическую прародину в Передней Азии.

И, наконец, последний вопрос: почему? Как же так получилось, что один язык оказался предком почти всех языков чуть ли не всей Евразии? Для такого феномена нужна серьезная историческая причина.

Этой причиной лингвисты считают неолитическую революцию, которая принесла с собой земледелие, животноводство, более совершенные орудия и способы охоты и рыболовства. Все это обеспечивало людей более надежными и обильными источниками пищи и вызывало сильный прирост населения, назы-

ваемый «первым демографическим взрывом». А отсюда – потребность в миграциях, в расселении. Естественно, что из районов, где неолитическая революция уже произошла, люди расселялись на другие территории – туда, где плотность населения была много меньше, и где обитали лишь малочисленные мезолитические охотники и собиратели.

Передняя Азия пережила неолитическую революцию намного тысячелетий раньше, чем другие территории. Этим и объясняется расселение неолитических племен именно из Передней Азии в разных направлениях: на северо-запад в Европу, на юго-запад в Африку, на восток в Индию, на север и северо-восток в Среднюю и Северную Азию. По-видимому, в эпоху отступления последнего (вюрмско-висленско-валдайского) оледенения и климатического потепления (то есть как раз в период финального палеолита и мезолита, более 10–12 тыс. лет назад) в Северной Евразии происходило передвижение населения, распространение языков и культур из Передней и Южной Азии в Сибирь и Европу. С последней из таких культурно-этнических волн и связано распространение ностратических языков.

Почему с последней? Потому, что иначе на этой территории были бы сейчас распространены не ностратические языки, а какие-то другие: ведь при успешном распространении любого языка предшествующие языки той же территории вытесняются, уничтожаются, вымирают, хотя и могут оказать при этом некоторое влияние на победивший язык. В частности, в этом языке могут сохраниться произносительные привычки побежденного языка, его грамматические схемы и модели, отдельные слова и пр. В лучшем случае побежденные языки могут сохраниться на каких-то изолированных территориях, например, в горах. Ясно, что ностратические языки находятся не в таком положении.

Невозможно сейчас сказать, сколько языковых и этнических волн предшествовало распространению ностратических языков. Но известно, по крайней мере, что Сибирь пережила не-

сколько раньше великое переселение народов американоидной расы через Берингов перешеек (тогда еще перешеек!) в Америку и заселение Сибири народами центральноазиатской (северно-монголоидной) расы.

Посмотрев на список ностратических языков, мы увидим, что среди их носителей есть представители разных антропологических типов, то есть люди разного происхождения. Есть южные европеоиды – темноглазые брюнеты: греки, персы и многие другие народы, говорящие на индоевропейских языках, а также на картвельских, берберских, семитских, некоторых дравидийских и тюркских языках. Есть много смешанных антропологических типов: так, смешение южных европеоидов с северными (светлоглазыми блондинами) наблюдается почти повсеместно в Западной, Восточной и Северной Европе. Есть смешанные южноевропеоидно-негроидные народности (носители кушитских и, частично, чадских языков семитохамитской семьи в Африке), юноевропеоидно-веддоидные (часть дравидов Южной Индии), европеоидно-монголоидные (тюркские народы Южной Сибири и Поволжья, часть финно-угорских народов). Наконец, есть и чистые монголоиды (носители монгольских, тунгусо-маньчжурских, некоторых тюркских языков, юкагиры, чукчи, корейцы, японцы, нивхи и другие народы), и чистые негроиды (в Центральной Африке вокруг озера Чад), и чистые северные европеоиды (в Скандинавии). Как совместить это расовое разнообразие с существованием языкового родства?

Ничего удивительного в этом нет. Надо ясно понимать, что распространение языков и физическое расселение людей – это совсем не одно и то же. Языки могут распространяться не только вместе с их носителями, но и передаваться от одного этноса к другому (покоренному, испытывающему культурное влияние, или оказавшемуся в такой ситуации, когда пользование чужим языком необходимо). В результате люди разного этнического происхождения оказываются говорящими на одном языке или

родственных языках. Нередко наблюдается «эстафетное» распространение языка: народ А оказал влияние на народ В, лишь в незначительной степени смешавшись с ним, но передав ему свой язык; затем народ В, говорящий уже на языке А, аналогичным образом влияет на народ С. Вследствие этого процесса на территории С говорят на языке А, хотя прямых потомков исконных носителей языка А там может не быть совсем.

Нечто подобное происходило при распространении тюркских языков с территорий нынешнего Казахстана и Синьцзяна в Среднюю Азию, где тюрки покорили и ассимилировали европеоидное население, говорившее прежде на иранских языках, а затем из Средней Азии в Анатолию, где тюрки, происходящие в значительной части от тюркизованных иранцев-европеоидов, покорили и ассимилировали многочисленное местное население византийской Малой Азии. В результате оказывается, что на очень близких языках говорят народы, антропологически очень далекие друг от друга: чистые южные европеоиды турки и азербайджанцы и чистые монголоиды киргизы и уйгуры.

Армяне говорят на языке, происходящем, по-видимому, с Балканского полуострова. Между тем сами армяне к Балканам никакого отношения не имеют. Объясняется это просто: после переселения части носителей протоармянского языка с Балкан в Малую Азию он получил там широкое распространение среди исконных местных жителей. Когда же в эллинистический период носители протоармянского языка были ассимилированы греками, их язык сохранился лишь на Армянском нагорье — среди потомков хайасцев и урартов. Подобную картину мы наблюдаем в истории очень многих языковых семей мира. Естественно думать, что и с распространением ностратических языков дело происходило примерно так же. Историю ностратического языкового ствола по эпохам лингвисты представляют себе примерно так.

Финальный палеолит. Ностратический язык един, и его носители (тогда, видимо, немногочисленные — одно племя) жи-

вут в каком-то районе Передней Азии. Где именно – нам знать пока не дано.

Мезолит. Ностратический язык распался на несколько родственных языков-потомков, которые распространились по разным частям Передней Азии и, возможно, проникли также на юг Средней Азии.

Неолит и более поздние эпохи. Языки-потомки широко распространяются по просторам Старого Света. Индоевропейские языки, попав из Малой Азии в Восточную Европу (по-видимому, в Среднедунайскую низменность), впоследствии заняли почти всю Европу. От языков прежнего «европейского» населения осталось очень немногое. (По-видимому, таким языком является баскский. Кроме того, слово *Silber* – серебро – неностратического происхождения – является заимствованием из какого-то из этих древних европейских языков.) Часть носителей индоевропейских языков – видимо, самые заядлые кочевники – проходит причерноморскими степями и уже в историческое время, в конце II тыс. до н. э. несколькими волнами вторгается через Среднюю Азию в Индию и Иран – это были носители предков нынешних индоиранских языков.

Большая часть семитохамитских языков занимает северную половину Африки. Картвельские языки занимают Закавказье и там и остаются до сих пор. Дравидийские языки занимают всю нынешнюю Индию (индоевропейцы-арии впоследствии оттеснят их на юг полуострова Индостан). Прауральский язык через казахстанские степи попадает на Урал или в Зауралье, а оттуда его потомки распространяются по Западной Сибири и Восточной Европе. Древнейшие алтайские языки вместе с волнами европеоидного населения захлестывают степи Южной Сибири и Монголии, а позже становятся языками местного монголоидного населения и проникают еще дальше – в сибирскую тайгу, на Амур, в Маньчжурию, Корею, а в начале нашей эры попадают и в Японию.

Так, в общих чертах, выглядит рабочая гипотеза сторонников ностратической теории в изложении И. Луговского. Казалось бы, гипотеза довольно стройная и имеет определенную доказательную базу. Однако, с точки зрения историка-археолога, в этой хорошо выстроенной системе есть несколько очень серьезных «но».

К рубежу палеолита и мезолита, т. е. к началу голоцена (современного геологического периода), когда (по мнению лингвистов) единый ностратический язык начинает распадаться и распространяться из Передней Азии на север, территория Северной Евразии в целом, и Урало-Сибирского региона, в частности, была заселена людьми на протяжении многих десятков тысяч лет. Эти люди не были глухонемыми и не объяснялись только с помощью жестов. Формирование человеческого языка в привычном для нас виде, вероятно, закончилось к началу верхнего палеолита (в промежутке 50–40 тыс. лет назад) вместе с процессом формирования «человека современного» *Homo sapiens sapiens*. На протяжении всего верхнего палеолита, т. е. около 30 тысяч лет люди жили в Северной Евразии и общались между собой на своих языках. Трудно предположить, что на такой огромной территории существовал единый язык. О высоком развитии человеческой культуры в это время свидетельствуют хотя бы пещерные святилища Каповой и Игнatieвской пещер с великолепными образцами живописи. К началу неолита, когда, по мнению сторонников ностратической гипотезы, прауральский язык, отколовшийся от общеностратической основы попадает на Урал и в Западную Сибирь, эти территории были по меркам того времени плотно заселены (для каждого региона известны сотни археологических памятников – и это только открытых, а сколько еще неизвестно!) и уже говорили на своих языках. То есть, пресловутые носители прауральского языка должны были заселить Урало-Сибирский регион, «научить» местных жителей говорить на своем языке, да еще ведь и принести с собой навыки земледелия и скотоводства. Вот и

еще одно «но» – ничего подобного мы не знаем – нет никаких подтверждающих археологических фактов. Кроме того, эти процессы должны были происходить не только на Урале и в Сибири, а на всей территории распространения уральских языков – от Балтики до Енисея.

Сложение уральских языков и своеобразного уральского антропологического типа связано с процессом освоения человеком Евразийского севера еще в раннем палеолите. Антропологами доказано, что специфический климат приледниковой зоны Северной Евразии привел к формированию здесь особых морфологических признаков древнего человека. Этот древнейший расовый комплекс явился основой для формирования уральской расы, местное, автохтонное происхождение которой сегодня серьезно аргументировано.

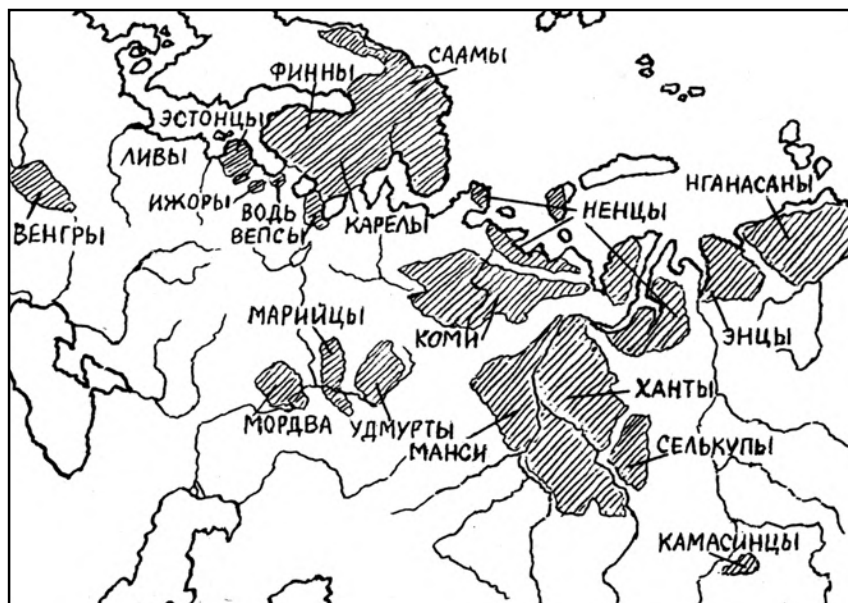
Выходит, вся ностратическая гипотеза – плод теоретических построений лингвистов, не основанных на фактическом материале, прежде всего, археологическом и антропологическом. В этой связи встает большая проблема истоков возникновения уральской языковой семьи.

Уральская языковая семья включает языки народов, расселенных от Скандинавии и Венгрии на западе до Таймыра и Алтая на востоке. Ее образуют три группы языков: финно-пермская, угорская и самодийская. В финно-пермскую входят прибалтийско-финские языки / народы (финны, карелы, эстонцы, вепсы, воль, ижора, ливы), саамы; волжские финны (мордва и мари), пермяне (коми-зыряне, коми-пермяки и удмурты); в угорскую – венгры, манси и ханты; в самодийскую – ненцы, энцы, нганасаны, селькупы (в прошлом на самодийских языках говорили жители Алтае-Саянского нагорья – маторы, камасинцы, койбалы). Родственным уральской семье некоторые исследователи считают язык юкагиров, населявших в прошлом обширные территории северо-восточной Сибири. Ближайшими соседями древних уральцев (носителей уральского праязыка), судя по степени взаимного языкового влияния, с глубокой древ-

ности были народы индоевропейской и алтайской языковых семей.

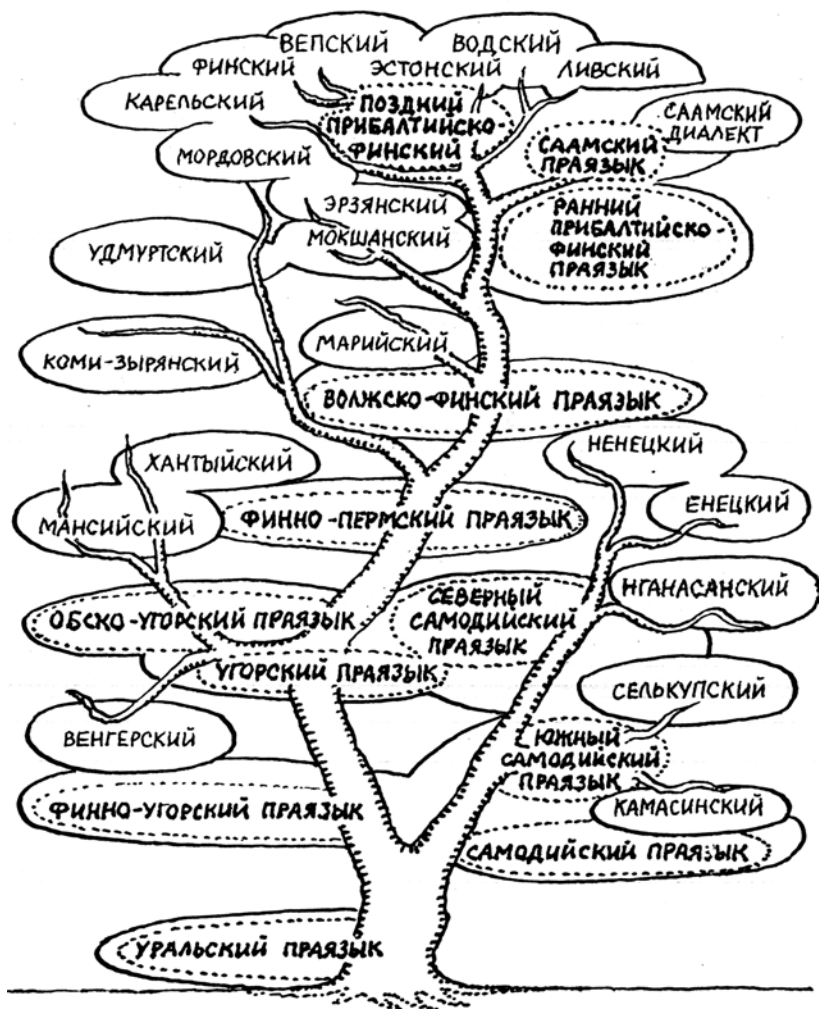
С тех пор, как были установлены общие черты уральских языков, возникла проблема объяснения столь широкого ареала их распространения. Считалось, что первоначально эти общие черты были территориально значительно локальнее, но постепенно они распространялись все дальше и дальше. Было также замечено, что у уральских языков немало черт и с так называемыми алтайскими – тюркскими, тунгусо-манчжурскими и монгольскими языками, которые распространены преимущественно в Азии. Поэтому и решили, что ареал первоначального распространения уральских языков, а вернее прауральских, находился там.

Эпоху поисков уральского родства открыли венгры. В средневековом сочинении «Gesta Hungarorum» упомянута страна

Современное расселение народов, говорящих на языках уральской языковой семьи

Hungaria Magna (Великая Венгрия), откуда отправились в долгий путь на запад кочевники-венгры (угры, мадьяры). В 1220-е годы венгерский монах Юлиан совершил путешествие на Волгу в поисках оставшихся на востоке соплеменников и встретил

Уральское “языковое древо”

в одном из средневожских городов язычников, говоривших по-венгерски. Гипотеза о родстве венгров с урало-сибирскими уграми (манси и хантами) впервые была высказана в XV веке итальянским гуманистом Энеа Сильвиа Пикколомини (впоследствии папа Пий II). В XVII веке немецкий ученый Готфрид Лейбниц писал уже о финно-угорской языковой общности. Долгое время эта общность называлась финно-угорской (или угро-финской) языковой семьей. Позднее была доказана принадлежность к этой семье самодийских языков, и в совокупности финно-угорские и самодийские языки стали именоваться уральской языковой семьей.

Все древние языки этой языковой семьи могут быть реконструированы только методами лингвистики, поскольку, наиболее древними письменными источниками уральских языков являются венгерские рукописные «Надгробная речь и молитва» конца XII века, новгородская берестяная грамота на карельском языке (заклинание от молнии) начала XIII века, тексты на коми (XIV век), записанные древнепермской азбукой Стефана Пермского, и финские и эстонские памятники XVI века. У остальных финно-угорских народов самые ранние памятники письма датируются концом XVII — началом XVIII века.

На основе толкования данных археологии и других смежных наук родилось, прежде всего, по инициативе лингвистов, представление о том, что там, на востоке — либо где-то в Поволжье, либо в южной части Уральских гор находилась уральская прародина, т. е. прародина финно-угров и самодийцев. Там и обитал уральский пранарод, говоривший на уральском праязыке, имевший уральскую пракультуру и, быть может, объединенный уральской расой. То была уральская праэпоха, которая завершилась не ранее чем 8000 и не позднее, чем 6000 лет назад. Затем началась миграция, в основном, на запад. Постепенно, в течение тысячелетий, потомки уральского пранарода расселялись все западнее и западнее, пока не достигли берегов Балтики и Скандинавии.

Согласно этому представлению, со временем происходило разветвление уральского пранарода и, соответственно, уральского языка, подобно тому, как ствол дерева разветвляется на все более и более тонкие ветви. В качестве самых крупных ветвей сегодня выступают финно-угорские и самодийские группы языков. Так этот процесс изображался и графически. Финно-угорское «языковое древо» рисует картину того, как в течение тысячелетий из одного уральского языкового ствола вырастали и развивались финно-угорские языки.

Два основных ответвления уральского «языкового древа» финно-угорский и самодийский праязыки. Каждая из главных ответвлений разветвляется, в свою очередь, через промежуточные праязыки до современных языков. Финно-угорский праязык разветвляется, в первую очередь, на угорский и финно-пермский праязыки, последний – на пермский и финно-волжский праязыки, второй дальше – на финно-лопарский и волжский, и выделяется лопарский и прибалтийско-финский языки. Это так называемое бинарное деривационное древо. Так, по описанному представлению, процесс рождения языков происходил во времени. В пространстве это означало совместное обитание говоривших на сходных языках групп населения в первоначальный период и затем их постепенное удаление друг от друга, сопровождавшееся разделением языков. Из угорского праязыка родились венгерский, хантыйский и мансийский языки, из пермского праязыка – удмуртский и коми, из волжского праязыка – мордовский и марийский (в существовании этого праязыка возникали серьезные сомнения), из лопарского праязыка – саамские языки и из прибалтийско-финского праязыка – эстонский, водьский, ливский, финнский, карельский, ижорский и вепсский языки. Иными словами, при движении с востока на запад часть племен останавливалась, а часть двигались дальше. Первыми «отстали» самоеды, затем угры, вслед за ними – пермяки и волжские народы. Дальше всех на северо-запад продвинулись лопари, на запад – прибалтийские финны и намного позже часть угров – венгры.

Изображения этого гипотетического процесса в виде языкового дерева стало традицией. Для обозначения распространения уральских народов и языков можно прибегнуть и к другим способам. Например, обратиться к принципу матрешки – в определенный момент из старой появляется новая, и располагается западнее предыдущей. Разумеется, созданная когда-то схема уральского языкового древа выглядит сегодня чересчур упрощенной. Поэтому ее пытались по-разному модифицировать. Но принцип оставался прежним – вытянутый в западном направлении строй выпрыгивающих друг от друга матрешек. Дело в том, что принцип языкового древа не поддается усовершенствованию таким образом, чтобы он полностью отвечал нашим сегодняшним представлениям об уральских языках и их взаимосвязи. Поэтому многие исследователи советовали вовсе от него отказаться. Вместо принципа «древа» предлагался принцип «куста» или «грабель», при котором современные уральские языки возводятся непосредственно к уральскому языковому праязыку, без промежуточных разветвлений, т. е. без промежуточных праязыков.

Существует и более радикальная гипотеза происхождения финно-угорских языков, которую представляют российский ученый П. Долуханов, работающий в настоящее время в Англии, ученые Тартусского университета Эстонии Аго Кюннап, Свен-Эрик Соосаар, Калеви Виик и другие. Согласно этой гипотезе, современный человек, или *Homo sapiens sapiens*, начал миграцию из Восточной Африки 120–100 тыс. лет назад и заселил всю Европу примерно 40 тыс. лет назад, прибывая сюда в периоды временных потеплений. Человеческие поселения, возможно, появлялись на территории, называемой ими Балтофенноскандией, и во время потепления перед последним максимумом оледенения, 23–19,5 тыс. лет назад. Но продвижение ледника, который достигал 0,5 км толщины по краю на территории современной Литвы и 2,5 км в горах Скандинавии, наряду с водными потоками от таяния льда, уничтожило все возмож-

ные следы человеческого присутствия в Прибалтийской области в течение этого периода. Согласно теории археолога П. Долуханова, предки финно-угорских народов образовали первую волну современных людей, прибывших в Европу из Африки, когда они заселили приледниковую зону у южного края ледника. Волны «иммигрантов», следовавших за ними, заселили южную, Средиземноморскую зону. Окончательное отступление ледника около 19 тыс. лет назад позволило распространиться человеку на север, вплоть до Арктики, примерно 11–9 тыс. лет назад.

По мнению эстонского лингвиста Калеви Виика, предки финно-угров заселяли область от Атлантического океана до Уральских гор, в течение максимума последнего оледенения и позднее. Население, состоявшее из охотников и рыболовов, жившее в приледниковой зоне, было малочисленным и редким, поскольку для поддержания жизни одного человека требовалось около 10 кв. км. В пределах населенной области никаких больших перемещений не было. Массовое движение населения шло только на ненаселенную землю, которая освобождалась от ледника по мере его отступления к северу.

Природные катаклизмы также вынуждали население перемещаться. Уже после того, как люди населили Европу, в центральной части Европы, на территории современной западной части Германии, настало время вулканической активности, от 100 до 11 тыс. лет назад. Наибольшая вулканическая активность имела место 13–11 тыс. лет назад, когда большая часть нынешней Германии была покрыта золой и камнями. Наиболее мощный взрыв вулкана Laach случился 13 тыс. лет назад. Он нанес серьезный ущерб местной растительности и отогнал диких животных. Археолог Ханс-Петер Шульц предполагает, что люди покинули район бедствия и отошли на территорию современной центральной России. После вулканического извержения растительность восстанавливается относительно быстро, даже в пределах одного человеческого поколения. Поэтому можно

предположить, что охотники-рыболовы блуждали взад-вперед между областью природных бедствий и соседними территориями в течение тысяч лет. Это явление приводило к смешению различных общин и обусловило консолидацию человеческих генетических типов и многочисленные случаи языковых контактов в сердце Европы.

Сравнительный метод индоевропейцев в исторической лингвистике основан на принципе, что родственные языки со временем расходятся (дивергируют). В 1997 году лингвист Роберт Диксон развил общую модель долгосрочного языкового равновесия в пределах устойчивого языкового ареала, с последующим резким смещением. Он считает момент начала расхождения, лежащего в основе формирования генеалогического древа, весьма специфическим случаем. В более нормальной ситуации преобладают процессы конвергенции. Положения Диксона развил лингвист Даниэль Нэтл. Он доказывает, что, когда люди мигрировали из Африки, имелось большое разнообразие доступных географических ниш, и популяции должны были расщепляться неоднократно и часто. Языки, образовавшиеся в результате расщепления, продолжали изменяться, пока не стали настолько различными, чтобы идентифицироваться как различные языковые семейства.

Образование родственных уральских языков путем конвергенции предполагается также лингвистами Яношем Пуштаи и Калеви Вииком. Их точка зрения такова. В мире можно различить два типа географических областей. Первый тип — например, Евразийский степной пояс и прежний Берингов перешеек, соединявший Евразию и Америку — способствовал легкому распространению и обмену языков и мог быть, по крайней мере, какое-то время, лингвистически однородным. Другой тип — например, Кавказские горы и гористый остров Новая Гвинея — сохранил лингвистическое разнообразие, и ни один язык здесь не смог распространиться на всю область. Поэтому в Дагестане, к примеру, более десятка малых народов и у каждого свой язык.

Приледниковая зона была богата биомассой, и это создало благоприятные условия для бытования мамонта, бизона, лося и т. д. Охота и близкие контакты между различными человеческими популяциями позволили либо сохранить первоначальное подобие между финно-угорскими языками, либо сделать другие языки подобными финно-угорским. В последнем случае, возможно, что использовался *lingua franca* – так называют язык общения разноязычных народов. Во всяком случае, результатом было то, что во всей приледниковой зоне имелся относительно высокий уровень единства языков, что должно говорить о том, что люди говорили на финно-угорских праязыках. Однако полное единство языков в такой большой области – от Атлантического океана до Уральских гор – трудно представить. На таком географическом пространстве трудно представить даже полное единство теоретического финно-угорского *lingua franca*. В южной Средиземноморской зоне этот процесс конвергенции языков не имел места или не был столь же широк, как в приледниковой зоне. Из не-индоевропейских языков, на которых когда-то говорили в Средиземноморской зоне, сохранились только баскский в Пиренеях и кавказские языки в горах Кавказа. Но конечно, в областях между Пиренеями и Кавказом когда-то говорили на многих не-индоевропейских языках, которые вытеснили европейские.

Примерно 10 тыс. лет назад земледелие начало распространяться из Передней Азии в Средиземноморскую зону, а затем в остальную Европу, а скотоводство пошло тем же путем из степей Европы и Азии. Появление индоевропейских языков в Средиземноморской зоне примерно 7,5 тыс. лет назад изменило языковую карту Европы. Индоевропейские языки вытеснили неизвестные нам языки из центра Средиземноморской зоны, став восточными соседями баскских языков и южными соседями финно-угорских. В частности, заслуживает внимания большое наводнение, которое могло произойти около 7,5 тыс. лет назад. Вода внутреннего моря, уровень которого повышался в

результате таяния континентальной ледяной шапки, в конце концов прорвалась через Босфорский перешеек, Средиземное море соединилось с Черным морем, уровень которого начал очень быстро повышаться – примерно по 15 см в день – до 107 м выше прежнего уровня. (Весьма возможно, что библейская легенда о Потопе является воспоминанием о той катастрофе). Население Черноморского побережья было вынуждено разбегаться от воды во все стороны, о чем имеется ряд археологических свидетельств. Как предполагается, таяние было наиболее интенсивно у северо-западного побережья Черного моря, где в настоящее время глубина не более 30–60 м и, таким образом, зона наводнения была наиболее обширна. (Это явление до некоторой степени сопоставимо по последствиям с извержением вулкана Laach, только без движения населения «взад-вперед»).

Важно отметить, что те, кто покинул берега Черного моря, уже были знакомы с земледелием и скотоводством, так что черноморский катаклизм мог ускорить распространение этих типов хозяйствования на области охотников и рыболовов в Центральной Европе, где могли располагаться «финно-угорские» поселения. Все связанное с данным явлением нуждается в более глубоком исследовании, но результат должен быть чрезвычайно интересным, особенно с точки зрения языковых контактов.

Калеви Виик предполагает, что северные индоевропейские языки (германские, прибалтийские и славянские), которые сильно отличаются от других индоевропейских языков, появились, когда носители финно-угорских языков познакомились с индоевропейской системой языка. Как всегда бывает при изучении иностранных языков, они делали ошибки в произношении, формах слов и структуре предложения. Иными словами, германские, прибалтийские и славянские языки полны финно-угорского влияния и являются субстратом. В субстрате, однако, не обнаружено почти никаких финно-угорских слов. Отсутствие заимствований характерно для процесса обмена языков, так же,

как и для процесса изучения иностранного языка. Когда мы изучаем иностранный язык, мы не используем слова из нашего родного языка, но делаем ошибки в произношении, склонении, спряжении, использовании числа и структуре предложения, основываясь на нормах своего родного языка. Финно-угорский субстрат наиболее очевиден в славянских языках и наиболее спорен в германских.

В настоящее время ученые отходят от старого представления о том, что изменения в материальной и духовной культуре всегда в человеческой истории вызываются большими перемещениями населения. Материальная и духовная культура (включая язык) может передаваться и, как правило, передается от одной группы к другой без какого-либо перемещения населения. Более вероятно движение небольшого числа носителей культуры (включая носителей языка). Например, убедительно установлено, что сельское хозяйство распространилось по всему миру почти без перемещений населения. Виик подчеркивает, что именно это произошло и в Европе.

Интересно поэтому отметить, что Калеви Виик считает, что сельское хозяйство распространилось в Европе на тысячи лет позднее индоевропейских языков. Лингвист Жан Люк Моро предположил, что носители индоевропейских языков были не теми, кто распространил земледелие, а «профессиональными бандитами» со сложной военной организацией, пришедшими в области, разбогатевшие за счет земледелия, и подчинившие местных земледельцев своей власти, заставившие на себя работать.

В противовес изложенной выше гипотезе выступил Мерлин де Смит. Рассмотрим его аргументацию. Он считает, что глубины времени более 10 тысяч лет лежат далеко вне досягаемости исторической лингвистики. Спекуляции о лингвистическом и этническом облике людей, живших в течение последнего ледникового периода достаточно бесполезное занятие, так как историческая лингвистика не может ничего сказать по этому вопросу. Проблема предложенной модели состоит в том, что она

противоречит всему, что мы знаем об эволюции языков. Языки не могут смешиваться, за исключением весьма специфических случаев, тем не менее, генетическое смешивание и, соответственно, многокорневые генеалогические древа языков были безоговорочно приняты уралистами-«новаторами». Хуже того, реконструированный уральский праязык ловко игнорировался, а любые общие черты уральских языков интерпретировались как результат контактов. Замечательным результатом стал взгляд на историю уральских языков, лишенный какого-либо исторического измерения. Автор критики считает, что мы имеем дело с идеей, которая не подлежит какому-либо научному рассмотрению, а состоит из предположений, построенных на предположениях, это форма науки *voodoo*, сопоставимая с астрологией или наукой о Сотворении Мира.

Ситуация между группами лингвистов, придерживающихся различных гипотез, приведенных выше, судя по всему накаляется. И это немудрено, поскольку все чаще теоретические построения различных областей науки начинают приобретать местнический, а порой и националистический оттенок. В большей степени это происходит в области проблематики, связанной с финно-угорским языкознанием в странах Балтии. Например, происхождение эстонцев уже связывается с концом верхнего палеолита. Впрочем, попытки проследить «свои» корни от палеолита до современности имеют место и на Южном Урале.

Хотелось бы специально подчеркнуть, что реконструируемые пра-индоевропейский или пра-уральский языки – это только методологический инструмент лингвистики, а не реально существовавший язык. Мы посмотрели на историю Северной Евразии, частью которой является Урал, глазами лингвистов, теперь попробуем разобраться, как же она видится археологам. Главным историческим рубежом, от которого мы можем отталкиваться, является время возникновения культуры верхнего палеолита и логически связанная с этим проблема формирования человека современного физического типа – *Homo sapiens*.

Нельзя понять суть происходивших процессов, рассматривая только какой-то отдельный регион: Урал, Сибирь или Восточную Европу. Необходим общий обзор событий в Северной Евразии 50–40 тыс. лет назад. Мы уже упоминали две основные трактовки происхождения *Homo sapiens*: моноцентрическую (теория Евы) и полицентрическую.

Итак, приблизительно, к 40 тыс. лет назад происходит окончательное формирование современного человека, а это значит и человеческой речи, и начала возникновения различных языков, на которых люди должны были общаться в разных регионах. Трудно предположить, что изначально был единый язык в условиях малой заселенности, малочисленности и удаленности человеческих коллективов палеолитического времени. Скорее всего, самостоятельные языки возникали на определенных географических территориях, где происходило наиболее тесное общение между собой определенных общин охотников на протяжении достаточно длительного промежутка времени. Вместе с тем, человеческие коллективы любого уровня не могли оставаться замкнутыми в силу необходимости соблюдать экзогамию и искать брачных партнеров за пределами не только своей общины, но и других уже родственных общин. Это строгий общечеловеческий закон выживания. В результате создается так называемая «лингвистическая непрерывность», когда община А, говорящая на своем языке общается и понимает язык общины Б, община Б общается с общиной В, далее В–Г, Г–Д и т. д. Но люди из общины А могут понимать людей Б, но уже не понимать людей, например, Д. Тем не менее такая цепочка может охватывать тысячи километров, и отдельные слова, и выражения, даже у языков, расположенных на противоположных концах такой цепочки, могут быть или одинаковыми или очень близкими. Особенно, если это слова, связанные с основами жизни, такими как процесс охоты или названия животных и т. п. Вероятно, такая языковая непрерывность существовала во второй половине верх-

него палеолита на территории Поволжья, Урала, Западной Сибири к югу от ледника, в условиях существовавшей тогда тундростепи, которая простиралась до Восточной Сибири и Забайкалья.

Природные условия позднеледникового (тундростепи, холодные степи, степи) не отличались большим разнообразием на огромных пространствах от Днепра до Оби и от края ледника до Арало-Каспия и Циркумионтийской зоны. То же самое можно сказать и об основных разновидностях животного мира того времени: мамонт, северный олень, лошадь, бизон и т. д. Все это сказывалось на выработке близких адаптационных стратегий у людей, создавало очень похожий образ жизни, широтная распространенность таких условий служила базой для поддержания языковой непрерывности. Такая языковая паутина существовала до конца эпохи палеолита, то есть, до полного отступления ледника. Языковая непрерывность конца палеолита, множество языков, связанных между собой, одновременно разных, но имеющих часть общих понятий, была той основой, на которой в дальнейшем возникают все более определенные языки, которые относятся к так называемым «уральским» и «финно-угорским» языкам. Вряд ли стоит искать какую-то конкретную прародину уральских языков, вероятно, сами названия «прауральский» и «уральский» не совсем точно отражают происходившие в древности процессы.

Ситуация начинает меняться с наступлением голоцена, причем меняться кардинально. Ледник окончательно отступил, русла рек, рельеф местности, берега озер все больше приобретают привычные нам очертания. Собственно меняется и образ жизни людей. Это время эпохи мезолита — переходного времени для всех составляющих жизни человеческих коллективов — от технологии каменной индустрии до общественного устройства. Если выражаться образно, то на более-менее ровной поверхности бывшей палеолитической ойкумены начинают все более рельефно проступать контуры новых общностей челове-

ческих коллективов, возникающих в пределах новых, формирующихся еще, вмещающих ландшафтов. Границы мезолитических общностей еще не имеют ясной территориальной выраженности, но уже некоторые намечаются: донецкая, североприкаспийская, прибалтийско-верхневолжская, уральско-западно-сибирская и т. д.

Из одной большой языковой сетки или «паутины» начинают образовываться более крупные ячейки или отдельные паутинки, связанные между собой и образующие кружево соединенных между собой отдельностей языков и человеческих коллективов. Это все те же «уральские» языки, но уже как бы стянутые в более крупные образования и имеющие территориальное своеобразие. Конечно, правильнее было бы называть эти языки не уральскими, а североевразийскими.

Окончательная структура общества и соответственно языковая дифференциация оформляется к началу неолита – 8 тыс. лет назад. Вероятно, именно с этого времени мы можем говорить о прафинно-поволжско-пермских языках в Европейской части и о праугро-самодийских языках от Урала до Оби. Этим языковым группам соответствовали несколько социально-адаптационных систем, о которых мы говорили выше.

С середины III тыс. до н. э. до уральской – «праугорской» территории начинают докатываться волны расселения степного индоевропейского, преимущественно, скотоводческого населения. Этот процесс фиксируется появлением на Южном Урале, как отдельных погребений, так и фрагментов керамики так называемой «ямной археологической культуры» в слоях энеолитических памятников. Эта первая волна индоевропейского расселения практически не повлияла на существующую систему жизни местных охотников и рыболовов, однако с этого времени можно говорить о начале контактов индоевропейского и угорского населения на Южном Урале, возникновении между ними брачно-семейных связей и, соответственно, смешении антропологических типов и родовых традиций. В качестве при-

мера можно привести погребения памятников Дружный, Александровка IV, Ишкиновка. В них обряд, по которому совершены погребения, уже вполне соответствует индоевропейским традициям, а сосуды в могильных ямах по всем характеристикам соответствуют традициям уральского праугорского населения.

Если представить это на примере какой-то отдельной семьи, то получается такая картинка. Пришедший на Южный Урал мужчина – индоевропеец берет себе в жены местную девушку из праугорской общины. У них рождается ребенок, который по каким-то причинам вскоре умирает. В могильнике Александровский IV, который находится рядом с поселением Аркаим обнаружено детское погребение. Хоронят его по отцовскому, то есть индоевропейскому обряду, а сосудик с поминальной пищей в могилу ставит мать, которая сделала этот сосуд по своим уральским – праугорским правилам и традициям. На стоянке Бурли II на реке Тогузак обнаружены фрагменты сосуда ямной культуры и кости мелкого рогатого скота, до этого времени ни разу не встреченные в уральских стоянках. Это уже индоевропейцы.

Вторая волна «индоевропеизации» на рубеже III–II тыс. до н. э. связана с процессом формирования населения, относимого археологами к периоду средней бронзы степного Предуралья. Развитие комплексного производящего хозяйства, неизбежный рост населения явились причиной, толкнувшей индоевропейцев, в основном, представителей так называемой позднекатакомбной культуры, к очередной попытке освоения территории Южного Урала.

Расселяясь на границах уральского вмещающего ландшафта – праугорской этнической территории, они активно вступали в брачно-семейные отношения с коренным населением, что приводило к формированию обществ со смешанными этническими традициями. Исследования антропологов показывают, что в среде нового – катакомбного населения значительно уве-

Воин Синташтинско-аркаимского времени

личивается процент женщин местного уральского антропологического типа. С течением времени местное праугорское население позднего энеолита, сосуществовавшее с пришлым индоиранским населением, с ним сливается, принимая новую систему жизнеобеспечения, поскольку переход от стабильного комплексного присваивающего хозяйства к производящему при наличии необходимых условий осуществляется достаточно легко. Этот процесс мы фиксируем в возникновении населения, оставившего памятники, относимые к уральской абашевской и синташтинской археологическим культурам. В характеристиках этих культур, при основной индоевропейской составляющей, выраженной в домостроительстве, хозяйстве и погребальном обряде, ярко проявляются и праугорские — уральские орнаментальные традиции в керамике, сочетание в керамическом комплексе посуды с простыми и геометрическими орнаментами и т. п. При полной замене более прогрессивной моделью хозяйства, единственной возможностью самоутверждения местного населения являлось сохранение родовых орнаментальных традиций. Этот процесс не был прямым и простым, о чем свидетельствует возникновение укрепленных поселений на границе холмисто-увалистой лесостепи. Такие поселения синташтинской культуры как Синташта, Аркаим и др., возникали периодически на протяжении конца III — начала II тыс. до н. э., отражая процесс постепенной адаптации индоевропейского населения в новом вмещающем ландшафте. Конечно, так называемой «Страны городов» в реальности не существовало. В то же время коллективы переселенцев не могли существовать замкнуто. В результате начинают функционировать общества с новой внутренней структурой и родовыми традициями. То, что население эпохи бронзы Южного Урала на рубеже III и II тысячелетий до нашей эры формировалось как этнически смешанное, и говорившее на различных языковых группах считают возможным и лингвисты. Население Южного Урала к середине эпохи бронзы, то есть,

к XVI–XV вв. до н. э. опять становится единым, только уже индоевропейско-угорским (или угро-иранским) и на другом историческом витке.

Угорско-иранские связи и взаимовлияния продолжают развиваться и далее – во времена поздней бронзы и раннего железного века. Этнографы неоднократно отмечали присутствие в ханты-мансийской мифологии ведийско-авестийских, т. е. индо-иранских мотивов. Частично совпадают их космогонические представления, отношение манси и иранцев к огню, созвучность в названиях мухомора, и более того, по мнению ряда ученых, младший сын угорского верховного бога Нуми-Тору-ма – Мир-Сусне-Хум является трансформированным образом иранского Митры.

Загадки истории

или исторические параллели

Загадки истории *или исторические параллели*

История, особенно история древняя содержит в себе много загадок, докопаться до ответов на них, иногда в прямом смысле этого слова, очень непросто. Удивительные порой феномены, доступные в артефактах, археологи пытаются объяснить результатами различных, иногда прямо противоположных процессов и явлений. Что же это за процессы, кардинально менявшие уклад жизни древнего населения или наоборот, сохранявшие устойчивость традиций?

Рассмотрим сначала два антипода – автохтонность и миграции. Автохтонное (синоним – аборигенное), или попросту говоря местное развитие, происходит на основе эволюции – постепенного изменения в различных сферах жизнедеятельности населения (изготовление и применение орудий труда, способ добычи пищи и т. п.) в процессе органичного вживания во вмещающий ландшафт – ту природную среду, в которой живут люди. Приспосабливаясь к периодически изменяющимся природным условиям, ведь природа это живой организм, а не что-то застывшее и данное навсегда, люди изменяют форму и назначение орудий, делая их более удобными и производительными, открывают для себя новые способы охоты, рыбной ловли, постройки жилищ и т. п. Соответственно этому постепенно меняются и взгляды человека на жизнь, мировоззрение, представления о прошлом и будущем, при этом сохраняются коренные традиции и обряды. Процессы автохтонного развития мо-

гут захватывать тысячелетия, изменения накапливаются незаметно для жизни каждого поколения. Отдельные вещи, казалось бы нехарактерные для данного населения, могут попадать в его среду посредством дарообмена с соседними, порой достаточно удаленными (с нашей точки зрения) коллективами, и постепенно становиться «своими».

Другое дело миграции – передвижение различных по численности и составу групп населения с одной территории на другую, порой весьма удаленную. Ученые выделяют довольно много различных видов миграций.

Известный советский и российский археолог Николай Яковлевич Мерперт для различных периодов эпохи камня предлагал три модели миграций. Одна из них связана с тем, что палеолитические охотники вынуждены были переселяться в связи с катастрофическими явлениями в природе – движением ледников, наступлением и отступлением морей, перемещением ландшафтных границ (у нас лесостепь), стихийными бедствиями. Неолитическое расселение было обусловлено демографическим ростом населения, которое должно было осваивать новые регионы. С появлением металла, возникновением экономического и социального неравенства, борьбой за источники сырья начинаются завоевательные походы и военные вторжения – третья модель миграции.

Чешский археолог Эвжен Неуступны предлагал такие виды миграций как: экспансия – миграция с частичным или полным уничтожением местного населения; заселение пришельцами промежутков между ареалами местного населения; и инфильтрация – оседание пришельцев на тех же территориях, где проживает местное население.

В целом, какими бы ни были формы миграций, для того, чтобы заставить людей сняться с насиженных мест и передвигаться на незнакомые земли, уже заселенные другими народами, нужны были очень серьезные причины, не оставляющие выбора.

Рассмотрим другую пару процессов – диффузия и конвергенция. Диффузионизм как способ изучения культуры появился в конце XIX века. Само понятие «диффузия» заимствовано из физики и означает «растекание», «проникновение». Сторонники диффузионизма предлагают тезис о зарождении какого-либо явления культуры в одном центре, и затем распространения этого явления или даже конкретного предмета путем контактов, заимствований по широкой территории, подобно кругам на воде. Отсюда и учение о «культурных кругах». Одним из ярких приверженцев диффузионизма был всем известный норвежец путешественник Тур Хейердал.

В последнее время в археологии все чаще применяется понятие конвергенции (от латинского *converge* – сближение), обозначающее процессы сближения, схождения. Понятие конвергенция чаще употребляется в лингвистике, экономике и биологии. В последней это – схождение признаков в процессе эволюции неблизкородственных групп организмов, приобретение или сходного строения в результате существования в сходных условиях и одинаково направленного естественного отбора. Ярким примером процесса конвергенции в человеческой истории является процесс становления человека современного вида – *Homo Sapiens sapiens*. Так, в Африке, Северной Евразии (на примере Алтая) и Юго-Восточной Азии на основе расселившегося вида *Homo erectus / ergaster* в процессе длительной истории произошло независимое формирование современного человека. На различных территориях, при не совсем идентичных, но сходных условиях, процесс развития привел к почти одинаковым результатам.

Попытаемся взглянуть на некоторые непонятные феномены – загадки южноуральской истории эпохи камня – с учетом изложенных выше научных подходов.

Палеолитическая живопись в пещерах Южного Урала

Загадка первая. В мире есть два центра с пещерной живописью – южная часть Франции и Северная Испания, так называемый Франко-Кантабрийский район и Южный Урал. Между ними ни много, ни мало – около 4000 км. Нельзя сказать, что рисунки в обоих центрах идентичны, но в их сюжетах и манере исполнения много схожего. Живопись Франции и Испании появляется около 30 тыс. лет назад, и существует в течение 20 тысяч лет, рисунки в южноуральских пещерах появляются 15–14 тыс. лет назад. Казалось бы, сразу напрашивается вывод, коль скоро в Западной Европе наскальное искусство появилось раньше, то оно «пришло» на Южный Урал оттуда. Если бы это было так, то нужно себе представить, как палеолитические охотники, не имея никаких средств передвижения (до изобретения колеса еще ох как далеко) смогли пешком пройти 4000 км в условиях приледниковой зоны. Сколько на их пути природных препятствий в виде мощных рек, шириной, возможно, в несколько километров, а лодок они еще тоже не умели делать...

Данная проблема занимала умы всех крупных исследователей палеолитического искусства от А. Брейля до А. Леруа-Гурана, в частности, Г. Бозински предположил, что Европа от Атлантики до Урала представляла собой единую социо-культурную систему.

Очень оригинальную, по его же словам, «сумасшедшую» идею предложил В. Т. Петрин. Суть идеи заключается в том, что пещеры приатлантической Европы являлись святилищами для проведения инициаций населения всей Европы. Причем высшая степень посвящения, проводившаяся в пещерах, была доступна только избранным членам палеолитических коллективов. Будущие вожди и шаманы приходили в святилища за тысячами километров и здесь постигали высшую истину – мифологическую картину мира. После такого путешествия они

приобретали особый статус, то есть, пещеры приатлантической Европы были своего рода Меккой эпохи палеолита. Южно-уральские пещеры – это попытка создать новый центр по проведению инициаций. Правда, почему и зачем создавался новый центр, додуматься Валерию Трофимовичу не удалось. Конечно, информация тем или иным способом и тогда уже передавалась между разрозненными еще палеолитическими общинами, но передавать словами навыки художественного творчества вряд ли возможно. Это можно сделать только от учителя к ученику, но многотысячекилометровые переходы в палеолите очень уж маловероятны. Скорее всего, мы имеем дело с процессом конвергенции, независимого возникновения центров палеолитической живописи в сходных условиях и уровнях развития обществ.

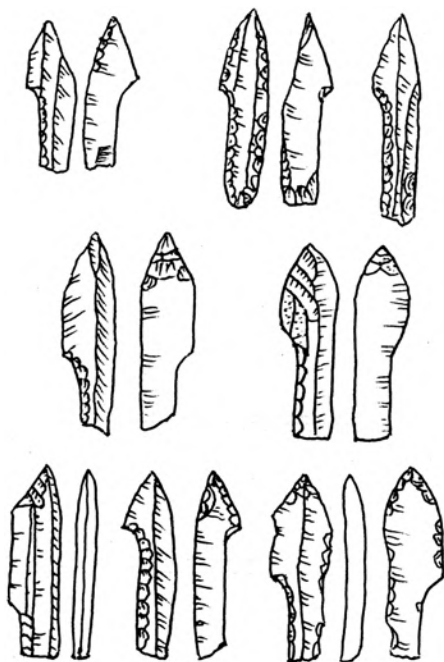
Если не загадка, то очень интересный феномен – появление на Южном Урале некоторых категорий предметов. К таковым можно отнести наконечники стрел из кремневых пластинок с оформленной ретушью боковой выемкой и тонкой подработкой пера – называемые в археологии «кельтеминарские» наконечники.

«Кельтеминарские» наконечники

К настоящему времени на Урале их найдено несколько десятков. Вероятно, первый из таких наконечников был найден еще в 1914 году В. Я. Толмачевым при раскопках у Аллакской писаницы. Тогда такой тип изделий еще не получил своего современного названия.

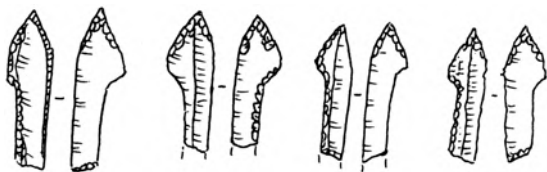
15 августа 1939 года участниками Хорезмской экспедиции под руководством С. П. Толстова, студентами МГУ, при работах на крепости Джанбас-кала, в песках, в 1,5 км от крепости было найдено скопление орнаментированной керамики, изделий из кремня, украшений из раковин, костей животных и рыб. Так была открыта первая неолитическая стоянка в древней дельте

Амударьи. Позже были найдены еще десятки неолитических памятников, которые были объединены в археологическую культуру, которая получила название кельтеминарской по названию заброшенного канала Кельтеминар. Наконечники из кремневых пластинок с боковой выемкой стали называть кельтеминарскими. Дальнейшие работы московского археолога А. В. Виноградова в междуречье Амударьи и Сырдарьи сделали их известными всему ученому миру. К настоящему времени в Арало-Каспийском регионе известны сотни кельтеминарских наконечников, происхождение которых относят к концу V тыс. до н. э.

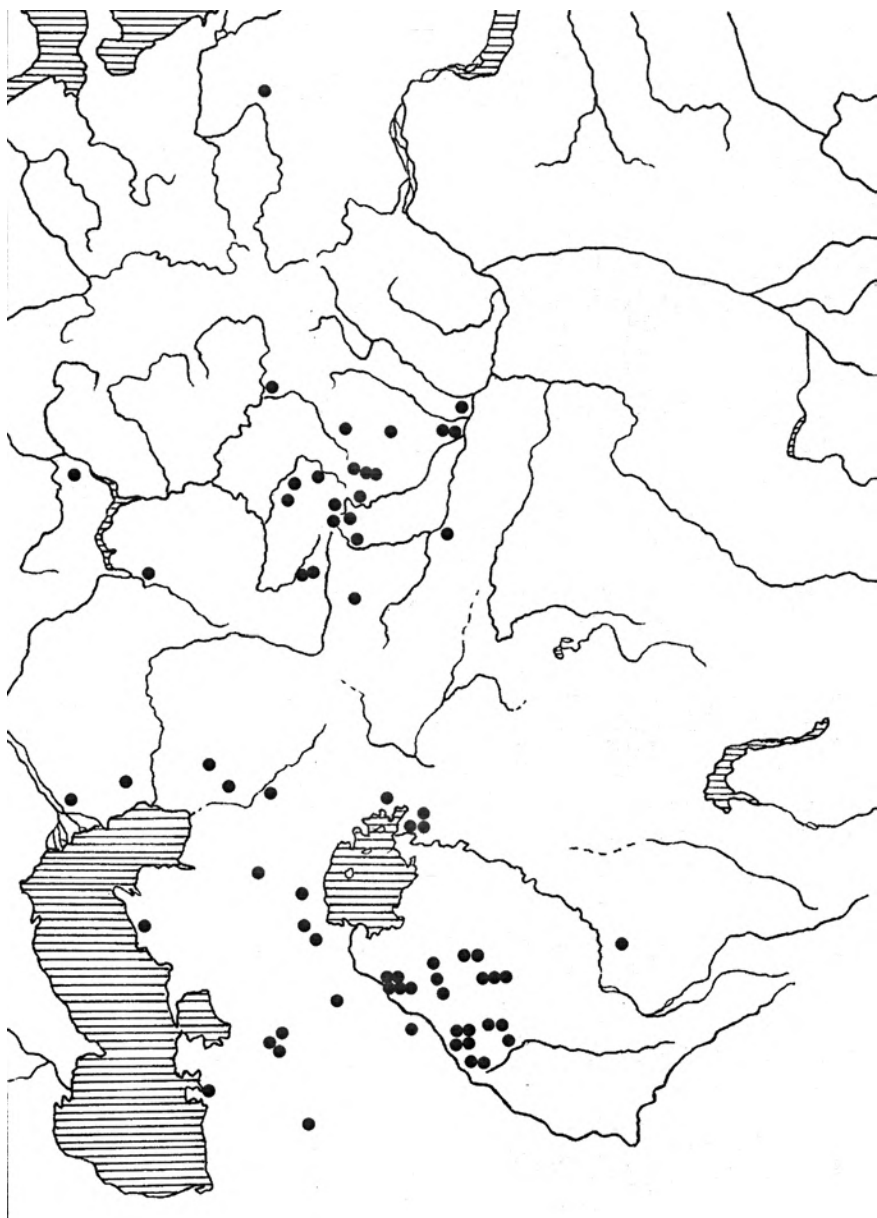

Кельтеминарские наконечники с уральских стоянок

С началом проведения широкомасштабных раскопок в 1950–1980-е годы такие наконечники все чаще стали встречаться на Южном Урале. Они были найдены на стоянках Чебаркуль II на озере Чебаркуль, Путиловская заимка на р. Уй, на стоянках озер Аргази, Кысы-Куль, Песчаное и других. Загадка заключается в том, что между двумя центрами распространения кельтеминарских наконечни-

Кельтеминарские наконечники из Приаралья

Распространение кельтеминарских наконечников

ков – Арало-Каспием и Уралом, то есть на обширной территории Актюбинской области Казахстана и Орского Приуралья такие наконечники до сих пор не найдены, правда, серьезных исследований здесь пока что не проводилось.

Поскольку находки в Приаралье датируются более ранним временем, чем на Урале, напрашивается вывод о миграции части населения с юга на север. Однако, у современной археологии нет прямых доказательств такой миграции. Все уральские наконечники сделаны из местных пород кремня и яшмы и никаких среднеазиатских вещей здесь ни разу не встречалось.

Вероятно, в данном случае, мы имеем дело с единым культурным пространством или археологической непрерывностью, при которой отдельные значимые предметы могли заимствоваться или передаваться изначально в результате дарообмена от одной общины к другой. Цепочка связей между коллективами охотников могла протягиваться на далекие расстояния и в конечном пункте, то есть на Урале, наконечники уже воспринимались как «свои», а переход изготовления с одного материала на другой происходил постепенно в разных звеньях этой цепочки.

Похожая ситуация и в истории с одной примечательной категорией вещей, называемых в археологии «геометрическими микролитами».

«Геометрические микролиты»

Это изделия из кремневых пластинок, которым ретушью придана форма трапеций и треугольников. На Южном Урале они получают распространение в мезолите – 10–8 тыс. лет назад. В это же время они хорошо известны от Передней Азии до северного побережья Западной Европы. Трасологическим и экспериментальным методами было установлено, что трапеции и треугольники могли использоваться в качестве вкладышей в

Геометрические микролиты

составных орудиях таких, как ножи, острия в наконечниках стрел или как самостоятельные наконечники.

Если нанести на карту точки находок геометрических микролитов и сравнить их датировку, то получается что они, возможно, раньше всего появились в Передней Азии и на Ближнем Востоке, а затем распространились в Северную Африку, Средиземноморье, на север Западной Европы, в Прибалтику и на Южный Урал. Прослеживается цепочка от Южного Прикаспия через восточное побережье Каспийского моря, Приаралье далее на север до южных отрогов Урала. Разными исследователями распространение геометрических микролитов по Европе объяснялось с точек зрения диффузии и миграций. Появление их на Южном Урале Г. Н. Матюшиным связывалось с миграцией населения из Южного Прикаспия в начале мезолитического времени, т. е. в IX–VIII тыс. до н. э. Как часто бывает, в дальнейшем, доказательств миграции нашлось очень мало, их практически нет. Зато появилось большое «но».

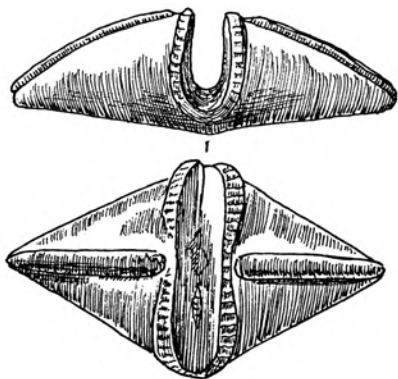
Не так давно была получена радиоуглеродная дата по кости мамонта, найденной в палеолитической стоянке Шикаевка II, где обнаружены предметы из южноуральской красно-зеленой яшмы, являющиеся прототипами геометрических микролитов Южного Урала. Эта дата показала время существования этих предметов – 18 тыс. лет назад, то есть намного раньше, чем в Передней Азии. Так что говорить о миграции с юга на север не приходится. Правда, находка с такой датой пока только одна, но все же с ней приходится считаться. Повторяется история с кельтеминарскими наконечниками. Есть два района распрост-

ранения геометрических микролитов: Арало-Каспий и Южный Урал, а между ними, возможно, единое культурное пространство, которое существовало 8–5 тыс. лет назад и связывало население Средней Азии и Урала.

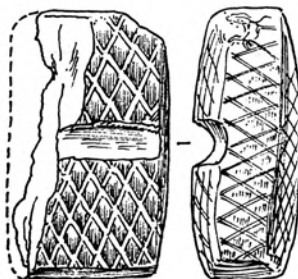
Действительно загадочными в археологии эпохи камня Урала и большей части Северной Европы являются «утюжки».

«Утюжки»

На Южном Урале они встречены при раскопках стоянок Чебаркуль II, Путиловская заимка, Шатанов III и др. Хорошо известны они и на территории Среднего Урала и Притоболья. Что же это за предметы-загадки? «Утюжками» в археологической литературе называют также «выпрямители древков стрел», «шлифовальники», «човники», «гладилки». Это изделия из мягкого камня, чаще талька или хлорита, реже из глины, овальной, ромбовидной или близкой к прямоугольной в плане формы, с более или менее плоским основанием, выпуклой верхней стороной, которую пересекает поперечный желобок. Длина изделий может быть 5–23 см, ширина 1–6 см. Желобок обычно находится посередине выпуклой стороны, ширина его до 1,5 см, глубина 0,3–3,5 см. «Утюжки» могут быть как орнаментированные, так и без следов украшения.

Утюжки со стоянок:
слева – Чебаркуль II,
справа – Чебаркуль I

Посмотрим внимательно на два таких южноуральских предмета. Один из них был найден Ниной Павловной Кипарисовой при раскопках стоянки Чебаркуль I, расположенной на протоке, соединяющей известные всем озера Чебаркуль и Еловое. «Утюжок» из Чебаркуля I прямоугольной формы, длиной 7,5 см, шириной 3,8 см и толщиной 1,3 см. На верхней широкой плоскости, в центре, в поперечном направлении находится желобок, шириной 1 см. Эта сторона изделия орнаментирована косыми, пересекающимися, тонкими линиями, образующими ромбический узор в виде сетки и заходящий на боковые стороны.

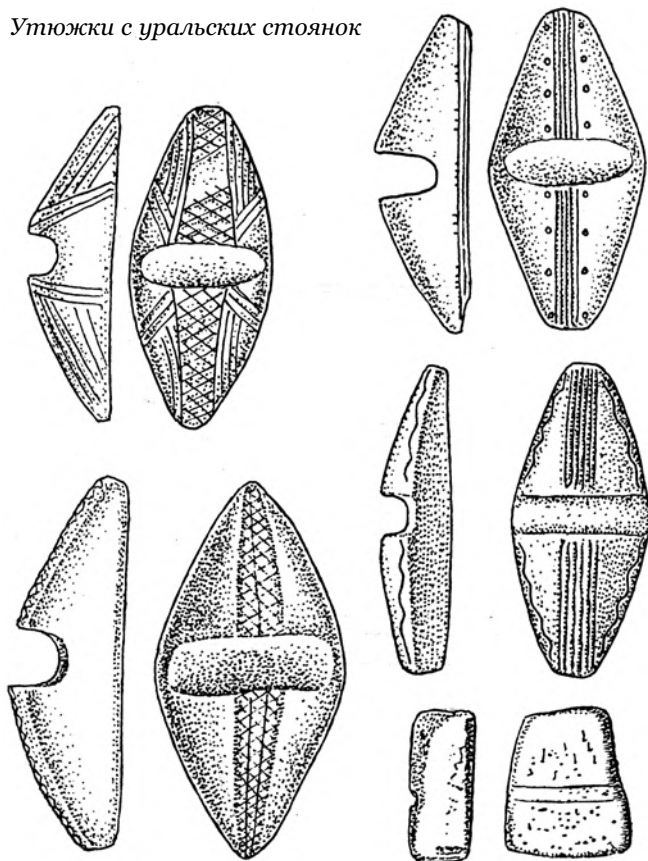
Другой найден Лией Яковлевной Крижевской при исследовании стоянки Чебаркуль II на южном берегу озера. Этот «утюжок» имеет правильную ромбическую форму, длина его 11 см, при максимальной ширине 6 см. Нижняя сторона ровная и гладкая, по верхней стороне в поперечном направлении проходит желобок, шириной 1,5 см и глубиной 2 см. Желобок окаймлен рельефными полосками с орнаментом в виде насечек. Такие же рельефные полоски проходят по центру от середины желобка к острым концам. Поверхность изделия зашлифована. На слегка волнистых стенках желобка видны следы пропила в виде бороздок, идущих вдоль длины желобка.

В лаборатории первобытной технологии С.А. Семеновым, основателем школы трасологов, с помощью микроскопа был проведен микроанализ, который выявил на желобке другие тонкие штрихи, полирующие его поверхность и являющиеся следами сработанности. По их тонкости и легкости, был сделан вывод о том, что они явились следствием затачивания деревянных изделий – древков стрел, а не костяных или роговых предметов. Неясными остались линейные следы на поверхности «утюжка», а также причина сильной затупленности острых концов и назначение орнамента.

Сибирские археологи Т. И. Нохрина и И. В. Усачева собрали данные о сотнях «утюжков» из различных регионов Евразии.

Какие только версии об их использовании ни были высказаны различными авторами! Мол, это абразивы для шлифования древков стрел и дротиков, полировальники каменных орудий, приспособления для наматывания ниток, выпрямители древков стрел, гладилки для разглаживания неровностей кожи и швов, грузики для копьеметалок, приспособления для добывания огня способом трения, приспособления для изготовления из волокнистых материалов крученых изделий типа бечевки; маховичка лучкового сверла, используемого для добывания огня. Есть и версия, что «утюжки» использовались в ритуалах, это

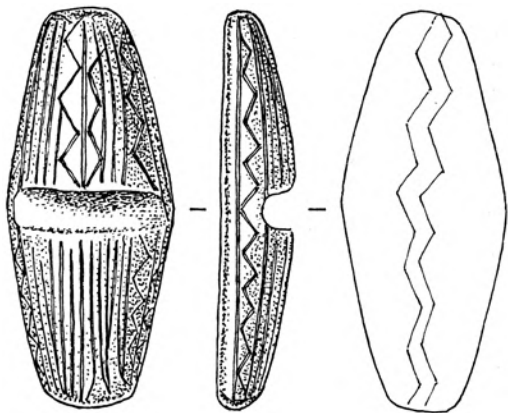
Утюжки с уральских стоянок

предметы для культовых или магических действий. Может быть, это амулеты, антропоморфные женские изображения, связанные с культом плодородия, символические изображения цветущей земли; семечковидные знаки, в которых заключен образ зародыша Вселенной; стилизованные рыбовидные статуэтки. Может, «утюжки» использовались для приготовления священного напитка «сомы» и на основании этого имели отношение к плодovitости и процветанию стад. Может, наконец, это символ одного из важнейших индоиранских космогонических мифов о высвобождении Индрой заключенных в горе воды и света с целью установления порядка во Вселенной!

Чтобы попытаться понять назначение этих загадочных предметов, екатеринбургский археолог-трасолог Н. А. Алексашенко просмотрела под микроскопом 28 уральских «утюжков». Трасологический анализ показал, что степень их сработанности весьма различна. Все «утюжки» подромбической и овальной формы, украшенные орнаментом, сильно изношены, а среди экземпляров прямоугольной формы есть совсем неиспользованные. Возможно, тщательно изготовленные предметы участвовали в ритуалах, и тогда следы на них – результат этого участия. Также может быть, что только орнаментированные вещи могли хорошо выполнять работу, тогда в линиях мы видим следы производственного использования. Иногда вещи украшали для того, чтобы придать им особую силу для выполнения особой функции. Например, австралийский бумеранг мог попасть в цель только тогда, когда он орнаментирован. Наиболее непротиворечивой является версия использования «утюжков» для полировки древков стрел, хотя такая полировка могла применяться не только в чисто утилитарном значении, но и в ритуальных целях. В целом, автор исследования констатировала, что микроскоп не помог узнать, для чего же нужны были людям эти загадочные предметы.

В. Д. Викторова и В. Ф. Кернер попытались смоделировать ситуацию нахождения двух тальковых «утюжков» в неолити-

Утюжки с уральских стоянок

ческом жилище на поселении Исетское Правобережное I. Неорнаментированный «утюжок» находился в той части жилища, которую можно назвать производственной: на гранитном останце-столике лежала шлифовальная плита с наклонной поверхностью, рядом, возможно, в деревянном ящике – крупнозернистый песок, на полу – заготовки из плиток сланца, шлифовальные плитки, отбойник. Сам «утюжок» по форме очень удобен для держания в руке при полировании древков стрел. Трасологический анализ показал блеск на дне желобка и следы продольного вращательного движения по нему. Ввиду сугубо производственного назначения, видимо, не было необходимости в орнаменте. Другой «утюжок» в противоположной части жилища, рядом с камнем, на котором стоял богато орнаментированный сосуд. Сам «утюжок» тщательно изготовлен, по выпуклой части тонким острием нанесены узоры – кресты и уголки в виде елочки. Вероятно, здесь производственная – утилитарная функция совмещалась с ритуальной.

Так что вопрос с загадочными «утюжками» до сих пор остается открытым. Сегодня можно только констатировать, что они появляются впервые на Ближнем Востоке в X–IX тыс. до н. э., и затем встречаются на разных территориях Евразии в различное время на завершающих этапах эпохи камня. На Урале «утюжки» появляются в неолите – в конце VI тыс. до н. э. и существуют до начала бронзового века. Они встречаются у нас исключительно на стоянках охотников и рыбаков – праугор-

ских предков. Как только на какой-либо территории начинают появляться носители производящего хозяйства – а в Евразии это скотоводы-индоевропейцы, загадочные «утюжки» исчезают. Было ли их распространение результатом передачи традиции от одного народа к другому или они возникали конвергентно и независимо в каждом регионе определенно сказать нельзя. Возможно и то, и другое в равной степени.

Интересны и, порой, близки к загадочным, сюжеты, связанные с керамической посудой.

Керамика преподносит немало загадок

Начнем с самого появления керамики. В сложившейся археологической традиции считалось, что первая посуда из обожженной глины – керамика появилась 9 тысяч лет назад в районах Передней Азии и Ближнего Востока при переходе от мезолита к неолиту, вместе с возникновением там производящего хозяйства – земледелия и скотоводства. Собственно, появлением керамики и отмечается наступление нового периода в конце эпохи камня – неолита. Затем керамика появляется в остальных регионах Северной Евразии, в том числе и на территории Урала.

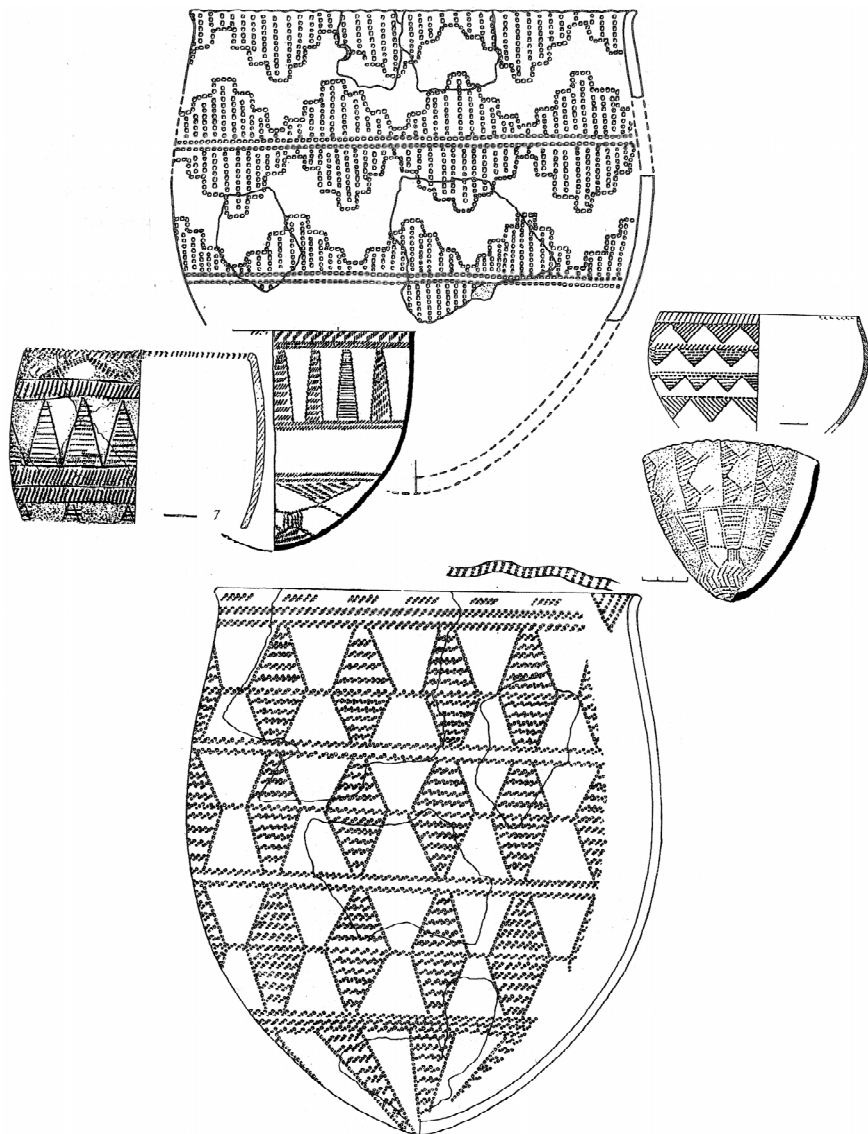
Дальнейшее развитие археологических исследований и внедрение методов радиоуглеродного датирования показало, что керамика в Поволжье, на Урале и Западной Сибири возникает не намного позже, чем в Передней Азии, где-то на рубеже VII–VI или в VI тыс. до н. э., то есть также 9–8 тыс. лет назад. Это событие не связано с возникновением производящего хозяйства, так как в данном случае произошло в традиционном обществе охотников и рыболовов. Так что о миграции или «передаче идей» говорить не приходится.

Еще более поразительными стали находки древнейшей керамики на Дальнем Востоке, в Японии и Китае. Там первое керамическое производство возникает 13–12 тыс. лет назад, на-

много раньше, чем вообще где-либо в мире. Получалось, что неолит здесь появляется непосредственно из палеолита, минуя период мезолита. Становится понятно, что исторические процессы в Евразии не всегда следуют единой логике и везде проходят одни и те же этапы развития. Каждый регион имеет историческую «изюминку» и не все можно объяснить миграциями и пресловутой «передачей идей». История развития древнего населения становится все более мозаичной, а процессы уже не кажутся такими простыми и прямолинейными.

Много интересного и загадочного в орнаментации керамической посуды. Человеку привычно считать, что все изменяется от простого к сложному. Так думали и уральские археологи, «раскладывая» керамику по ячейкам времени – сначала сосуды совсем без орнамента, затем – украшенные простыми волнистыми линиями и рядами наколов. Потом способы орнаментации и сами орнаментальные мотивы все усложняются и усложняются. Однако исследования последних лет подводят нас к выводу, что одновременно с появлением керамической посуды возникает и разнообразная орнаментация, порой в непривычных для археологов сочетаниях. Вероятно, по-другому и не могло быть, ведь различные, порой сложные орнаменты существовали и до керамических сосудов. Украшали одежду, изделия из кости и рога, возможно, часть узоров просто заимствована с плетеной посуды. Постепенно меняется техника нанесения орнамента на поверхность сосуда, например, если в неолите треугольники рисовали прочерченными линиями, то в энеолите такие же треугольники выполнены оттисками зубчатого штампа, и кажутся они более нарядными. Конечно, меняются и сами орнаменты, к концу эпохи камня часть посуды (примерно одна треть) становится, можно сказать, парадной, на ней сложные, тщательно выполненные геометрические узоры.

Орнаменты, составленные из геометрических фигур, – треугольники, ромбы, «соты», «шевроны» и т. п., выполненные аккуратно поставленными оттисками зубчатого (гребенчатого)

Уральская керамика с геометрической орнаментацией

штампа, встречаются на посуде, которой пользовалось население Урала, Северного Казахстана и Западной Сибири в III тыс. до н. э. Это своеобразный маркер праугорских предков. Но не только этим регионом ограничивается местопребывание такой керамики. Если мы нанесем на карту все находки посуды с геометрическими гребенчатыми орнаментами, то эта территория расширится на запад аж до Прибалтики. Что это, миграции носителей такой керамики? Таких фактов у археологов пока нет. Это как раз та территория, которую издревле занимали финно-угорские народы с единой мифологией и близкими представлениями о мире, вероятно, это и отразилось в схожести орнаментов.

Керамика «культуры кубков». Англия

Удивительно было увидеть такие же геометрические узоры на керамике «культуры кубков» в Англии! Это население по исследованиям западноевропейских археологов пришло в Англию совсем с другой стороны – с запада, территории современной Испании и жило там в III – начале II тыс. до н. э., то есть примерно в то же время, когда такие орнаменты существовали на Урале и в Северном Казахстане. На сосудах из раскопок английских археологов те же ромбы, «соты», треугольники и т. п. Вот это действительно загадка, и объяснить ее просто невозможно, поскольку никакой связи между Уралом и Англией уж точно никогда не было. Случайное совпадение?

К такого же рода совпадениям или историческим параллелям относятся мегалитические сооружения на Урале.

Мегалитические сооружения на Урале

Речь идет о загадке острова Веры на озере Тургояк.

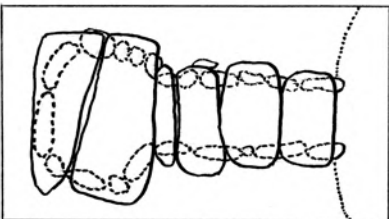
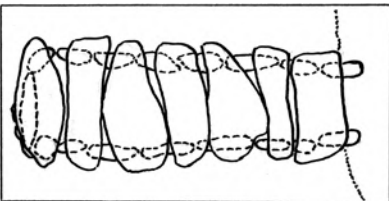
Мегалиты – это разнообразные сооружения из больших камней (от англ. megal – очень, в высшей степени и греч. lithos – камень): дольмены, менгиры, кромлехи, крытые галереи, галерейные гробницы. Они распространены по всему миру, пожалуй, не встречены только в Австралии. На Урале и прилегающих территориях давно известны менгиры – отдельно стоящие или торчащие рядом несколько камней – «аллея менгиров». Они относятся к разным эпохам. Средневековые менгиры – это так называемые «каменные бабы», которые, однако, не женщины, а мужчины-воины. Они обычно небольших размеров – 1–1,5 м в высоту. Археологи встречают их довольно часто, хотя большинство уже не торчат из земли, а лежат. В Западной Европе, например, во Франции, встречаются очень большие менгиры – высотой в 10–12 м. Самым впечатляющим является комплекс менгиров возле города Карнак в Бретани на побережье Франции. Первоначально в Карнакском ансамбле насчитывалось около 10 тысяч менгиров различной величины, до насто-

ящего времени сохранилось приблизительно три тысячи. Это, в основном, менгиры и кромлехи конца III – начала II тыс. до н. э.

Как считает М. Элиаде: «Мегалитические сооружения Западной и Северной Европы завораживали исследователей на протяжении более чем столетия. Действительно, глядя на хорошие фотоснимки каменных аллей в Карнаке или гигантских дольменов Стоунхенджа, невольно задумываешься о смысле и значении этих памятников древности. Технологическое мастерство земледельцев эпохи шлифованного камня вызывает изумление. Как им удавалось устанавливать трехсоттонные блоки в вертикальное положение и поднимать стотонные грузы? Еще одно: эти монументы не уникальны, они составляют часть целого мегалитического комплекса, начинающегося на средиземноморском побережье Испании, включающего Португалию, половину Франции, западный берег Англии и продолжающегося в Ирландии, Дании и на южном побережье Швеции. Конечно, между памятниками существуют значительные мифологические вариации. Но два поколения археологов и историков убедительно показали неразрывную связь всех европейских мегалитических культур – связь, которую можно объяснить только распространением мегалитического комплекса из одного центра, находившегося в Лос-Мильяресе, в провинции Альмерия (Испания).

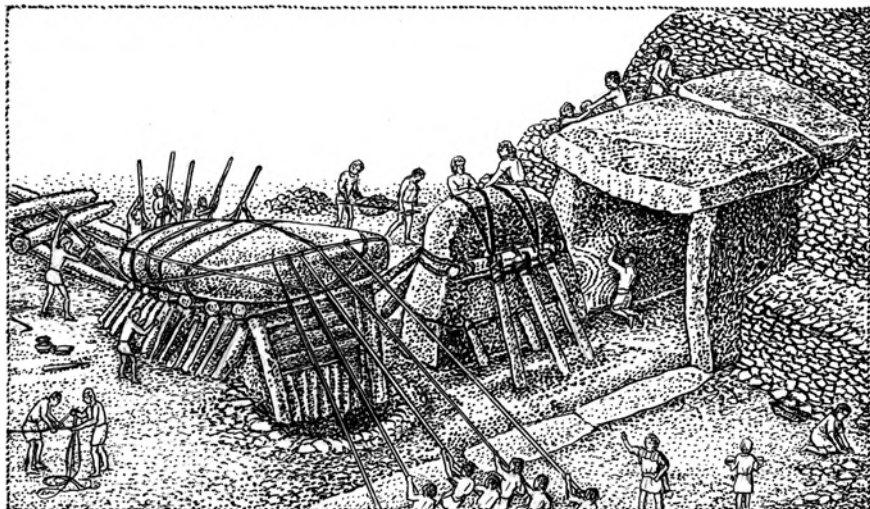
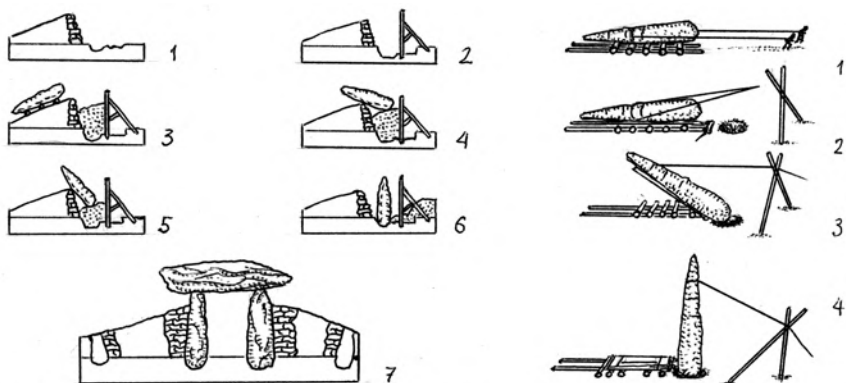
Мегалитический комплекс включает три категории: 1. Менгир (от бретонских слов *теп* – «камень» и *hir* – «длинный») – большой камень, иногда значительной высоты, вкапывавшийся вертикально в землю; 2. Кромлех (от слов *krom* – «круг», «изгиб» и *lech* – «место» – группа менгиров, расположенных по кругу или полукругу (самый грандиозный кромлех находится в Стоунхендже, близ Солсбери); иногда менгиры вытянуты в несколько параллельных рядов, как, например, в Карнаке (Бретань); 3. Дольмен (*dol* – «стол» и *теп* – «камень») – нечто вроде ограды или камеры, составленной из

нескольких прямостоящих камней и «крыши». Строго говоря, дольмены – это места погребений. (Позднее в нескольких регионах – в Западной Европе, Швеции – дольмен трансформировался в подобие крытого пассажа с каменными сводами.) Есть гигантские дольмены: например, дольмен Сото (близ Севильи) имеет 21 м в длину, его фронтон – это гранитный блок высотой 3,4 м, шириной 3,1 м и толщиной 0,72 м; его вес – 21 тонна. В Лос-Мильаресе был раскопан некрополь, вмещающий около сотни таких крытых пассажей. Большинство могил находилось под огромными курганами. В некоторых могилах было похоронено до ста покойников, принадлежавших к нескольким поколениям одного и того же рода. Иногда в погребальных камерах можно найти центральные столпы-опоры, а на стенах – различить остатки росписи. Дольмены находят на побережье Атлантического океана, более всего – в Бретани, и далее вплоть до Нидерландов. В Ирландии стены сравнительно высоких погребальных камер украшали скульптуры. Все это, несомненно, свидетельствует о важности культа мертвых».

Мегалиты Западной Европы

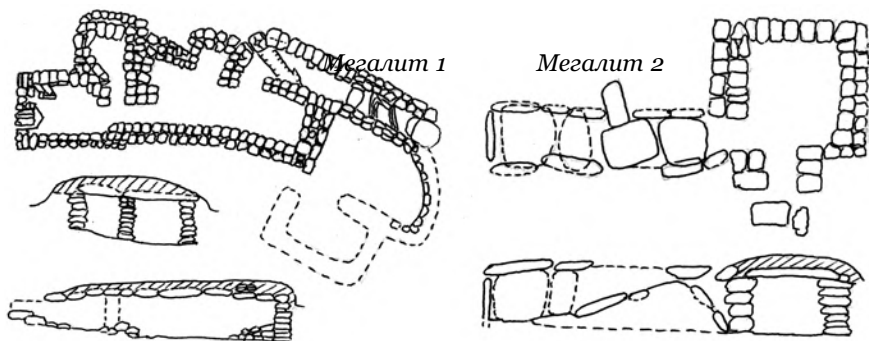
Но вернемся из Западной Европы на Южный Урал. В 2001 году Владимир Королев, работавший тогда в Челябинском областном Фонде культуры, будучи на острове Веры, обратил внимание на давно известную «пещеру». По легенде, в ней обитала монахиня Вера, именем которой и назван остров. В позапрошлом веке и в самом деле на острове стоял староверческий скит, в котором была церковь, несколько жилищ, кладбище,

Реконструкция процесса постройки мегалита

алтарь с крестом. Остров в начале прошлого века посетил Н. Филянский, благодаря которому до нас и дошло описание остатков скита. В. Королеву «пещера» показалась странной, и он поделился своими сомнениями со С. А. Григорьевым, известным в сообществе уральских археологов своими экстравагантными гипотезами. В 2003 году они вместе с Н. М. Меньшениным, сотрудником Министерства культуры области, и фотографом С. М. Аркановым сняли планы сооружений, сделали описания и все сфотографировали в деталях.

Постройка в дальнейшем названная «мегалит 1» представляет собой довольно сложную конструкцию. Основу составляют стены, выложенные отдельными камнями и каменными плитками в сухую, т. е. без применения связующего раствора на высоту 1,5–2 м. Сверху сооружение перекрыто каменными плитами длиной 1,5–3,5 м и шириной 0,75–1,3 м, затем засыпано землей. Общая длина постройки около 18 м, ширина – около 6 м. Внутри, с одной стороны сооружено несколько камер, разгороженных небольшими простенками, выходящими в общий коридор. По своей конструкции «мегалит 1» имеет много общих черт с галерейными гробницами, которые известны в Каталонии, Франции, на Британских островах, в Швеции и Южной Италии.

Остров Веры, озеро Тургояк.

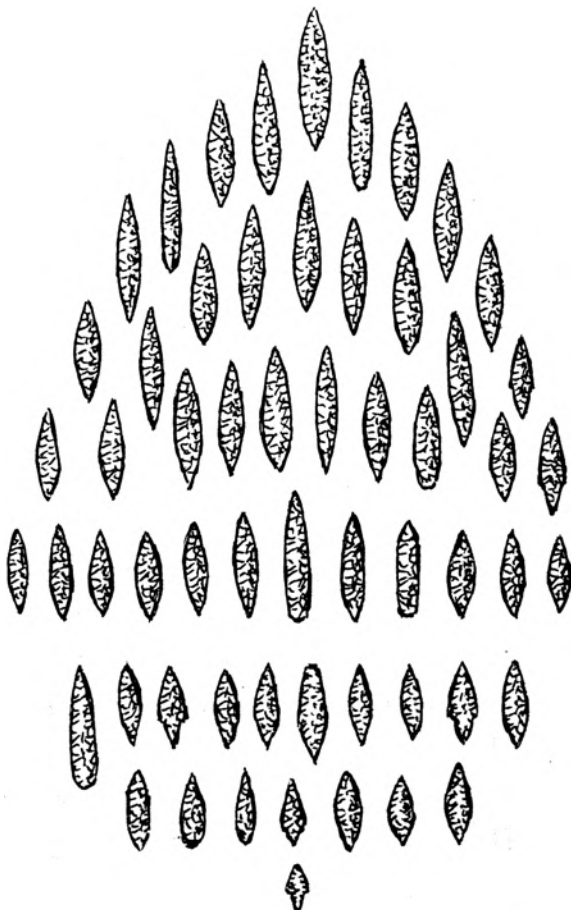
Второе сооружение – «мегалит 2» расположен недалеко от первого (около 70 м), его длина 8,5 м, ширина 2,5–4 м. Постройка состоит из двух камер, одна из них имеет подквадратную форму, размерами 3 × 4 м, стенки сложены из каменных плиток. Сооружение перекрыто четырьмя каменными плитами, самая широкая из которых – 1,1 м. Вторая камера (3,5 × 2,5 м) прямоугольной формы, стенки сложены из валунов, тоже перекрыта каменными плитами. В Западной Европе похожие сооружения называются дольменами с галереями.

Когда же могли быть построены мегалиты острова Веры? Большинство мегалитических сооружений Западной Европы и Кавказа относятся к III–II тыс. до н. э. и являются погребальными и надгробными памятниками, в них найдены останки людей и погребальный инвентарь – украшения, топоры, керамика. Исследования, по сей день проводящиеся на мегалитах острова Веры, пока не дали точных фактов, говорящих о времени их постройки. Здесь найдены изделия из камня и керамика нео-энеолитического возраста, т. е. IV–III тыс. до н.э., также найдена керамика более позднего времени – начала раннего железного века, VIII–VII вв. до н. э. А может, эти «пещеры» все же действительно были построены общиной староверов, ведь в основании стен их жилищ такая же кладка из каменных плиток, что и в мегалитах? Так связаны ли как-то постройки острова Веры с похожими, но намного более значительными и распространенными мегалитами Западной Европы и Кавказа? Вот это вряд ли. Никаких маломальских доказательств такому предположению пока нет. Скорее всего, также как и в случаях с пещерной палеолитической живописью и геометрическими узорами на керамике, мы имеем дело с процессами конвергенции или просто исторической параллелью, совпадением.

Еще одна категория находок, которую можно отнести к загадкам, клады.

Клады

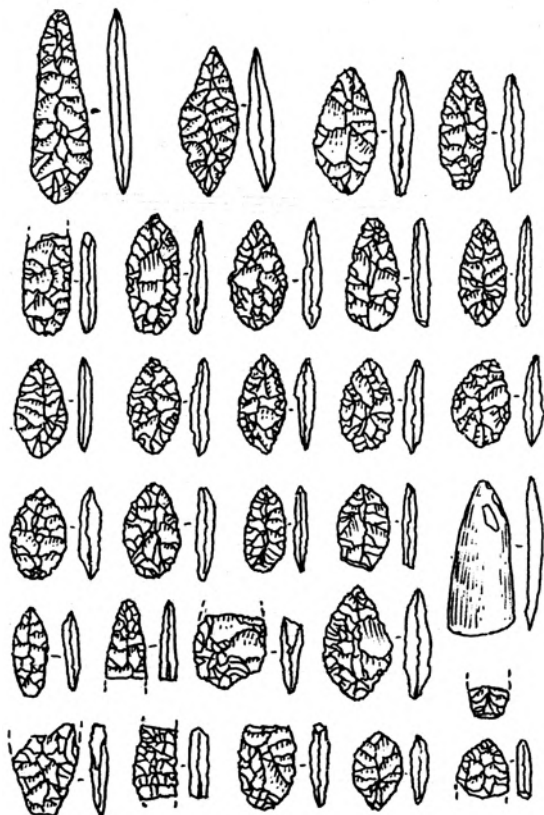
Кладом называют спрятанные, чаще всего, зарытые в землю вещи, представляющую определенную, далеко не всегда отвечающую нашему современному представлению о богатстве, ценность для владельца. Первые клады появились еще в эпоху камня и содержат, как правило, каменные орудия и заготовки.

Клад наконечников с Волосовской стоянки

Самым известным в археологии остается клад, найденный в 1910 году на Волосовской стоянке в Нижегородской области. Клад состоял из 118 изделий из кремня – наконечники дротиков и стрел, ножи, кинжалы и т. д. Все они были изготовлены в фирменной технике двусторонней отжимной ретуши, настолько единообразной, что создается впечатление как будто это сделано руками одного мастера, работавшего 5 тысяч лет назад.

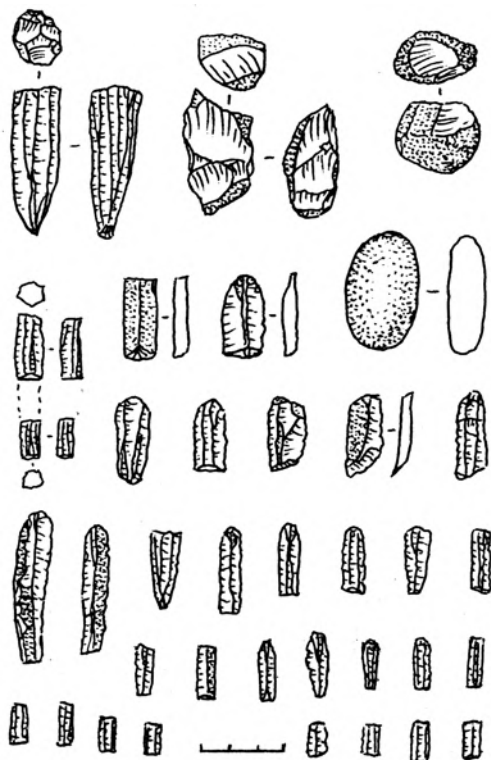
Похожий по составу клад был найден в лесостепной части Башкирии, в Предуральяе у деревни Чишма на речке Уршак в конце 1970-х годов. Школьники принесли участникам экспеди-

Клад наконечников у д. Чишма на реке Уршак в Башкирии

ции, которая в это время раскапывала поселение и могильник бронзового века, два наконечника стрел из камня. На месте находки провели раскопки и обнаружили компактное скопление артефактов, залегавших в 35–40 см от поверхности. В кладе оказалось 20 целых и 13 сломанных наконечников листовидной формы, обработанных с двух сторон ретушью, а также тесло из зеленого сланца, высотой 8 см, обломок песта и 10 сколов. Удивительным было то, что красно-зеленая яшма, черные и серые фтаниты и фтанитоиды, из которых были сделаны наконечники, не встречаются в Предуралье. Как мы уже знаем из предыдущих глав, основным источником подобного сырья был Магнитогорский прогиб за Уральскими горами. А это значит, что эти вещи были принесены сюда из-за гор – с востока. Было это результатом обмена или подарком южноуральских мастеров и охотников своими предуральским родственникам, или сами южноуральцы приходили сюда со своим охотничьим снаряжением в далекую экспедицию? Выводы пока не сделаны.

Самые ранние клады, известные на Урале, относятся к мезолитическому времени – VIII–VII тыс. до н. э., два из них были найдены Ю. Б. Сериковым в Свердловской области. В 1975 году при раскопках известного по-

Клад с окраины г. Н. Тагил

селения Выйка II было обнаружено скопление изделий из кремня, которое залегало в культурном слое поселения и состояло из 17 пластин, 17 отщепов и 9 поперечных сколов с нуклеуса. Расположенные практически в очаге, на площади диаметром около 15 см, все находки были в вертикальном положении, плотно прилегали друг к другу и несли на себе следы огня. Скорее всего, это был мешочек с заготовками для орудий, который каким-то образом попал в очаг и впоследствии заплыл культурным слоем.

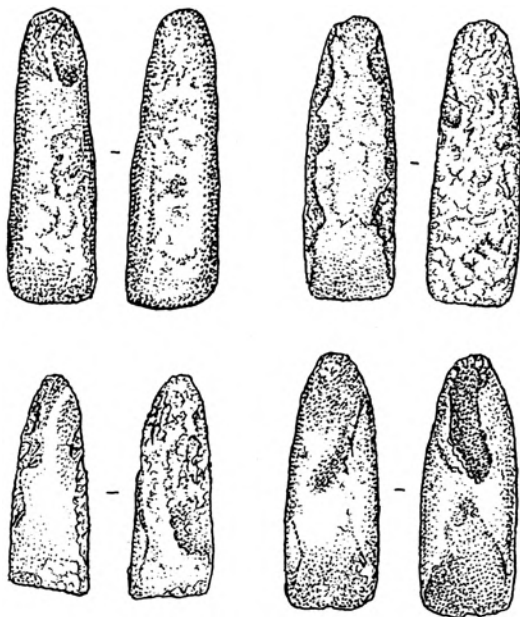
Еще один схожий клад был найден в 2006 году на окраине города Нижний Тагил. Бывший сотрудник археологической лаборатории С. Г. Федотов, собирая грибы на обочине дороги, которую выравнивали бульдозером, случайно обнаружил нуклеус и несколько микропластинок. Место находки было обследовано Ю. Б. Сериковым, который выяснил, что на месте находки на глубине всего 8–10 см располагалось скопление 104-х изделий из кремня: 5 нуклеусов, 96 микропластинок, 2 скребка и отбойник. Почти все пластинки были со следами использования, скорее всего, являлись вкладышами составных орудий. Сериков предположил, что здесь могли находиться 2 вкладышевых кинжала длиной около 20 см и 6 вкладышевых однолезвийных наконечников стрел, костяные оправы которых не сохранились.

Клад, уже, вероятно, нео-энеолитического времени был обнаружен тюменскими археологами при раскопках энеолитического грунтового могильника Бузан 3, расположенного в Ингальской долине недалеко от места слияния рек Исеть и Тобол. На краю одной из могил было найдено скопление из 210 микропластинок и других орудий из кремня и яшмы: резцов, резчиков, острий, скребков. Микропластинки, как и в отмеченном выше случае, имели специфические следы использования и являлись вкладышами составных орудий, вероятно, наконечников или кинжалов. Кроме составных здесь были и целые наконечники стрел из пластин, а также их обломки.

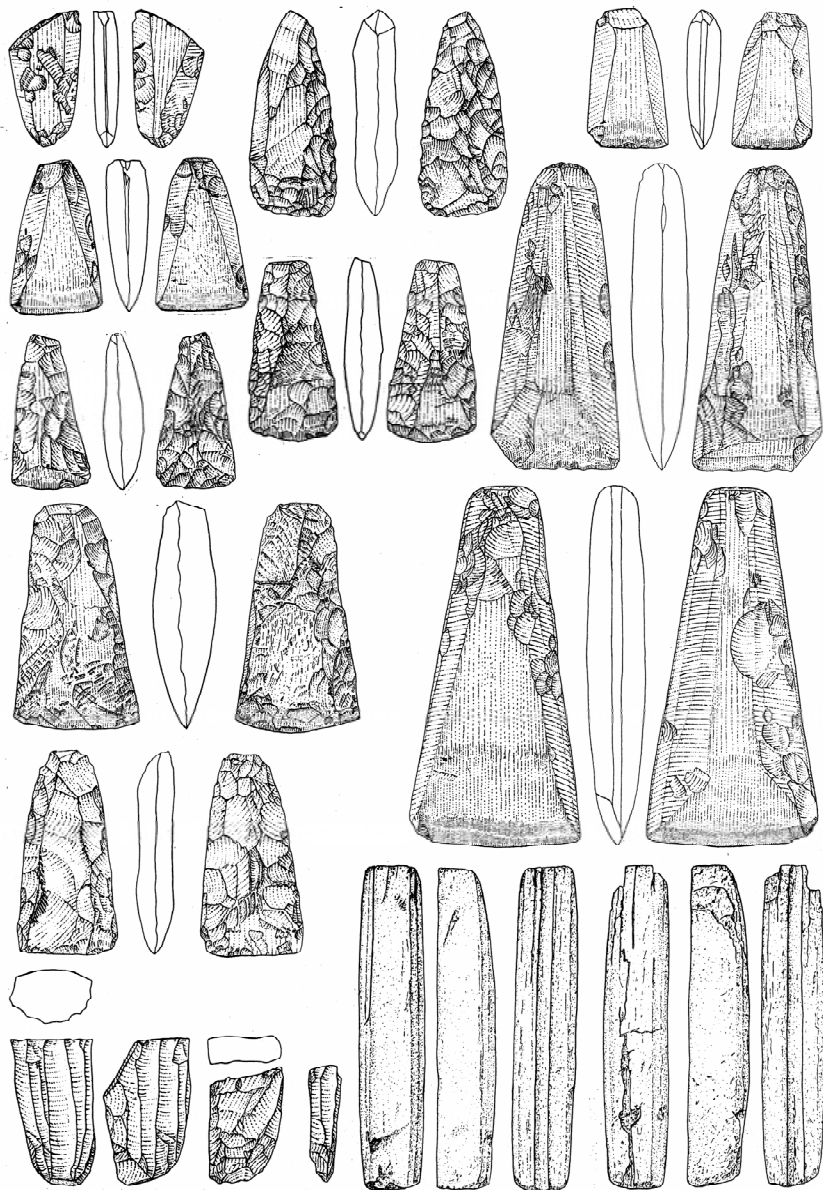
Большой интерес представляют несколько кладов крупных рубящих орудий. Самый ранний относится к мезолиту, и был найден преподавателем Пермского госуниверситета А. Ф. Мельничуком в 1993 году при обследовании береговых обнажений Камского водохранилища. Клад состоял из 6 шлифованных топоров, которые лежали в искусственном углублении, находившемся в пределах давно известного мезолитического поселения Огурдино. Изучение следов использования под микроскопом показало, что этими орудиями работали как топорами, что очень важно, поскольку ранее считалось, что шлифованные рубящие орудия появляются только в более позднее – нео-энеолитическое время.

Именно к этому времени относится следующий интересный клад, обнаруженный на Южном Урале. На окраине города Миасс, в поселке Дачный в 2008 году при застройке одного из участков рабочим было обнаружено скопление артефактов. В небольшом углублении, диаметром около 40 см, на краю террасы реки Миасс, лежало 10 великолепно отшлифованных топоров и тесел из серого туфоалевролита,

два парных абразива и два нуклеуса из кремня. Тщательно изготовленные топоры и тесла имели различные размеры: самый крупный имел длину около 24 см, самый маленький – около 10 см. Абразивы

Клад топоров с Огурдинского мезолитического поселения

Клад топоров возле г. Миасс

являются зеркальными частями единого целого, снаружи округлые, с внутренней стороны имели длинный желобок и, вероятно, предназначались для шлифовки древков стрел.

Клад рубящих орудий был найден также на многослойном поселении Чепкуль 8б на озере Чепкуль в Тюменской области. Клад состоял из 11 орудий, изготовленных из сланцевой породы: пять топоров и четыре тесла, обработанных грубой обивкой, массивное скребло и скребок. Судя по незаконченности обработки и отсутствию следов работы на лезвиях орудий, все это – заготовки, так и не дождавшиеся дальнейшей доработки.

Похожий клад заготовок орудий, в том числе топоров и тесел был найден на озере Шайтанское в Свердловской области. При раскопках поселения Шайтанское озеро I Уральской археологической экспедицией, возле корней упавшей березы были замечены несколько плиток зеленокаменной породы со следами обивки. При более тщательном осмотре удалось выявить и остальную часть клада – всего 102 находки, среди которых было 32 плитки, 13 сколов, 54 отщепа, пластинка, галька и маленький неорнаментированный фрагмент керамики. Часть находок являлась заготовками для топоров и тесел. Еще один клад, состоящий из 47 шлифованных орудий, их заготовок, кремневых наконечников стрел был обнаружен в свое время Е. М. Берс на месте разрушенного древнего жилища под тремя большими камнями, при раскопках поселения Верхняя Макуша, в окрестностях Екатеринбурга.

Клады каменных орудий довольно широко известны не только на Урале, но и на большой территории лесной зоны, вплоть до Швеции. Как правило, они расположены недалеко от стоянок и поселений, находятся в компактном скоплении в небольших по размеру углублениях.

Перечень загадок истории каменного века еще можно было бы продолжить, а сколько их еще принесут новые раскопки! Они ведь не только дают ответы на загадки древней истории, но и задают немало новых.

Заклучение

Один из часто задаваемых археологам вопросов, звучит примерно так: «Зачем Вы копаетесь в таком далеком прошлом? Нужно заниматься настоящим и будущим». Как правило, человек, задающий такой вопрос, уже знает ответ и уверен в нем. Объяснить этому человеку, зачем археологи изучают прошлое практически невозможно. К счастью, такие люди не всегда и не везде в большинстве, иначе мы бы вообще были «Иванами непомнящими родства».

Есть несколько мудрых фраз по поводу важности изучения истории. Наиболее известной является латинское изречение, которое и звучит торжественно: «*Historia est magistra vita*» – «История учит жить». Но есть проще и доступнее, авторства Козьмы Пруткова: «Отыщи всему начало, и ты многое поймешь». Нет границ между прошлым, настоящим и будущим. Все что человек делает, думает или ощущает в настоящий момент – это уже прошлое, поскольку оно уже совершилось. Основа полной жизни – это связь между прошлым, настоящим и будущим. Оторвите от настоящей жизни прошлое, ее историю – и она будет неполной, ущербной и непонятной. Человечество существует потому, что хранит в своем сознании и подсознании тысячелетние знания, понятия, традиции и обычаи.

Большинство обыденных предметов, которым мы пользуемся в жизни, изобретено человеком в такой далекой древности, что мало кто может представить. Кухонный нож, которым мы пользуемся каждый день, был изобретен еще *Homo erectus*-ом более миллиона лет назад. Пусть это был еще отщеп с острым

краем, но важно, что стал использоваться сам принцип разрезания. С тех пор изменились только форма и материал. Любой из нас может соорудить простенький шалаш и с детства знает, как это сделать. Но этому знанию несколько сотен тысяч лет и пришло оно из того же Хомо эректуса / эргастера и Хомо сапиенса архаичного. Привычные для нас лыжи и санки археологи находят в слоях торфа возрастом в 8–10 тысяч лет. Полностью устоявшийся в формах и функции инструмент – такой как пилки, сверла, топоры, тесла известен в находках со стоянок, которым 6–8 тысяч лет. В это же время возникает и полный набор кухонной и столовой посуды – из дерева, бересты и керамики. Как видим, практически все, что необходимо человеку для жизни, изобретено еще в эпоху камня. Каков же вклад, так называемого, современного человека – двигатель внутреннего сгорания и атомная бомба, способная уничтожить жизнь на Земле?

Не стоит спорить, что такое прогресс, он, безусловно, является одной из составляющих человеческой истории. Но при этом не нужно забывать, что от одной трети до половины современного человечества каждую ночь ложатся спать голодными, а тысячи людей от голода умирают. Вряд ли такое было возможно у охотников и рыболовов эпохи камня. Нашему человеческому сообществу необходимо не только знать свою историю с первой страницы, но и учиться у древних. И в первую очередь учиться искусству адаптации – процессу взаимного приспособления между культурой и окружающей природой, процессу, направленному на выживание и стабильность человеческого общества.

Приложение

«Колумбы» уральской эпохи камня

Традиционно глава об истории изучения древности на Урале в обобщающих монографиях начинается примерно так: «Первое знакомство с археологическими памятниками Урала относится ко второй половине XVIII века и связано с экспедицией П. С. Палласа». У читателя возникает закономерный вопрос, что же это была за экспедиция? Ведь это были времена царствования Екатерины II, которые обычно ассоциируются с Потемкиным и Орловым, да дворцовыми интригами. Но с Екатерины II все и началось. Императрица активно интересовалась устройством и богатствами своей державы и после собственного путешествия по Волге от Твери до Симбирска в 1767 году у нее возникла идея исследования геологических, минералогических, животных и растительных богатств, а также описания исторических и этнографических особенностей отдельных регионов, обширных пространств Российской империи. Было отдано распоряжение об организации астрономической и физической экспедиций. В задачи физической экспедиции входило исследование свойств воды и почвы, различных способов обработки земли и подсобных промыслов – пчеловодства, скотоводства и т. д., распространенных болезней и средств их лечения. Требовалось изучение минеральных богатств, «формы и внутренностей гор», а также всех отраслей естественной истории. В обязанности экспедиции также вменялся сбор всех данных, касающихся нравов, обычаев, верований, преданий, памятников и разных древностей.

Физическая экспедиция состояла из пяти небольших отрядов – трех в Оренбургскую губернию и двух в Астраханскую. Это была экспедиция академиков. Основным отрядом руководил академик П. С. Паллас, другие отряды возглавляли академики И. П. Фальк, И. Г. Георги, И. И. Лепехин. Эти отряды должны были изучать Оренбургскую губернию. В Астраханской губернии работали С. Г. Гмелин, который погиб во время Пугачевского восстания, и И. А. Гильденштедт.

Петр Симон Паллас (1741–1811) родился в Берлине в семье немецкого врача, профессора анатомии Симона Палласа. Петр Симон вначале получал образование у частных преподавателей, к 13 годам в совершенстве знал английский, французский, латинский и греческий языки и начал посещать лекции по медицине в Берлинской медико-хирургической коллегии. Затем продолжил обучение в Университете Галле, Геттингенском университете и в 1760 году в Лейденском университете в возрасте 19 лет защитил докторскую диссертацию по медицине. За время учебы, помимо медицины, П. С. Паллас прослушал курсы по множеству дисциплин от математики и физики до педагогики и горного дела. Петербургская Императорская Академия наук в 1766 году избрала Палласа своим действительным членом и профессором натуральной истории. И вот в 1767 году в возрасте 26 лет, уже имея признание ученого в Европе, Паллас с молодой женой и маленькой дочерью прибывает в Россию. Ему поручается руководство основным 1-м отрядом Оренбургской экспедиции (хотя по масштабам работ, как мы увидим ниже, Оренбургской эту экспедицию можно назвать весьма условно). Экспедиция готовилась в течение года, и в июне 1768 года Петр Симон со своим отрядом выехал из Санкт-Петербурга в путешествие, которое заняло 6 лет его жизни. В первый год маршрут проходил через Новгород и

Москву до Симбирска, где экспедиция провела первую зиму. В марте 1769 года Паллас с отрядом двинулся в Самару, затем в Оренбург, далее через Яицкий городок (Уральск) вдоль реки Урал до Гурьева и через степь до Уфы, где оставался до 1770 года. Летом отряд изучал Уральские горы, в том числе и хорошо известную нам Игнatieвскую пещеру (Ямазыташ). Вот как описывал ее Паллас: «От сих ключей к северу на другой стороне до 60 сажен ширины имеющей долины в объявленной горе Ямазеташ, от которой недалеко и ручей того же имени кончается, находится вход в просторную пещеру. Утес горы Ямазеташ отвесной вышины имеет от 25 до 40 сажен и в том месте, где пещера, особливо очень высок и по причине возле текущего из реки Сима протока почти неприступен. Отверстие пещеры, к коему с великой трудностью по каменному берегу влазят, вышиною от воды сажен на шесть, лежит к Ю–В, и наподобие верстака высвожен». В низком проходе пещеры Палласом были найдены кости различных животных, а также череп и кости человека.

Летом 1770 года отряд Палласа был также в Екатеринбурге, посетил уральские горные заводы, и на зиму остановился в Челябинске. В апреле 1771 года экспедиция продолжила свое путешествие до Омска, затем через Алтай до Томска и к зиме достигла Красноярска. Во время зимовки Петр Симон приболел и вынужден был отказаться от планов путешествия в Китай. В это время к нему в Красноярск приезжает академик И. Г. Георги. В марте 1772 года отряд Палласа отправляется через Иркутск по льду Байкала до Селенгинска, затем посещает Даурию и возвращается в Красноярск. В 1773 году Паллас с отрядом отправился в обратный путь через Томск, Тару, Сарапул и Казань, перезимовал в Царицыне (Волгоград) и через Москву 30 июня 1774 года прибыл в Санкт-Петербург.

Грандиозное даже по нынешним временам путешествие отряда Палласа имело и громадное практическое значение. Были получены и в дальнейшем опубликованы уникальные для науки сведения о природных богатствах Урала и Сибири, про-

живающих там народах, многих видах животных, ныне уже исчезнувших.

В составе отряда П. С. Палласа работал Николай Петрович Рычков (1746–1784), сын историка Оренбургского края П. И. Рычкова. Николай Петрович с малолетства был записан в военную службу и числился, а затем и служил в Троицком драгунском, Ревельском и Пензенском пехотных полках. В 1767 году он оставил военную службу в чине капитана и поступил в экспедицию Палласа. Во время работы экспедиции путешествовал как совместно с основным отрядом, так и самостоятельно. В 1769 и 1770 годах объездил Уфимскую, Пермскую, Вятскую, Оренбургскую и Казанскую губернии. Описал места по западному берегу реки Белой до Камы и далее до Кунгура, Челябинска и по Киргизской степи. В его работах подробно описан маршрут путешествия, особенности рельефа, растительности и животного мира, содержатся подробные данные о городах и заводах, собран богатый этнографический и археологический материал. Несмотря на отсутствие специального образования, Николай Петрович составил описания, которые по своему научному уровню не уступают сочинениям возглавлявших отряды академиков.

Еще одним значимым для нашей истории в составе экспедиции академиков был отряд под руководством Иоганна Петера Фалька (1727–1774). Шведский естествоиспытатель и путешественник, доктор медицины был приглашен в Санкт-Петербург по рекомендации своего учителя знаменитого ученого Карла Линнея. В марте 1771 года он прибыл в Челябинск, где встретился с П. С. Палласом и обсудил экспедиционные маршруты отрядов. И. П. Фальк осмотрел и описал уральские горные заводы, исследовал склоны Уральских гор. Экспедиция Фалька собрала множество материалов по этнографии и истории русского, татарского, башкирского, калмыцкого и казахского населения Урала. Результатом работы отряда стал очень содержательный очерк об Уральских горах. Именно он впервые разделил Урал на три части: Башкирский,

Екатеринбургский и Верхотурский, которые в дальнейшем получили названия Южного, Среднего и Северного Урала.

Несмотря на то, что «экспедицией академиков» были осмотрены и описаны лишь несколько уральских пещер со следами пребывания в них древнего человека и других памятников старины, можно считать, что это был первый камень, заложенный в фундамент изучения древностей эпохи камня на Урале.

Впервые раскопки стоянки эпохи камня на Урале, да и вообще в России, были проведены преподавателем гимназии И. М. Рябовым в 1837 году на известной уральским археологам стоянке Полуденка. Продолжил раскопки в 1845 году главный кассир Нижне-Тагильского завода Д. П. Шорин, которым были найдены «каменное кольцо» и «орудие из твердого зеленого камня, с одной стороны заостренное, похожее на нож».

Постоянным интерес к исследованиям древнейшей истории человечества на Урале становится с открытием в 1870 году в Екатеринбурге Уральского общества любителей Естествознания (УОЛЕ). Учредителями общества выступили около 80 представителей интеллигенции, а инициатором его создания, организатором и фактическим руководителем – О. Е. Клер. Общество ставило своей целью не только проведение исследований, но и распространение естественно-исторических знаний на Урале. Публикации членов общества в журнале «Записки УОЛЕ», который издавался с 1873 по 1927 год, до сих пор являются востребованными уральскими археологами.

Датой рождения археологии на Урале можно считать 16 ноября 1879 года. В этот день на традиционном годичном собрании УОЛЕ обсуждались первые раскопки в пещере близ Сухого Лога, которые провел в 1878 году горный инженер Ю. Ф. Гебауэр («пещера Гебауэра»). При дальнейшей работе собрания сформировалось общее мнение о необходимости изысканий денежных средств и специалиста, который мог бы проводить раскопки в пещерах «съ должнымъ умениемъ и тщательностью». С этого момента и начинается планомерное изучение

древнейших эпох на Урале, в котором приняли участие О. Е. Клер, Теплоуховы, В. И. Толмачев, В. М. Малахов и др. Деятельность УОЛЕ заложила основы изучения уральской эпохи камня. Среди исследованных членами Общества много известных памятников древнейшей истории: это и Шигирский торфяник, и Палкинские стоянки, и стоянка на озере Кысы-Куль недалеко от г. Миасс, открытая К. А. Шишковским, и многие, многие другие. УОЛЕ существовало до 1929 года, когда оно было закрыто решением органов советской власти.

Открытие в первой половине XX века ранее неизвестных страниц древней уральской истории связано с именами многих российских (советских) археологов.

Сергей Иванович Руденко (1885–1969) – этнолог, антрополог, археолог, гидролог. Учился в Петербургском университете, методы антропологических и археологических исследований осваивал во Франции. В 1906–1907 годах в экспедиционных поездках по Башкирии собрал коллекцию предметов по этнографии башкир для Русского музея, в 1909 году работал среди хантов, манси и ненцев на Нижней Оби, в 1913 – на Южном Урале. С целью всестороннего изучения посетил уже известную тогда Игнatieвскую пещеру. Им был снят точный план пещеры и заложен небольшой раскоп. Хотя обнаруженные им при раскопках археологические материалы и не содержали остатков палеолита, эти исследования показали перспективность изучения южноуральских пещер, которое было продолжено только через два с лишним десятилетия.

Дмитрий Николаевич Эдинг (1887–1946) – археолог. Учился в Московском университете, работал в МГУ с 1913 по 1914 годы и Государственном историческом музее с 1918 по 1946 годы. С 1916 по 1939 годы проводил масштабные работы на стоянках

Стрелка, Береговой I и II, IV разрез Горбуновского торфяника. Им были найдены, научно объяснены и опубликованы скульптурные изображения животных и птиц из дерева, кости и рога – шедевры уральского искусства эпохи камня.

Сергей Николаевич Бибиков (1908–1988) – известный советский археолог, возглавлял Южно-Уральскую палеолитическую экспедицию, организованную Институтом истории материальной культуры и Челябинским областным музеем, которая в 1938–1939 годах обследовала более 40 пещер в бассейне р. Юрюзань. Во многих из них – Ключевой, Бурановской, Гребневой и др. были обнаружены раздробленные и пережженные кости древних животных и остатки очагов, в некоторых пещерах – отдельные изделия из камня палеолитического возраста, а также остатки погребений, орудий и керамики неолита–энеолита. В связи с этой экспедицией существует полумифическая история о том, что как будто бы экспедиция была организована не только и не столько с научными целями, сколько с разведкой пещер на предмет размещения там баз партизанских отрядов, в связи с надвигающейся войной.

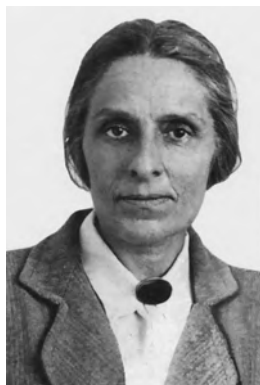
Михаил Васильевич Талицкий (1906–1942) – известный советский археолог, закончил МГУ по специальности палеоантропология, работал научным сотрудником ИИМК (Института археологии РАН). Его имя навсегда вошло в анналы уральской археологии, поскольку Островская палеолитическая стоянка на р. Чусовой, которую он нашел и исследовал в 1938–1939 годы, названа стоянкой Талицкого – самая крупная исследованная стоянка открыто-

го типа на Урале, ее материалы вызывают многочисленные споры и всегда привлекаются для характеристики древнейшей истории Уральского региона. С именем М. В. Талицкого связано также открытие мустьерского местонахождения в урочище Пещерный лог. В 1941 году Михаил Васильевич ушел добровольцем на фронт и в 1942 году погиб.

Исследования стоянок неолита и энеолита в 50-х годах XX века связаны и с именами женщин, волею судеб оказавшихся на Урале.

Елизавета Михайловна Берс (1907–1981) в начале 50-х годов исследовала ряд археологических памятников неолита – ранней бронзы: Аятские Правобережные поселения, стоянки Новая II и III, поселения Верхняя и Нижняя Макуша. Работая в Уральском университете, Елизавета Михайловна систематизировала коллекции Свердловского краеведческого музея – бывшего музея УОЛЕ и архивы общества, составила и опубликовала археологическую карту окрестностей г. Свердловска.

Вера Михайловна Раушенбах (жена известного советского академика Б. В. Раушенбаха, соратника М. В. Келдыша и С. П. Королева), работала в ГИМе. На Урале оказалась вместе с высланным в начале 1940-х годов мужем. Обследовала около двадцати стоянок на Аятском озере, Шигирском и Карасьеозерском, Горбуновском торфяниках. Ее монография «Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы» (1956 г.) – одно из первых комплексных исследований эпохи камня на Урале.

Нина Павловна Кипарисова (1900–1958) родилась в с. Верхняя Вязера Пензенской губ. Нина Павловна совмещала свою трудовую деятельность с учебой сначала в Ленинградском Археологическом институте, а затем в Ленинградском университете, который окончила в 1924 г. по археологическому циклу

отделения археологии и истории искусства факультета естественных наук. Первое время ее полевая исследовательская работа проходила в Средней Азии в составе геологических экспедиций Центрального научно-исследовательского геологоразведочного института. В археологические исследования она включается в 1938 году, когда переходит на работу сначала в Институт материальной культуры АН СССР, а затем в Государственный Эрмитаж, и ежегодно участвует в археологических экспедициях в Среднюю Азию, проводимых под руководством А. Ю. Якубовского. В годы Великой отечественной войны Нина Павловна перенесла блокаду в Ленинграде, где в составе коллектива работников Эрмитажа участвовала в охране и эвакуации его коллекций. Поселившись после этого на Урале, Нина Павловна много труда вложила в изучение археологии восточного склона Урала и Зауралья. Будучи научным сотрудником Нижне-Тагильского музея, она много сил отдала изучению далекого прошлого Тагильского края, вовлекая в исследовательскую работу молодежь. Многочисленные разведочные маршруты Нины Павловны сначала в Тагильском районе Свердловской области, а затем с 1949 года в Челябинской и Оренбургской областях привели к открытию многих десятков поселений, сотен курганов на огромной территории от Нижнего Тагила на севере до Орска и Бузулука на юге. К началу ее работ на Южном Урале была известна только одна энеолитическая стоянка – Кысы-Куль, раскопанная К. В. Сальниковым в 1937 году. Новые памятники с материалами нео-энеолитического времени были исследованы Н. П. Кипарисовой в начале 50-х годов. Это стоянка Чебаркуль I, расположенная на берегу озера Еловое в километре от города Чебаркуль, 1-я и 2-я Иткульские и Абсеямовская на озере Иткуль, 1-я Черкаскульская на озере Черкаскуль

в лесной зоне Южного Зауралья. Несмотря на то, что «исчерпывающих стратиграфических данных ни на одном из обследованных памятников не получено», ей удалось удивительно точно создать типологическую схему развития керамики для развитого (позднего в современном понимании) неолита и энеолита.

Принципиально важными для современного понимания археологии позднего периода эпохи камня моментами в работе Н. П. Кипарисовой являются следующие:

- 1) выделены основные черты керамики неолита и энеолита;
- 2) составлена типологическая схема для керамики неолита и энеолита;
- 3) показана безусловная преемственность в развитии керамики от неолита до энеолита;
- 4) подчеркнута близость неолитических и энеолитических комплексов Южного и Среднего Зауралья.

К сожалению, свою главную статью «О культурах лесного Зауралья» изданной Нина Павловна не увидела, она ушла из жизни 16 марта 1958 года.

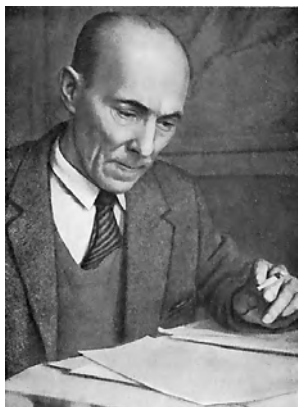
Научные интересы Н. П. Кипарисовой не ограничивались эпохой неолита и бронзы. Ей изучались и более поздние памятники. Она исследовала самый северный савроматский курган близ г. Троицка, Каменогорское городище на севере Челябинской области, жертвенное место на Голом Камне и средневековое Ермаково городище близ Нижнего Тагила.

С конца 50-х годов до конца 70-х годов XX века на Южном Урале активно работал Геральд Николаевич Матюшин (1927–2000). Он родился и провел детство в Уфе. В начале войны в возрасте 13 лет поступил токарем на завод Горного оборудования. В мае 1942 года в Военно-Морском флоте СССР был издан приказ о создании школы юнг, в которую набирали мальчишек 15–16 лет. В эту школу попал и Геральд Николаевич. В августе 1942 года начинающих юнг отправили из Архангельска на Соловецкие острова, где они изучали морское дело,

а осенью 1942 года – на флот. Г. Н. Матюшин воевал на Северном флоте, награжден боевыми орденами и медалями. После войны закончил Башкирский государственный педагогический институт и с 1951 по 1961 год работал учителем истории в школах и техникумах г. Уфы. В конце 50-х годов работал в археологических экспедициях под руководством Л. Я. Крижевской, с начала 60-х годов самостоятельно. С 1964 года и до конца жизни работал в Институте археологии АН СССР (Институт археологии РАН). В 1964 году защитил кандидатскую диссертацию по проблемам эпохи камня, а в 1987 году – докторскую. На протяжении всей научной деятельности Г. Н. Матюшин проводил активные экспедиционные работы на территории Башкирии: реках Дёма, Ик, Белая, но особенно привлекали его озера – Банное, Суртанды, Карабалыкты и др. Им были открыты и исследованы такие широко известные памятники Южного Урала как стоянки Романовка II и Ильмурзино, Мысовая и Янгелька, Суртанды VIII и Мурат, охватывающие промежуток времени от палеолита до энеолита. С позиций сегодняшнего дня результаты его научной деятельности представляются неоднозначными, но не будем торопиться с оценочными характеристиками. Приведу лишь одну фразу, которую Геральд Николаевич сказал во время совещания на поселении Ботай в 1983 году в ответ одному молодому оппоненту-археологу: «Я написал так, если Вы не согласны, то напишите другое, но свое».

Среди наиболее известных археологов, изучавших эпоху камня на Урале, помимо уже упомянутых было несколько ярких и талантливых исследователей, чей вклад в уральскую археологию трудно переоценить. Не суть важно, что деятельность некоторых из них была связана не только с изучением эпохи камня, но и более позднего времени.

Пожалуй, начать нужно с Валерия Николаевича Чернецова (1905–1970), крупнейшего советского утроведа, этнографа и археолога. Он родился в Москве, в 18 лет попал в геодезическую экспедицию, работавшую на Урале и в Западной Сибири. На протяжении двух лет работы в экспедиции Валерий Николаевич очень много времени проводил среди манси, выучил их разговорный язык и на всю жизнь привязался к коренным народам Урала и Западной

Сибири: хантам, манси, ненцам. В 1925 году поступил на этнографический факультет Ленинградского Географического института (позднее Географический факультет ЛГУ). В студенческие годы участвовал в длительных экспедициях: в 1925–1926 годах на реках Лозьва и Сосьва, а в 1927–1929 годы на Ямале, где он почти два года прожил в тундре среди ямальских ненцев, в суровых условиях Севера. Собирал этнографические материалы и в то же время провел первые археологические раскопки жилых комплексов древних поселений. Будучи еще студентом, он понял необходимость комплексного подхода к изучению традиционной культуры и важности сопоставления археологических и этнографических данных. Помимо этнографии и археологии Валерий Николаевич активно занимался лингвистикой, в 1930 годы вел большую просветительскую работу по созданию письменности манси, активно участвовал в подготовке русско-ненецкого, русско-мансийского, русско-хантыйского словарей, писал учебники для обских утров, собирал их фольклор, произведения искусства и т. п.

Изучая Западную Сибирь, В. Н. Чернецов старался понять ее как единое целое, от древнейших периодов истории до современной культуры коренных народов. Работами Западносибирской экспедиции, которой руководил Валерий Николаевич,

были охвачены огромные районы Приобья – от низовий, где раскапывалось Усть-Полуйское городище и жертвенное место до Прииртышья и Андреевского озера возле Тюмени, где были раскопаны Екатерининская и Липчинская стоянки, ставшие знаковыми для изучения нео-энеолитического времени в Зауралье. Многие современные уральские археологи, включая и автора этих строк, в своих построениях постоянно обращаются к материалам этих памятников.

Применяя популярный в те годы среди археологов ретроспективный метод и используя значительный археологический материал различных эпох, Валерий Николаевич попытался реконструировать древнюю историю Приобья. Вместе с тем он создал периодизацию и классификацию известных тогда памятников Нижнего Приобья и Прииртышья. Его перу принадлежит и созданная в начале 60-х годов схема развития неолита Зауралья, в основе которой была трехэтажная система раннего, среднего и позднего неолита. Сразу же принятая археологами схема В. Н. Чернецова на долгие годы стала основой для развития уральской археологии неолита–энеолита, а с его статьи «К вопросу о сложении уральского неолита», вышедшей в 1968 году, начинали свое знакомство с неолитом многие студенты, делавшие первые шаги в археологии. Принципиально важной, особенно для современной археологии, в исследованиях В. Н. Чернецова была тема о влиянии окружающей природной среды на формирование характерных черт материальной культуры в древности и возникновении своеобразных, функционально необусловленных форм и деталей орудий в процессе освоения человеком окружающего его ландшафта.

Последнее десятилетие своей жизни Валерий Николаевич посвятил изучению наскальных изображений Урала. Ему удалось осуществить несколько больших экспедиций и скопировать все известные к тому времени сохранившееся писаницы Урала. Привлекая обширные археологические, этнографические и антропологические, данные Валерий Николаевич не толь-

ко классифицировал основные изобразительные сюжеты, но и постарался объяснить их значение, время возникновения и культурную и этническую принадлежность. Результатом этой огромной работы стало вышедшее в двух книгах классическое для уральских археологов и этнологов исследование «Наскальные изображения Урала».

По воспоминаниям знакомых с ним людей Валерий Николаевич был человеком, к которому все хорошо относились. Он мог вписаться в любую среду. И в тайге его необыкновенно уважали, у него даже имя было такое мансийское – Лозум-Хум. Это очень почетно, сибирским богатырям давали такие почетные имена. Хум – «человек», Лозум (или Лозьва) – «река».

По воспоминаниям Елены Ефимовны Кузьминой Валерий Николаевич и его жена Ванда Иосифовна Мошинская одну зиму провели на Севере.

«После окончания раскопок, кажется, в Сузгуне, они опоздали на последний пароход, ушедший на Большую Землю. Спасло их то, что с собой много было муки и пуль. Чернецов выкопал землянку, срубил деревья и построил избушку. (Благо, он все умел и знал, как строят аборигены, адаптируясь к условиям Севера). Они собрали клюкву, орехи, утеплили дом мхом, напасли дров и стали зимовать. Чернецов ходил на охоту и приносил дичь, шил из шкур теплую одежду. К весне они оба одновременно стали слышать с городища звон колокола и голоса. (Потом я узнала, что в случаях долгой полной изоляции люди слышат голоса и видят видения)».

А вот как рассказывает о нем Михаил Федорович Косарев:

«Мой научный руководитель Валерий Николаевич Чернецов был необычным человеком, его считали шаманом, и довольно сильным. Я был комсомольцем, когда попал к нему в экспедицию в первый раз, и еще не был связан с археологией. Он погружал нас в какую-то другую реальность. Все его рассказы о том, что с ним было, случалось, – это совершенно не вписывалось в логику миропредставления, которая у меня тогда была. Помню

(и это не раз бывало), мы сидели у костра и вдруг смотрим – перед нами Валерий Николаевич неожиданно возникает. Достает что-то из карманов, в огонь бросает, потом начинает петь на мансийском языке, совершая при этом самые невероятные «шаманские» движения. Он годами жил в тайге.

А на вид он был довольно маленький человек, в экспедиции – босиком, красной тряпкой голова завязана, брюки латаны-перелатаны. Помню, нам нужно было на лодке через водные верховья Тагила переправиться к наскальным изображениям на другой стороне реки. А там стремнины, камни торчат отовсюду. И лодочка неустойчивая. Несколько раз я пытался на ней переправиться – ничего не получалось, хотя молодой, крепкий был, – сразу начинало бить, крутить вниз по течению, на камни. Где-то лодку ловили, вытягивали и тащили. Ну совершенно невозможно. Валерий Николаевич после этого сам ведет нас к лодке, усаживает, берет в руки шест и закуривает. И как гондольер, не глядя вперед, стоя так полуоборотом вроде бы, перевозит нас. Это я до сих пор не пойму. Как ему это удалось? Какие силы природы ему помогли?».

О шаманских способностях Валерия Николаевича вспоминает и Е. Е. Кузьмина.

«Однажды, не помню на каком именно Уральском Археологическом Совещании, мы с Лорой Федоровой-Давыдовой жили в одной комнате. Вечером у нас собралось много уральской молодежи, пришел и В. Н., а В. И. осталась в номере, так как плохо себя чувствовала. Завели беседу о шаманах, о загадочных чудесах, заколдованных урочищах. В. Н. предложил нам, что будет камлать. Мы – молодые идиоты – с энтузиазмом согласились. Ни костюма, ни бубна у Чернецова, естественно, не было. Но он взял миску и ложку и стал медленно-медленно стучать и пританцовывать. Мы – человек десять – сидели на двух кроватях, тесно прижавшись друг к другу. Но вот музыка стала громче, ритм ускорился и последнее, что я помню – это Валерий Николаевич с застывшим лицом и оста-

новившимся взглядом, кружащийся в танце между кроватями... Сколько времени мы были в трансе, не знаю. Когда я пришла в себя, В. Н. лежал без сознания на полу».

Будучи специалистами в области археологии, этнографии и лингвистики, Валерий Николаевич и Ванда Иосифовна собрали обширную библиотеку, достигавшую 2000 томов, включая такие уникальные издания как сочинения С. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» 1755 г.», И. Лепехина «Дневниковые записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768–1769 гг.» 1771–1805 годов издания и другие. Не имея наследников, Валерий Николаевич планировал передать свое книжное собрание в какую-нибудь библиотеку. Так и случилось. В 1980-е годы уже после смерти и Ванды Иосифовны их библиотека была передана в Томский государственный университет, где хранится отдельным фондом и очень востребована учеными, аспирантами и студентами.

Создателем уральской школы археологов по праву считается Отто Николаевич Бадер (1903–1980). Отто Николаевич увлекся археологией еще в школьные годы, а в 1922 году поступил в I Московский государственный университет, где его учителем стал один из «классиков» российской археологии В. А. Городцов, а однокурсниками, спаянными в археологический кружок, такие известные впоследствии

археологи как А. В. Арциховский, А. Я. Брюсов, А. П. Смирнов, П. А. Дмитриев и другие. Помимо основного учебного курса О. Н. Бадер посещал лекции по антропологии, палеоэтнографии и этнографии, что впоследствии сказалось на его комплексном подходе к археологическим исследованиям.

Будучи еще студентом Отто Николаевич начинает активную музейную работу, организуя археологические отделы в Нижегородском, Загорском и других музеях. После окончания университета О. Н. Бадер сотрудничает со многими музейными и научными организациями, но основным местом работы в 20–30-е годы XX века остается Московский университет. В 1926–1931 году Отто Николаевич проводит очень значительные, даже по современным масштабам, раскопки и разведки. Например, разведочный маршрут по Унже в 1926 году составлял 350 км, маршрут по Вятке и Каме в 1931 году – 600 км, а разведка по Ветлуге в 1925–1926 годы составила 750 км! Трудно перечислить все экспедиции, которыми руководил или в которых участвовал Отто Николаевич в 20–30-е годы. Это раскопки фатьяновских могильников, ананьинских и дьяковских городищ, стоянок мезолита и неолита на Верхней Волге, знаменитого Балановского могильника эпохи бронзы, обследование около 600 гротов и навесов под скалами в Северном Причерноморье и многие, многие другие. Чрезвычайно широки научно-исследовательские интересы Отто Николаевича – от периодизации Крымского мустье и Волго-Окского неолита до определения ареала и периодизации дьяковской культуры раннего железного века. В 1937 году О. Н. Бадеру без защиты присвоена ученая степень кандидата исторических наук.

В первые дни Великой Отечественной войны Отто Николаевич ушел добровольцем на фронт в народное ополчение, но разделил участь советских немцев (его семья происходила из русских немцев Латвии) – уже в сентябре 1941 года его отозвали с фронта и выслали в трудармию, сначала в Магнитогорск, затем в Нижний Тагил. Здесь он попал в спецотряд, в котором оказалось много крупных ученых, в том числе и уже упоминавшаяся семья Б. В. и В. М. Раушенбах. В лагере возникла своеобразная академия, где сосланные выдающиеся ученые готовили доклады по специальности и делились знаниями с товарищами. Даже в таких далеко не простых условиях ссылки с женой

Марией Александровной и маленьким сыном, вынужденный каждый день ходить за 12 км отмечаться в милиции, Отто Николаевич нашел возможность в свободное время исследовать стоянку Полуденка I, в дальнейшем ставшую опорной в изучении неолита Зауралья.

По материалам, собранным Ю. Б. Сериковым, уже в 1942 году он обследовал глиняный карьер кирпичного завода (в районе которого и находился трудовой лагерь, где содержался О. Н. Бадер), в котором неоднократно находили кости плейстоценовых животных. За 4 года наблюдений (1942–1945 гг.) были установлены глубина находок (6–9 м) и слои, содержащие кости мамонта, шерстистого носорога и дикой лошади. В 1943 году О. Н. Бадер побывал на Горбуновском торфянике, где собрал подъемный материал на I-ой Береговой стоянке. В следующем году он продолжил изучение коренного берега Горбуновского торфяника и рядом с I-ой Береговой стоянкой ему удалось обнаружить новый памятник, который был назван Второй (Южной) Горбуновской стоянкой.

В 1944 году он начинает широкие исследования неолитического поселения Полуденка I и жертвенного места на шихане Голого Камня. На жертвенном месте в 1945–1946 гг. О. Н. Бадером было вскрыто 20 кв.м, получена коллекция находок из 323 предметов. Более широкие по масштабу и продолжительности раскопки он провел на Полуденке I. В трудных условиях 1944–1946 гг. О. Н. Бадер при активной поддержке Нижнетагильского горисполкома, треста «Тагилстрой» и краеведческого музея смог организовать исследования этого памятника. За 3 года раскопками было вскрыто 375 кв. м площади поселения, изучены остатки двух неолитических жилищ. Коллекция находок хранится в фондах Нижнетагильского музея. На основании данных раскопок О. Н. Бадер впоследствии выделил полуденский этап в развитии уральского неолита.

В 1945 году в небольшом гроте на склоне горы Медведь-Камень О. Н. Бадер обнаружил и в следующем году исследовал

раскопками палеолитическую стоянку. Несмотря на то, что кроме костей плейстоценовых животных (дикая лошадь, северный олень, шерстистый носорог, первобытный бык) и единственного кремневого осколка в гроте ничего больше найдено не было, это был первый палеолитический памятник на восточном склоне Среднего Урала.

Также к 1946 году относятся рекогносцировочные раскопки Ермакова городища. На основании этих исследований О.Н. Бадер предположил, что городище использовалось в качестве русского опорного городка на пути в Сибирь в конце XVI и в XVII веке.

За время нахождения в Нижнем Тагиле О. Н. Бадер скрупулезно фиксировал все сообщения об археологических находках в окрестностях города. Данные о старых находках он записывал, а свежие сообщения не откладывая, проверял. Обобщив результаты раскопок предшественников и своих собственных, а также добавив сведения об отдельных находках, в 1953 году О. Н. Бадер опубликовал статью об археологических памятниках Тагильского края, которая и в наше время остается востребованной.

С этих трудных лет связь с Уралом не прерывалась до конца жизни.

К концу 1946 года трудармия была в основном демобилизована, но немцы не получили разрешения вернуться на прежние места жительства. По приглашению ректора Пермского государственного университета О. Н. Бадеру разрешили переехать в Пермь, где он начал работу в должности доцента кафедры всеобщей истории. Время работы в ПГУ – это время формирования основ уральской школы археологии. Начиная свою работу в Перми, ученый осознавал, что исследование Пермского края невозможно усилиями одного археолога. Отто Николаевич создает структуру университетской археологии: студенческий археологический кружок – кабинет археологии – археологическая экспедиция – специализация по археологии (чтение курсов).

Кроме того, студенты организуют археологические кружки в школах. Такая структура оказалась очень эффективной и была в дальнейшем скопирована его учениками В. Ф. Генингом, И. А. Мажитовым, Г. И. Матвеевой в университетах Свердловска, Уфы, Самары и других городов. В 1947 году он вместе с К. В. Сальниковым и А. В. Збруевой организует Уральское археологическое совещание, которое существует до сих пор, регулярно проводится поочередно во всех крупных городах Уральского региона и является крупнейшим форумом уральских археологов. В задачи Уральского археологического совещания изначально была заложена координация работы археологов, выработка единой научной политики. Под руководством О. Н. Бадера с 1947 года начинается масштабная многолетняя работа Камской археологической экспедиции. Он продолжает исследование палеолитической стоянки им. Талицкого и разрабатывает проблемы палеогеографии и заселения человеком Урала и Северо-Восточной Европы; проводит раскопки мезолитических стоянок Нижнеадищевской, Огурдинской, Кама-Жулановской и впервые вводит в научный оборот понятие уральского мезолита как своеобразной культуры; исследует неолитические стоянки Боровое озеро I, Левшинская и определяет основные черты камского неолита; на основе вновь полученного обширного материала выделяет турбинскую культуру энеолита – бронзы с двумя этапами: гаринским и борским; изучает древние изображения Писаного камня на реке Вишере. Результатом этой огромной работы впоследствии стала защищенная им в 1964 году докторская диссертация «Древнейшая история Прикамья», в которой были обобщены материалы от начала заселения Урала человеком до начала раннего железного века. Только в 1955 году Отто Николаевичу разрешают вернуться в Москву, где, уже в Институте археологии АН СССР, он продолжает исследование проблем древней истории Урала.

В 60–70-х годах XX века О. Н. Бадер проводит разведки в горных районах Южного Урала и раскопки пещерных стоянок:

Мурадымовская, Кульюрт-Тамак, в гротах у Каменного Кольца. Мировое значение приобрели его исследования в 1969–1974 годах Каповой пещеры с настенными палеолитическими росписями, выполненными охрой. Основополагающей стала его работа «Уральский неолит», в которой он привел свою периодизацию неолитического периода на Урале по двум историко-культурным зонам – Предуралью и Зауралью. Несколько десятилетий неолит Урала рассматривается археологами в русле концепции «Чернецова–Бадера».

Научная деятельность Отто Николаевича Бадера была многогранна, просто удивляет, как у одного человека хватало времени и сил на такой спектр исследуемых им проблем: это палеолит Урала и Сунгирь, уральские неолит и бронзовый век Верхней Волги, палеолитическая живопись и этногенез финно-угорских народов и еще многое, многое другое, включая преподавательскую, общественно-научную и популяризаторскую деятельность.

Владимир Антонович Оборин вспоминает об О. Н. Бадере: «Крупный ученый и организатор науки, О. Н. Бадер в быту был скромным, обаятельным, интеллигентным человеком, чутким и внимательным к людям. Он одинаково просто общался с крестьянами и рабочими, профессорами и лаборантами. Многие из них вспоминают его добрым словом до сих пор. Требовательный к себе, он также требовал и от учеников служения делу, помогал раннему становлению их самостоятельности в науке, был всегда готов прийти на помощь в любом самом личном деле. Ему было присуще чувство юмора, он любил различные веселые розыгрыши, писал лирические стихи и стихи на археологические темы. О. Н. Бадер был одинаково интересен для окружающих, как в среде своих сверстников, так и в обществе молодежи. Для учеников он был образцом преданности любимому делу и примером высоких нравственных качеств».

Галина Ивановна Матвеева вспоминала, что: «Отто Николаевич был замечательным педагогом. Он учил не только археологии, своим личным примером он прививал студентам умение

быть отзывчивым и внимательным к людям. Будучи очень занятым человеком, О. Н. Бадер находил время ответить на письмо любого краеведа и даже двенадцатилетнего школьника из с. Кама-Жулановки, заинтересовавшегося археологией.

Он умел внимательно выслушать студента, помочь ему советом. Вообще он был замечательным собеседником, умел не только говорить, но и слушать. Его отличал исключительный такт, интеллигентность, деликатность. Я никогда не видела Отто Николаевича раздраженным, грубым. Даже когда слова и поступки какого-либо человека возмущали его, он парировал весьма корректно и сдержанно.

Летом в экспедициях и во время выездов на памятники О. Н. Бадер носил белый парусиновый или полотняный костюм и соломенную шляпу. Несмотря на то, что он часто находился в раскопе, его костюм оставался безукоризненно чистым, на нем невозможно было найти не единого пятнышка. Он был исключительно аккуратен во всем.

Отто Николаевич удивительно любил природу и искренне восхищался ею, любил землю, и она отвечала ему взаимностью, щедро раскрывая ему свои древние тайны. Отто Николаевич любил поэзию. Он сам писал стихи и даже довольно большие поэмы. Все они, так или иначе, были связаны с археологией, отличались искренностью, выражали самые сокровенные мысли и чувства автора. Когда в 1970 году О. Н. Бадер приезжал в Самару и обследовал Жигулевские пещеры вместе с первыми студентами только что открывшегося Самарского университета, которых называл в шутку жигулевскими разбойничками, он посвятил им только что написанную песню. До сих пор сохранили восторженные и теплые воспоминания о О. Н. Бадере ныне уже седеющие «жигулевские разбойнички». Отто Николаевич, несмотря на свои 67 лет, был весьма бодр и энергичен, ходил по Жигулям не отставая от молодежи».

По воспоминаниям П. Н. Старостина: «О. Н. Бадер был отзывчивым, жизнерадостным человеком, ценил юмор. Мне за-

помнился его рассказ о том, как он с сотрудниками в 70-е годы прошлого столетия добирался до Каповой пещеры на грузовой автомашине. Когда подъезжали к г. Казани, показалась автозаправочная станция. Было уже около 18.00 часов. Заправщик (мужчина) уже завершал рабочий день. Отто Николаевич стал его уговаривать, что в Казани он долго жил, и вот в родном городе нет возможности заправить автомашину. Заправщик спросил его: «Как его фамилия?». Отто Николаевич подумал и сказал «Бадыр». Заправщик, перебирая ключи, попросил: «Покажи паспорт». Отто Николаевич передал паспорт заправщику. Тот долго перелистывал его, затем сказал: «Молодец! Ты меня не обманываешь. Я заправлю твою машину!». Юмор Отто Николаевича был очень деликатным. Он знал границы юмора, хорошо представлял его меру, всегда стремился не обидеть собеседника».

Отто Николаевич Бадер – фигура во многом знаковая в отечественной археологии XX века. Безусловно, он принадлежит к числу ее выдающихся представителей. В его личной судьбе и творческом пути переплелись все перипетии развития советской археологии 1920–1970-х годов. Вклад О. Н. Бадера в развитие археологии каменного, медного и бронзового веков поистине огромен. Многие из того, что он не успел довершить, реализуется ныне его учениками. Однако, не менее важно не только влияние идей, но и обаяние личности О. Н. Бадера, которое живет в памяти его учеников, учеников его учеников и последующих поколений российских археологов.

Одновременно с О. Н. Бадером на Южном Урале работал выдающийся советский археолог Константин Владимирович Сальников (1900–1966). И хотя основные научные интересы Константина Владимировича были связаны с бронзовым веком, он очень много сделал для начала изучения эпохи камня на Южном Урале.

К. В. Сальников родился в г. Самаре, а свою трудовую деятельность начал уже в г. Ачинске Красноярского края, где ра-

ботал конторщиком в учительской семинарии. Во время Гражданской войны был мобилизован в 30-й Сибирский стрелковый полк армии адмирала Колчака, где вскоре получил тяжелое ранение в ногу, на всю жизнь сделавшее его инвалидом. В 1923 году Константин Владимирович возвращается в Самару, интерес к истории реализует посещением в 1923–1927 годы Высших этнолого-археологических курсов.

Затем учится на историко-этнологическом факультете Московского университета, который заканчивает в 1930 году, поступает в аспирантуру Государственной академии материальной культуры и с 1934 года начинает проводить археологические работы на территории Башкирии. Работая в 1935–1937 годы в Оренбургском государственном областном архиве, исследует курганы раннего железного века у г. Орска, а затем и знаменитый курганный могильник у с. Федоровка, давший название федоровской археологической культуре Урала и Западной Сибири.

В 1937 году Константин Владимирович переходит на работу в Челябинский областной музей и проводит раскопки первого памятника эпохи камня на Южном Урале – стоянки Кысы-Куль, расположенной на одноименном озере, недалеко от г. Миасс. Материалы этих раскопок хранятся в областном музее и до сих пор постоянно востребованы специалистами при изучении неолитического периода на Южном Урале.

Годы работы в Челябинске отмечены раскопками памятников, ставших классическими в археологии Зауралья: могильник на берегу озера Алакуль, давший название алакульской археологической культуре, селище Кипель, городище Чудаки.

В годы Великой Отечественной войны К.В. Сальников живет в Оренбурге, работает преподавателем и заместителем ответ-

ственного секретаря в местной газете «Чкаловская коммуна» (Оренбург тогда назывался Чкаловым).

В 1946 году Константин Владимирович переходит на работу в Уральский государственный университет, где на кафедре истории СССР создает первую в уральской археологии учебную программу курса «Археология Урала», организует специализацию по археологии, в кабинете археологии, которым заведовала Е. М. Берс, начинает руководить студенческим археологическим кружком. С лета 1946 года К. В. Сальников проводит археологическую практику в двух экспедициях – Южноуральской под его руководством и Среднеуральской под руководством Е. М. Берс. В эти годы активно проводятся раскопки и разведки в Свердловской, Курганской и Челябинской областях, где вместе с К. В. Сальниковым работала и Н. П. Кипарисова (например, раскопки стоянки Чебаркульская I, разведки по рекам Увелька, Миасс и др.).

В 1960 году Константин Владимирович переходит на работу в Институт истории, языка и литературы города Уфы, а в 1962 году выходит принципиально важная его статья «Южный Урал в эпоху неолита и ранней бронзы». Прекрасно понимая, что «накопленные данные слишком скудны», тем не менее, автор делает блестящую попытку «выяснить результаты исследований памятников эпохи неолита и ранней бронзы и попытаться представить в общих чертах историческую обстановку в тот период». Основное внимание уделяется анализу керамического материала, поскольку, по мнению автора, «наиболее ярко этнические различия в материальной культуре проявляются в области керамики».

Необходимо подчеркнуть несколько принципиальных положений, озвученных в статье. Во-первых, автор считал, что население Южного Зауралья в неолите и энеолите являлось автохтонным и генетически связанным между собой. Во-вторых, неолитические и энеолитические памятники Южного Зауралья близки с одной стороны одновременным памятникам Среднего Зауралья, с другой стороны, кельтеминарским стоянкам Приаралья, распростра-

нясь с севера на юг вдоль восточного склона Урала. В-третьих, наблюдаемые отличия между лесными и степными стоянками Зауралья носят хозяйственный, а не этнический характер.

Таким образом, работами Н. П. Кипарисовой и К. В. Сальниковым был завершен начальный этап в изучении неолита и энеолита Южного Зауралья. Их значение трудно переоценить, поскольку почти все главные положения, изложенные в работах этих авторов, актуальны сегодня и подтверждаются современными исследованиями.

В 50-е годы XX века начинает свою работу на Южном Урале Лия Яковлевна Крижевская (1916–1995), чье имя стоит в ряду имен наиболее крупных археологов нашей страны. Л.Я. Крижевская родилась в Петрограде в семье известных в городе врачей. В 1938 году закончила Исторический факультет Ленинградского университета и вскоре была принята на работу в сектор палеолита и неолита Института истории материальной культуры, где за исключением военных

лет, проработала всю жизнь. В 1939 году была зачислена в аспирантуру ИИМК, ее научным руководителем стал П. П. Ефименко, крупнейший специалист в области изучения эпохи камня, что безусловно повлияло на высокую квалификацию и широту взглядов будущего ученого. Но началась Великая Отечественная война и Лия Яковлевна, спасаясь от блокады Ленинграда, с двумя маленькими детьми села в поезд и поехала на восток. По ее рассказу своему ученику, а ныне известному самарскому археологу А. А. Выборнову, ехать ей было не к кому, поэтому она просто вышла на большой станции, это оказался город Куйбышев (Самара). Взяв за руки детей, пошла вдоль по улице, шедшей от вокзала. Был уже вечер, они остановились напиться воды у водопроводной колонки. К ним подошла женщина, они разговорились, и та взяла их к себе жить. А на соседней улице, за углом находи-

лась прокуратура, так Лия Яковлевна в 1941–1945 годы стала работником прокуратуры, даже прокурором следственного отдела.

По окончании войны, при первой же возможности возвращается в Ленинград к любимой науке и в 1950 году защищает кандидатскую диссертацию на тему «Неолитические памятники Валдайского Приозерья». С начала 50-х годов XX века научные интересы Лии Яковлевны неизменно связаны с Уралом. Ее первая работа, посвященная археологическим открытиям на Южном Урале, была опубликована в 1951 году, итоговая последняя статья по неолиту Урала вышла в 1995 году уже после ее кончины. Трудно себе представить, но в конце 1980-х годов Лия Яковлевна отмечала свой 50-й!!! полевой сезон в одной из экспедиций в глухой западносибирской тайге. А первые уральские экспедиции были посвящены разведкам и раскопкам стоянок Усть-Юрюзанская (1954–1955 гг.) и Усть-Айская, Черкасовская и Айдосская (1957–1958 гг.). Затем экспедиция Ленинградского отделения Института археологии АН СССР под руководством Л. Я. Крижевской проводит в 1960–1962 годах раскопки стоянок Чебаркуль II и Чебаркуль IV на озере Чебаркуль в Челябинской области, в 1963 году – стоянок Учалинская и Карагайлы I в Зауральской Башкирии, в 1967–1968 годах – стоянок Латочка, Кораблик, Няшевка II на озере Большое Миассово, в Ильменском государственном заповеднике.

Фундаментальный вклад в уральскую археологию внесла монография Л. Я. Крижевской «Неолит Южного Урала», вышедшая в 1968 году, и обобщившая опыт исследований неолитических памятников. Впервые было определено место и особенности культуры южноуральского неолита среди памятников лесной и лесостепной зон Евразии. Важное, для того времени, значение имело доказательство закономерности совместного залегания орудий на пластинках, двусторонне обработанных орудий и керамики.

Было отмечено, что неолит Южного Урала формировался на местной мезолитической основе, что подтверждается сохране-

нием в неолите целого ряда мезолитических форм каменных орудий. Не вызывает сомнений, с точки зрения автора, и сходство южноуральской каменной индустрии со среднеазиатской и казахстанской, в основе которого лежит одинаковая техника расщепления камня на пластины, определившая общность форм орудий и приемов их обработки. Одной из причин, обусловивших своеобразие южноуральского неолита, является зарождение его на местной мезолитической основе и дальнейшее развитие под влиянием юга. В широком кругу родственных культур южноуральский неолит ближе всего казахстанскому. Это сходство позволило автору говорить об южноуральско-казахстанской этнокультурной общности.

Этапными для изучения эпохи камня Зауралья стали разработки, посвященные переходному времени от неолита к раннему металлу в следующей монографии Л.Я. Крижевской «Раннебронзовое время в Южном Зауралье», вышедшей в 1977 году. Докторская диссертация «Неолит и эпоха ранней бронзы на Южном Урале», защищенная Лией Яковлевной в 1980 году, подвела итоги многолетних исследований, но не охладила интереса исследователя к уральской проблематике эпохи камня. Как говорила мне сама Лия Яковлевна, когда я писал кандидатскую диссертацию под ее руководством и как-то пожаловался, что материала маловато: «Археологам всегда не хватает материала, но чтобы двигаться дальше нужно уметь подвести черту под тем, что уже сделано».

Л. Я. Крижевской издано многим более 100 научных работ. Ее публикации отличаются глубоким знанием фактического материала, тщательной аргументацией высказываемых положений, предельной точностью формулировки. Отстаивая свои научные позиции, она неизменно вела дискуссии в корректной и сдержанной форме. Многие годы ее деятельность подвергалась постоянной и, по большей части, необоснованной критике со стороны Г. Н. Матюшина. Она ответила на нее лишь однажды, когда иссякло всякое терпение, в известном «Письме в

редакцию» журнала «Советская археология», где расставила все точки над *i*. Как-то я спросил у Лию Яковлевну о причинах таких нападок Г. Н. Матюшина. Она ответила довольно просто: «Не знаю, ведь он начинал работать в нашей экспедиции. Что с ним потом случилось?». Вообще к научной критике Лия Яковлевна относилась очень серьезно. Когда в разговоре с ней, еще в 1980-х годах, я попытался кого-то покритиковать, она охладила мой пыл очень мудрой фразой: «Любая критика должна быть позитивной. Если ты берешься кого-то критиковать, то обязательно должен предложить взамен свой аргументированный положительный вывод, идущий на пользу науке. Иначе не стоит и браться за критику».

Под руководством Л. Я. Крижевской сформировались многие уже зрелые исследователи эпохи камня не только уральского, но и многих других регионов бывшего СССР. Лия Яковлевна относилась к своим ученикам строго в науке, но очень доброжелательно, дружески и с тонким юмором в жизни. Так один из ее аспирантов как-то пришел в Институт после бурно проведенной ночи в аспирантской «общаге» весь взъерошенный, в мятой рубашке. Лия Яковлевна, коротко взглянув на него, сказала: «Хорошо выглядите Володя. Наверное, много работает!». После этого бедному аспиранту осталось только провалиться сквозь землю.

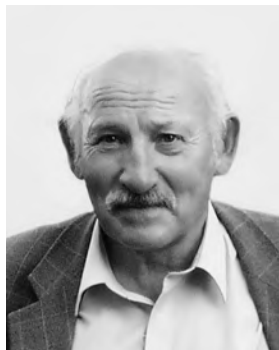
Лия Яковлевна Крижевская сыграла огромную роль в изучении эпохи камня на Урале, без ее книг не обходится ни один археолог, занимающийся древнейшей уральской историей.

В ряду первооткрывателей уральской эпохи камня достойное место занимает имя Валерия Трофимовича Петрина (1943–2002), известного исследователя палеолита Урала и Сибири. После окончания школы и до поступления в вуз он трудился на стройке и заводе. Увлеченность историей, зародившаяся во время обучения в школе, привела Валерия Трофимовича на исторический факультет Уральского госуниверситета в городе Свердловске (ныне Екатеринбург). В это время у него сформир-

ровался интерес к двум направлениям научной деятельности, которым он посвятил всю жизнь, – изучению палеолита и поиску палеолитической живописи в карстовых полостях на Урале.

Как ученый В. Т. Петрин сформировался в научной школе Владимира Федоровича Генинга – ученика О. Н. Бадера, который продолжил дело учителя по развитию уральской школы археологов. Хотя научные интересы В. Ф. Генинга были связаны, в основном, с изучением средневековой археологии Урала, среди его учеников есть и ныне здравствующие талантливые исследователи эпохи камня – Валентина Трофимовна Ковалева, Александр Федорович Шорин, Татьяна Михайловна Гусенцова. Работая в хоздоговорной археологической лаборатории Уральского госуниверситета в Свердловске, В. Т. Петрин исследовал палеолитические памятники Черноозерье II в Омской области, Шикаевка в Курганской области, гроты Безымянный и Зотинский в Свердловской области, стоянку Могочино в Томской области. Осенью, зимой и весной, когда полевые исследования не проводились, Валерий Трофимович занимался поиском наскальных изображений. Им были не только обследованы уже известные скалы с рисунками, но и найдены новые объекты.

С 1978 года жизнь В. Т. Петрина была связана с Институтом истории, филологии и философии СО АН СССР, в дальнейшем Институтом археологии и этнографии СО РАН. Здесь он поступил в аспирантуру к академику А. П. Окладникову и в 1983 году защитил кандидатскую диссертацию «Палеолитические памятники Восточного Зауралья (Западно-Сибирская равнина)», а в 1991 году – докторскую «Палеолит Западной Монголии», прошел путь от старшего лаборанта до главного научного сотрудника.

С 1980 по 1986 годы под руководством В. Т. Петрина в Игнatieвской пещере проводились комплексные исследования, в ходе которых была обнаружена пещерная палеолитическая живопись, равноценная по значению уже широко известным изображениям Каповой пещеры. Несколькими раскопами был исследован «культурный слой посещений» пещеры и получена самая большая коллекция каменных изделий из всех палеолитических памятников Южного Урала. В дальнейшем палеолитическая живопись была найдена также во 2-й Серпиевской пещере, расположенной недалеко от Игнatieвской, и в Мурадымовской 2-й пещере. Материалы Игнatieвской пещеры имеют поистине мировое значение. В дальнейшем автором была выдвинута гипотеза о выделении Уральского центра пещерной живописи как центра по проведению инициаций, входящего в единое культурно-информационное поле Европы в позднем палеолите.

С большой теплотой вспоминают Валерия Трофимовича его друзья и коллеги из Института археологии и этнографии СО РАН. Вот как пишет о нем академик РАН Анатолий Пантелеевич Деревянко:

«По характеру Валерий Трофимович Петрин всегда был лидером. Он с раннего детства привык к труду, самостоятельности. Будучи старшеклассником, а затем студентом, он с товарищами сам предпринимал небольшие экспедиции без снаряжения, продуктов и многого другого, без чего трудно провести успешную работу. Но им двигали романтика, энтузиазм и несокрушимая вера в удачу. И действительно, во время таких импровизированных экспедиций ему удалось найти немало интересного: пещеры, стоянки древнего человека, петроглифы.

Когда мы с Валерием Трофимовичем начали работать вместе, это был уже известный ученый со своими сложившимися интересами, привычками, характером. Он все старался делать быстро и основательно. Из всех видов работы в поле предпочитал разведку. И даже во время разведочных работ

не любил долго оставаться на одном месте. Он был настоящим кочевником, и его всегда манили новые дали.

Во время разведочных работ Валерий Трофимович не любил долго оставаться на одном месте. Его всегда влекло желание увидеть все новые и новые районы. Он был неутомим. Сколько раз приходилось видеть, как он бредет по раскаленной от зноя пустыне Гоби к лагерю экспедиции, нагруженный десятками, а то и сотнями каменных орудий. Но, пожалуй, никогда у него не возникало мысли избавиться по дороге от нескольких килограммов драгоценной ноши. А что может быть дороже каменного орудия, сделанного несколько десятков, а то и сотен, тысяч лет назад?

Поработав с Валерием Трофимовичем вместе в Монголии, я увидел в нем незаменимого помощника, надежного товарища и талантливого коллегу. После этого были десятки совместных экспедиций (Сибирь, Монголия, Казахстан, Кыргызстан, Узбекистан и др.), сотни совместно открытых и исследованных стоянок древнего человека. Многое было пережито и передумано вместе. Было много удач. Были и разочарования. Но последнего было гораздо меньше, а может быть и вовсе не было. Пытаюсь вспомнить, но на ум ничего не приходит».

Практически все археологи Урала, работающие в настоящее время над изучением эпохи камня, являются непосредственными учениками или учениками учеников тех выдающихся археологов, о которых мы только что говорили.

Валентина Дмитриевна Викторова, к.и.н., училась на историческом факультете УрГУ в 1951–1955 годы, на становление ее научных интересов большое влияние оказало участие в археологических экспедициях под руководством К. В. Сальникова. С 1960 по 1963 годы училась в аспирантуре УрГУ, а ее научным руководителем был В. Ф. Генинг. Большую моральную поддержку в самостоятельных исследованиях и первых публикациях получала от В. Н. Чернецова и В. И. Мошинской. Основная проблематика исследований Валентины Дмитриевны в 1960–

1980-е годы – древняя история Зауралья и методология археологических исследований, а с 1980-х – духовная культура ранних обществ Урала.

Валентина Трофимовна Ковалева, к. и. н., окончила исторический факультет Уральского госуниверситета в 1964 году, ее научным руководителем был В. Ф. Генинг. Работала учителем в средней школе. В 1969 году перешла в УрГУ в качестве научного сотрудника лаборатории археологических исследований, возглавляемой В. Ф. Генингом. В 1980 году защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Среднее Зауралье в переходное время от неолита к бронзовому веку». В настоящее время основная область научных интересов связана с изучением неолитического периода истории Урала и духовной культуры и социальной организации древних обществ Урала.

Юрий Борисович Сериков, д. и. н., учился на историческом факультете МГУ, руководителями дипломной работы были О. Н. Бадер и М. Д. Гвоздовер, а преддипломную и дипломную практики проходил в Ленинграде в экспериментально-грасологической лаборатории под руководством С. А. Семенова. Первый археологический опыт получил в экспедициях по изучению палеолита под руководством О. Н. Бадера. После окончания университета был направлен в Нижний Тагил. В настоящее время научные интересы связаны с изучением палеолита, мезолита и древнейших святилищ на Урале.

Александр Федорович Шорин, д.и.н., окончил в 1974 году исторический факультет УрГУ, где его научным руководителем был В. Ф. Генинг, а старшим товарищем В. Т. Петрин. Область научных интересов связана с изучением неолитических и энеолитических древностей Урала, а также с исследованием «загадочных» объектов эпохи камня на Урале – холмов, один из которых – Кокшаровский, Александр Федорович изучает раскопками уже несколько лет, каждый год получая новые, порой неожиданные результаты.

Евгений Минович Беспрозванный провел детство в Москве

и, будучи участником археологического кружка, работал в экспедициях под руководством О. Н. Бадера. Закончил УрГУ, где его научным руководителем был В. Т. Петрин. Много лет разрабатывает проблемы мезолита и неолита Урала и Западной Сибири.

Наталья Михайловна Чаиркина, к. и. н., в 1979 году закончила исторический факультет УрГУ, где научным руководителем был В. Т. Петрин. Область научных интересов – торфяниковые памятники Урала, на которых Наталья Михайловна увлеченно работает уже много лет, а также культурно-исторические процессы, хозяйственные комплексы и духовная культура эпохи энеолита Урала.

Владимир Николаевич Широков учился на историческом факультете УрГУ в 1980–1986 годах. Наибольшее влияние на становление оказали ученые-археологи В. Т. Петрин и В. Д. Викторова. Исследует эпоху палеолита, настенное пещерное искусство и наскальное искусство Урала. Участник открытий и исследований палеолитических памятников на территории Урала, в том числе изображений в Игнatieвской и Серпиевской 2 пещерах, среднепалеолитической стоянки Богдановка и верхнепалеолитической стоянки в гроте Бобылек, а также многих пунктов с наскальными рисунками – писаницами.

Перечисленные выше ученые-археологи относятся к старшему и среднему поколению уральских археологов-«каменщиков», если конечно можно назвать средним поколение тех, кому уже за 50. Почти полное отсутствие археологической молодежи – одна из основных проблем современной уральской археологии. Будем надеяться, что так будет не всегда.

Рекомендуемая литература:

Глава 1

Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А. Палеолитоведение: введение и основы. Новосибирск: Наука, 1994.

Деревянко А.П. Древнейшие миграции человека в Евразии и проблема формирования верхнего палеолита. // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – Вып. 2 (22). – С. 22 – 36.

Деревянко А. П., Петрин В. Т., Гладышев С. А., Зенин А. Н., Таймагамбетов Ж. К. Ашельские комплексы мугоджарских гор. Новосибирск, 2001.

Палеоэкология древнего человека. М.: Наука, 1977.

Природа и древний человек. М.: Мысль, 1981.

Алексеев В. П. Становление человечества – М.: Политиздат, - 1984. (переизд. 1994)

Алексеев В. П. Избранное. Т. 1. Антропогенез - М.: Наука, 2007

Алексеев В. П. Избранное. Т. 2. Антропогеография - М.: Наука, 2007

Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. – Нижний Тагил: НГПИ, 2000.

Древняя история Южного Зауралья. Т. I. Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск: ЮУрГУ, 2000.

Зах В. А., Зимина О. Ю., Рябогина Н. Е., Скочина С. Н., Усачева И. В. Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. – Новосибирск: Наука, 2008.

Природные системы Южного Урала. – Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 1999.

Глава 2

Мосин В. С., Никольский В. Ю. Кремень и яшма в материальной культуре населения каменного века Южного Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2008.

Камни Урала. Агат.– Свердловск: Средне-Уральское книжное изд-во, 1982.

- Матюшин Г. Н. Яшмовый пояс Урала. – М.: Искусство, 1977.
Семенов В. Б. Яшма.- Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1979.
Ферсман А. Е. Очерки по истории камня: В 2 томах. – Терра, 2008.

Глава 3

- Семёнов С. А. Развитие техники в каменном веке. - Л.: Наука, 1968.
Семенов С. А., Коробкова Г.Ф. Технология древнейших производств. Л.: Наука, 1983.
Технология производства в эпоху палеолита. Л.: Наука, 1983.
Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А. Палеолитоведение: введение и основы. Новосибирск: Наука, 1994.
Гирия Е. Ю. Технологический анализ каменных индустрий. С.П.Б. «Академ – Принт», 1997.
Коробкова Г. Ф., Щелинский В. Е. Методика микро – макроанализа древних орудий труда. СПб. 1996.
Деревянко А. П., Волков П. В., Петрин В. Т. Зарождение микропластинчатой техники расщепления камня. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2002.
Нехорошев П. Е. Технологический метод изучения первичного расщепления камня среднего палеолита. – СПб: Европейский дом, 1999.

Глава 4

- Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005.
Семенов С. А., Коробкова Г. Ф. Технология древнейших производств. Л.: Наука, 1983.
Глушков И. Г. Керамика как археологический источник. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1996.
Серииков Ю. Б. Проблемы археологии и древней истории Урала. Нижний Тагил: НТГСПА, 2005.
Калинина И. В., Устинова Е. А. Опыт использования метода экспериментального моделирования для технологического анализа керамики (по материалам неолитических памятников Полуденка I и Хуторская стоянка) // АСГЭ. – 1988. – Вып. 29.
Керамика как исторический источник. – Куйбышев: Ин-т археологии, 1991.
Буров Г. М. Древний Синдор. – М.: Наука, 1967.
Народы Западной Сибири. – М.: Наука, 2005.

Федорова Е. Г. Рыболовы и охотники бассейна Оби: Проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб., 2000.

Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992.

Глава 5

Деревянко А. П., Маркин С. В., Васильев С. А. Палеолитоведение: введение и основы. Новосибирск: Наука, 1994.

Соколова З. П. Жилище народов Сибири (опыт типологии). М., 1998.

Поселение Быстрый Кульёган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья. – Екатеринбург–Сургут: Уральское изд-во, 2006.

Беспрозванный Е. М. Мезолит таежной зоны Западной Сибири. (Предварительные итоги изучения) // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. – Екатеринбург, 1997. – Вып. 1.

Борзунов В. А., Кирюшин Ю. Ф., Матющенко В. И. Поселения и жилища эпох камня и бронзы Зауралья и Западной Сибири // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993.

Неолитические памятники Урала. – Екатеринбург: УрГУ, 1991.

Старков В. Ф. Жилища эпохи неолита и энеолита в лесном Зауралье // Изыскания по мезолиту и неолиту СССР. – Л.: Наука, 1983.

Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992.
Древняя история Южного Зауралья. Т. I. Каменный век. Эпоха бронзы. Челябинск: ЮУрГУ, 2000.

Глава 6

Нужный Д.Ю. Об использовании острий и геометрических микролитов // Материалы каменного века на территории Украины. – Киев: Наукова думка, 1984.

Сериков Ю. Б. Проблемы археологии и древней истории Урала. Нижний Тагил: НТТСПА, 2005.

Петрин В. Т., Смирнов Н. Г. Палеолитический памятник в Шикаевке на правом берегу Тобола // ВАУ. – Вып. 13. – 1975.

Косарев М. Ф. Западная Сибирь в древности. – М.: Наука, 1984.

Генинг В. Ф., Петрин В. Т. Позднепалеолитическая эпоха на юге Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1985.

Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992.

Соловьев А. И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003.

Салымский край. Екатеринбург, 2000.

Маршалл Салинз. Экономика каменного века. Москва: ОГИ, 1999.
Чаиркина Н.М. Энеолит Среднего Зауралья. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005.

Глава 7

Головнев А. В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995;

Кулемзин В. М., Лукина Н. В. Знакомьтесь: ханты. Новосибирск, 1992.

Народы Западной Сибири. – М.: Наука, 2005.

История и культура хантов. Томск, 1995.

Очерки истории традиционного землепользования хантов., Екатеринбург, 2002.

Глава 8

Головнев А. В. Говорящие культуры. Традиции самодийцев и угров. – Екатеринбург: УрО РАН, 1995;

Перевалова Е. В. Северные ханты. Этническая история. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004.

Гиренко Н. М. Социология племени. – М.: Наука, 1991

Мердок Дж. П. Социальная структура. Пер. с англ. А.В. Коротаева. – М.: ОГИ, 2003.

История первобытного общества. Эпоха первобытной родовой общины. М.: Наука, 1986.

Кабо В. Р. Первобытная доземледельческая община. – М.: Наука, 1986

Тейяр де Шарден П. Феномен человека. – М.: Наука, 1987

Глава 9

Культовые памятники горно-лесного Урала. – Екатеринбург: УрО РАН, 2004.

Широков В. Н. Уральские писаницы. Южный Урал. – Екатеринбург: УрО РАН, 2009.

Бадер О. Н. Каповая пещера. – М.: Наука, 1965.

Петрин В. Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск: Наука, 1992.

Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. – М.: Наука, 1971.

Широков В. Н. Уральские писаницы. Реки Реж и Ирбит. – Екатеринбург: УрО РАН, 2007.

Широков В. Н., Чаиркин С. Е., Широкова Н. А. Уральские писаницы. Река Тагил. – Екатеринбург: УрО РАН, 2005.

Широков В. Н., Чаиркин С. Е., Чемякин Ю. П. Уральские писаницы.

Река Нейва. – Екатеринбург: УрО РАН, 2000.

Сериков Ю. Б. Камень Дыроватый – уникальное пещерное святилище на р. Чусовой // РА. – 1996. – № 4.

Потемкина Т. М. Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степной Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. – М.: ТОО «Старый сад», 2001.

Столяр А. Д. Происхождение изобразительного искусства. – М.: Искусство, 1985.

Окладников А. П. Утро искусства. – Л.: Искусство, 1967.

Глава 10

Сериков Ю. Б. Шаманские погребения Зауралья // ВАУ. – 1998. – Вып. 23.

Иванов С. В. Орнамент народов Сибири как исторический источник // КСИЭ. М., 1952.

История и культура хантов. Томск, 1995.

Викторова В. Д., Чаиркина Н. М., Широков В. Н. Гора и водоплавающая птица в мировоззрении древнего уральского населения // Уральский исторический вестник. – Екатеринбург: Изд-во ИИА УрО РАН, 1997. – № 4.

Викторова В. Д. Древние угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). – Екатеринбург: УрО РАН, 2008.

Косарев М. Ф. Основы языческого миропонимания. – М.: Ладога, 2003.

Ковалева В. Т. Архаические модели мироздания зауральского населения (по археологическим источникам) // ВАУ. – 2002. – Вып. 24.

Чаиркина Н. М. Антропо- и зооморфные образы энеолитических комплексов Среднего Зауралья. // ВАУ. – 1998. – Вып. 23.

Глава 11

Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова Н. А., 1985. Народы. Расы. Культуры. М.: Наука 272с.

Тишков В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003.

Напольских В. В. Введение в историческую уралистику. Ижевск. 1997.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. – Тбилиси: Издательство Тбилисского университета, 1984.

Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.

Алексеев В. П. География человеческих рас. М., 1974.

Бунак В. В. Род Номо, его возникновение и последующая эволюция. М., 1980.

Народы Сибири. М., Л., 1956.

Глава 12

Петрин В. Т. Палеолитическое святилище в Игнatieвской пещере на Южном Урале. Новосибирск: Наука, 1992.

Бадер О. Н. Уральский неолит. // Каменный век на территории СССР. – М.: Наука, 1970.

Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского междуречья. – М.: Наука, 1981

Крижевская Л. Я. Неолит Южного Урала. - Л.: Наука, 1968.

Бадер О. Н. Каповая пещера. – М.: Наука, 1965.

Брей У., Трамп Д. Археологический словарь. – М.: Прогресс, 1990.

Викторова В. Д., Кернер В. Ф. «Утюжки» с неолитических и энеолитических памятников Зауралья // ВАУ. – Екатеринбург: ВАУ, 1998. – Вып. 23.

Монгайт А. Л. Археология Западной Европы. Каменный век. – М.: Наука, 1973.

Усачева И. В. Утюжки Тоболо-Ишимья: проблемы взаимодействия культур // Зах В. А., Зимина О. Ю., Рябогина Н. Е., Скочина С. Н., Усачева И. В. Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. – Новосибирск: Наука, 2008.

В книге использованы рисунки и отдельные материалы из публикаций следующих авторов:

Бадер О. Н.	Зах В. А.	Петрин В. Т.
Белоногов Д. А.	Зенин В. Н.	Плешаков А. А.
Беспрозванный Е. М.	Кабо В. Р.	Потемкина Т. М.
Викторова В. Д.	Кернер В. Ф.	Савельев Н. С.
Виноградов А. В.	Ковалев Н.	Савченко С. Н.
Виноградов Н. Б.	Ковалева В. Т.	Салинз М.
Вишняцкий Л.Б.	Коробкова Г. Ф.	Семенов В. Б.
Волков П. В.	Косарев М. Ф.	Семенов С. А.
Вохменцев М. П.	Котов В. Г.	Сериков Ю. Б.
Гиренко Н. М.	Крижевская Л. Я.	Скочина С. Н.
Глушков И. Г.	Кузьмина О. В.	Соловьев А. И.
Глушкова Т. Н.	Кулемзин В. М.	Ткачев В. В.
Головнев А. В.	Кюннап А.	Усачева И. В.
Горащук И. В.	Ластовский А. А.	Федорова Е. Г.
Григорьев Г. П.	Луговской И.	Филиппов А. К.
Григорьев С. А.	Лукина Н. В.	Чаиркина Н. М.
Гурина Н. Н.	Маркин С. В.	Чернецов В. Н.
Деревянко А. П.	Матюхин А. Е.	Черных Е. Н.
Добровольская М. В.	Матюшин Г. Н.	Шаманаев А. В.
Долгопольский А. Б.	Мельничук А. Ф.	Широков В. Н.
Еньшин Д. Н.	Молодин В. И.	Шорин А. Ф.
Жилин М. Г.	Мэрдок Д. П.	Щелинский В. Е.
Зайберт В. Ф.	Нехорошев П. Е.	Элиаде М.
Зайцев Е.	Нохрина Т. И.	Юрин В. И.
	Павлов П. Ю.	

а также с сайтов:

http://macroevolution.narod.ru/	http://dino.disneyjazz.net
http://viktor-wind.narod.ru	http://www.polit.ru
http://risk.fatal.ru/	http://ru.wikipedia.org
http://breizh.ru/	http://sciteclibrary.ru
http://www.garshin.ru	http://anthropology.si.edu/
http://www.dinosoria.com	http://www.ihist.uran.ru/
http://www.philipphauer.de	

Словарь терминов

Австралопитек (от лат. – южный и др.-греч. – обезьяна) – группа ископаемых высших приматов; впервые были обнаружены в пустыне Калахари (Южная Африка), а затем в Восточной и Центральной Африке, включает несколько видов: афаренсис, африканус, робустус, бойсов. Существовал в промежутке 4–1 млн. лет назад. Вопрос о том, были ли какие-либо австралопитеки предками людей, или они представляют собой «сестринскую» по отношению к людям группу, не выяснен до конца.

Антропология (от греч. – человек и др.-греч. – мысль, причина) – комплекс дисциплин, занимающихся изучением человека и человеческого общества. Традиционно выделяют физическую антропологию, основной предмет которой составляют человек как биологический вид и его ближайшие родственники – современные и ископаемые человекообразные приматы, а также социальную и культурную антропологию, основным предметом которых является сравнительное изучение человеческих обществ (нередко выделяют также политическую и экономическую антропологию, но обычно их рассматривают как специализированные разделы социальной и культурной антропологии).

Артефакты – материальные остатки жизнедеятельности человеческих коллективов.

Археологическая культура – понятие археологической классификации, отражающее единство археологических памятников, расположенных на конкретной территории в определенный отрезок времени, выраженное в близком сходстве различных категорий артефактов: орудий труда, керамики, архитектуре, погребальном обряде и т. д.

Ашель (1,6 млн. – 150 тыс. лет назад) – эпоха раннего палеолита. Основные разновидности ашеля: классический или северный – с рубилами; южный – с рубилами, чопперами и кливерами; ашельский – без рубил. Первая человеческая культура, покинувшая пределы Африки. В Евразии сменяется мустьерской культурой. Названа по первым находкам в Сент-Ашэле, предместье Амьена во Франции. Древнейшие ашельские стоянки сохранили остатки охотничьей деятельности.

Бифас – орудие, обработанное с двух фасов, т. е. с двух сторон. Под понятием «бифас» понимается преимущественно крупное орудие, сделанное из одного блока материала (гальки, желвака кремня, обломка подходящей породы), реже из крупного отщепа, при помощи обработки с обеих сторон серией крупных и мелких сколов, полностью или на большой площади, освобождающих поверхность от внешней корки. Орудие, имея две выпуклые поверхности, утончается к одному или к двум концам и имеет по краям два длинных ребра-лезвия, обычно слегка зигзагообразных. Форма бифаса бывает разной: треугольно-вытянутой, овальной, миндалевидной, дисковидной и т. д. Классической формой бифаса можно считать ручное рубило.

Болас (от исп. bola – шар) – охотничье метательное оружие, состоящее из ремня или связки ремней, к концам которых привязаны круглые камни, обернутые кожей.

Вкладышевые орудия – составные орудия, в которых в костяной, роговой или деревянной основе резцами прорезался паз, в который затем при помощи различного природного клея вставлялись вкладыши – тонкие, узкие шириной до 1 см кремневые пластинки, подгонявшиеся друг к другу для образования лезвия. Вкладышевые орудия могли быть наконечники, кинжалы, ножи, гарпуны.

Геометрические микролиты – очень своеобразный тип изделий, чаще всего неясного назначения. Свое название получил, потому что пластинкам ретушь придавалась правильная геометрическая форма, на Южном Урале – трапеции или треугольника. Функциональное назначение можно определить только предположительно – наконечники стрел, вкладыши и т. п. Геометрические микролиты в различные периоды каменного века имели очень широкое распространение – от Передней Азии до Западной Европы.

Геоморфология (от греч. – земля + форма + слово) – наука о рельефе, его внешнем облике, происхождении, истории развития, современной динамике и закономерностях географического распространения.

Голоцен (от греч. holos – весь – полный и kainos – новый) (последледниковая эпоха), современная геологическая эпоха, от 10300 тыс. лет назад до наших дней, составляющая последний, незакончившийся отрезок четвертичного (антропогенного) периода геологической истории, и соответствующие ей отложения. Начало голоцена совпадает с окончанием последнего материкового оледенения Северной Европы. Делится на несколько климатических периодов: Пребореал, Бо-

реал, Атлантик, Суббореал, Субатлантик, по системе Блитта и Сернандера.

Горный хрусталь – прозрачная разновидность такого минерала как кварц, по цвету разделяется на прозрачный бесцветный – горный хрусталь, фиолетовый – аметист, дымчато-бурый – раухтопаз и т. д.

Грузила для сетей – изготавливались из сланцевых плиток и других пород камня, округлой или овальной формы, оббитые по краю, и с противоположных сторон.

Керамика – посуда из обожженной глины, появляющаяся на Урале в эпоху неолита – около 8 тыс. лет назад. Сосуды эпохи камня – неолита и энеолита – имеют как горшечную форму с плоским дном, так и форму разрезанного поперек яйца, с округлым или приостренным дном и прямыми или загнутыми внутрь или наружу верхними краями. Изготавливались ручной лепкой из глиняного теста с примесями песка, талька или слюды. Изготовленный сосуд высушивали, а затем обжигали в костре. Внешняя поверхность сосуда орнаментировалась в неолите преимущественно волнистыми прочерченными линиями или отступающими наколами. В энеолите, начиная с 5,5 тысяч лет назад, сосуды украшались оттисками гребенчатого штампа, которые составляли разнообразные геометрические композиции. При раскопках стоянок целые сохранившиеся сосуды практически не встречаются, большинство находок составляют фрагменты керамики – обломки посуды различных размеров.

Кровнородственные группы – группы, в действительности способные проследить родство между собой через конкретные серии хранимых в памяти генеалогических связей вдоль соответствующей (отцовской или материнской) линии родства.

Леваллуа – техника леваллуа возникает в конце ашельской эпохи, наиболее распространена в мустье – изготовление орудий из отщепов, при котором от нуклеуса (ядрища) отбивалось 2–3 отщепа. Для леваллуа характерна тщательная подготовка нуклеуса. Форма заготовки становится более удлиненной и тонкой. Орудие становится близким по форме к треугольнику – остроконечник. Предшествует появлению пластинчатого расщепления – отделения от нуклеуса пластин.

Мезолит (от мезо... и... лит) – этап в развитии древней культуры эпохи камня (10,3–8 тыс. лет назад), переходный от палеолита к неолиту, хронологически неоднородный на различных и в особенности на удаленных друг от друга территориях. Мезолитическое время ха-

рактизируют раннеголоценовые памятники, основой материальной культуры которых является микропластинчатая техника, зародившаяся в позднем палеолите. Наиболее характерными орудиями мезолита являются геометрические микролиты, резцы, острия и др., выполненные из кремневых пластинок.

Мустье – эпоха древнего палеолита (300–30 тыс. лет назад), следует за ашельской культурой (эпохой) и сменяется культурами позднего (верхнего) палеолита. Многими исследователями выделяется под названием «средний палеолит». Для мустьерской техники обработки камня характерны дисковидные и одноплощадочные нуклеусы (ядрища), от которых откалывались довольно широкие отщепы, превращаемые с помощью оббивки по краям в различные орудия (скрёбла, остроконечники, свёрла, ножи и т. д.). Носителями мустьерской культуры были неандертальцы.

Наконечники стрел встречаются очень разнообразных типов. Есть наконечники на пластинках, обработанные ретушью по краям, есть наконечники на отщепах, обработанные сплошной ретушью с обеих сторон – двусторонне обработанные. Очень разнообразны по форме – листовидные, подтреугольные, с черешком, с прямым или вогнутым насадом и т. д. К древку крепились при помощи вяжущего материала и сухожилий животных.

Неолит (от новый, и камень) – новокаменный век (8–5,5 тыс. лет назад), последний период эпохи камня. В Северной Евразии наиболее характерными признаками являются появление керамической посуды и двусторонне обработанных орудий из кремня. Развивается шлифование и сверление камня, прядение и ткачество. Для неолита лесной и лесостепной зоны ведущие виды хозяйства – охота и рыболовство.

Новокалиты («арканзасский камень») – молочно-белые породы с полураковистым изломом, матовым блеском. У археологов – белый кремль.

Нуклеарная семья – первичная ячейка социума. Обычно состоит из находящихся в брачных отношениях мужчины и женщины, а также их детей. У большинства народов мира нуклеарные семьи существуют не изолированно, а в составе более крупных семейных объединений.

Нуклеус (от лат. nucleus – ядро) – ядрище, изготовленное из кремнистой породы, от которого отбивались или отжимались заготовки – пластины или отщепы для изготовления каменных орудий. Нуклеус

всегда имеет ударную площадку, то есть плоскость, специально подготовленную для нанесения удара при отколе отщепов или отжиме пластин. В раннем палеолите использовались дисковидные и черепаховидные нуклеусы для получения отщепов. В позднем палеолите, мезолите, неолите и энеолите Урала распространены конические, карандашевидные и призматические нуклеусы, получившие названия по визуально наблюдаемой форме, которые изготавливались на плитках и желваках кремня и яшмы исключительно для получения тонких призматических пластинок.

Община – это коллектив людей, объединившихся для хозяйственного освоения определенного вмещающего ландшафта и направленного на воспроизводство, как жизнедеятельности, так и самого человеческого коллектива. Община может состоять из семей и отдельных, даже не родственных членов коллектива, делиться по необходимости на хозяйственные и целевые группы.

Олдувай или **Олдовай** (Olduvai, Oldoway) – ущелье на севере Танзании, в 36 км к северо-востоку от озера Эяси. Представляет собой 40-километровую расщелину, идущую вдоль равнин Серенгети в охраняемой зоне Нгоронгоро, глубиной около 100 м и площадью 250 кв. км.

Олдувайская культура (олдованская культура, галечная культура) – наиболее древняя культура палеолита, появляется около 2 млн. лет назад. В археологии под олдуваем понимают древнейшие каменные индустрии, для которых характерно доминирование простых форм изделий из галек и кусков породы – чопперов, чоппигов. Также распространены скребловидные орудия из отщепов. Первые галечные орудия могли изготавливать еще австралопитеки, последние – архантропы.

Орнамент (от лат. ornamentum – украшение) – это узор, состоящий из ритмически упорядоченных элементов.

Орудия на плитках кремнистого сланца, из которых выделяют предметы прямоугольной или близкой к овальной формы с участками режущего края различной длины, расположенные на продольных краях плиток. Края обработаны ретушью с двух сторон, лезвия заглажены и имеют овальный профиль. Клады из таких орудий найдены на стоянках Краснокаменка, Ново-Байрамгулово и др. Некоторые имеют небольшие выемки на противоположных краях и могли использоваться и как режуще-скобящие орудия, и как грузила для сетей. Часто встречаются также различные изделия из камня некрем-

нистых пород – абразивы, «наковальни», отбойники из кварцитовых галек и ретушеры и т. п.

Остеология – учение о костях. Данный раздел изучает скелет в целом, отдельные кости, костную ткань. Как раздел антропологии, изучает закономерности изменчивости скелета в зависимости от половых, расовых и возрастных особенностей и его морфологию.

Острия – пластинки, у которых ретушью на одном конце оформлено острое жало. Острия бывают разной формы – симметричные и скошенные. Использовались как проколки при работе со шкурами и, возможно, в других операциях, связанных с прокалыванием.

Отщеп – фрагмент, отколотый от более крупного камня или нуклеуса ударом или отжимом, что оставляет на нем характерные следы, главный среди которых – ударный бугорок в месте приложения удара, позволяющие без труда отличить изделие человека от природных обломков. Отщеп отличается от пластины тем, что его длина не превышает ширину более чем в два раза. Отщепы являются как отходами при изготовлении орудий, так и заготовками для некоторых типов орудий (например, скребков или наконечников стрел с двусторонней обработкой).

Палеогеография (от гр. палео – древний и география) – наука, изучающая физико-географические обстановки на поверхности Земли в геологическом прошлом.

Палеолит (от палео... и... лит) – древний каменный век, первый период эпохи камня: от возникновения человека (около 2 млн. лет назад) до 10300 лет назад. Делится на древний (нижний) палеолит – время существования древнейших людей, и поздний (верхний) палеолит – время возникновения человека современного типа.

Палинология (от греч. – тонкая пыль) – комплекс отраслей наук (в первую очередь ботаники), связанных с изучением пыльцевых зерен и спор. Многие исследователи определяют палинологию как самостоятельную науку о пыльце и спорах, их рассеивании и применении.

Пилки – пластинки с оформленными характерной пильчатой ретушью боковыми гранями со стороны брюшка или, реже, со спинки. Близкими к пилкам является серия изделий из пластинок с зубчато-выемчатыми краями, оформленными крутой ретушью с брюшка.

Писаницы – монументальные изображения, выполненные на скальных обнажениях красной краской различных оттенков. Рисунки выполнялись либо пальцем, либо каким-то инструментом, практически все линии имеют ширину от 1 до 2 см, только в некоторых

случаях достигают ширины 4–5 см. Наносились изображения либо непосредственно с земли, либо с искусственных сооружений, которые позволяли рисовать на высоте более 3 м. В некоторых случаях можно утверждать, что изображения создавались в то время, когда реки были скованы льдом. Тематически в наскальных изображениях Урала представлены рисунки зверей, птиц, человеческих и человекообразных существ, различные геометрические фигуры.

Планиграфия – в археологии способ документирования археологического раскопа, когда найденные объекты представлены, как относящиеся к определенному горизонтальному срезу.

Пластины – продукты расщепления нуклеуса с параллельными краями и гранями, длина которых превышает их ширину не менее чем в два раза. Для Урала в позднем палеолите, мезолите, неолите и энеолите характерны тонкие призматические пластинки с острыми краями, треугольные или трапециевидные в сечении, которые использовались как заготовки для различных орудий, или как орудия без дополнительной обработки (например, ножи), или как вкладыши для составных орудий. Та сторона пластинки, по которой проходят грани, называется спинкой, противоположная гладкая сторона, по которой пластинка откалывалась от нуклеуса, называется брюшком. Для обработки пластин и изготовления орудий использовалась ретушь.

Пластинки с выемками – пластинки, на боковых гранях которых ретушью оформлены одна или две небольшие выемки. Использовались как скобели для обработки древков стрел.

Пластины с ретушью – наиболее распространенный тип орудий. Ретушью чаще всего подправлялись только края пластин. Использовались для различных видов работ: резания, скобления, строгания.

Резцы – орудия для прорезания пазов для вкладышевых орудий, разрезания кости, дерева и т.п. Рабочее лезвие практически идентично по форме и назначению современным металлическим резцам.

Ретушь (от франц. *retouche* – исправление) – способ обработки пластины или отщепа для получения определенной формы или рабочего лезвия орудия. Бывает краевая ретушь, нанесенная только по самому краю или сплошная – покрывающая всю плоскость заготовки. Ретушь наносится или посредством удара (ударная ретушь на ранних этапах каменного века) или посредством отжима (отжимная ретушь) очень мелких, в несколько миллиметров, тонких чешуек. Ре-

тушь наносилась под разными углами – от приостряющей до притупляющей – вертикальной.

Род (клан, линидж, родовая половина, фратрия, септ, сиб) – родственные группы, появляющиеся в результате линейного счета родства, патрилинейного – по линии отца или матрилинейного – по линии матери. Экзогамная группа людей, объединенных кровнородственными, социально институционализированными связями.

Сверла – орудия на пластинах, один конец которых обработан таким образом, что образуется рабочее лезвие с разворотом граней, идентичным современному сверлам. Использовались для сверления камня, кости, дерева, керамики.

Семья – это социальная группа, характеризующаяся совместным проживанием, экономической кооперацией, совместным участием в биологическом и социальном воспроизводстве. Она включает в себя взрослых индивидов обоих полов (как минимум двое из которых состоят в социально одобряемых сексуальных отношениях) и детей (собственных и/или приемных) взрослых членов семьи, поддерживающих между собой сексуальные отношения.

Скребки – орудия на пластинах и отщепях, предназначенные для выделки шкур, обработке скоблением кости и дерева. Одна из основных операций – соскабливание мездры с внутренней стороны шкур животных. Шкуры разных видов животных перед использованием их в качестве поделочного материала нуждаются в значительной обработке. При этом в механической обработке шкур правомерно выделить две одинаково важные стадии: первичную, или начальную, включающую в себя операции обезжиривания и мездрения, и чистовую, конечную, стадию, когда обрабатываемые шкуры доводятся до состояния мягкого меха или замши путем пушения имеющейся на них бахромы. Начальная обработка требуется почти для всех шкур, предназначенных для изготовления одежды и других изделий, так как на шкурах после снятия с туши остаются прорезки мяса, жира и мездра, образующие нередко толстый скоропортящийся слой, подлежащий незамедлительному удалению. Скребки встречаются очень часто и очень разнообразны по размерам и форме, что зависело от специализации операций, например, разные наборы скребков для обработки шкур белки и лося. Скребки бывают разных форм: концевые на пластинках, округлые, подтреугольные, стрельчатые и т.п. на отщепях. Скребки могли вставляться в рукоять или использоваться непосредственно зажатými в руке.

Сообщинность – это совокупность (группа) общин, как основных первичных социумов, осуществляющих свою жизнедеятельность в определенном вмещающем ландшафте, и связанных между собой системой брачно-семейных связей в рамках нескольких родовых структур.

Стратиграфия – в археологии стратиграфией называют взаимное расположение культурных слоев относительно друг друга и перекрывающих их рыхлых пород, установление которого имеет важность для датирования находок (стратиграфический метод).

Топор (тесло, долото) – рубящие орудия, изготавливались преимущественно из более мягкой, чем кремень сланцевой породы, которая легче поддается шлифованию. Они или полностью зашлифованы, или пришлифовано только лезвие, обушок оформлен оббивкой. Бывают топоры и из кремнистых пород, тогда они обработаны оббивкой и ретушью с обеих сторон.

Трасология (от франц. – следы и греч. – слово, учение; буквально – учение о следах). Трасологический сравнительный анализ касается конфигурации, размеров следа в целом и отдельных его частей, рельефа поверхности и др.; осуществляется с применением микроскопирования, фотографирования, профилирования с использованием современных технических средств.

Фтанитоиды – внешне похожи на фтаниты, но менее темные, обычно с синеватым, голубоватым и зеленоватым оттенками. Археологами обычно обозначаются как яшма различных оттенков – серая, серо-зеленая, синеватая и т.п. Основные структурные и текстурные особенности у них тоже сходны, но фтанитоиды несколько лучше раскристаллизованы.

Фтаниты (лидиты) – темные, иногда почти черные, которые в археологии обозначаются как черный кремень. Это твердые породы с блестящим стекловатым, шелковистым или матовым блеском, прямым или чаще раковистым изломом.

Халцедон является криптокристаллической разновидностью микроволокнистого кварца, содержащей некоторое количество аморфного кремнезема. Окраска халцедона разнообразная, чаще молочно-белая и голубовато-зеленоватая, бурая, красная, реже черная, нередко полосчатая и пятнистая.

Четвертичный период или **антропоген** – геологический период, современный этап истории Земли, завершает кайнозой (на данный момент). Начался 2,588 миллионов лет назад, продолжается

по сей день. Это самый короткий геологический период, но именно в четвертичном периоде сформировалось большинство современных форм рельефа, и произошло множество существенных событий в истории Земли (с точки зрения человека), важнейшие из которых: ледниковая эпоха и появление человека. Четвертичный период подразделяется на плейстоцен и голоцен.

Чоппер / чоппинг (от англ. chopper – удар, рубящий; нож, колун) – одно из первых орудий человека. Эти первые орудия просто гальки, оббитые с одного конца. Именно такие заостренные грубыми сколами орудия и были найдены близ останков *Homo habilis*.

Экзогамия – запрет брачных отношений между членами родственного (род, фратрия) или локального (например, община) коллектива.

Эласмотерии (*elasmotherium*) – род ископаемых носорогов. Жили в плейстоцене. Длина тела до 4,5 м, высота в холке около 2 м. Череп с сильно заостренными впереди носовыми костями. Глазницы широко расставлены, лобная часть черепа в виде большого купола, покрытого толстой кожей; возможно, на ней имелся крупный рог. Резцы и клыки отсутствуют. Конечности трехпалые. Жили, вероятно, в степи, в речных долинах и по берегам озер; питались сравнительно жесткой растительностью. Были широко распространены на юге Сибири и Европейской части России, где многочисленны их остатки.

Энеолит (от лат. *asneus* – медный и греч. *lithos* – камень) – халколит, медно-каменный век, время перехода от каменного века к бронзовому (5,5–4 тыс. лет назад).

Яшма – твердые породы с раковистым изломом, шелковистым или матовым блеском. Они чаще красные разных оттенков, зеленые или пестроцветные – красные тона чередуются с зелеными, желтыми, лиловыми. Изредка встречаются темно-коричневые и почти черные тона, образующие линзы и пятна среди красных или зеленых.

Homo habilis – человек умелый – первый представитель рода *Homo*. Обнаружен археологами Лики (Мэри и Джонатаном) в 1960 году и описан в 1964 году по сенсационной находке из ущелья Олдувай в Танзании. Человек умелый, судя по найденным останкам, датированным 2,6–1,5 млн. лет назад.

Homo erectus* / *ergaster – человек прямоходящий / трудящийся, имел названия – питекантроп – прямоходящий обезьяночеловек, яванский человек, пекинский синантроп – ископаемый вид людей, который рассматривают как непосредственного предшественника

современных людей. Время существования около 1,6–0,2 млн. лет назад.

Homo sapiens – человек разумный – единственный живущий вид рода Homo семейства гоминид отряда приматов. От современных человекообразных, помимо ряда анатомических особенностей, отличается значительной степенью развития материальной культуры (включая изготовление и использование орудий), способностью к членораздельной речи и абстрактному мышлению. Совокупность человеческих индивидов называют человечеством.

Homo sapiens neandertal – неандерталец – ископаемый вид людей (палеоантропов), обитавших 300–24 тыс. лет назад. Современные ученые больше не считают неандертальцев предками современных людей, поскольку многие тысячи лет эти два вида сосуществовали вместе. В 2006 году удалось расшифровать гены неандертальцев, в результате чего выяснилось, что генетическое расхождение между современными людьми и неандертальцами составляет 500 тысяч лет.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научно-популярное издание

Вадим Сергеевич Мосин

Древние охотники Урала
(археология и жизнь)

Рекомендовано к изданию Ученым советом
Института истории и археологии УрО РАН

Редактор Т. Дудник

Художник А. Разбойников

Набор М. Загирная

Компьютерная верстка и дизайн В. Чесноков

Формат 60X 84 1/16. Усл. печ. л. 32. . Тираж 1000

Отпечатано с оригинал-макета заказчика
ФГУН «Издательство «Челябинский Дом печати»
454000, г. Челябинск, Свердловский пр., 60